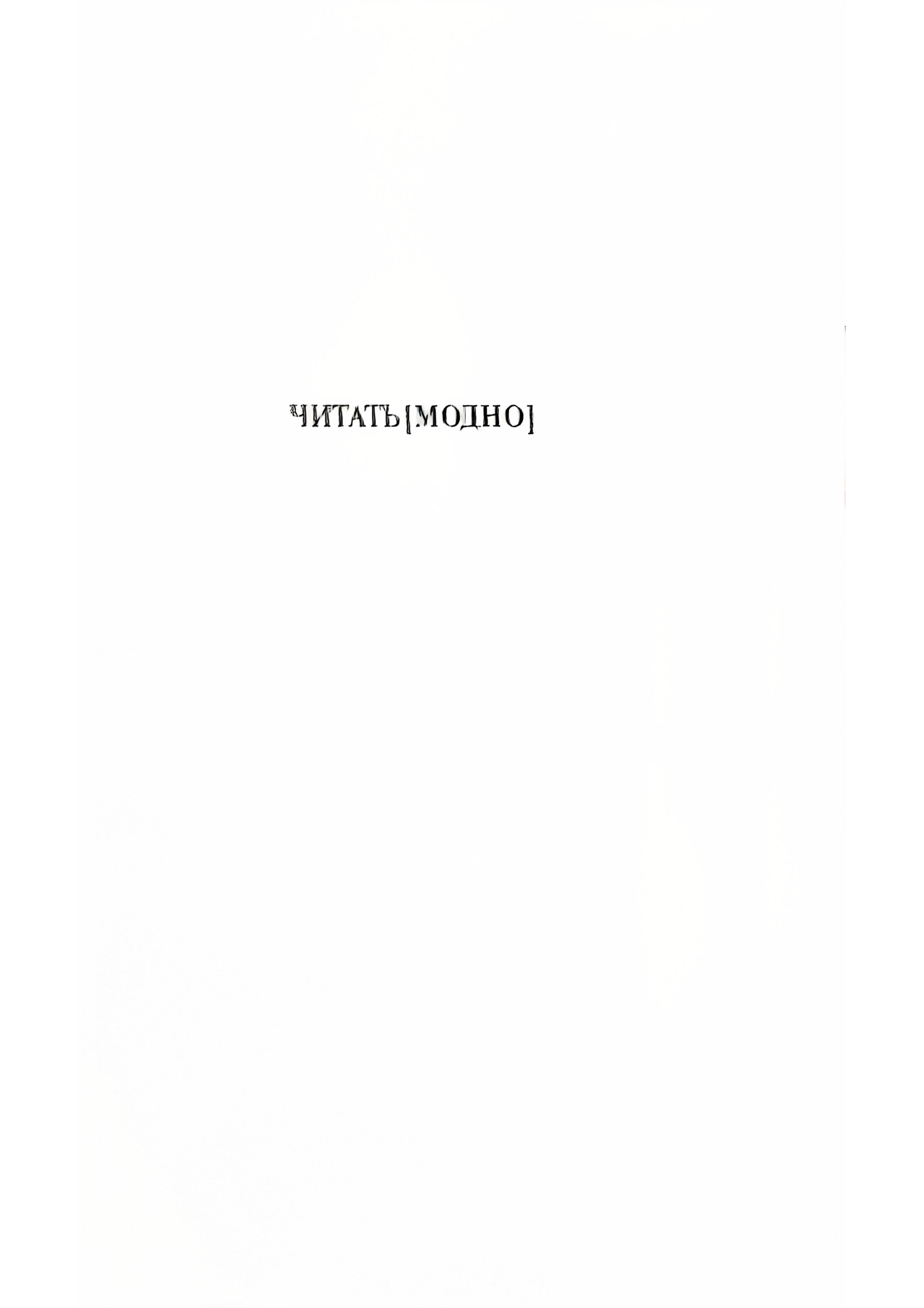
издательство
амфора
Эдуард
Володарский
Страсти по Чапаю
РОМАН



ЧИТАТЬ [МОДНО]

Эдуард Володарский

СТРАСТИ ПО ЧАПАЮ

Санкт-Петербург
АМФОРА
2007

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
В 68

Володарский, Э.
В 68 Страсти по Чапаю : [роман] / Эдуард Володарский. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 495 с. — (Серия «Смотрим фильм — читаем книгу»).
ISBN 978-5-367-00424-3

Василий Иванович Чапаев относится к числу тех исторических деятелей, интерес к которым не угасает с течением времени. В мастерски написанном романе Эдуарда Володарского легендарный начдив Красной Армии, ставший подлинно народным любимцем, предстает куда более сложной и интересной фигурой по сравнению с образом, вошедшим в пантеон героев официальной советской мифологии.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-367-00424-3

ГЛАВА 1

Летние вечера на Волге теплые и светлые. Сонный городок стоял на высоком крутом берегу, городок купцов, ремесленников, рыбаков и бурлаков. Светили редкие огни, откуда-то издалека плыла протяжная мелодия, исполняемая на гармони. Черными тушами застыли у пристани груженые баржи, на берегу горели костры и бурлаки варили в закопченных чанах ужин, сизый дым стелился над спокойной темной водой, смешиваясь с клочьями тумана. Бурлаки толпились у костров, и артельщик черпаком разливал варево по большим мискам. В отсветах пламени мелькали лица, бородатые, темные от загара, с блестящими глазами. Слышался смех. На черном бархатном небе пылали гроздья голубых звезд.

Остроносые лодки и баркасы выстроились в шеренгу у самой воды, из одной лодки раздавались приглушенные голоса — парня и девушки:

— А ты нырять глубоко боишься? — спрашивала девушка.

— Не, не боюсь... — отвечал парень.

— Ладно врать-то! — хихикнула девушка. — А ты нырял глубоко?

— Да сколько разов! Хошь, щас нырну, а ты считать будешь?

— А водяной за ноги схватит? — поддразнил лукавый голосок.

— До двадцати разов досчитаешь, а я все под водой буду, хошь?

— Да ладно, не надо, я тебе верю...

— Ну-ка, гляди! — Из лодки выбрался вихрастый паренек. Он был в белой рубахе и черных портах.

За ним из лодки поднялась девушка, худенькая, но плечистая, с длинной толстой косой. Она успела схватить парня за руку, остановила:

— Не надо, Вася... я тебе и так верю...

— Нет, давай считай, Настена! — Василий вырвал руку и побежал к воде, на ходу стаскивая с себя рубаху.

Настя вылезла из лодки и тоже пошла к воде. По реке тянулась широкая лунная дорожка, шевелилась, словно живая, отливала голубым серебром.

Василий разделся, и в темноте молочным пятном забелело голое тело.

— Считай, Настюха-а! — крикнул он и с разбегу кинулся в воду, поднимая алмазные брызги.

Настя тоже вошла в воду почти по колено и проговорила радостно:

— Теплая-а... как парное молоко...

Она смотрела, как Василий плывет по серебристой дорожке. Искрились в лунном свете брызги, отчетливо виднелась черная голова. Вот он перестал загребать руками и замер.

— Давай считай, Настена-а! — крикнул парень и, взметнув фонтан брызг, исчез под водой.

— Раз... два... три... четыре... пять...

Девушка смотрела на черную безмятежную гладь, и ее все больше и больше охватывало беспокойство.

— Степа-а-ан! — донесся окрик от одного из костров.

— Чево-о? — лениво отозвался другой.

— Ты сапоги мои не бра-а-ал?!

— У меня свои е-есть!

— Семнадцать... восемнадцать... девятнадцать... — сосчитала Настя и закричала в страхе: — Вася-а! Где ты-и?! Ой, господи, Вася-а! Чапаев! Где ты-и?!!

Кругом царили тишина и безмолвие, вода была неподвижна, яркая зеленая луна смотрела с неба... Насте сделалось страшно, она зашла в воду глубже, так что поплыл подол платья, всхлипнула и протянула жалобно, со слезами:

— Вася-а... Васенька-а... где ты?

— Да тута я, тута! — Василий уже давно бесшумно вынырнул у самого берега, рядом с Настей и смеялся, глядя на девушку.

— Ой, ну тебя! — обиженно взмахнула рукой Настя, оступилась и упала в воду.

Василий кинулся к ней, помог подняться из воды, забыв, что он голый. Он обнял девушку, прижал к себе, и Настя сама прильнула к нему, только пробормотала, пряча лицо у него на груди:

— Ты что делаешь, бесстыдник...

— Я ж люблю тебя, Настюша... ей-богу, крепко люблю... я жениться на тебе хочу...

— Тятенька твой против будет... — глухо отозвалась Настя, все так же пряча лицо у него на груди.

— Почему это будет против? Ничего не будет.

— И Кузьма Филиппыч против будет...

— А этому борову чего надо?

— Потому что я сирота безродная... у Кузьмы Филиппыча из милости живу...

— Ничо, мы на твово Кузьму Филиппыча управу найдем... — нахмурился Василий, осторожно взял в

ладони ее лицо, стал целовать в глаза, щеки, пробормотал: — Вот церкву достроим и поженимся... Ты верь мне, Настюша, мое слово верное...

Плотники обедали. Они сидели на бревнах возле строящегося деревянного храма, еще одетого в строительные леса. Возвели его на просторной площади волжского городка, и окружали площадь трехэтажные каменные и бревенчатые дома, купеческие лавки, амбары с коновязями, трактир и несколько шинков для заядлых пьяниц. Собственно, храм был уже почти готов, даже купол аккуратно обшит тонкими досками. Крутобокие смолистые бревна сияли в лучах теплого солнца, высокие узкие окна темнели провалами, сквозь которые проглядывало внутреннее устройство храма — переплетения стропил и поперечных балок, стянутых коваными металлическими скобами. Рядом со строением валялись комья деревянной стружки и горы щепы, громоздились ящики с большими промасленными гвоздями, скобами, гнутыми железными обручами, лежали распиленные и ошкуренные целиковые бревна, ровные обструганные доски, короткие и длинные, и разный плотницкий инструмент — топоры, пилы и багры с короткими рукоятками. Тут же телеги, груженные рулонами с толем, рогожей и войлоком, тюками с паклей и другими материалами, приготовленными для строительства.

Чуть в стороне горел костер, и над огнем висел большой закопченный чан, в котором медленно кипела, вспухала пузырями черная смола. Бородатый мужик в просторной полотняной рубахе и кожаном фартуке помешивал смолу черпаком на длинной палке.

Василий Чапаев обедал вместе с остальными. Его открытое, красивое, со смышлеными серыми глазами лицо было задумчивым. Среднего роста, плечистый малый, с сильными натруженными руками, он ничем не выделялся среди мастерового люда. Плотники деревянными ложками черпали из глубоких мисок наваристую похлебку и откусывали от больших ломтей пышный свежий хлеб. Самый старший, Макар Иванович, могучий пожилой мужик с окладистой бородой, ел степенно и, проглотив очередную ложку похлебки, оглядел вознесшийся в небо храм, словно оценивал работу:

— Ничо... славно поработали... ничо...

— А вона слева-то карниз чтой-то кривовато глядится, а, Макар Иваныч? — спросил шустрый худой и жилистый плотник.

— Сам ты кривоватый... — хмурясь, отозвался Макар Иваныч. — Ты гляди мимо рта не пронеси, оценщик хренов.

— А вон гляди лучше — слева семь кругляшей уложено, а справа-то — шесть. Вот и получается... левый карниз крен дает.

— А ты работай лучше, со старанием, штоб тебя подгонять не приходилось...

— Да как ни работай, ты все одно недоволен будешь, Макар Иваныч, — обиженно пробурчал жилистый плотник, выскребая со дна миски остатки похлебки.

Василий Чапаев посмотрел вверх на купол церкви, усмехнулся и ничего не сказал.

К обедавшим плотникам подошел брат Василия Григорий, негромко поздоровался со всеми, присел возле Васи.

— Ты чего? — спросил Василий, отправляя в рот ложку.

— Письмо пришло, — хмуро ответил Григорий. — Расстреляли нашего Андрюху...

— К-как расстреляли?.. Ты чего мелешь, Гриша? — Василий поперхнулся, выронил ложку, захлопал глазами. — Он же воюет... в армии

— В письме написано. Казенное письмо-то... В Маньчжурии расстреляли, военно-полевой суд... так-то вот, братушка...

— Кого расстреляли? — спросил сидевший рядом Макар Иваныч.

— Брата старшого... Андрея...

— Ах ты-и... убил кого, что ли? — охнул Макар Иваныч.

— За антиправительственную пропаганду, — жестко отчеканил Григорий.

— За какую такую пропаганду? — не понял Макар Иваныч.

— Покламации небось кидал... — пояснил другой плотник. — Спроть царя... спроть помещиков да заводчиков.

— Да разе за это можно стрелять? — еще больше оторопел Макар Иваныч.

— Видать, по армейским законам можно, — вздохнул плотник.

— Отцу сказал?

— Сказал... плачет, ругается...

— А как же... кто похоронил-то? — растерянно глядел на старшего брата Василий.

— Кто стрелял, тот и похоронил... — криво усмехнулся Григорий.

— Соборовали? Отпевали? — допытывался младший.

— Государственных преступников не положено ни соборовать, ни отпевать, — тяжело выговорил Макар

Иваныч и поднялся. — Так вот без покаяния и предстанет перед Господом...

— Гляди, вот и тебя с твоими прокламациями застукают, — шепотом проговорил Василий брату. — Допрыгаешься...

— Ничо... — нахмурился Григорий. — Мы как-нибудь побережемся...

— Будя, Василий. Братца ишшо помянете, — строго сказал Макар Иваныч. — А при мне чтоб боле разговоров об нем не было... Небось он про вас и не думал, когда прокламации свои раскидывал... — И Макар Иваныч ушел.

Братья молчали.

На кухне трактира, в чаду и дыму орудовали три толстые поварихи. На большой плите теснились чугуны и кастрюли. Поварихи помешивали черпаками в кастрюлях, мяли колотушками в чугунах сваренную картошку, подливали воды, бросали в варево укроп, нарезанный лук, петрушку и другую зелень.

В дверях стоял пузатый трактирщик Кузьма Филиппович, зорко наблюдая за работой. Фигуру он собой представлял монументальную — высокий и толстый, с густой черной бородищей, в хромовых сапогах, жилетке и просторном пиджаке. Из одного кармана жилетки в другой через все пузо тянулась толстая золотая цепь. Он смотрел, как Настя выкладывала из большой кастрюли в ведро куски поджаренного мяса и картофельное пюре.

— Хватит, хватит, обожрутся! — сказал трактирщик, и девушка покорно отставила кастрюлю с мясом, накрыла ведро крышкой и понесла из кухни.

Когда она проходила мимо хозяина, тот вдруг облапил ее большими ручищами, притянул к себе, тискает:

— Ишь ты, худенькая, а титьки как у коровы дойной, гы-гы-гы...

— Не надо, Кузьма Филиппыч... ой, что вы делаете...

— Вечерком загляну к тебе, Настена... — прошептал девушке в ухо трактирщик.

— Ой, не надо, пустите! — Она с трудом вырвалась, едва не уронив ведро, и почти выбежала в темноту трактира.

— Гы-гы-гы... — засмеялся трактирщик, идя за ней следом.

— От прицепился к девке, хряк поганый, — зло проговорила одна из поварих.

— Потешится да отпустит... — сказала другая. — Поди, не первая...

— Уж я б ему потешилась — глаза б выколола! — откликнулась третья.

— Да куды ж она от него денется? Выгонит — куды пойдет?

— Такая наша бабья доля — терпим паскудников и терпим...

Настя вышла из трактира с ведром в одной руке и белым узлом в другой, за ней — священник отец Михаил в черной рясе с серебряным крестом на груди. Они направились через площадь к строящейся церкви. Отец Михаил вышагивал широко и быстро, и девушка едва поспевала за ним — ведро было тяжеленное.

— ...Слышь, Васька, — сказал Григорий. — Ты узелок в Потанино не снесешь? А то мне не с руки, меня тамошний пристав знает...

— Не, Гриш, ты меня в свою революцию не путай, — решительно отказался Василий, — мне твои дела ни к чему... Да и тебе тоже... Хочешь, чтоб тебя и меня — как Андрюху? А с отцом хто останется? Шел бы к нам в артель. Божеское дело — церквы строить...

— Понятно, — вздохнул Григорий и поднялся. — Спасибо, братушка, век не забуду... — И Григорий быстро пошел прочь от строящейся церкви, но вдруг обернулся и выругался: — Бараны богомольные!

— Сам такой! — запальчиво крикнул в ответ Василий.

...Отец Михаил и Настя подошли к церкви. Василий с улыбкой глядел на Настю — как она поставила ведро с мясом и картошкой, рукой убрала прядь светлых волос со лба, спросила с улыбкой:

— Как похлебка, плотники? Добавки не требуется?

— Ох, хороша похлебка! — густым голосом отозвался Макар Иваныч. — Наваристая, ажник колом ложка стоит!

— Теперь мясца отведайте! С картошечкой! Еще кваску медового принесу! Трактирщик Кузьма Филиппыч от себя велел прислать!

— Благодарствуем, Настенушка! Ты у нас прям как солнышко ясное! Глянешь — и всем на душе тепло и хорошо! — быстро заговорил жилистый плотник, стреляя в ее сторону шустрыми глазками. — Вот жениху счастье привалит!

— Ох, мели, Емеля, — твоя неделя! — засмеялась Настя и махнула на него рукой. Она поставила ведро перед старшим, Макаром Иванычем, положила полотняный узелок с хлебом, помидорами и огурцами: — Кушайте на здоровье! Храни вас Христос!

— Благодарствуем, Настена! Спаси тя Христос... — хором отвечали плотники.

Только Вася Чапаев молчал, смотрел во все глаза на девушку и даже рот открыл. Когда Настя проходила мимо, он ловко схватил ее за руку и сказал негромко:

— Сегодня на реку придешь?

— Хозяин не пускает... — нахмурилась Настя. — Лучше не жди...

Отец Михаил зашел внутрь строящейся церкви, ладонью оглаживал смолистые бока бревен, смотрел наверх, по сторонам и вновь гладил руками, ощупывал. Сквозь ребра купола виднелось чистое, иссиня-голубое небо.

В это время к церкви подъехала запряженная телега. Сивый мерин остановился недалеко от костра, опустил пегую голову и сразу задремал. С телеги слезли двое мужиков, стали вытаскивать большой, из мореного дуба крест. Дерево было пропитано лаком и светилось на солнце. Мужики, кряхтя, потащили крест с мешков, набитых сеном. Возница принялся им помогать. Втроем они отнесли крест к церкви, прислонили к стене.

Плотники, забыв про еду, подошли поближе, стали разглядывать. Настя тоже приблизилась посмотреть на такую красоту.

Отец Михаил перекрестился и вышел из храма, затем оглядел его снаружи, закинув голову. Смотрел долго. К нему подошел бригадир Макар Иваныч, спросил:

— Как труды наши, батюшка? Одобряешь?

— Лепота... — ответил отец Михаил, потом опустил голову и строго посмотрел на бригадира. — На Медовый Спас сам владыко глядеть прибудет. А вы все копаетесь. Медленно, ох, как медленно работаете, мужики. Ублажаешь вас, ублажаешь...

— Так ведь стараемся, потому и медленно... — развел руками плотник. — Тут ведь как — бревнышко к бревнышку, чтоб ни щелки, ни зазоринки...

— Крест нынче поднимать будете? На куполе все готово?

— На куполе все готово... да верхолаз наш, Митька Кобылкин, стервец, захворал, батюшка, — виновато отвечал Макар Иваныч. — Запил, попросту говоря. Некому поднимать.

— Ну как так можно?! — возопил священник, воздев к небу руки. — Богоугодное дело делает и — запил! Ну что за народ, прости Господи! Давно запил?

— Пятый день пошел.

— И долго будет?

— Еще пяток дней мучиться будет, это уж дело известное... — бригадир невесело вздохнул.

— Проклянет его владыко, помяни мое слово, проклянет! — пригрозил отец Михаил.

— Нешто владыко не войдет в положение раба Божьего?

— Он не раб Божий! Он пьяница забубенный! — зло перебил священник.

— Да я крест подыму, чего там, батюшка! — вдруг раздался голос Василия Чапаева, и он шагнул к отцу Михаилу. — Раз такое дело...

— Куды ты лезешь, Васька? — не на шутку рассердился Макар Иваныч. — Ты хоть раз крест подымал, щенок?

— Любое новое дело в первый раз делается, — улыбнулся Василий.

— А чего? — весело сказал жилистый плотник. — Васька по деревьям не хужей кошки лазает!

— Сумеешь? — Отец Михаил внимательно разглядывал Васю Чапаева.

— Попытка не пытка, ответ не спрос, — лихо ответил тот.

— Пять целковых получишь, — пообещал отец Михаил.

— Не надо, Вася... — тихо сказала Настя. — Убьешься.

— Да не, Настюша, — вновь улыбнулся Василий. — Чему быть, того не миновать...

— Настюха-а! — раздался крик трактирщика Кузьмы Филипповича. — Ты где там прохлаждаешься-а, сте-е-ервь! Кто работать буде-ет!! — Разъяренный трактирщик грозил кулаком.

Настя подхватила пустое ведро из-под похлебки и бегом кинулась через площадь.

Отец Михаил достал из кармана под рясой бумажный пакетик и сказал Василию:

— Ну-к, подставляй ладони.

— Зачем?

— Подставляй давай!

Василий подставил ладони. Священник насыпал ему в руку светло-желтый порошок, приказал:

— Теперь разотри хорошенько...

Василий с недоумением стал растирать порошок ладонями, проговорил:

— Липкие руки стали... ажник хрустят.

— Когда крест хватать будешь, рука не соскользнет, — улыбнулся священник. — Это хороший порошок. Канифоль называется.

...Крест пристегнули ремнями к спине, для надежности веревки пропустили под мышками. За пояс засунули топор и молоток. Крест был тяжелый, возвышался над головой парня, но Василий с натугой выпрямился и медленно зашагал к лесам.

— Не робей, Васяня! — весело сказал жилистый плотник. — Пять целковых на дороге не валяются!

Задрав головы, плотники и священник наблюдали, как Василий взбирался по лесам все выше и выше к куполу.

— От нахальный стервец... — пробормотал Макар Иваныч. — Лезет и лезет...

Василий поднимался по лесам, пот заливал ему глаза, тяжелый крест за спиной тянул назад, и приходилось изо всех сил хвататься за перекладины. Вдруг одна из них предательски затрещала и переломилась, рука мелькнула в воздухе, и парня сильно повело назад — едва не опрокинулся. Казалось, еще секунда, и он рухнет вниз. Василий замер, чуть переступил ногами, напрягся, держась одной рукой за другую перекладину. Потом ухватился второй рукой за ту, что повыше, подтянулся. Тяжеленный крест медленно пришел в вертикальное положение. И Чапаев вновь стал подниматься.

Наконец он добрался до купола, пролез меж купольных «ребер», потом осторожно отстегнул один ремень и тут же закрепил его на ребре купола, отстегнул второй, третий и сделал то же самое. Теперь дубовый крест был надежно привязан. Освободившись, Василий забрался на вершину купола, сел верхом на одно из деревянных ребер и двумя руками стал осторожно поднимать, вытягивать крест наверх. Здесь, наверху, гудел ветер, и крест раскачивался; если б не ремни, Чапаеву его не удержать...

Стоявшие внизу плотники, священник и десятка два зевак смотрели, затаив дыхание, как ставшая маленькой фигурка копошилась на церковном куполе, а над ней возвышался большой темный крест.

Из трактира выбежала Настя и, прижав руки к груди, засмотрелась на фигурку на куполе церкви...

Вот человечек наверху установил крест в центр купола. Крест вдруг покачнулся, стал угрожающе крениться в сторону.

— О-о-ох... — выдохнули внизу.

Но, видно, снова помогли ремни — не дали кресту упасть. Василий опять выпрямил его и вставил основанием в железную трубу, торчавшую в центре купола и уходившую далеко вниз. Крест встал твердо и теперь стоял неподвижно.

Василий улыбнулся, рукавом рубахи утер мокрое от пота лицо и победоносно посмотрел вниз.

Настя запрыгала на месте и захлопала в ладоши. Загудели внизу плотники и зеваки-мужики, что-то кричали и махали руками.

Василий вдруг встал во весь рост на куполе, простер руки к синему небу, закричал:

— Настя-а-а!! Настюха-а!!

Вдруг закружилась голова, и ветер помог — парень пошатнулся, одна нога скользнула по крутобокому ребру купола...

— А-а-ах! — выдохнула толпа внизу.

— А-а-а! — завизжала Настя и закрыла лицо руками.

И Кузьма Филиппыч, выскочивший из трактира, чтобы задать трепку Насте, замер, открыв рот, и смотрел...

...как фигурка человека все быстрее и быстрее падала вниз, проламывая настил лесов, подпрыгивая от ударов и переворачиваясь, и следом за фигуркой валились обломанные доски...

Он грохнулся прямо на телегу, на которую были навалены кули с паклей, подлетел вверх и тут же утонул в этих кулях.

Настя бросилась было бежать к церкви, но трактирщик поймал ее за руку, отвесил оплеуху и потащил за собой в трактир.

Плотники, священник и мужики кинулись к телеге, раскидали кули. Василий лежал с закрытыми глазами и не шевелился. Из рассеченной губы сочилась кровь, рубаха на плече была порвана, в прорехе виднелось кровавое пятно.

— Василий! Чапаев! Ты живой иль помер?! — Его трясли за плечи, пытались приподнять, все галдели, перебивая друг друга:

— Переломался небось весь, живого места нету!

— Вон кровь на морде и на рубахе, гляди!

— Переломаешься тут — с такой верхотуры загреметь!

— От черт непутевый! И чего полез? Чего полез?

— Да он завсегда такой — наперед батьки лезет!

— Ну, че разорались-то? — Василий открыл глаза, стал медленно приподниматься. — Живой я, живой!

— Ну, парень, ты в рубашке родился! — воскликнул жилистый плотник.

— Пакля... — сказал Макар Иваныч, щупая мешки с паклей. — Пакля его спасла...

— Господь тебя спас, — возразил отец Михаил, заглянув в глаза Василию. — Ибо богоугодное дело совершил... и завсегда так живи, отрок, — совершай дела праведные, и Господь тебя любить будет...

Василий слез с телеги, с трудом разогнулся — земля плыла перед глазами. Он постоял, улыбнулся плотникам:

— Ничо, мужики... до свадьбы заживет...

— И чего теперь? — спросил отец, сидя за столом и глядя на Григория и Василия.

— А ничего... — с вызовом ответил Григорий. — Им еще аукнется, сатрапам проклятым! За все смерти борцов ответят!

— Кто ответит? Какие такие сатрапы? — хмыкнул отец и налил водки из графина в лафитник. — Дурак ты, Гришка! Как Андрюха был дурак, и ты туда же! С царем воевать удумали, охламоны! Нет, ну надо же, а? С царе-е-ем! Ну хто вы такие? Голь беспортошная! У царя — сила! А у кого сила, тот завсегда прав! Пойдешь кандалами греметь! В самую Сиби-и-ирь!

— Ничо... мы ишшо посмотрим, чья возьмет, — упрямо отвечал Григорий.

— Рожают вас бабы... растишь вас, ростишь... кормишь, кормишь, а вы... лучше б и вовсе не рожались...

Отец выпил, помотал головой и уставился в окно. На морщинистые щеки медленно наползли слезы. Василий поднялся и тихо вышел из комнаты.

Василий ждал Настю до позднего вечера. Он бродил по пустынному берегу Волги, сидел на перевернутых лодках, глядя на спокойную речную гладь, по которой плыли розовые отблески заката. Сумерки сгущались. Василий кидал плоские голыши, и они летели, по нескольку раз упруго подскакивая по воде, поднимая фонтанчики брызг... Где-то наверху играла гармошка, кто-то пел, смеялся.

На берегу горели костры, рыбаки варили уху, сизый дым плыл в воздухе. Невдалеке чернели большие груженые баржи, на них тоже пылали костерки и слышались голоса:

— Степа-ан, а Степа-ан!

— Чево-о?

— Ты сапоги мои не бра-ал?!

— У меня свои е-есть!

В полумраке зашуршали шаги по галечнику, и к сидящему у воды Василию подошел брат Григорий.

Присел рядом, прикурил самокрутку, пыхнул дымом. Спросил:

— Чего сидишь тут?

— Сижу вот...

— Про Андрюху думаешь?

— И про него тоже... жалко Андрюху...

— Жалко, конечно... ну, ничо, отольются супостатам наши слезы...

— Бабушка надвое сказала... — задумчиво ответил Василий и поднялся. — Пойдем, што ли?

— Да пойдем... — Григорий тоже поднялся.

— Прокламации свои переправил? — уже на ходу спросил Василий.

— Переправил...

Они долго поднимались по шатким деревянным лесенкам, ползущим наверх по крутому берегу...

Плотники, которые строили церковь, теперь гуляли в трактире. Было дымно и накурено, за длинными столами сидел самый разный рабочий люд, пили сивуху и пиво, ели капусту из больших глубоких мисок и пироги с рыбой, малосольная и жареная рыба кусками лежала в тарелках. Двое крепких половых в красных рубахах и грязных фартуках носились по трактиру, разнося жбаны и кружки с пивом, бутыли с водкой. У здоровенной бочки за высоким барьером стоял еще один работник, качал ручкой насоса пиво, разливал по кружкам и жбанам. В углу бренчали на балалайке, и двое пьяных мужиков плясали, выделывая заплетающимися ногами замысловатые кренделя.

Барыня, барыня!
Сударыня барыня!

Увидев вошедшего в зал Василия Чапаева, плотники разом загалдели:

— О, Василий с того света явился!

— Как, Вася, поди, синенькую, что священник дал, уже пропил?

— Не, он парень непьющий — он небось домой деньгу отнес!

— Эй, человек! — крикнул Василий, садясь на свободное место за столом. Он достал из кармана синеватую купюру в пять рублей, положил на стол, разгладил.

Подлетел половой, и Василий приказал:

— Водки два штофа! Пива — на всех! Закуски!

— От это по-нашему, Василий! Пропьем твое рождение! Ить заново родился, Вася! С такой верхотуры грохнулся и — целехонький!

— Я ж говорю — в рубашке родился!

— Эй, Васей, не жалей рублей!

— Хто пьет тут, тому и на небесах нальют!

Половой принес водку, жбаны с пивом и тарелки с жареной рыбой, и все загалдели пуще прежнего; пили, и пена от пива оставалась на усах и бородах, глаза блестели. И только Василий был мрачен, пил пиво и водку, то и дело оглядываясь на высокий барьер, за которым видна была дверь во внутренние помещения трактира.

— Эй, слышь, Настюха-то где? На кухне работает? — Василий схватил за фартук пробегавшего мимо полового.

— Зачем на кухне? — осклабился в улыбке половой. — Она у Кузьмы Филиппыча в покоях... они там тешатся, гы-гы-гы...

Василий помрачнел еще больше, тупо уставился в стол... Вдруг выпрямился, встал из-за стола и решительно направился через зал трактира к дубовой стой-

ке, обогнул ее, открыл дверь во внутренние помещения и шагнул туда.

Он заглянул в кухню, где еще работали две поварихи, полыхала большая печь и на стальной плите стояли громадные кастрюли и сковороды.

— Где Настя, не знаете? — спросил Василий.

— Завтрева приходи, Василий, завтрева, — приглушенным голосом ответила одна из них. — Занятая она сейчас.

— Где занятая? — не понял парень.

— Да у хозяина она, у Кузьмы Филиппыча, — с ехидцей сказала вторая повариха и махнула рукой на дверь.

Василий дернулся, как от удара, повернулся и пошел по короткому коридору. И тут в глубине, за дверью послышался девичий крик, потом густой рык трактирщика Кузьмы Филипповича:

— Куды-и-и! У, стой, тебе сказано! Стой, дура-а!

И в коридор выскочила растрепанная Настя, платье на ней было разорвано. Она не узнала в полумраке Василия и с плачем бросилась мимо него на кухню. Василий даже не успел остановить девушку. Из двери в коридор вывалился разъяренный Кузьма Филиппович. Рубаха на нем была расстегнута, виднелась волосатая грудь, штаны были приспущены и тоже расстегнуты и едва прихвачены ремнем. Он ринулся вслед за Настей, тоже не заметив Василия, только сильно толкнул его плечом, продолжая реветь:

— Стой, стервь, тебе говорю!

Хозяин трактира ворвался на кухню. Настя забилась в угол между печью и стеной с двумя маленькими окнами, закрылась руками, защищаясь. Он двинулся на нее, и тут неожиданно на плечах у него повис Василий. Трактирщик дернул плечом, стряхивая с себя парня,

обернулся и, взревев, как медведь, двинул Василия кулачищем в ухо. Тот отлетел в коридор, упал, но тут же вскочил и ринулся на трактирщика, стал беспорядочно молотить кулаками и несколько раз попал тому в лицо, в нос и по глазам. Тут Кузьма Филиппович заревел еще громче и тоже стал размахивать кулачищами. Василий снова грохнулся на пол — лицо у него было в крови. Он опять вскочил и опять упал под тяжелыми ударами. Визжали поварихи, в кухню пытались вломиться перепуганные половые.

— Убью стервеца! — ревел Кузьма Филиппович.

Василий поднялся, шатаясь, и трактирщик вновь полез на него, сжав кулаки. И тут Василию попалась на глаза разделочная доска, лежавшая на столе среди обрезков мяса. Тяжелая, из целикового дуба, толстая доска. Трактирщик занес руку для удара, но Василий опередил его и с силой стукнул трактирщика доской по голове.

Кузьма Филиппович мгновенно перестал реветь, коротко охнул и попятился назад. Василий ударил еще раз и еще раз по ненавистной кудлатой голове, и трактирщик упал на колени, как оглушенный кувалдой бык, замычал и рухнул на пол ничком.

А Василий, не выпуская своего оружия, кинулся к Насте, схватил ее за руку и потащил из кухни.

По-прежнему истошно визжали поварихи:

— Убили-и! Кузьму Филиппыча убили!

На пути у Василия встал половой, здоровенный малый в красной рубахе с засученными рукавами. И Василий, не раздумывая, ударил его доской — удар пришелся по лицу, и половой, взвыв, упал навзничь, другой половой шарахнулся в сторону.

Василий и Настя выбежали в зал. Там галдели пьяные мужики, мало обеспокоенные шумом во внутрен-

них помещениях. Василий и Настя бросились к выходу, на бегу расталкивая народ. Через секунду вслед им уже несся крик:

— Кузьму Филиппыча убили! Городового зовите! Урядника зовите! Убили-и!!!

Василий прибежал домой в таком виде, что отец только глаза вытаращил:

— С кем это ты так бился, Васек?

— Тятя... я... бежать мне надо — городовые за мной идут, — тяжело дыша, проговорил парень.

Григорий, сидевший за столом, усмехнулся.

— От это обрадовал, сынок, так обрадовал... — покачал головой отец. — Небось Настю с хозяином не поделили?

— Мне с ним делить нечего! Его, хряка бесстыжего, давно проучить надо было!

— Вот ты и проучил... а теперича каторга тебя, дурня, ждет...

— Вот им! — Василий показал кукиш. — Не дамся!

— Ты не дашься — они сами тебя скрутят... Ох, Вася, Вася, что ж ты натворил-то, сынок ты мой забубенный... — Отец обхватил голову руками.

— Гриш, собраться бы мне, — глянул на брата Василий. — Поесть чего, рубаху лишнюю, порты...

— Куды ж теперь?

— Да куды глаза глядят. Не бойсь, не пропаду...

— Да я не боюсь, — снова усмехнулся Григорий. — Это ты мне все властью грозился — повесют, на каторгу сошлют. А вышло — власть тебя первого к рукам приберет.

— Не приберет, — набычился Василий. — Только они меня и видели...

— О, Господи, Твоя воля... — раскачиваясь, тихо бормотал отец. — Все эта девка чертова! Говорил я тебе, говорил! Безродная да беспутная — беды с ней не оберешься!

— Не смей так говорить про нее, тятя... — голос Василия задрожал. — У меня тоже глаза есть, и я вижу.

— Что ты видишь? Тебе похоть глаза застила! Молодому кобелю сучка только хвостом вильнет — на край света за ней побежит! Вот и беги теперь, а тебя стражники ловить будут!

Василий не ответил, только сверкнул глазами, повернулся и вышел из дома, с силой грохнув дверью.

Ночью они с трудом столкнули в воду большую лодку. Василий вставил весла в уключины, опустил лопасти в воду, потянул на себя рукояти, сильный гребок — и лодка медленно поплыла к середине реки. Бежала по черной воде широкая лунная дорожка, и все так же стояла недалеко от пристани вереница барж, и горели костры — бурлаки варили ужин и в тишине переговаривались, смеялись. И вновь протяжный сонный голос звал:

— Степа-а-ан, а Степа-ан!

— Чево-о тебе-е?

— Сапоги мои не бра-ал?

— Да у меня свои е-есть!

— Куды ж мои-то подевались?

— В трактир за водкой пошли!

...Они плыли вниз по Волге до самого рассвета. Настя спала, свернувшись калачиком на дне лодки, на куске рогожи, а Василий все греб и греб. Край неба на востоке окрасился алым заревом, стало светлеть, так осторожно, словно в чернила постепенно добавляли воды. Над рекой поплыл утренний белый туман.

Им встречались большие белые пароходы. Широкие колеса с металлическими лопастями громко шлепали по воде, и слышался рокот паровых машин, и на палубах гуляла публика — женщины в длинных платьях, шляпах, с зонтиками, и мужчины в темных и белых сюртуках, соломенных канотье. Доносился заливистый женский смех, и играла музыка...

Встречались большие и маленькие рыбацкие лодки. Люди копошились в них, выбрасывали на воду сети, и поплавки от них покачивались на волнах.

Видели они огромные груженые баржи — бурлаки тянули их по берегу, и раздавался протяжный, зычный крик старшего:

— Ухнем, братцы, ухне-е-ем! Сама пойде-е-ет! Сама-а пойде-е-ет!

Наконец Василий перестал грести и посмотрел на ладони — на них вспухли волдыри. Он окунул руки в воду и улыбнулся.

Настя встала на колени на дне лодки, широко перекрестилась, сложила ладони на груди и заговорила тихо молитву:

— Отче наш, сущий на небеси, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя на земле, как и на небе... Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избави от лукавого, ибо сила Твоя, и воля Твоя, и слава Твоя на земле, как и на небе, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь...

Настя замолчала и стояла неподвижно на коленях, глядя на алый восход.

— Ты чего окаменела, Настя?

— Красиво как...

— Руки все в волдырях... и жрать хочется — сил никаких нету... — сказал Василий, разглядывая ладони.

— Где же денег взять? — спросила Настя. — У меня нету ни копеечки.

— А вот гляди! — Василий извлек из кармана купюру в пять рублей. — Это батюшка мне дал, за то, что крест на купол поставил! Щас пристанем да на базаре накупим всего — нам на неделю хватит! — Василий весело улыбался. — Там ярмарка!

— Ой, Вася, страшно мне... как же мы дальше жить будем?

— Не боись, Настюня, живы будем — не помрем!

...И вот показался на крутом берегу городок. Высокие, полутораэтажные дома теснились по косогору, и уже издалека до Василия и Насти донеслись звуки гармошки... потом шарманки...

Широкие деревянные лестницы спускались с высокого берега к реке и пристани. Там рябило в глазах от множества карбасов, барж и лодок самых разных калибров, и везде суетились люди: таскали мешки, ящики и кули, грузили подводы, стоявшие на берегу. Лошади мотали головами от жары и надоедливых оводов и мух.

Ярмарка гудела, кричала, торговала и плясала. Длинные ряды, где продавались говядина, свинина и самая разная дичь... ряды, где высились целые горы черешни, яблок и груш, дынь и арбузов... ряды, где торговали мануфактурой и скобяными товарами. И везде продавали горячие пироги с рыбой и мясом, с вишнями и яблоками, с медом и сметаной, продавали бублики и баранки, пряники, леденцы на палочках в виде петухов, собак и кошек... И кричали, и зазывали:

— А вот пироги с вязигой! А вот пироги с севрюжкой! С вишнями! Попробуйте — за уши не оттащишь!

— Пряники медовые! Во рту тают! Налетай — покупай, не пожалеешь!

Василий и Настя пробирались сквозь толпу, глазели по сторонам. Купили пироги с рыбой, ели на ходу, жадно.

Пожилой мужик крутил шарманку, и печальная мелодия звучала над толпой, и тоненькая девушка пела жалобным голосом:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Вдруг Василий увидел высоченный гладкий столб, врытый в землю, на макушке столба висели новые хромовые сапоги и шарманка, а вокруг толпился народ. По столбу лез наверх мужик. Взбираться было очень тяжело — ладони скользили по отполированному дереву, ноги то и дело соскальзывали. От напряжения с мужика градом катил пот. Снизу подбадривали:

— Давай-давай! Сила есть — ума не надо!

— Без труда не вынешь и рыбку из пруда!

— Поднатужься, мужичок, самую малость осталось!

Мужик добрался до середины столба и вдруг быстро заскользил вниз. Плюхнулся на землю и сплюнул с досады:

— Он же гладкий, як стекло! Нешто по такому взберешься!

— Полтинничек будьте любезны, уважаемый! — Перед мужиком вырос дядька в красной рубахе, черной жилетке, картузе, заломленном набекрень, и начищенных до блеска хромовых сапогах.

Мужик нехотя отсчитал полтинник, еще раз сплюнул.

— Кто еще счастья попытать желает! Снять приз с энтого столба! Сапоги хромовые, пять целковых стоют!

Шарманка новенькая — красненькую стоит! Да красненькую в придачу! Давай, православные, кто храбрый да умелый! Подходи, попытай фарту!

Вызвался еще один храбрец. Поплевал на ладони, обхватил столб и полез, подтягиваясь и помогая себе ногами в лаптях.

Зеваки подшучивали:

— Надоело в лаптях-то ходить — сапоги захотелось!

— Давай, милок, крепче обхватывай, крепче!

— Не-е, этот уж больно плюгавый — не осилит...

— До середины доберется аль нет?

Мужик в лаптях не добрался и до середины, беспомощно заскользил вниз, грянулся об землю.

— Сегодня не повезло, завтрева обязательно повезет, — дядька в картузе помог ему подняться. — Полтинничек извольте! — И, получив пятьдесят копеек, вновь обратился к толпе: — Смелее, уважаемые! Неужто умелец не сыщется и сапоги с шарманкой не снимет? Да быть того не может! Давай пробуй! Подходи, ловкий да умелый! Сапоги хромовые, с каблуками цельными, с подошвой кожаной — за такие и пятнадцать рублев не жалко! Шарманка красненькую стоит! Да ишшо красненькую в придачу! Пробуй, уважаемые! Сила да ловкость!

Еще один мужик решил попытать счастья, тоже долго плевал на ладони, наконец собрался с духом и полез.

— Стой здесь, не ходи никуда, я сейчас вернусь, — шепнул Василий Насте и пропал в толпе.

Он быстро пробирался по шумной говорливой ярмарке, что-то высматривая. Наконец увидел дощатый ларек с застекленной витриной и кинулся к нему. Тощий сгорбленный еврей в камилавке встретил Василия вопросительным взглядом. На нем был белый халат,

надетый поверх черного сюртука. На прилавке ларька в ящиках под стеклом лежали очки, увеличительные стекла, баночки с разными мазями, пузырьки с примочками и лекарствами.

Василий огляделся.

— Что желаете, молодой человек? — осведомился аптекарь.

...Василий выбежал из аптечного ларька, прошел в толпе до возов, нагруженных мешками с зерном, сел у одного воза на землю, стащил сапоги, размотал портянки, потом достал из кармана пиджака бумажный пакетик, высыпал на ладонь немного светлого порошка и стал натирать им подошвы ног. Потом натер этим же порошком ладони.

Настя стояла в толпе зевак и смотрела, как очередной смельчак лезет по столбу наверх. Молодой здоровый парень в белой рубахе, темных портах и босиком. Он лез упорно, миновал середину столба и все карабкался и карабкался наверх, хотя было видно, что каждый новый сантиметр стоит ему огромных усилий. Зеваки волновались:

— Этот долезет, вишь, какой упрямый!

— Давай, братец, поднатужься!

— Середину миновал — дальше легче пойдет!

— Гля, остановился! Не останавливайся!

Но парень обессилел. Он остановился, посмотрел вверх, потом вниз. Из последних сил с большим трудом удержался на месте, но вот руки и ноги ослабли, и парень стремительно заскользил вниз. Упал возле столба на спину, раскинул руки — ладони были в крови.

— Э-эх... — с сожалением выдохнула толпа.

— Руки-то до крови соскоблил, болезный...

— Позвольте полтинничек получить, уважаемый, — склонился на парнем дядька в картузе.

И тут перед ним вырос Василий. Он тяжело дышал после пробежки, но улыбался:

— Я хочу спробовать...

— Полтинник на ответ имеется? — недоверчиво спросил дядька.

Василий достал из кармана серебряный полтинник.

— Пробуй, малец! Попытка не пытка! — широко улыбнулся дядька.

Василий потер ладонью о ладонь, потом сел на землю, стащил старые изношенные сапоги, размотал портянки, аккуратно положил на сапоги, поднялся и подошел к столбу. Посмотрел вверх, задрав голову.

— Ну, малый, назвался груздем — полезай! — сказали в толпе.

— Не, энтот не выдюжит. Посильнее его были — не вышло, а энтот хлипковат...

Василий обернулся, глазами отыскал в толпе Настю и улыбнулся. Потом подпрыгнул, обнял руками и босыми ногами столб и полез. Он лез быстро и уверенно, и ладони не скользили по отполированной поверхности столба, и ноги намертво прижимались, и взбирался Василий все выше и выше.

— Ты гляди, как кошка лезет... лезет и лезет...

— Мал да удал...

Василий миновал середину столба, и на лице дядьки в картузе появилась тревога, а толпа зевак загалдела:

— Давай, малый, давай, чуток осталось!

— Право слово, как кошка лезет!

— Может, у него заместо ногтей и вправду когти, как у кошки?

— А может, ладони-то клеем каким-нибудь намазал?

— Клеем — приклеились бы, и все. А он, гляди, лезет, чертяка!

Василий поднимался все выше; еще немного — и он достанет желанные сапоги и шарманку. Он устал, капли пота стекали по впалым щекам, было тяжело дышать, но паренек все лез и лез. Внизу гудели голоса.

Вот Чапаев протянул руку, снял с гвоздя сапоги и перекинул через шею. Потом снял шарманку и повесил ее на плечо, и стал медленно спускаться.

— Эй, ты, черт в картузе! — весело закричали в толпе. — Плати красненькую!

— Поди, полтинников на добрую сотню насшибал!

— А то! Он тут который день народ обмишуривает! Небось не одну сотню наварил!

— А вот и нашлась на хитрого Федотку своя укоротка!

— Плати красненькую, как обещал, фармазон! Не то бока намнем!

Толпа окружила дядьку в картузе, и тому ничего не оставалось, как достать из кармана жилетки десятирублевую красную ассигнацию и вручить ее Чапаеву.

— Гуляй, парень, на всю Ивановскую!

Василий зажал в кулаке десятку, глазами отыскал в толпе Настю, бросился к ней и взял за руку. Вдвоем они стали выбираться из толпы. Люди расступались, улыбались:

— Да он с кралей какой!

— Сарафан ей купит!

— Пряников медовых купи! Пирогов! Медовухи!

И он действительно купил Насте цветастый ситцевый сарафан, купил красные сапожки и голубую шел-

2 Зак. № 212

ковую косынку. Хозяин мануфактурной лавки, в которой они все это покупали, вертлявый тощий купец в расстегнутой жилетке поверх синей рубахи, вытаскивал из вороха одежды на прилавке платья, кофточки, чулки, размахивал перед носом Василия и Насти, тараторил без умолку:

— А гля, какая кофточка! С фонариками! А чулки фильдеперсовые! Городские дамы в таких ходят! Гимназистки ходят! А жакеточка, молодой человек! Обратите внимание! Солидные господа покупают!

Василий и Настя просто ошалели от такого обилия красивый вещей.

— Давай купим, Настя? Вон смотри, какая жакетка!

— А вы примерьте, красавица, примерьте! — И купец чуть не силой стал надевать на Настю черную жакетку с коричневой оторочкой и узеньким меховым воротничком.

Настя растерянно повиновалась. Купец всплеснул руками:

— Да вы, красавица, родились в этой жакетке! Вы только гляньте, гляньте! — Он схватил с прилавка большое овальное зеркало, выставил перед Настей, и она действительно увидела красавицу, незнакомую, даже пугающую.

— Ой, нет... — с тихим испугом сказала она, — это очень...

— Совсем не очень! Это даже в самый раз! Это красит вас немыслимо! Молодой человек будет любить вас в три раза сильнее! А хотите воротничок из чернобурки? Умопомрачительный жакетик! Редко кому показываю — только таким красавицам, как вы! Ну-к, принеси! — цыкнул он приказчику, пареньку одних лет с Василием, но тоже в белой рубахе и суконной жилетке, с деревянным аршином в руке.

Приказчик бросил аршин, метнулся в закуток за дверью и мгновенно выскочил оттуда, держа в руках светло-коричневую жакетку, отороченную по воротнику серебристой чернобурой лисой.

С Насти сняли одну жакетку и надели другую, и она стала еще краше, и щеки потемнели от пунцового румянца. Купец всплеснул руками и выдержал выразительную паузу, глядя на Василия.

— Ладно. Покупаем, — важно сказал Василий и достал из кармана десять рублей.

Ночью недалеко от пристани по берегу горели костры, где-то вдалеке пиликала гармошка. И среди этих костров горел костер Василия и Насти. Василий хлебал из котелка уху, а Настя смотрела на него. Отблески пламени отражались на их лицах.

— Я буду на гармошке играть, а ты танцевать и петь. Будем ходить по ярмаркам... по деревням. Денег заработаем и на постой к кому-нибудь в дом определимся на зиму, — говорил Василий. — Ты ведь умеешь танцевать? Я видел, как ты на Пасху отплясывала.

Василий с улыбкой поглядел на нее. Она грустно смотрела в огонь костра. Новая жакетка была наброшена на плечи.

— Тебе не нравится, что я придумал? Могу плотником в какую-нибудь артель податься. Здесь много артелей шабашат.

— Не знаю... Боюсь я, Васенька...

— Чего боишься? Что меня поймают? Да брось ты, Настюня, найдут они иголку в сене! Небось про меня там давно забыли...

— Не знаю... все равно боюсь...

— Со мной ничего не бойся, Настюня... Зато мы с тобой свободные люди! — Василий поднялся, прошел к лодке, достал оттуда шарманку, расставил треногу, водрузил на нее инструмент, поднял крышку и стал вертеть ручку. Полилась мелодия задумчивого вальса.

— Ну как? Нравится? Может, станцуешь? Давай, Настя!

Настя неуверенно встала, надела жакетку и медленно начала танцевать. Поначалу движения были робкими, но постепенно музыка захватила ее, и она закружилась на небольшом пятачке, плыл за ней подол сарафана, мелькали в отсветах пламени гибкие длинные руки, и лицо девушки озарила счастливая улыбка.

Василий тоже улыбался и крутил ручку шарманки все быстрее. Несколько фантастическим выглядел этот танец в ночи, в свете костра. И вдруг в ночном полумраке рядом с Василием возникла фигура бурлака, бородатая, могучая, в лаптях и темных портах, в бараньем полушубке, наброшенном на голые мощные плечи. Так же неслышно появилась вторая фигура, третья, четвертая... и скоро десятка полтора их стояло неподалеку от костра и молча смотрели, как танцует вальс девушка...

Настя давно увидела бурлаков, но продолжала танцевать, улыбаясь, и ее блестящие темные глаза смотрели только на одного человека — на Василия...

Вот он увидел, что Настя устала, и прекратил играть. Настя сделала еще несколько па в тишине и замерла. Бурлаки загудели, захлопали:

— Ишь как плясала — красота!

— Молодец девка!

— Ай да плясунья! С такой всю ночь проплясать можно!

— Ага! Под скирдой вдвоем! И спать не захочешь!

— Эй, малый, твоя шарманка нашу, русскую, играть может?

— Щас попробую! — Василий склонился над шарманкой, передвинул какие-то рычажки и вновь стал вертеть ручку. Забористая мелодия русской плясовой понеслась в темноте.

И один из бурлаков, закинув руку за голову, пошел вперед, отбивая по твердой земле чечетку, крикнул:

— Давай, красавица!

Настя сделала круг вокруг мужика, быстро перебирая ногами, в руке у нее мелькнул платочек, которым она взмахнула над головой.

— И-и-э-эх! — выдохнул мужик и пошел вприсядку, выбрасывая перед собой толстые ноги в сапогах, а перед ним мелькал подол сарафана, и красные сапожки лихо отбивали чечетку по сухой растрескавшейся глине.

— Огонь девка! — крикнул другой бурлак и тоже пошел в пляс.

— Барыня, барыня! Сударыня-барыня! — Бурлаки дружно хлопали, смеялись.

— А ну дрыхнуть, бурлачье чертово! — вдруг рявкнул зычный сильный голос, и из темноты вышел к огню здоровенный бородач. — С зарей в лямку впрягаться — вас кнутом не подымешь! Кто тут веселье затеял?

Шарманка смолкла. Василий ответил с улыбкой:

— Да вот шарманку опробовали.

Бородач окинул взглядом Настю:

— Молодец... ладно пляшешь. — И вновь рыкнул на бурлаков: — Давай дрыхнуть, ведмячьи лапы! Два раза говорить не буду, а в ухо каждый получит!

Бурлаки нехотя побрели в темноту — метрах в тридцати горел большой костер, где они расположились

на ночлег. А на реке напротив их стоянки чернела громадная туша баржи. На носу и на корме ее тоже горели костры...

Так они стали ездить по ярмаркам и базарам больших деревень и маленьких поволжских городков.

Настя танцевала, Василий крутил ручку шарманки. Возле шарманки лежал картуз, куда зрители бросали медяки и порой даже серебряные монетки.

...И плыла лодка вниз по Волге, и светило солнце... Василий налегал на весла. Настя сидела на корме. И были уже в лодке узлы и корзины с посудой, и даже старенький чемодан с замком... И вырисовывались на высоком берегу поволжские города и села — все они очень красивы летом, с белыми наличниками на окнах и резными крашеными петухами на коньках крыш, с клубящимися зеленой листвой садами, красно-белыми церквями и колокольнями... Спокойная божеская красота...

...Хвалынское... Меркешт... Саратов... Упек... Золотое... Красный Яр... Иловайская... Дубовка...

Настя танцевала вальс и кадриль, задорная улыбка освещала ее лицо. Теснилась вокруг толпа зрителей, и почти все тоже улыбались, хлопали в ладоши.

Иногда Василий просил кого-нибудь из толпы покрутить шарманку и пускался в пляс вместе с Настей.

Иногда кто-нибудь из зрителей, а то и двое-трое выскакивали в круг и плясали вместе с девушкой.

И в картузе, лежащем на земле, заметно вырастала кучка монет.

Василий купил медные литавры и бубен. Литавры он поставил на стойке рядом с шарманкой, ногой нажи-

мал на педаль, и одна половина била в другую в такт мелодии, а Настя плясала теперь с бубном и тоже в такт мелодии вскидывала его над головой и ударяла в него ладошкой. Получался целый оркестр. Зрителям это нравилось, они восторженно хлопали, и монеты падали в картуз чаще.

Обедали и ужинали Василий и Настя в трактирах, в буфетах на пристанях хлебали похлебку, ели пироги с рыбой, запивая квасом, пили чай с баранками и кренделями...

На заре Василий ловил рыбу с лодки недалеко от берега. Умытое новорожденное солнце сверкало на ярко-синем небе. Василий таскал увесистых окуней и щучек, бросал их в ведро. Стояла глубокая вековая тишина, и вдруг с высокого берега донесся протяжный колокольный звон. Звуки торжественно плыли в туманную речную даль, в заливные поля правого низкого берега. Василий оглянулся на высокую тонкую колокольню, возвышавшуюся на обрывистом берегу, перекрестился и вновь уставился на поплавок на спокойной воде. Вот поплавок нырнул в воду, скрылся, и Василий тут же подсек удилищем, дернул вверх, удилище выгнулось дугой, и через секунду в воздухе засверкал большущий красноперый окунь. Василий снял его с крючка, бросил в ведро и оглянулся на спящую Настю. Она лежала, свернувшись калачиком на толстой перине из сена, укрытая большим красным ватным одеялом..

Василий долго, с улыбкой смотрел на спящую девушку, потом, отложив удочку, шагнул поближе, присел и заботливо поправил одеяло, осторожно погладил ее по голове.

...Взявшись за руки, они брели по берегу, опустив головы. Василий носком сапога поддавал мелкие камушки,

отбрасывая их в стороны. И вдруг до них долетели звуки — ржание коней, женские и мужские голоса, переливчатый смех, гортанные выкрики. Василий и Настя постояли прислушиваясь.

— Это цыгане... — улыбнулась Настя, взглянув на Василия.

И они пошли быстрее по берегу. Выступ крутого обрыва закрывал обзор, но когда они зашли за него, то увидели пологий берег, где густая трава подходила почти к воде, и на этом берегу расположился цыганский табор. Несколько больших крытых повозок стояли без лошадей, горели два больших костра, и вокруг с криками носились босоногие мальчишки. Над огнем на треногах висели огромные чугунные котлы, над ними курился седоватый дымок, и пожилые цыганки помешивали варево большими черпаками. Несколько мужчин и молодых парней подошли к котлу, и старая цыганка налила им варево в миски. Они присели у костра, где была расстелена большая скатерть с хлебом, мамалыгой, помидорами, свежими огурцами, перцем и другими продуктами. Цыгане хлебали деревянными ложками из мисок, откусывали хлеб, ели лук и помидоры. Несколько стариков в сапогах, плисовых шароварах, расшитых золотой нитью черных куртках и жилетках сидели кучкой у костра, курили трубки. Неподалеку три молодых цыганки кормили грудью младенцев.

Мальчишки увидели Василия и Настю и гурьбой бросились к ним. Окружили, загалдели что-то на непонятном языке, смеялись, показывая маленькие сахарные зубки, стали привычно просить, протягивая грязные ручонки:

— Дай копеечку! Дай копеечку!

Старая цыганка, стоявшая у котла, что-то громко крикнула ребятишкам, но те продолжали крутиться вокруг Василия и Насти, хватали их за одежду, норовя забраться в карманы. Василий отпихивал их, улыбался, ругался беззлобно:

— Да отвяжитесь, чертенята! Пшли! Кому говорят! Пшли!

Цыганка отошла от котла, пугнула ребятишек, взмахнув черпаком, гортанно прокричала несколько слов, и ватага со смехом бросилась врассыпную. А старуха властно взяла Настю за руку и повела к костру. Василий пошел следом.

Старики и молодые парни молча наблюдали за ними. Один из парней, улыбаясь, что-то сказал другим, и все негромко рассмеялись. Подошла еще одна женщина и подала пожилой две чистые миски и две деревянные раскрашенные ложки, старуха протянула миски и ложки Насте и Василию. Те разом попытались отказаться, но цыганка повелительно сказала по-русски:

— Берите! Надо поесть! Мы едим, и вы должны поесть. — Она зачерпнула варево, похожее на суп или борщ, налила полную миску Насте, а потом Василию и указала на скатерти, вокруг которых сидели мужчины: — Садитесь там...

Василий и Настя подошли, негромко поздоровались. Им так же негромко ответили. Они присели рядом, стали осторожно есть. Мальчишка схватил со скатерти несколько головок лука и два огурца, подбежал и протянул гостям. Он улыбался и смотрел на них светящимися, горячими черными глазенками.

— Спасибо... — Василий взял луковицы и огурцы, положил себе на колени.

— Где живете, бездомные? — спросила старая цыганка. Глаза у нее тоже были иссиня-черные, пронизывающие.

— А почему вы говорите, что мы бездомные? — удивленно спросил Василий.

— Вижу.

— Мы в лодке живем... плывем по реке... в Астрахань плывем...

— Не доплывете, — резко проговорила старуха.

— Почему это?

— Вижу, — так же резко и коротко ответила цыганка.

Настя перестала есть, посмотрела на цыганку со страхом и прошептала:

— Я боюсь ее, Вася...

— Вы — добрые, и мы — добрые, — услышав, сказала цыганка. — Не надо бояться.

— Не все говорить надо, что видишь, — веско произнес старый цыган, куривший трубку.

Василий отложил пустую миску с ложкой, утер ладонью губы, улыбнулся:

— Спасибо.

Старуха медленно подошла к нему, сказала:

— Дай руку. Скажу, что увижу...

Василий протянул ей руку, продолжая улыбаться.

Она взяла его руку, повернула к свету костра и долго смотрела на ладонь:

— Большая у тебя дорога... большим человеком станешь... умрешь плохо... — Она посмотрела ему в глаза и отпустила руку. — Богатый будешь, но бедный.

— Это как же? — удивился Василий. — Богатый, но бедный?

— Не знаю, — ответила старуха. — Говорю, что вижу...

— А невесте моей погадай, — попросил Василий и глянул на Настю.

— Не буду. Не надо, — ответила цыганка. — Что будет, то и будет... так все живем...

И она долго смотрела на Настю, смотрела задумчиво и спокойно.

В это время Василий вдруг подхватил на руки маленького мальчишку, прижал к груди, погладил по черной кудрявой головке и сказал громко, указав на Настю:

— И у нас такой будет! Трое будет! — И для убедительности Василий показал всем три пальца.

И все засмеялись, закивали головами, и Настя застенчиво улыбнулась, опустила голову. И только старая цыганка серьезно и скорбно смотрела на девушку.

...Василий и Настя медленно уходили от табора берегом реки. Несколько раз оборачивались и махали руками. Цыгане улыбались в ответ и тоже махали руками.

— Почему ты не стала гадать девчонке? — спросил старый цыган, куривший трубку.

— Она скоро умрет.

— Мы все скоро умрем, — старик сплюнул в огонь костра. — Не знаем только, когда умрем...

— Пусть и она не знает...

Вечером они вновь плыли по бесконечной Волге. Тонули во мраке берега. Большой белый пароход плыл посередине реки, ярко освещенный огнями, и оттуда разносилась в ночи песня, которую пел могучий хор мужских голосов:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

— Что за песня? Никогда не слышал... — проговорил Василий, привстав в лодке. — Какая хорошая песня... за душу хватает...

— А я слышала... — сказала Настя. — Бурлаки как-то пели...

...На диком бреге Иртыша-а-а
Сидел Ермак, объятый думой... —

неслось над рекой и землей.

— Ты все слова этой песни помнишь? — спросил Василий.

— Помню...

— Потом споешь мне... Слышь, Настя, в Царицын приплывем — давай обвенчаемся?

— Ты правда хочешь? — Она внимательно посмотрела ему в глаза.

— Правда, — он обнял ее, прижал к себе. — К кому-нибудь на постой встанем. Денег у нас теперь хватит, заработали... Я свой дом поставлю — я плотницкое дело хорошо знаю. И у нас свой дом будет, Настюха... Что молчишь?

— Боюсь, Васенька... счастья своего боюсь... Вдруг все оборвется?

— Почему оборвется? Ничего не оборвется! — Он поцеловал ее. — Я, когда на тебя смотрю, сразу такой сильный делаюсь — горы своротчу, все сделаю!

И он вновь обнимал и целовал ее, и Настя отвечала ему со всей страстью.

И неуправляемая лодка медленно плыла по течению, все ближе и ближе к берегу и наконец ткнулась в заросли камышей на пологом берегу, остановилась.

———

А ночью хлынул холодный ливень. Отвесной стеной он стоял над рекой, и вода в реке пузырилась, пенилась, и сотни, тысячи водяных солдатиков плясали на ней, и седой водяной туман затягивал берега.

Они вымокли до нитки. Настя мелко дрожала и пристукивала зубами. Казалось, ливень этот никогда не кончится. Полыхнула молния, голубой свет на мгновение озарил вспененную, затянутую туманом реку и берега, и все новые потоки воды низвергались на землю.

— Х-холодно... — пожаловалась Настя. — З-замерзла я очень, Васенька...

— Бежим в деревню, — решил Василий. — Там обсушимся!

Василий подгреб поближе к берегу, сложил весла. Потом поднял со дна лодки большой, обвязанный веревкой камень, некое подобие якоря, бросил в воду. Камень утонул, веревка, привязанная другим концом к носу лодки, натянулась. Потом он накрыл нехитрые пожитки намокшим ватным одеялом и, первым выбравшись из лодки, помог вылезти Насте.

По колено в воде они пошли через заросли камыша к твердому берегу.

Потом долго шагали по размокшей дороге к деревне, видневшейся сквозь просветы в стене дождя. Дождь лил и лил, и снова прогремел гром и полыхнула молния...

Они постучались в покосившийся дом на окраине, и какая-то старуха впустила их.

В небольшой горенке Настю переодели в сухую большую мужскую рубаху, и бабка постелила ей на широкой лежанке рядом с печью.

— Коли дров наколешь, то и печь затопить можно, — сказала старуха Василию.

Под непрекращающимся дождем Василий наколол поленья на тонкие чурки. Потом он долго растапливал печь. Лучины тлели и никак не разгорались. Наконец в черном чреве печи заплясали языки пламени. Старуха протянула Василию чугунок с молоком:

— Поставь согреть. Горяченьким молоком ее поить надо... жар у нее...

Василий поставил чугунок поближе к огню, заглянул в закуток за печью. Настя лежала на лежанке, укрытая тулупом. Щеки у нее были красными, глаза ярко, лихорадочно блестели. Василий приложил ладонь к ее лбу и тут же отдернул:

— Жар у тебя, Настя... обжечься можно...

— Ничего... пройдет... — неожиданно хриплым, чужим голосом ответила Настя и постаралась улыбнуться.

Василий прошел к столу, устало присел. Посмотрел на старуху:

— Василием меня зовут. По фамилии Чапаев...

— Прасковьей меня зовут, — ответила старуха.

— Одна проживаете, бабуся? — спросил Василий.

— Кака я тебе бабуся? — неожиданно обиделась женщина. — У меня сын таковский, как ты... и мужик, слава Богу, есть.

Василий присмотрелся — действительно, женщина была совсем не старухой, хотя на лице отразилась вся тяжесть жизни.

— А где ж они? — спросил Чапаев.

— Мужик с сыном да снохой артелью батрачить подались... вот одна и дожидаюсь, — ответила старуха и сама спросила: — Сестра, что ль, твоя?

— Невеста...

— А что ж бродяжите? Ни кола, ни двора нету? — с сочувствием спросила Прасковья.

— Заработаем... построимся... — отвечал Василий.

— Долгая песня... — вздохнула женщина.

Потом они поили Настю горячим молоком. Василий поддерживал голову, а женщина из кружки осторожно вливала ей молоко в рот. Настя часто, тяжело дышала, словно ей не хватало воздуха. И вдруг она сказала отчетливо, глядя на Василия:

— Вася... где ты, Вася?

Чапаев вздрогнул, со страхом посмотрел на нее:

— Здесь я, Настенька, здесь я...

— Ангелы... ангелы небесные... — вдруг улыбнулась Настя. — Крылья у них белые-белые... как снег...

— В бреду она...

— А че делать-то?

— Доктора надо... В Матвеевке, пять верст отсюда — там усадьба барская, и доктор там проживает...

— Ладно, пойду за доктором, — Василий поднялся.

— На скотном дворе лошадь стоит. Возьми, а то пешком до вечера проходишь. Седло в сенях висит.

На небольшом скотном дворе Василий оседлал тощую лошаденку, вывел ее со двора, взобрался в седло, пристукнул сапогами по лошадиным бокам и потянул повод. Лошаденка лениво затрусила по разъезженной, залитой водой дороге. Дождь все так же стоял стеной, шуршал по земле, и впереди не было видно ни зги, хотя уже наступил день.

Василий часто колотил сапогами по бокам лошади, и та наконец поскакала галопом. Дорога петляла лесом, потом выползла в большое поле. Горизонт был затя-

нут дождем и туманом. Впереди показалась другая деревня. Василий скакал мимо покосившихся домов, черных от влаги.

И вот показалась барская усадьба — большой дом с белыми, потемневшими от дождя колоннами, с флигелями, раскинувшимися по обе стороны. Василий подъехал к дому, спрыгнул с лошади и побежал, хлюпая сапогами по лужам, поднялся по пандусу и стал колотить кулаком в тяжелую дубовую дверь с большими бронзовыми ручками.

Дверь открыл швейцар с черном сюртуке, с седыми бакенбардами.

— Мне доктора Сергея Прокофьевича надобно, — попросил Василий.

— В правом флигеле проживает, — сухо ответил швейцар и захлопнул дверь.

Василий побежал к правому флигелю, снова стал стучать в дверь. Наконец ему открыли. На пороге стоял обрюзгший господин в красном сюртуке с бархатными синими отворотами. На переносице блестели стеклышки пенсне.

— Чем м-могу служить? — не совсем трезвым голосом спросил господин.

— Мне Сергея Прокофьевича надобно.

— Чем м-могу служить?

— Девица... невеста моя... простыла... жар у нее... Прошу вас, ваше благородие, тут недалеко, в соседней деревне... Очень прошу, ваше благородие.

— С ума сошел? В эдакий ливень, — пробормотал доктор, зябко передернув плечами. — Нет, не могу. Занят. Приезжай завтра.

— Никак нельзя завтра — жар сильный, бредит она... помрет до завтра... — с отчаянием выговаривал Василий.

— Не пугай, братец. Простыла и сразу — помрет. Нет-нет, сегодня никак не могу! У меня гости — я их не видал давно, а ты тут... Ну куда в такой ливень? Как добираться? Сам вымокну и заболею, чего доброго... Извини, братец, и рад бы, но не могу... — Сергей Прокофьевич развел руками и хотел было закрыть дверь, но Василий вцепился в ручку, заговорил с еще большим отчаянием:

— Христом Богом прошу вас, ваше благородие, Сергей Прокофьич, не оставьте своей заботой! На вас одна надежда — помрет моя Настя... жар у нее страшный, бредит вся... Помилосердствуйте, Сергей Прокофьич! У меня лошадь под седлом, на ней можно ехать! Лошадь хорошая, смирная! А я рядом побегу! Помилосердствуйте, ваше благородие! Мне без Настеньки жизни нету! Сам лягу и помру! Явите великую милость, ваше благородие, Сергей Прокофьич!

— О-о, чтоб тебя черти съели, — поморщился доктор. — Свалился на мою голову! Далеко деревня?

— Да рукой подать! — радостно выкрикнул Василий. — Пяти верст не будет!

— Ливень-то какой, бр-р-р... — вновь передернул плечами доктор.

Доктор, закутанный в просторный непромокаемый плащ, в шляпе, надвинутой на глаза, сам правил лошадью, сидя в легкой пролетке. У ног его лежал саквояж. Василий трусил на своей лошаденке сзади. Ливень не утихал, шумел, шуршал, пузырил лужи на дороге.

— Разверзлись хляби небесные... — бормотал доктор, посматривая на мутное белесое небо, и вдруг закричал, обернувшись к Василию: — Чтоб тебя черти съели, жених!

...Они приехали. Доктор в сенях сбросил мокрый плащ и прошел в горницу. Сполоснул под рукомойником у печи руки. Прасковья подала ему домотканый рушник, и доктор торопливо вытер руки и прошел за печь, отодвинул ситцевую занавеску, чтобы свет из окон помог рассмотреть больную.

Настя металась в жару. Доктор пощупал лоб, достал из саквояжа трубку и стал слушать через рубаху, низко наклонившись над девушкой. Слушал и хмурился. Настя дышала с хрипом, лицо ее было все красное, тонкие пальцы то с силой сжимались, то разжимались, губы что-то шептали, но что — не разобрать.

Доктор разогнулся, пожевал губами, глянул на Василия:

— Где она так простыла?

— Позапрошлым вечером на реке... как ливень начался... а мы в лодке были... — сбивчиво стал объяснять Василий.

— В лодке были... на реке... под ледяным дождем, идиоты, — машинально повторял доктор и, раскрыв саквояж, достал три бумажных пакетика, протянул Василию: — В горячей воде растворить... и пить надо! Бог даст, поправится. Воспаление у нее... сильное воспаление... крупозное, черт возьми... — пояснял доктор, и губы у него кривились. — В горячей воде размешаешь. Пить надо. Больше ничем помочь не могу...

Доктор бросил трубку в саквояж, защелкнул замок, поднялся.

— Чего воспаление? — спросил Василий.

— Легких, дурак! — почти крикнул доктор. — Не надо на реке в лодке кататься! Осень на дворе, а не лето! И в такую погоду! Олухи да и только!

— Да мы не катались... — опустил голову Василий. — Мы там жили...

— Где жили? — не понял доктор.

— В лодке... — сказал Василий. — Мы так уже почти полгода живем...

— В лодке? Полгода? А дом ваш где? — выпучил глаза доктор.

— Нету у нас дома... только собирались строиться... обвенчаться собирались...

— Чертовщина какая-то... — хлопнул себя по бокам доктор и пошел из дома.

Дождь все еще лил. Доктор взобрался в пролетку, разобрал вожжи, обернулся к стоявшему под дождем Василию:

— Бог даст, оклемается! Молодая, здоровая... Надо надеяться, жених! — И доктор дернул вожжи.

Мокрая лошадь взмахнула головой и пошла рысью, разбрызгивая воду из луж...

Всю ночь Василий просидел у постели Насти. Вместе с Прасковьей они пытались поить девушку горячими микстурами, которые дал доктор. Больше половины растекалось по губам и подбородку. Настя была без сознания, задыхалась, хрипела...

Василий вышел из закутка за печью. Прасковьи в горнице не было. Он подошел к иконам в красном углу, остановился, долго смотрел на Спасителя, на Богоматерь и Николу Чудотворца. Он смотрел и тихо шептал молитву, медленно крестился...

Заснул он под утро, на полу рядом в постелью.

Когда он проснулся, в доме стояла мертвая тишина, нарушаемая только гудением мух над столом. Он привстал с пола и посмотрел на Настю, лежавшую на спине на постели. Позвал тихо:

— Настя...

Девушка не отозвалась, Казалось, она спала. Василий поднялся, наклонился над постелью, взял Настю за руку — рука была ледяная и твердая.

— Настя-а! — закричал Василий. — Настя-а-а!

Кладбище было в хорошем месте, на косогоре, и по нему гулял ветер. Поникшие березовые ветви шелестели и качались, роняя маленькие багряные листья. Василий сидел у могилы и глядел на свежеобструганный крест. Потом стал смотреть на реку, спокойную, могучую, широкую. Плыли по реке пароходы и баржи, невдалеке от берега колыхались на водной глади рыбацкие лодки...

ГЛАВА 2

Он вернулся домой, в родные места. Сидели в горнице — отец, старший брат Григорий и Василий, на столе бутыль самогона. Выпили молча, захрустели огурцами.

У стены на широкой лавке примостились шарманка и большой узел с пожитками, на полу стоял чемодан.

— Там и схоронил? — спросил отец.

— Там и схоронил... — кивнул Василий.

— Ну ничо, сынок, Бог дал — Бог взял... может, оно и к лучшему.

— Что к лучшему? — зло глянул на отца Василий.

— В отчий дом вернулся... Сердце по тебе изболелось...

— Урядник кажную неделю наведывался, — сказал Григорий. — Все выспрашивал — где ты?

— И щас наведывается?

— Щас нет, — усмехнулся брат, — помер он. Удар его хватил с перепою. А нового прислали — тот и не спросил ни разу. Поди, забыли все... Урядники с приставом больше за мной да за моими товарищами приглядывают...

— А за вами не приглядывать, вы пойдете бомбы швырять налево и направо, — с ехидцей вставил отец.

— Так что, братушка, живи без опаски... — Не обращая внимания на слова отца, Григорий снова налил в стаканы светлого самогона.

Чокнулись большими гранеными стаканами, выпили. Закусили мочеными яблоками, капустой. Отец спросил:

— Плотничать опять пойдешь али как?

— Плотничать... — кивнул Василий.

— А вот хоть обратно в артель к Макару Иванычу, — обрадовался отец. — Плотник ты справный, умелый, Макар Иваныч только рад будет. Они как раз дом ставить начали. Купцу Прохору Дерюгину — такие хоромы он затеял, работы невпроворот, — отец вздохнул невесело. — А что ему? Купец первой гильдии — деньжищ тоже невпроворот.

— Чужим деньгам никогда не завидовал, а свои зарабатывать привык вот этими вот... — И Василий положил на стол большие натруженные руки.

— Все Чапаевы деньги на хлеб своими руками зарабатывали, — сказал отец и, взяв бутыль, стал снова наполнять стаканы. — Я рад, сынок, что все обошлось... в артели Макара Иваныча ты при хорошем деле будешь... С работой нынче плохо. Вон Гришка ходит, груши околачивает. Работал на мельнице у Башлыкова. Сезон отмолотил, а теперь нет работы. Не в бурлаки же подаваться... Так-то, сынок.

— Умел бы плотницкое дело — враз к Макару Иванычу подался, — сказал Григорий.

— Ты подашься, как же! — поддел сына отец. — Гляди, Гришка, ты со своими прокламациями допрыгаешься! Закуют в кандалы да в Сибирь!

— Чай, в Сибири тоже люди живут, — усмехнулся Григорий.

— А что за прокламации? — спросил Василий.

— Дурацкие! — отрезал отец. — Супротив царя... супротив помещиков и заводчиков! Мало ему, прохин-

дею, што Андрюшку казаки за то ж самое расстреляли, теперь и он просится!

Григорий усмехнулся, покачал головой:

— За все ответют! Как наша власть будет — все кровопийцы ответют...

— Чья это ваша? Голодранцев? Скубентов, которые из городу шастают да бомбы в городовых швыряют?

— Пролетариата и беднейшего крестьянства... — мрачно отвечал Григорий.

— Кого-кого? П-про-летарата? Кто такие? Где ты тут их видал? Навроде тигра индийского, что ли?

— У кого глаза есть, тот видит...

— Тьфу на тебя! Такой власти никогда не бывало и не будет! А тебе, Гришка, башку оторвут, помяни мое слово!

— Это мы ишшо поглядим...

— И глядеть нечего — все видать!

— А мы поглядим... и подумаем, — упрямо ответил Григорий.

— Тут и думать нечего, — так же упрямо отрезал отец и обратился к Василию: — Не слушай его, дурака стоеросового. В плотницкой артели и при деле будешь, и деньжат подработаешь... а там, глядишь, женишься... — Он увидел, как Василий нахмурился, и добавил поспешно: — Я понимаю, сынок, первая любовь и у меня была. Была, верно говорю, а ты как думал? Она в душе всегда живет... а женился я уж потом... Так что дай Бог, сынок, тебе жены хорошей и детишек пригожих... — И отец поднял свой стакан.

Василий свой стакан не взял. Отец и Григорий смотрели на него вопросительно, ждали.

— Ты чего, братушка? — спросил Григорий.

— Я жениться пока не собираюсь.

— Будет подходящая невеста — женишься. Я тебе сам невесту подберу, — холодно проговорил отец. — В нашем роду супротив отцовской воли ишшо никто не поступал... За то и выпьем. Бери стакан, Василий.

Василий медленно взял стакан с водкой и чокнулся с отцом и братом.

В лавке купца Ведерникова Василий обменял шарманку на гармошку.

Сам Ведерников вместе с приказчиком заслушался шарманкой. Василий крутил ручку, и мелодии разливались по комнате... вальс... кадриль...

— Хороша вещица... германская... сработана на совесть... — Купец тщательно осмотрел шарманку, ощупал, попробовал покрутить рукоятку, потом довольно огладил бороду и усы, сказал: — Где ж ты ею разжился-то? Не украл ли?

— На ярмарке в Саратове выиграл. На столб гладкий влез, а приз был — сапоги и шарманка! Да красненькая в придачу!

— Ох ты-и, молодчик... А чего ж продаешь? Надоела, што ль?

— Воспоминания у меня с ней тяжелые... — помрачнел Василий. — Да я не продаю, нет.

— Как нет? — удивился купец. — А зачем принес?

— На гармонь обменять хочу.

— Обменять? На гармонь? — удивился купец, но тут же смекнул свою выгоду и подмигнул приказчику: — Ну-к, принеси...

Тот убежал в кладовую за прилавком и скоро вернулся с довольно потрепанной гармонью.

Василий опробовал гармонь, растянув меха и пробежав пальцами по кнопкам, улыбнулся:

— Уж больно старовата... И меха худые — чинить надо.

— А я тебе три рубля сверху доплачу, — тоже улыбнулся купец Ведерников. — И литру магарыча поставлю. По рукам?

— Эх, да ладно! По рукам!

Василий вышел из лавки, играя на гармошке.

Он снова стал работать в плотницкой артели Макара Иваныча. Дом строили большой, в два этажа, с флигелями и пристройками. Весело и бойко перестукивали топоры. Плотники работали и наверху, и внизу. Вся земля вокруг стройки была засыпана белой пахучей щепой. Василию больше нравилось быть наверху — возмужавший, с тонкой полоской усов, в синей рубахе и теплой фуфайке, он ловко орудовал топором. Из-под козырька фуражки, сдвинутой на затылок, выбивался задорный чуб. Внизу четверо плотников долотами и молотками вгоняли меж бревен паклю. Большие кули этой пакли лежали здесь и там вокруг дома.

Бревна наверх поднимали на веревках, протянутых через блоки на кронштейнах. Тянули, кричали, заводили бревно на стену, укладывали строго в вырубленные пазы.

Потом подгоняли бревно к бревну, постукивая обухами топоров, чтобы не было ни малейшего зазора. Главный артельщик Макар Иваныч следил за работой внутри строения, покрикивал, размахивал руками.

— Василий, левее тяни! Еще левее! Вот теперь хорошо! Кузьма, подровняй как следует! Топором подработай!

Недалеко от Макара Иваныча двое рабочих из леек поливали бревна темной маслянистой жидкостью.

— Больше пропитывайте, больше! — кричал Макар Иваныч на рабочих.

— Куды больше-то? Уж и не впитывает!

— Больше, я говорю! Чтоб и через сто лет как новые были!

А по вечерам — гулянки в парке над рекой. И главным человеком был Василий-гармонист. Девицы собирались группками, грызли семечки, хихикали, отпуская шутки в адрес парней, стоявших такими же группками... Танцевали кадриль, выбивая каблуками сапожек пыль из утоптанного пятачка земли.

Перед Василием появилась девица в красных сапожках, цветастой темной юбке и ярко-красной жакетке, отороченной коричневым мехом:

— А ежли я желаю с гармонистом сплясать?

— Завсегда с нашим удовольствием, — расплылся в улыбке Василий и позвал громко: — Егорка! Прими инструмент!

Из кучки ребят выскочил вихрастый паренек. Василий передал ему гармонь, поднялся и щелкнул перед девицей каблуками:

— От души спляшем, барышня!

И они пошли в кадриль, и у обоих получалось так здорово, что почти все перестали плясать и теперь смотрели только на них. И была эта девица такая стройная и ладная, и щеки у нее крепкие, румяные, и сверкающие черные глаза, и зовущие пухлые ярко-алые губы... Василий крепко прижимал к себе девицу и в какой-то момент не выдержал и поцеловал в губы. Глаза ее расширились, она взглянула на него с удивлением, и тут же это удивление сменилось радостью и страстью. Когда они в следующий раз сошлись в танце, девица сама

прильнула к Василию и жарко поцеловала его. Стоявшие вокруг парни и девицы взвыли от восторга, и все опять бросились плясать.

...Она сама привела его ночью на сеновал рядом с домом отца. Внизу вздыхали коровы и фыркали лошади. Хрустело сено, и тихо шептались Василий и девица.

— Знаю, что ты мельникова дочка, а как зовут — не знаю.

— Пелагеей зовут, дурачок... Отец узнает, что я с тобой спуталась, — убьет!

— Боишься отца?

— Боюсь... — Она тихо засмеялась. — А делаю посвоему... — Она вновь приглушенно захихикала, потом вскрикнула: — Ой!

— Че ты ойкаешь?

— Сено кусается...

— А ты жакеточку постели... жакеточку... вот так хорошо будет...

— Поцелуй меня, Вася... как сладко ты целуешься... сердце обмирает...

— Сколько на тебе юбок надето... запутаешься...

— Ой, Вася... Васенька... сладкий мой... желанный мой... — стонала Пелагея.

И вновь шуршало и потрескивало в темноте сено, слышалось частое дыхание. Вдруг громко зафыркала лошадь, потом тихо промычала корова.

— Тьфу, чтоб тебя... — приглушенным голосом выругался Василий, и Пелагея снова засмеялась.

Под ногами весело похрустывал снежок, на морозном небе светила яркая луна. Василий бодро вышагивал по улице: полушубок расстегнут, за спиной на ремне

гармошка. Заборы были длинные и глухие, за ними возвышались рубленные из бревен дома с погашенными окнами — час поздний, все спят. Лишь изредка раздавался сонный лай собак.

Вдруг из-за угла вышли четверо здоровых мужиков и перегородили улицу, поджидая Василия. Он увидел их, замедлил шаги. И они не спеша тронулись ему навстречу.

— Вам чего, ребяты? — спросил Василий.

— А вот щас узнаешь. — Они бросились на него, окружая со всех сторон.

И на Василия посыпались удары.

Он в долгу не остался, бил увесисто и точно, прямо по усатым физиономиям, сбил на землю одного, другого. Но мешала гармошка за спиной, да и силы были неравные. Противники повалили Чапаева на снег, стали месить ногами. Он все еще сопротивлялся, отбивался, но в конце концов затих. Его пнули еще пару раз, потом один нагнулся и сказал отчетливо:

— Будешь еще к Пелагее липнуть, прибьем до смерти...

Отец Пелагеи мельник Петр Авдеич Башлыков учил дочь уму-разуму: намотал на кулак длинную косу, пригнул голову к полу и хлестанул тяжелым сыромятным ремнем по спине... по заду... опять по спине... опять по заду... Пелагея молчала, крепилась изо всех сил.

Мать, прижав руки к груди, с испугом смотрела на происходящее, не решаясь заступиться за дочь. Только один раз с мольбой попросила:

— Пожалей, Петр Авдеич... молодая ишшо, глупая...

— Убью стерву! — прохрипел мельник и, хлестанув еще раза два, отшвырнул дочь от себя.

Пелагея растянулась на вязаных половичках, расстеленных на полу большой просторной горницы, но тут же вскочила, оправляя задравшееся ситцевое платьице — оно едва не трещало по швам на ее крепком молодом теле. Глаза девушки горели непримиримым огнем.

— Будешь с этим Васькой Чапаевым путаться — убью стерву! Из дому выгоню!

— А вот и буду! — яростно выкрикнула Пелагея. — Если хочешь знать, я уже понесла от него! Вот тебе! — И она показала отцу язык.

— Что? — Отец переменился в лице, щека нервно дернулась, словно нестерпимая боль пронзила его. Он схватился за сердце и стал оседать на пол.

— Петр Авдеи-и-ич! — взвыла мать, бросаясь к мужу.

А Пелагея выскочила из горницы, грохнув тяжелой дубовой дверью.

В церкви было холодно, и народу собралось немного. Родственники молодых стояли отдельно. Со стороны жениха — отец, брат Григорий, свояк с женой. Близких невесты возглавлял дородный мельник Петр Авдеич, с оскорбленным злым лицом, в тяжелой расстегнутой бобровой шубе. У алтаря склонили головы Василий и Пелагея.

Священник гудел глуховатым басом:

— Венчаются законным браком раб Божий Василий и раба Божия Пелагея...

С жениха и невесты сняли наброшенные на плечи теплые пальто: Василий был в черном костюме с белым цветком в петлице и белой рубахе-косоворотке

с узорами, Пелагея — в белом платье, с фатой. Выпирающий живот невесты был хорошо заметен. Старушки в церкви поглядывали на этот живот и перешептывались.

...Неслись в заснеженном поле окутанные облаками искрящегося снега лихие тройки, звенели бубенцы, сверкали разноцветные ленты, заплетенные в гривы лошадей, и надрывалась гармошка, и хмельные голоса пели, и песня летела к горизонту, мешаясь со звоном бубенцов, храпом лошадей и стуком копыт.

Гайда, тройка! Снег пушистый,
Ночь морозная кругом,
Светит месяц серебристый,
Мчится парочка вдвоем.

Пелагея обнимала и целовала Василия, а тот тянул меха гармони, и сразу несколько парней и девушек, лежавших и сидевших в широких санях, орали во всю мощь своих легких.

Первенец родился вскоре после свадьбы. Бабка-повитуха вынесла в горницу белый сверток, раскрыла простыню и подала Василию новорожденного. Младенец кричал, сморщенное личико покраснело от натуги. Василий поцеловал его, поднял над головой:

— Кто там по святкам, бабка Ульяна?

— Первым Александр стоит... — прошамкала повитуха.

— Стало быть, Александром и будет! — воскликнул молодой отец.

...За два года совместной жизни Пелагея родила мужу еще двоих детей — дочь Клавдию и сына Аркадия. И не-

известно, как сложилась бы судьба Василия Чапаева, если бы летом четырнадцатого года не началась Первая мировая война.

Василий расцеловал по очереди трехлетнего Александра, двухлетнюю Клавдию и годовалого Аркадия, лежавшего в люльке. Пелагея стояла рядом, пышущая здоровьем красивая молодая женщина, и ее большие влажные глаза были подернуты тоской. Чапаев лихо подкрутил усы, обнял жену:

— Жди, Пелагея... ничо со мной не случится — я живучий... — И он весело улыбнулся: — Мне цыганка большую дорогу нагадала.

И судьба хранила Василия Чапаева, он был ловок, смел и удачлив. Весну шестнадцатого года рядовой Белограйского полка Чапаев встречал на фронте целым и невредимым.

В блиндаже — не продохнуть. Дым шел от раскаленной бочки, в которой горели дрова. Молодой прапорщик Звонников, накинув на плечи шинель, сидел перед вырезанной в бочке дверцей и время от времени подбрасывал в нее поленья. Рядом с ним на обрубке полена пристроился подпоручик Максимов и курил, глядя на огонь.

— Хватит топить, прапорщик! — нервно проговорил поручик Мальцев, сидевший в расстегнутом кителе перед шатким дощатым столом. За этим же столом расположилось еще трое офицеров — штабс-капитан

Савельев, еще один поручик по фамилии Нехорошев и подпоручик Неустроев. Играли в карты. На столе коптили две толстые свечи, кучкой лежали измятые ассигнации.

Еще трое офицеров спали на топчанах вдоль стен, накрывшись шинелями с головой. Рядом на дощатом полу валялись сапоги с наброшенными на них портянками.

— Зябко, господа... — улыбнулся прапорщик Звонников. — На улице такая сырость... Водки бы выпить, да где взять?

— К капитану Куравлеву сходите — у него есть, — посоветовал поручик Мальцев и продолжил разговор с партнерами по игре: — Нет, господа, должен сказать откровенно: солдат распустился — дальше некуда. Смотрят нагло... почти открытое неповиновение...

Прапорщик Звонников поднялся и вышел из блиндажа.

— Это все социал-демократическая сволочь пропагандирует, — сказал штабс-капитан Савельев. — Вот кого стрелял бы, как бешеных собак...

— Да ходите же вы, Нехорошев! Сколько ждать можно? — взъярился Мальцев.

— Было бы чем ходить... — задумчиво протянул Нехорошев. — Всю трефу выбрали... Все дело в том, господа, что от войны устали все — и солдаты, и офицеры.

— Особенно царь с царицей, — усмехнулся штабс-капитан. — Власть надо брать в свои руки. Армия должна взять власть! Генерал Брусилов! Алексеев! И трибуналы вводить! И будет порядок! Германцу накостыляем в два счета!

— Ходите, я вам говорю, — повысил голос Мальцев. — Мне в поиск через полчаса. Ей-богу, тошнит от ваших дискуссий!

Поручик Нехорошев бросил карту. Бросили и остальные.

— У кого король треф, черт возьми? — спросил Нехорошев.

— А у меня... — Мальцев с улыбкой накрыл карты на столе королем треф. — Тут-то вы, голубчики, и сели в большую лужу! И банчок мой. Денежки были ваши, а стали наши... — Мальцев сгреб со стола кучку ассигнаций, не считая сунул в карман кителя и поднялся. — Прошу прощения, господа, вынужден вас покинуть. Мне пора.

— С кем пойдете, поручик? — спросил штабс-капитан Савельев.

— Со старыми подручными. Правда, одного в прошлый раз убило. С одним человеком идти, конечно, не с руки, но что поделаешь... — Мальцев сбросил китель с двумя офицерскими георгиевскими крестами, стал надевать солдатскую гимнастерку.

— А возьмите Чапаева, — посоветовал Савельев.

— Какого Чапаева?

— Рядового из второй роты. Очень смышленый солдат. И бесстрашный...

— Не подведет? — спросил Мальцев.

— Ни в коем разе! Был с ним в деле... Бой под Сукрой помните? Проявил себя с лучшей стороны — сам видел. Десятерых австрияков в плен взял. Он за этот бой Георгия получил.

Василий Чапаев прошлепал по грязи до поворота траншеи, огляделся. Шинель на груди оттопыривалась. Он прошел дальше, до глубокого «кармана», вырытого в земле. Здесь на охапках березовых и еловых веток

сладко спал, укрывшись шинелью, Петр Камышковцев. Чапаев легонько толкнул Петра ногой:

— Дрыхнешь, сукин кот?

— М-м-м... — сонно отозвался Камышковцев. — Солдат спит, служба идет. А ты куды ходил-то?

— А на фольварк австрийский сходил, — усмехнулся Чапаев. — Гля, чего надыбал.

Василий вытащил из-за пазухи одну за другой двух куриц с открученными головами. На обрубках шей виднелась свежая кровь.

— Ух ты-и, матерь Божья! — Камышковцев сразу проснулся и сел. — Крику не было?

— Какое там! У их знаешь сколько живности там всякой? И тебе куры, и тебе гуси, и поросяты за стенкой в сараюхе хрюкают, и коровы мычат... Не обеднеют!

— Щас мы костерчик соорудим! Э-эх, давненько курятинки не пробовал! Вот праздник-то! Слышь, Вася, ты покудова водички принеси...

— Кто провиант добыл, не пойму я чего-то? — уставился на него Чапаев.

— Ты у нас справный добытчик, Василий! — заулыбался Петр Камышковцев. — Мы с тобой пол-Галиции прошагали — завсегда нос в табаке и в брюхе полным-полно!

— Вот и чеши за водичкой, говорун! Разбаловался ты у меня, Петро!

— Да ладно, схожу, мне не в тягость...

— Ишшо бы тебе в тягость было!

Камышковцев надел шинель, подпоясался ремнем и пошел по окопу.

Когда он вернулся с полным воды мятым ведром, у него от удивления отвисла челюсть — вокруг Чапаева толпились солдаты, а он доставал из вещевого мешка

одну за другой куриц с оторванными головами и раздавал их.

— Ай, Чапай, любушка! Ай, благодарствие тебе!

— Только молчок, мужики! Сварили, съели и — молчок! — говорил Чапаев, доставая последнюю курицу. — Все, братцы, чем богаты, тем и рады! Боле нету!

— Само собой, Василий!

— Мы тебе горилки раздобудем, Василий!

— Все-все, братцы, дуйте отсюда, не толпитесь, а то офицера набегут — начнутся расспросы: откуда, чего, кто?

— Сколько ж ты курей наворовал? — спросил Камышковцев, когда солдаты разошлись.

— Аккурат девять штук! — улыбнулся Чапаев. — Я бы и больше наловил, да там работник услышал, шум поднял — драпать пришлось без оглядки.

Скоро в «кармане» горел костерчик и на рогульке висел почерневший котелок, в нем булькал крепкий куриный бульон и плавали куски курятины.

Камышковцев снял варево с огня, отлил половину бульона в другой котелок, деревянной ложкой наложил туда мясо и протянул Чапаеву:

— На-ка, Василий, спробуй...

Василий черпанул бульона, подул и степенно отправил ложку в рот, почмокал:

— Ах, хорошо... как в раю... с такой курятины мы враз богатырями станем! Под стать Илье Муромцу!

Петр Камышковцев жадно набросился на еду, торопливо, обжигаясь, хлебал бульон, откусывал от ломтя хлеб, громко чавкал. На лбу у него выступил пот.

— Ах, знатна еда! Жинка такой вот бульончик варила... с картошечкой, с лучком, укропчиком...

— Хорошо жинка готовит? — прихлебывая, спросил Чапаев.

— Ух, хорошо. Потому и женился.

— Детишков много?

— Двое мал-мала... А у тебя?

— Трое, и тоже мал-мала... — улыбнулся Чапаев. — Правда, моя готовить-то не шибко проворная... все больше по любовной части... — опять улыбнулся он.

— Ишь ты! — усмехнулся Камышковцев. — Страстная, значит, женщина?

— Страстная... — вздохнул Чапаев и спросил: — Твоя пишет?

— На Троицу последнее письмо было... — сказал Камышковцев. — Я уж три отправил — молчок... А твоя?

— Да тоже не шибко старается. Тоже три письма отправил, и тоже молчок...

Два дородных австрияка в черных пиджаках и жилетках, при шляпах с перьями, перебивая друг друга, что-то быстро и обиженно говорили, глядя на штабс-капитана Савельева, восседавшего за дощатым столом и со скукой на лице рассматривавшего просителей.

— Чего они долдонят, Звонников? — наконец спросил штабс-капитан.

— Наш солдат забрался в фольварк и уворовал кур в количестве пятнадцати штук, — перевел прапорщик Звонников. — Требуют наказать виновных и возместить убыток.

— А хрена им с маслом! — махнул рукой Савельев. — Переведи им — они есть вражеское население! Солдаты недоедают — не успевают подвозить привиант, и если у них позаимствовали немножко продовольствия, то ничего страшного, не обеднеют! После войны все вернем! Я им расписку напишу! — Он ухмыльнулся, достал из планшетки лист бумаги, карандаш и стал писать.

Прапорщик Звонников перевел, и австрияки загалдели пуще прежнего, пока Савельев не хряснул кулаком по столу и не рявкнул:

— Пшли вон, я сказал! Звонников, отдай им расписку!

Прапорщик сунул старшему из австрияков исписанный листок и стал подталкивать их к выходу. Австрияки неохотно повиновались.

— Кто это их так распатронил? — спросил Савельев, когда Звонников вытолкал крестьян за дверь, гаркнув вслед:

— Эй, Полуяров! Проводи австрияков с позиций! Не положено тут гражданскому населению находиться!

— Как кто, вы не догадываетесь? — ответил Звонников, вернувшись к столу. — Чапаев, конечно. Ох и бедовый малый!

— Бедовый... — качнул головой штабс-капитан. — Мог бы и нам пару курей презентовать, сукин сын! Куда ему столько куриц?

— Так он солдатам все роздал! — сказал Звонников. — Признаться, они меня звали курятинки отведать, да я отказался.

Переодетый в солдатскую шинель поручик Мальцев, скользя по грязи окопа, добрался до землянки, где сгрудились с десяток солдат, куривших две самокрутки на всех. Они негромко переговаривались и разом смолкли, услышав шаги офицера.

— Здорово, молодцы, — поздоровался Мальцев.

— Здравья желаем, ваше благородие... — нестройно приветствовали его солдаты.

— Рядовой Чапаев здесь?

— Туточки, ваше благородие, — Василий Чапаев поднялся.

— Двигай со мной, Чапаев. В поиск пойдем, — приказал Мальцев. — Или что, охоты нету?

— Моя охота — пожрать получше да поспать подольше, — улыбнулся Чапаев.

Несколько солдат негромко рассмеялись.

— Из поиска с языками вернемся — и поспишь, и поешь.

— Ваши слова да в уши Господу, — отозвался Чапаев.

— Еще один охотник нужен. Не посоветуешь? — спросил Мальцев.

— Петро, ты как? — обернулся Чапаев к Петру Камышковцеву.

— А что? Можно сходить... — распрямился во весь свой немалый рост Камышковцев.

Уже стемнело, когда они подползли к заградительным рядам колючей проволоки, увешанной жестянками и пустыми бутылками. Чапаев выполз вперед, под проволоку, и большими кусачками принялся резать проход. Мальцев, Камышковцев и еще один коренастый, бородатый солдат по фамилии Куренко молча ждали. Время от времени то с одной, то с другой стороны раздавались одиночные выстрелы.

Наконец Чапаев проделал проход и первым пролез в него, пополз дальше. Остальные полезли следом. Предательски звякнули пустые бутылки и жестянки, в ответ сразу же застучал пулемет и захлопали винтовки. Разведчики замерли, прижавшись к земле. Потом осторожно двинулись дальше.

Передняя линия немецких окопов приближалась. Чаще стали раздаваться выстрелы. Но немцев видно не было — ночь была светлая, частые звезды заливали землю бледно-голубым светом. Разведчики ждали.

— Так и будем колодами тут лежать? — прошипел Мальцев.

— А чего делать прикажете, ваше благородие? — спросил Чапаев.

— Вперед ползти надо. Тут немец не гуляет. Вон над окопом сруб торчит — непременно пулеметная точка. Или блиндажик германец себе устроил... Хотя там, наверное, одни солдаты...

— А нам непременно генерала надо, ваше благородие? — съехидничал Чапаев.

— Поговори, поговори у меня, — огрызнулся поручик.

— Что, в зубы дадите?

— Могу и в зубы...

— Можно и обратно получить, — негромко, но внятно ответил Чапаев.

— Что-о? Да ты что, сволочь? — оторопел Мальцев. — Да я тебя... — И рука поручика потянулась к кобуре.

— Охолонись, ваше благородие... — Чапаев коротко передернул затвор винтовки. — Я раньше успею...

— Ах ты-и... каналья... — просипел поручик, рука его дрожала на рукоятке револьвера.

— Не балуй, ваше благородие... свидетелев нету... солдатики не в счет... порешу, и дело с концом... — тихо и твердо проговорил Чапаев.

Пауза смертельного напряжения затянулась. Чапаев и Мальцев смотрели друг другу в глаза. Потом поручик отнял руку от кобуры, сплюнул со злости.

— Ты че, Василий, осатанел? — испуганно толкнул Чапаева в бок Камышковцев.

— Ничего, вернемся — под трибунал пойдет! — пообещал поручик Мальцев. — Совсем распустились... Давай вперед, я сказал! Или пристрелю как труса!

Чапаев обжег его взглядом и скользнул в темноту.

— А вы чего рты разинули? — свирепо глянул поручик на Камышковцева и Куренко. — Вперед!

Солдаты поползли за Чапаевым. Спустя секунду Мальцев двинулся за ними.

Они перевалили через бруствер и свалились в окоп. Не в пример нашим у немцев дно окопа было устлано досками, и Чапаев, больно ударившись, шепотом выругался. Следом за ним с таким же стуком попадали в окоп Камышковцев, Куренко и поручик.

— Давай к блиндажу... — пихнув Чапаева кулаком в спину, распорядился Мальцев.

— Не толкайся, ваше благородие, — в зубы дам, — огрызнулся Чапаев.

В глубине окопа послышались голоса, стук сапог по доскам...

Разведчики прижались к земле. Голоса приближались. Мелькнул свет фонаря. В ночном полумраке постепенно проявились несколько фигур. На плече одного блеснул серебряный офицерский погон. Скоро можно было различить, что идут двое офицеров и трое солдат.

— Только тихо, ваше благородие, — прошептал Чапаев. — Наперед меня не рыпайтесь...

Выждав несколько секунд, Чапаев прыжком метнулся вперед и вонзил штык в грудь шедшему первым солдату. Тот захрипел, опрокидываясь навзничь, остальные настолько оторопели, что на мгновение замерли. Василий молниеносно выдернул штык из груди первого солдата и ударил им в живот второму. И крикнул:

— Давай!

Поручик Мальцев, Камышковцев и Куренко бросились к нему. Камышковцев успел сразить штыком еще одного солдата, а Мальцев придавил к стене офицера,

приставив ему к горлу ствол револьвера, и выдохнул по-немецки:

— Ни звука, господин капитан, застрелю сразу...

Капитан хлопал глазами и молчал, открыв рот. Второго офицера, лейтенанта, Куренко ударил прикладом винтовки по голове. Каска отскочила в сторону, и лейтенант упал, ударившись боком о стену окопа.

Вдвоем с Камышковцевым Чапаев связал обоим офицерам руки за спиной тонкой веревкой. Подоспевший Куренко заткнул им рты тряпками.

— Вылезайте, — жестом приказал пленникам Мальцев и стал помогать капитану вылезти из окопа.

Чапаев приподнял лейтенанта, который еще не совсем пришел в себя, и с помощью Камышковцева и Куренко вытолкнул его наверх.

В это время пришел в себя раненный штыком в живот солдат, нащупал рядом с собой карабин и выстрелил в спину Куренко, промахнулся и стал беспорядочно палить в воздух и истошно вопить:

— Рус! Рус!

Из блиндажа один за другим повыскакивали солдаты. Их глаза не сразу привыкали к темноте, поэтому они стреляли наугад в разные стороны, и Чапаев успел снять одного первым же выстрелом, потом второго, потом прыгнул на стену и выскочил из окопа.

Разведчики почти бежали по полю, согнувшись и толкая перед собой двух немецких офицеров. Вслед им гремели выстрелы, потом гулко застучал пулемет.

— Шнель! Шнель! — орал Мальцев и с силой тыкал стволом револьвера немцам в спины.

Бежавшие сзади Чапаев, Камышковцев и Куренко оборачивались и стреляли из винтовок.

Из окопов, паля по убегающим, стали выбираться солдаты. Потом появился офицер в стальной каске с шишаком, кричал что-то злобно, размахивал револьвером, подгоняя солдат вперед. Пулеметные очереди вновь и вновь прорезали темноту.

Разведчики добежали до колючей проволоки, набросили на нее шинели и погнали немцев через проход. Капитан и лейтенант, что-то мыча, полезли первыми.

Цепь немецких солдат приближалась.

Они уже перебрались через проволоку и пробежали еще около полусотни метров, когда пуля клюнула поручика Мальцева в спину — он споткнулся и упал лицом в землю. Пленные немцы остановились.

— Шнель, сволочь! Угроблю! — заорал Камышковцев и ударил капитана прикладом в спину. Тот чуть не упал, потом неловко побежал вперед. Лейтенант за ним.

— С ними давай! — велел Чапаев Куренко. — Если что — стреляй их, как курей!

Камышковцев припал к земле и стрелял по темным фигурам, мелькавшим вдалеке.

— Кончай палить! Они на нас по выстрелам идут! — цыкнул на него Чапаев и подполз к неподвижно лежавшему поручику. — Ваше благородие, живой?

— Пока живой... — простонал Мальцев.

— Ну, раз живой, тогда давайте-ка я вас... — Чапаев протянул ремень под мышками Мальцева, приподняв поручика, взвалил его на спину, с трудом поднялся и, согнувшись в три погибели, мелкими шажками побежал в темноту.

Немецкие солдаты все еще бежали вперед, стреляя наугад, но выстрелы становились все реже и реже...

Поручик Мальцев очнулся в лазарете. Сестра милосердия, сидевшая на табурете рядом с кроватью, увидев, что он открыл глаза, улыбнулась с облегчением:

— Ну, наконец-то, слава Тебе, Господи, — и перекрестилась. — Воды хотите?

— Хочу... — едва шевельнул пересохшими губами Мальцев.

Сестра приподняла его голову, вставила в рот носик белого фарфорового чайника.

Мальцев сделал несколько глотков, откинулся на спину, спросил:

— Долго я так?

— После операции три дня... вам пулю из спины вынимали... в рубашке родились — два сантиметра от сердца... — радостно затараторила сестра милосердия. — Доктор Илья Вениаминыч так и сказал: господин поручик дважды от смерти ушел — в рубашке родился...

— А первый раз когда? — прохрипел поручик.

— А когда вас солдатик на себе дотащил. Почти до лазарета. Он, бедный, сам едва дышал. На полчаса опоздал бы, и все...

— Знаю я этого солдатика...

В землянке было тесно. Солдаты сидели на земле, на охапках соломы, тянули цигарки, и табачный дым слоями плавал в свете керосиновой плошки, стоявшей на деревянном ящике.

Чапаев примостился на корточках рядом с ящиком и, хитро щурясь, рассказывал:

— На еврейском кладбище мать хоронит маленького сына и причитает: «И попроси, сыночек, Господа, чтобы Сарочка вышла замуж, и еще попроси, чтобы

дядя Хаим выздоровел и чтобы Мойшу забрали в солдаты...» Могильщик не выдержал и говорит ей: «Послушайте, почтеннейшая, если у вас столько дел к Господу, надо было самой идти туда, а не посылать маленького мальчика...»

Землянка взорвалась дружным хохотом, язычок пламени заметался. Чапаев толкнул в плечо друга, Петруху Камышковцева:

— Давай, твоя очередь.

Камышковцев затянулся цигаркой, не спеша заговорил:

— Заходит мужик в лавку и просит приказчика: «Дай-ка мне вон ту банку с конфетами». Приказчик дал. Мужик посмотрел, понюхал: «Нет, не такие. Дай-ка мне вон ту». Приказчик дал другую банку. Мужик опять понюхал и вернул: «Нет, не такие. Дай вон ту». Приказчик от злости красный стал, но дал третью банку. Мужик опять понюхал, отдал и собрался уходить. Приказчик не выдержал и говорит: «Ты куда? А платить?» — «За что?» — удивился мужик. «А за то, что нюхал!» Мужик вернулся к прилавку, достал двугривенный, постучал им о прилавок, сунул обратно в карман и пошел к двери. «Куды ж ты деньги спрятал?» — спросил приказчик. «А какая покупка, такая и плата, — ответил мужик. — Я понюхал, ты послушал».

Камышковцев замолчал, несколько человек кисловато рассмеялись. Кто-то сказал:

— Я этих конфет с самого начала войны в глаза не видал...

— Да хрен с ими, с конфетами, — зло проговорил другой. — Бабу бы живую... да голую... Уж я бы расстарался...

Вновь прокатился хохот. Чапаев проговорил:

— Одна молодка вышла замуж и после свадьбы встречает подружку. Та ее и спрашивает: «Ну как жизнь замужняя?» — «Да все так же, как и раньше, — отвечает молодка. — Только чаще...»

Солдаты дружно заржали, и Чапаев хохотал вместе со всеми, будто сам в первый раз услышал. А когда смех затих, пожилой боец сказал задумчиво:

— Воюем и воюем. И чего мы с энтим германцем не поделили?

— И я про то все время думаю. К примеру, лично я никаких дурных чувств к германцу не испытываю. Сколько их у нас в Поволжье проживает! Справные люди, строгие... в церкву ходют...

— У их вера не наша...

— Ну не наша, и что теперь? Их за то давай убивать? Нет, ну на хрен я должон с ими воевать?

— Ихний царь и наш Николашка чегой-то не поделили. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!

— Не скажи. И среди нашего брата есть такие, кому война что мать родна.

— Это кто ж такие?

— Да вон хоть наш Василий... — усмехнулся пожилой солдат. — Ему воевать в одно удовольствие. Только и знает, што кресты на грудяку вешает!

— Мне? — удивился Чапаев. — В удовольствие?

— А то... Двух Георгиев получил, скоро третьего дадут...

— Я, брат, воюю, чтоб живым остаться, а ты... кажный день смерти ждешь, — уже серьезно ответил Чапаев. — Я вот жену хочу повидать... и детишек... потому и берегусь. А Георгии — дело десятое.

— Много у тебя детишков-то?

— Слава Богу, трое по избе бегают...

Кондуктор Вольдемар Хряпушкин сидел разомлевший, в расстегнутом форменном мундире с начищенными до яркого блеска пуговицами и серебряными погончиками, с шумом тянул с блюдца чай вприкуску с колотым сахаром и то и дело поглаживал щегольские нафабренные усики. Говорил размеренно:

— В Петербурге, уважаемая Пелагея Самсонна, нынче полная емансипация...

— Какое? — переспрашивала Пелагея, улыбалась и кутала в пуховую шаль полные голые плечи. — Чтой-то я вас не понимаю, Вольдемар, что за емансипация?

— Полное равноправие полов, дражайшая Пелагея Самсонна! Ну просто — полное! Любовь — с кем захочу и когда захочу! — Вольдемар взял со стола графинчик с вином, аккуратно наполнил рюмки. — И без всяких объяснений! И безо всякой любви! А единственно по естественному желанию! — И он посмотрел на женщину горящим, жадным взглядом.

— Ну как же так можно? — повела плечами Пелагея. — Разве любовь без любви бывает?

— Так это у них там... в Петербурге! Разврат и сплошной кокаин! Там у них даже женский батальон сформировали — вот вам крест, не вру! Женщина в военной форме! Ах, какой разврат! На грудях гимнастерочки прям лопаются! А у нас... исключительно по любви, дражайшая... несравненнейшая Пелагея Самсонна! — Вольдемар хлопнул рюмку и проворно подсел к Пелагее, ловко обнял ее, пристроившись на самый краешек стула. — Моя любовь родилась, как неистовое пламя... она сжигает мою душу... При виде ваших прелестей разум мой мутнеет... и я превращаюсь в ненасытное животное, которое истово желает только одного — любви...

Пелагея таяла на глазах, потупив взор, и пышная грудь ее часто вздымалась.

В это время в сенях хлопнула дверь, раздались тяжелые шаги, и в горницу вошел отец Василия Иван Степанович. Застыл на пороге, кашлянул в кулак:

— Здрасте вам, Пелагея Самсоновна... видать, не ко времени...

Кондуктор Вольдемар принялся торопливо застегивать мундир. Поправил набриолиненный чуб, подправил усики и протянул Ивану Степановичу ладонь лодочкой:

— Рад представиться, Вольдемар Хряпушкин, кондуктор железных дорог его императорского величества...

Иван Степанович угрюмо посмотрел на кондуктора и вдруг тяжело взмахнул рукой и ткнул его кулачищем в лицо. Пелагея взвизгнула и вскочила. Кондуктор Вольдемар вскрикнул и упал навзничь, но тут же поднялся:

— Ты что себе позволяешь, хам! Да я тебя! Я сей момент к околоточному! Я приставу доложу! По какому праву?!

В ответ Иван Степанович снова замахнулся кулачищем, но кондуктор успел отскочить, схватил с вешалки шинель и ринулся в атаку. Иван Степанович посторонился, и кондуктор всем телом обрушился на дверь, распахнул ее и мешком вывалился в сени.

Было слышно, как Вольдемар скатился по ступенькам крыльца и побежал по улице.

— Что вы так сбесились, Иван Степаныч? — натянуто улыбнулась Пелагея. — Пришел культурный господин в гости... пили чай... а вы сразу — в морду!

Отец Чапаева молча шагнул к Пелагее, и, хотя та кинулась бежать, он успел схватить ее за волосы и тут же отвесил ей затрещину и пнул ногой под зад.

С криком Пелагея вылетела из комнаты.

— Убил бы сучку гулящую... детишков жалко... — прохрипел вслед Иван Степанович.

Артиллерия ухала равномерными залпами. Впереди черными фонтанами вздыбливалась земля, и даже отсюда было видно, как летели вверх вместе с землей доски и бревна немецких укрытий.

Солдаты столпились в окопах, выглядывали из-за брустверов. Чапаев с Георгиевскими крестами на груди и погонами фельдфебеля на плечах лихо подмигнул Петрухе Камышковцеву: дескать, смотри, как немца знатно выкуривают.

— Братцы-молодцы! Белограйцы! Главное — не робей! Как пошел в атаку — не останавливайся! Видал, как наша артиллерия их молотит?! Там одни мертвяки останутся! Так что не робей, братцы-молодцы! — громко говорил штабс-капитан Савельев, пробираясь по окопу.

Следом за ним шли поручик Нехорошев, подпоручик Неустроев и еще один поручик с офицерским Георгием на груди.

— Пуля — дура, штык — молодец! А немец штыка не любит! Как навалимся разом — он и побежит, только пятки засверкают! — продолжал выкрикивать штабс-капитан.

— Чует мое сердце — поляжем мы все тута... — проговорил Камышковцев.

— Не каркай, Петро, — усмехнулся Чапаев, глядя на поле и дальше — на немецкие позиции, где вырастали черные фонтаны земли. — Мы много разов могли полечь, а вот, поди ж ты, ишшо бегаем... Боженька охранит...

— Он охранит и приголубит... так приголубит — на карачках поползешь...

И в это время артиллерийская канонада разом оборвалась. Наступила полная тишина, слышно было даже, как над полем, разделявшим две армии, кричат птицы.

Штабс-капитан Савельев первым выбрался из окопа, разогнулся, поднял руку с револьвером:

— Братушки-молодцы! За мать-Россию! За веру! За отечество! Впере-е-ед!! Ура-а!!

Солдаты полезли из окопов с перекошенными от яростного крика «Ура!» лицами.

Скоро поле заполнилось бегущими солдатами и ощетинилось сверкающими штыками. Немецкие позиции ответили частыми выстрелами. Словно и не было артиллерийской подготовки, словно не перемешали там все вверх дном. На левом фланге гулко затарахтел пулемет, спрятанный под засыпанным землей бревенчатым коробом. Огонь валил людей шеренгами, и атака через некоторое время захлебнулась. Солдаты залегли, втискиваясь в землю, пряча головы за буграми и кочками.

Чапаев со своим другом Камышковцевым умостились в неглубокой снарядной воронке. Василий осторожно выглянул, изучая немецкие позиции:

— Вон там, на левом фланге, два пулемета... Сволочи, головы поднять не дают...

В воронку скатился весь перепачканный землей, задыхающийся штабс-капитан Савельев:

— Что, лежим? Долго так лежать будем? Пока всех не перещелкают?

— Да вон пулеметы на левом фланге, ваше благородие, — ответил Чапаев. — Ежели бы их глушануть — солдаты поднялись бы... Уж больно сильно косят...

— Как ты их глушанешь? — Савельев приподнял голову, вглядываясь. — Кинжальным огнем режут, гады! К ним и не подползешь никак...

— А ежели вон по той ложбинке — и в обход? — предложил Василий. — И прям в тыл к ним выйти можно...

— Давай, Чапаев, пробуй, — сказал штабс-капитан. — Атака выйдет — к Георгию представлю, слово офицера!

— Пяток человек бы мне да гранат поболе, — попросил Чапаев.

— Эй, солдаты! — Савельев замахал рукой лежавшим неподалеку троим солдатам. — Ползи сюда!

Солдаты с опаской подползли.

— Пойдете с фельдфебелем Чапаевым. Все его приказы сполнять, как мои! И не трусь, молодцы, не трусь!

— Гранаты свои мне давайте, — приказал Чапаев, и солдаты стали отстегивать от ремней гранаты и передавать Чапаеву. Тот складывал их за пазуху. Глянул на друга Камышковцева, усмехнулся в усы: — Ну, Петро, попытаем солдатского счастья?

— Одна попытала — семерых родила, — мрачно ответил Камышковцев.

— Как пулеметы замолчат, я людей в атаку подниму, — сказал на прощанье штабс-капитан Савельев.

...Пятеро солдат во главе с Чапаевым скатились в лощину, медленно поползли. Пулеметы стучали теперь прямо над их головами. Чапаев приподнялся, посмотрел:

— Вон там заграждение разворочено — пройти можно. Слышь, Петро, как я их гранатами глушить стану, сразу вперед бросайтесь. И кричите погромче. Понял?

— Чего тут не понять... — все так же мрачно отозвался Камышковцев.

Василий пополз в обход пулеметной точки. Квадратный бревенчатый сруб, засыпанный на конус землей, был хорошо виден на фоне утреннего голубого неба.

Два пулемета вели яростный огонь, не умолкая ни на секунду. Им вторили винтовки. Изредка ухали легкие пушки, и снаряды рвались в поле, среди лежащих ничком русских солдат.

Тройка лихих коней с храпом, с глухим перестуком копыт летела по дороге, выгибая крутые шеи, кося очумелыми глазами. Гривы плескались на ветру. Кучер посвистывал и стегал вожжами по лошадиным крупам.

А в лаковой пролетке сидели, обнявшись, Пелагея и кондуктор Вольдемар. Они сладострастно целовались, потом Вольдемар глянул пьяными глазами на кучера, крикнул:

— Гони, Федор! Гони, душа с тебя вон! — и, схватив бутылку шампанского, стал пить прямо из горлышка, а потом начал поливать шампанским пролетку, кучера, дорогу... Брызги летели во все стороны, Пелагея взвизгивала и хохотала.

Двое немцев сидели за пулеметным укреплением, у входа в сруб, наблюдая за полем, на котором лежали русские. Фигура Чапаева выросла над ними так неожиданно, что они не успели вскинуть винтовки. Грохнул один выстрел, через секунду — второй. Немцы, выронив оружие, уткнулись лицом в землю. Чапаев передернул затвор, пригнулся, одним прыжком очутился у дверцы в сруб, приоткрыл ее и швырнул первую гранату, потом вторую... третью... четвертую... Загремели взрывы, клубы дыма вырвались из узкой дверцы, послышались истошные крики раненых... и пулеметы замолкли.

— ...Белограйцы-молодцы! В атаку, братцы-и-и! — Штабс-капитан Савельев выскочил из воронки с револьвером в руке. — Вперед! Пустяк остался! Полсотни саженей! Вперед! — И он побежал.

Солдаты, один за другим, подымались в атаку, вскакивали офицеры, и вновь мощное «Ура-а!» покатилось по полю. Пулеметы молчали, и винтовочные выстрелы становились все реже и реже. Немцы выбирались из своих окопов и улепетывали в глубь позиций.

Поручик Мальцев появился в Белограйском полку посвежевший, отъевшийся на больничных харчах, в новеньком кителе с двумя офицерскими Георгиями на груди. Блиндаж был новый, но все в нем оставалось постарому — одни офицеры играли в карты, другие спали на топчанах, укрывшись шинелями. Не было только печки-бочки: на дворе — лето.

На столе стояла большая бутыль самогона, кружки, лежал немалый шматок ветчины, нарезанной ломтями, лук, помидоры.

— Рад приветствовать вас, господа, в добром здравии и за тем же любимым занятием! — весело поздоровался Мальцев.

Офицеры зашумели.

— Мальцев, пропащая душа!

— Женька, черт! Дай я тебя расцелую! С возвращением!

— А мы уж думали, ты того... в раю пребываешь!

— А вы и рады похоронить товарища! Почем нынче самогонка, господа? Где разжились?

— Интендант наш, чтоб он трижды был счастлив, раздобыл где-то в соседней деревне!

Самогонку разлили по кружкам, все чокнулись с Мальцевым, выпили, сели за стол закусывать. Двое проснувшихся офицеров подошли к столу, тоже налили себе в кружки, чокнулись с Мальцевым.

— А Неустроев где? — спрашивал Мальцев.

— Убит на прошлой неделе.

— А прапорщик Звонников?

— Тоже... И капитан Гречанинов, и поручик Дремов, и поручик Садовничий... — перечислял штабс-капитан Савельев.

— И капитан Гневашов, — добавил поручик Нехорошев, — и прапорщик Дудко...

— Нда-а... — покачал головой Мальцев. — Славно воюем...

— А так, как видишь, все по-старому, — усмехнулся Савельев.

— Вижу! Вильгельма в плен еще не взяли, и до Берлина далеко.

— Еще дальше, чем было раньше. Зато теперь Москва ближе...

— Профукиваем войну потихоньку, прости, Господи...

Закусывали ветчиной с хлебом. Молчали.

— Спаситель мой живой? — вдруг поинтересовался Мальцев. — Чапаев?

— За твое спасение Георгия получил, фельдфебель теперь, — ответил Нехорошев. — Потом наступление было, и его к четвертому Георгию представили. Подорвал укрепленное пулеметное гнездо противника и взял в плен пятнадцать австрияков.

— Лихо воюет, — покачал головой Мальцев. — Настоящий солдат.

— Да он просто создан для войны, — сказал Савельев. — На поле боя соображает мгновенно. Побольше бы таких, но... талантов много не бывает!

— А чем наступление кончилось? — спросил Мальцев.

— Прорвали оборону, углубились на сто верст, а через два дня стали отступать, — ответил Савельев.

— Почему?

— Да все то же, голубчик. Не подвезли боеприпасы, с флангов нависли две немецкие дивизии, а казаков, которые были приданы нашей армии для наступления, неожиданно перебросили на другой участок фронта... и под угрозой окружения наша славная армия стала отходить. Короче говоря, поручик, у нас как всегда: начали за здравие, кончили за упокой.

— Господа, не возражаете, если я предложу выпить за здоровье фельдфебеля Чапаева? — спросил Мальцев, берясь за бутыль самогона.

А в солдатских землянках шли свои разговоры.

— Конца-краю этому дерьму не видно. Чего воюем, за что воюем, вшей кормим в холоде да в голоде — кто скажет? Уря, уря! Тьфу!

— Че плюешься, дурак? Я те поплююсь! Расею-мать защищаем!

— От ты и защищай... а я, братцы, погляжу ишшо, погляжу да в бега подамся — к хренам собачьим энту войну!

— Ты болтай да не забалтывайся. Офицер какой услышит — загремишь под военно-полевой!

— А чихать! Хужей не будет! Че он мне присудит, твой военно-полевой? Те же окопы?

— Могут и расстрел присудить...

— А и пущай! Все одно не сегодня, так завтра укокошат.

— От я и говорю вам, братцы-солдатушки, кому энта война выгодна? Буржуям да помещикам. Жиреют, мошну деньгой набивают, в Петербурге в ресторанах такое творится, братцы, глаза на лоб лезут — шампанское рекой, кокакин, блядей што карасей в пруду! По всему Невскому шеренгами стоят! Гульба идет — земля гудит!

— Да ты видал, что ли?

— Не видел бы — не говорил! На побывку ездил — всего насмотрелся! Я же питерский, я ж на Путиловском заводе слесарил. Жинка там, детишков двое... вся еда — хлеб, капуста да картоха...

— Нда-а, кому война, а кому — мать родна...

— И я на побывку съездил после ранения — так лучше б и не ездил. Корова сдохла, детишки воют — исть просют, крыша в дому худая, сердце кровью облилось, хоть башкой в петлю полезай...

— Слышь, Степан, сыпани махорочки на закрутку, своя вся вышла.

— Вы потише со своей трепотней... фельдфебель услышит...

— Кто? Чапаев? Да он свой мужик — никогда не закладывал.

— Ишь сидит сыч-сычом... Видать, стряслось чего? Вроде письмо из дому получил...

Чапаев в разговоре участия не принимал, сидел вдалеке от всех, у двери, сгорбившись и тупо глядя на огонек лучины. К нему подсел Камышковцев, спросил:

— Ты че смурной такой, Василий? Письмо нехорошее? От жены?

— Братишка отписал... Спуталась моя сучка с кондуктором...

— Ох ты-и... — сочувственно вздохнул Камышковцев. — С этой войны проклятой разврат повсюду пошел, Василий...

— Приеду — своими руками придушу, — коротко ответил Чапаев.

— А детишков на кого оставишь?

— Так она и так детишков к моему отцу сбагрила, чтоб с кондуктором миловаться сподручней было, гадюка, тьфу, твою мать. На душе черно, Петро... жить не хочется...

— Брось, Василий, бро-о-ось... Бога не гневи... — покачал головой Камышковцев. — Ну хошь, пойду в деревню — самогонкой разживусь, выпьешь — полегчает?

И Камышковцев уже приподнялся с места, как дверь в землянку распахнулась и, нагнув голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел поручик Мальцев. Под мышкой у него была зажата бутыль самогона.

— Здорово, братцы! — громко поздоровался Мальцев.

— Здра... жла... ваше благородие! — загалдели солдаты. — С выздоровлением, ваше благородие!

— Фельдфебель Чапаев здесь?

— Здесь я, ваше благородие, — выступил из полумрака Чапаев.

— Ну, здравствуй, спаситель, — Мальцев протянул ему руку, едва не выронив из-под мышки бутыль.

— Здравия желаю, ваше благородие, — пожал протянутую руку Чапаев.

— Ну-к, выйдем на минуту. Пару кружек прихвати... — И поручик первым вышел из землянки.

В окопе Мальцев поставил на бруствер бутыль, кружки, налил самогону.

— В лазарете часто тебя вспоминал, Чапаев, — сказал поручик. — Помнишь, как мы с тобой чуть не пострелялись?

— Да забыл давно...

— А я не забыл... — серьезно проговорил Мальцев. — Не любишь ты офицеров, вижу, не любишь. А меня на горбу из последних сил тащил, жизнь спас... зачем?

— Так вы ж, ваше благородие, под военно-полевой обещали меня отдать, — усмехнулся Чапаев. — Вот я и тащил вас, чтоб вы свое обещание могли исполнить...

— А ты шутник... — тоже усмехнулся Мальцев. — Ну, давай...

Они чокнулись кружками, выпили, выдохнули, посмотрели друг на друга, и вдруг Мальцев обнял Чапаева и крепко расцеловал. Потом сказал:

— Подарок тебе хочу сделать...

— Стоит ли, ваше благородие...

— Стоит... — Мальцев отстегнул от ремня шашку в серебряных ножнах и протянул Чапаеву. — Держи.

— Шибко дорогая вещь, ваше благородие. Не возьму.

— А я говорю — бери. Нельзя отказываться, когда от души дарят. Как солдат солдату дарю. Бери, Василий.

Чапаев взял шашку, взвесил на руке, погладил ладонью узоры на серебряных ножнах, слегка выдвинул клинок, блеснувший в полумраке холодной сизой сталью.

— Что ж, премного благодарен... Всегда при мне будет.

Потом Мальцев достал портсигар, открыл и протянул Чапаеву. Тот отрицательно мотнул головой:

— Благодарствую, не балуюсь.

Мальцев закурил, посмотрел на звездное небо, проговорил:

— Ишь ты, как много... и у каждого своя звезда есть... Какая моя, как угадать? И когда закатится?

— Господь знает... да не скажет... — тоже глядя на небо, отозвался Чапаев.

— Ты откуда родом, Василий? — спросил Мальцев.

— Из Балакова... с Поволжья... а вы, ваше благородие?

— Я с-под Уральска... — ответил Мальцев.

— Из казаков, стало быть? — прищурившись, глянул на поручика Чапаев.

— Да нет... хотя казаки в роду имеются. Поместье у отца там.

— Батюшка, поди, в поместье нынче проживает?

— Отчего же? Отец тоже воюет... в чине полковника на Северо-Западном, полком командует... Дома теперь одна сестра живет.

— Землицы, поди, много имеете?

— Да не то чтобы... кое-что имеется... хозяйство кое-какое...

— Батраками пользуетесь? — спрашивал Чапаев, и глаза его сделались вовсе нехорошими, и желваки напряглись под скулами.

— Есть управляющий. Он и ведет хозяйство. Часть земли крестьянам в аренду сдали, ну, и батраки, конечно, есть... Конный завод есть, мельницы, маслобойни... еще чего-то... я, знаешь, подробно в эти дела не вникал. На то управляющий есть.

— Так-так... — Чапаев вновь посмотрел на небо. — Не пойму я, ваше благородие, неужто Бог так распорядился? У одних земля, а у других — ни хрена. Одни опиваются и обжираются — другие по всей Руси побираются, за Христа ради кусок хлеба просют. Одни ишачут, не разгибая спины, а прибыльные денежки другим в карманы текут... Неужто Богу такое устройство

жизни нравится? — Чапаев внимательно посмотрел на поручика.

— Э-э, да ты, я вижу, социал-демократ? — насмешливо сказал поручик.

— Как вы сказали?

— Социал-демократ. Тот, кто против царя, помещиков и заводчиков, — пояснил Мальцев. — Неужели про таких не слышал?

— Слышал, конечно... Разное говорят, а я просто рассуждаю... Сдается мне, отымут у вас землицу, и мельницы, и маслобойни... — вздохнул Чапаев.

— Это тебе социал-демократы говорили?

— В народе разное болтают...

— Среди солдат есть социал-демократы? Большевики? — нахмурился Мальцев.

— У них на лбу не написано, — усмехнулся Чапаев. — Может, и есть...

— И что же, солдаты согласны с этой пропагандой?

— Солдатам война осточертела, ваше благородие. Солдату домой хочется, к семье, к детям... к хозяйству...

— Война всем осточертела, Василий, — нахмурился Мальцев.

— Всем, да не всем, ваше благородие. Бают, на этой войне заводчики разбогатели страсть как! Сколько пушек да снарядов надобно? Сколько винтовок да патронов? И шинелей сколько для солдат? А гимнастерок? А сапог? Вот и получается — одни в окопах умирают, а другие богатеют. Что, неправильно рассуждаю?

— В общем-то, правильно, Василий... — задумавшись, ответил Мальцев. — Но, видишь ли, кроме всего этого есть еще родина... Россия... и ее хочет поработить германец. И святой долг русского человека — родину защищать... как это делали предки наши во все века.

— Ладно, не будем про это, ваше благородие, — улыбнулся Чапаев. — А то мы с вами будто слепой с глухим говорим. Просьбишка у меня к вам есть, ваше благородие.

— Говори. Помогу, чем могу.

— Домой бы на побывку съездить... очень надо...

— А когда Георгиями награждали, разве не ездил? — удивился Мальцев.

— Да нет, не получилось. Наступление началось... потом отступление. Сплошная карусель — какой там отпуск? Замотала война, будь она неладна.

— Ладно, напишу представление командиру полка. Думаю, не откажет. Заслужил.

— От за это премного благодарен.

Подтянутый, в новенькой шинели с тремя Георгиями на груди, с шашкой на боку и револьверной кобурой на поясе, Василий Чапаев ранним утром подходил к своему дому. Открыл калитку, прошел через палисадник и поднялся на крыльцо. Подергал дверь — она оказалась заперта. И тогда Василий с силой рванул ее и вошел в дом.

В темных сенях он споткнулся о лавку, на которой стояло ведро с водой — ведро опрокинулось, вода зажурчала по доскам, облила сапоги и заправленные в них солдатские штаны. Василий глухо выругался и открыл вторую дверь — в большую комнату.

— Пелагея! — громко позвал он. — Встречай!

Никто не отозвался, но за другой дверью, ведущей во вторую комнату, послышалось какое-то движение. Василий шагнул, рывком открыл ее и почти нос к носу столкнулся с человеком в белых кальсонах, со всклоко-

ченными волосами и тонкими усиками. И тут же раздался тонкий визг Пелагеи — голая жена Чапаева сидела на кровати и тянула на себя одеяло. Ее льняные волосы были растрепаны, а круглые глаза полны ужаса.

— Что, сморчок, сладко с чужой женой миловаться, пока мужик на фронте? — Василий пытался посмотреть кондуктору в глаза, но никак не мог поймать его взгляд, и тогда коротко «ухнул» и сильно ударил Пелагеиного полюбовника кулаком в скулу. «Сморчок» полетел на пол, тут же вскочил, придерживая спадающие кальсоны. Василий рубанул его кулаком еще раз и прорычал глухо: — Убью тебя, паскуду!

Кондуктор снова упал, но вскакивать уже не стал, а пополз на четвереньках под кровать. Василий ударил его сапогом по заднице, и кондуктор буквально въехал туда на карачках.

— Вася! Васенька! Не убивай его! Тебя в тюрьму посадят! — вопила Пелагея.

Василий опустился на табурет, стоявший у кровати:

— Э-эх, Пелагея, Пелагея, никак не думал, что ты окажешься такой сучкой... Даже детей к отцу отправила, чтоб разврату твоему не мешали, до чего же хитрые животные — эти бабы! — Василий покачал головой. — Эх, Пелагея, что с тобой делать? Прибить тебя до смерти, что ли?

— Вася... Васенька... — судорожно всхлипывала Пелагея, прикрываясь одеялом. — Бес попутал...

— Бес... — опять вздохнул Чапаев. — Я щас этого беса с-под кровати выволоку и пристрелю к чертовой матери!

— Василий Иваныч... — раздался из-под кровати робкий, подрагивающий голос. — Дозвольте одежонку забрать...

— Одежонку тебе, сучий хвост, — нагнулся Чапаев, заглядывая под кровать. — В кальсонах побежишь! А ну вылазь!

Кондуктор медленно выбрался из-под кровати. Чапаев расстегнул кобуру на поясе и выдернул револьвер.

— Вася-а-а! — вновь истошно завопила Пелагея.

— Бего-о-ом ма-а-арш! — крикнул Чапаев и выстрелил в потолок.

Кондуктор пулей вылетел из дома. Чапаев сгреб одежду любовника, лежавшую горкой на другом табурете, взял его сапоги и, открыв дверь, выбросил на крыльцо. Вернулся в комнату и сказал, снова вынимая револьвер из кобуры:

— И ты давай за ним, сучка блудливая! Быстро! Не жена ты мне больше, поняла?!

Пелагея, успевшая натянуть нижнюю рубаху, сползла с кровати, всхлипывая, поползла на коленях к Чапаеву, обняла его за ноги, прижалась:

— Васенька, родненький, прости за Христа ради... Я всегда только тебя любила...

— Ну да, меня! А с кондуктором блудила!

— Бес попутал, Васенька... Уж так он ко мне подкатился, гад подколодный... уж так он меня совратил... цветы носил, конфеты, пирожные... вином поил...

— Тут ты и поплыла, стерва! Тут ты ноги и раскинула! — Чапаев попытался освободиться, дернулся, но Пелагея держала крепко и выла не переставая:

— Прости, любый мой, прости меня, дуру слабую! Всегда только тебя любила, разрази меня гром! Провалиться мне на этом месте! Пралич меня разбей! Руки-ноги отсохни и язык отнимись! — И она принялась исступленно целовать его колени, ноги, постепенно поднимаясь все выше и выше, и наконец ее зареванное лицо

оказалось на уровне лица Чапаева, и он увидел ее сочные алые губы и чуть раскосые зеленые глаза... и белую шею... и плечи... и налитые жизненной силой груди... Даже голова закружилась, и горло перехватило, Василий только и смог пробормотать:

— Эх, Пелагея, Пелагея... что ж ты со мной делаешь, ведьма ты сладкая? — Он обнял ее, прижал к себе, стал жадно целовать истосковавшимися губами... Револьвер выпал из его руки, и грохнул выстрел.

Они испуганно вздрогнули, и Пелагея тихо рассмеялась, уткнувшись лицом Василию в грудь, а руки ее продолжали гладить мужа. Он прошептал:

— Ведьма ты, Пелагея... убить тебя мало...

В ответ женщина вновь рассмеялась и начала осыпать поцелуями его лицо. Чапаев издал горлом утробный звук и повалил Пелагею на кровать.

А потом в дом набилось полным-полно гостей, и стол ломился от угощений и бутылей самогона, и гремела гармошка.

Как солнце закатилось,
Умолк шум городской,
Маруся отравилась,
Вернувшися домой!
Измена, буря злая,
Яд в сердце ей влила,
Душа ее младая
Обиды не снесла... —

играл на гармошке и заливисто пел кудрявый белокурый паренек, сверкая синими глазами.

Гости гудели, переговаривались, наливали и пили, поглядывая на Чапаева, сидевшего во главе стола с детьми

на коленях. Рядом сидели седой, сильно постаревший отец и брат Григорий в линялой гимнастерке с пустым рукавом вместо левой руки. Пелагея то и дело входила и выходила из комнаты, раскрасневшаяся, счастливая, — вносила новые миски с огурцами и помидорами, кусками вяленой рыбы и селедки, дымящейся вареной картошкой, просяной и гречневой кашей, нарубленными кусками свинины и курятины. Она расставляла миски и тарелки на столе, улыбаясь всем, собирала пустую посуду.

— Простил? — спросил Григорий, посмотрев вслед Пелагее.

— Да куды я денусь, Гриша? — вздохнул Василий и поцеловал сына в макушку. — Люблю я ее... да и детишки, как им без матери?

— Ну и дурак... — сказал Григорий.

— Дурак, конечно... — невесело согласился Василий и посмотрел на пустой рукав гимнастерки брата. — Вчистую, значит?

— Да, отвоевался... — Григорий налил в граненые лафитнички самогону.

— Опять спроть царя агитировать будешь?

— А я и не переставал, — усмехнулся Григорий. — Всех к ногтю — и царя, и помещиков вместе с заводчиками...

Они чокнулись, выпили, пожевали квашеной капусты.

— В армии худо стало — всем война поперек горла, — хмурясь, проговорил Василий.

— Скоро весь народ на дыбки встанет, помяни мое слово. Вся Расея спроть эксплутаторов подымется.

— Поглядим...

К чему страданья эти,
Ведь жизнь меня страшит,
Я лишняя на свете,
Пусть смерть свое свершит!
И полный скорбной муки
Взор к небу подняла,
Скрестив худые руки,
Маруся умерла... —

продолжал старательно петь кудрявый паренек.

— А ты чего ждешь? — спросил Григорий.

— А чего?

— Давно бы в большевики записался.

— В кого, в кого? — не понял Василий.

— Ну вот я, к примеру, член РСДРП большевиков, — пояснил Григорий. — Самая близкая к народу партия.

— Чего-то мудрено больно, — поскреб в затылке Василий. — В армии энтих большевиков ежли поймают, так сразу в военно-полевой суд и стреляют.

— Ты небось и стреляешь...

— Че ты мелешь, Гриша?!

— А то! Гляжу на тебя — крестов на себя понавешал, что Петрушка на ярмарке.

— Ты мои кресты не трожь, — нахмурился Василий. — Они мне кровью достались.

— За кого воюешь, Вася? За буржуев да помещиков? От они тебя крестами и одаривают.

— За Россию воюю... за веру православную... И ты этого не трожь, большевик хренов, не то я тебе в ухо залеплю.

— Тьфу, дурак... — Григорий снова стал разливать самогон в лафитники.

— Во-во, все дураки, одни вы, большевики, умные, — усмехнулся Чапаев. — Надерут вам жопу, и правильно сделают.

4 Зак. № 212

— Это мы ишшо поглядим, кто кому надерет!

— С властью шутки плохи, Гриша. Казаки свово за здорово живешь не отдадут.

— Не отдадут — силой отберем.

— Это ишшо надо поглядеть — у кого сила, — качнул головой Василий. — Казак сызмальства при коне да при шашке, а мы привыкшие руками работать да горб на пашне гнуть.

— Ничо, мы на войне тоже научились и шашку держать, и из винтовки стрелять, — не сдавался Григорий.

— Хорошо ты из винтовки стрелять будешь — одной рукой.

Опять выпили, пожевали квашеной капусты. Василий подошел к пареньку, отобрал у него гармошку, присел с краю на лавку, растянул меха и заиграл и запел:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

И все гости дружно подхватили припев, пели с пьяным старанием и надрывом...

А потом гармошка заиграла совсем другое, и шесть пар каблуков выбивали частую залихватскую дробь:

Барыня, барыня,
Сударыня барыня!
Барыня, ходи ко мне, ходи!
Барыня, люби меня, люби!

И ярче и яростнее всех плясала и рассыпала дробь чечетки жена Пелагея, и ее сверкающие глаза были устремлены на мужа, и тугая грудь колыхалась...

И Василий наяривал на гармошке и не отрывал взгляда от жены.

Моя милка — семь пудов,
Распугала всех быков!
И со страху все быки
Убежали до реки!

Василий Чапаев пришел днем к церкви, которую когда-то строил. Войдя, он широко перекрестился, держа фуражку в левой руке. Недавно кончилась служба, и старушки мокрыми тряпками вытирали затоптанный каменный пол. Горели тонкие поминальные свечи и свечи «во здравие», мерцали лампады перед большими иконами. Высокий священник стоял в углу церкви и читал какую-то книгу. Это был отец Михаил, который когда-то, давным-давно, дал Василию канифоль, когда тот поднимал крест на купол церкви.

Чапаев купил у входа пять тонких свечек у старушки в черном длинном платье и черном платке. Потом подошел к золоченой свечечнице перед иконой Казанской Божьей Матери, поставил свечки за помин души. Долго чиркал спичками, зажигая. Перекрестился и постоял в задумчивости, глядя в печальные глаза Казанской Богородицы. В церкви была тишина, только шаркала мокрая тряпка прислужницы, вытиравшей пол.

Потом Чапаев подошел к отцу Михаилу:

— Здравствуйте, батюшка...

Священник обернулся, не сразу узнал Чапаева, улыбнулся:

— О, Василий! Душевно рад видеть. Сильно ты изменился. Немудрено, столько лет не виделись... С войны пришел?

— С войны... на побывку... скоро обратно...

— Эва, крестов у тебя сколько, — вновь улыбнулся отец Михаил. — Стало быть, хорошо воюешь, молодец.

— Да уж и не знаю — молодец или просто везучий, — развел руками Чапаев.

— Помнишь, как крест на купол поднимал да и свалился оттуда?

— А как же... иной раз даже снится, как лечу вниз...

— Я сказал тогда — Бог тебя сохранил, — припомнил отец Михаил. — Вот и по сей день тебя сохраняет. Радуйся.

— Долго ли так продлится, батюшка?

— А не делай зла людям, и Господь всегда с тобой будет...

— Да как же, батюшка? Я уже столько людей поубивал, что и подумать страшно, а вы говорите — зла людям не делай.

— На войне убивал — родину и веру православную защищая, — мягко возразил отец Михаил. — Господь простит такие грехи... ежли молиться усердно будешь.

— Когда ж молиться, батюшка? — усмехнулся Чапаев. — Снова на войну пойду... Да и сомнения берут меня шибко. Ежли за Родину и за веру, чего тогда народ против этой войны? Любого солдата спроси — обрыдла ему война, не хочет воевать.

— Да, война — дело тяжкое и греховное, — и отец Михаил потупил глаза. — А ежли воевать не хочешь — прими схимну, ступай в монахи.

— И всем солдатам в монахи подаваться? — невесело покачал головой Чапаев. — Не-ет, батюшка, тут чего-то не так... А вот вы мне скажите, батюшка, почему крестьянин, который на земле работает, — беден, а помещик — богат. Почему рабочий на заводе горбатится — беден, а заводчик — богат? Разве справедливый порядок?

— Несправедливый... — тихо ответил отец Михаил.

— То-то и оно... Небось знаете, что есть люди, которые порядок этот порушить желают? Землю, стало быть, крестьянам отдать, а заводы — рабочим. — Чапаев пытливо смотрел на него. — Революционерами их называют... социал-демократы... эсеры всякие... большевики...

— Знаю, — так же тихо отозвался отец Михаил. — Ты хочешь к этим людям примкнуть?

— Не решил еще, батюшка... — не сразу ответил Чапаев. — Думаю...

— Запомни только одно, Василий. Кровь породит еще большую кровь, ненависть — еще большую ненависть, и если пойдет русский на русского и брат на брата — великие беды ждут Россию...

— Э-эх, уж чем-чем, а бедами Господь Россию не обделил, — вздохнул Чапаев. — И как бы узнать, батюшка, сколько ишшо Господь отмерил бед на наши головы...

— Ну, гляди, Пелагея, ежли ишшо раз напаскудишь — точно застрелю, — проговорил Василий, прощаясь с женой.

Она стояла перед ним, и детишки прилепились по бокам, глазели на отца. Чапаев подкрутил усы, обнял Пелагею и крепко расцеловал. Потом разом поднял на руки детей и тоже расцеловал по очереди. Поставил их на пол и шагнул к двери, но вдруг порывисто вернулся, снова обнял Пелагею и стал целовать жадно, ненасытно. Пылкая, налитая здоровьем женщина застонала в его объятиях. Чапаев не выдержал, подхватил Пелагею на руки и понес в другую комнату, и шашка стукалась о сапоги, и позвякивали шпоры.

— Вася-а-а... Васенька-а-а... — задыхалась Пелагея. — Как же я без тебя буду...

Чапаев повалил ее на кровать, принялся торопливо раздевать...

На фронт Чапаев ехал в теплушке, набитой такими же солдатами. Стучали колеса, протяжно гудел паровоз. Чапаев сидел у полуоткрытой двери, смотрел на мелькавшие перелески, унылые осенние поля, дома с черными от дождей крышами, вросшие в землю, редкие стада на мокрых лугах.

Подъехали к станции. Поезд стал сбавлять ход, прогудел сипло и встал. И сразу всех оглушили крики. На станции митинговала большая толпа солдат и штатских. Кричали так, что невозможно было разобрать слов.

— Че там? Чего митингуют?

— Да вроде спроть войны! Долой и долой.

— Нешто пойти послухать?

— А то ты мало слышал? По всей Расее орут одно и то же — слобода и долой войну и царя.

— Это все жиды да скубенты воду мутят, сукоедины.

— Не скажи — вона народ волнуется, какие они жиды? Рабочий люд, драный да голодный.

— Во-во, жиды мутят, а народ орет!

Среди толпы выступал какой-то штатский в коротком пальто с барашковым воротником. Кричал, размахивал руками, доносились только отдельные слова:

— Самодержавие! Империалистицкая! Помещики-капиталисты! Земля! Свобода!

И вдруг откуда ни возьмись на станцию налетела сотня казаков, рассыпавшись веером, с гиканьем вспорола толпу, стала полосовать нагайками и шашками.

Загремели выстрелы. Народ бросился врассыпную. Казаки гнались за бегущими, рубили шашками, стреляли из винтовок.

В вагоне откликнулись:

— Казачки завсегда тут как тут...

— От казачков пощады не жди — верные царевы собаки.

— Ох и полосуют, мамоньки, мастера!

— Своих же в капусту рубят, не жалко... от зверюги...

— Им приказали, они и рубят — присяга...

— Не скажи — от души рубают, себе в удовольствие...

— Казак — он и есть казак. Когда он простого мужика любил?

Мимо вагона пробежали капитан в расстегнутой шинели, за ним подпоручик и трое солдат с винтовками наперевес.

— Отправляй поезд, сволочь! Отправляя-а-ай! — яростно орал капитан и грозил кому-то кулаком.

Паровоз вновь сипло прогудел, и поезд тронулся, застучали колеса, зашатались вагоны, потрескивая дощатыми переборками.

Сквозь приоткрытую дверь вагона Чапаев смотрел, как казаки расправлялись с митинговавшими. Многие остались неподвижно лежать на земле.

Вагон мотало из стороны в сторону, стучали колеса, трещали деревянные переборки...

ГЛАВА 3

И вот началось! Волна революционных событий прокатилась по России.

Перестрелки с казаками и городовыми... Демонстрации протеста в Петрограде, Москве, Новгороде, Самаре, Киеве... На улицах половодье красных бантов — на шинелях, пальто, гимназических куртках, на фуражках и дамских шляпках... Счастливые улыбающиеся лица людей. Господи, сколько радости, сколько надежд, сколько ожиданий! Сколько счастья! Жизнь должна перемениться к лучшему!

И сколько беды и самых мрачных прогнозов...

Государь император Николай II подписал отречение от престола в ставке в Могилеве. На политическую арену выступили Керенский и Временное правительство. Снова ликующие демонстрации, плакаты и транспаранты с надписями: «Свобода! Равенство! Братство!».

В Питере случилось невиданное — братание солдат с казаками. Шли аресты городовых, разгромили полицейские управления в обеих столицах. Антанта признала Временное правительство Российской республики, но четко дала понять, что Россия должна остаться верной союзническому долгу...

Заголовки в английских, французских и русских газетах пестрели словами «большевики», «эсеры», «кадеты», «генералы» и портретами Ленина и Троцкого, Ма-

рии Спиридоновой и Бориса Савинкова, Гучкова, Милюкова, Керенского... Вся страна с тревогой всматривалась в лица генералитета, надежды воюющей России — Духонина, Алексеева, Корнилова, Краснова, Деникина, Каледина, Колчака...

Все эти личности, от которых тогда зависела судьба огромной империи, в те дни разглагольствовали и рассуждали о будущем России, философствовали, «перенимали» европейский опыт строительства цивилизованного государства. Только две категории людей знали, что будут делать. Большевики во главе с Лениным и Троцким, которые решительно настроились на превращение империалистической войны в гражданскую и уже нацелились на военный переворот и захват власти, и генералы, твердо стоявшие за сохранение России как империи. Остальные, с современной точки зрения, были пустозвонами, либералами, проговорившими все и вся, безвольно отдавшими власть большевикам...

Несмотря на то что в феврале 1917 года в России произошла революция и Российская империя перестала существовать, война продолжалась.

...И вновь поле перепахано минными и снарядными взрывами. Мины истошно визжали в воздухе, и от этого визга тошнота подкатывала у солдат к горлу. Брустверы и сами окопы были разворочены снарядами.

Камышковцев лежал в разбитой воронке, судорожно хватая ртом воздух. На животе у него была страшная кровавая рана. Чапаев расстегнул окровавленную шинель, задрал гимнастерку, оторвал от нижней рубахи клок и пытался закрыть рану. Материя быстро намокала, кровь сочилась между пальцев.

— Санита-а-ар! — оглядываясь по сторонам, заорал Чапаев. — Щас, Петро, щас, потерпи малость... Щас тебя санитары заберут... в лазарете оклемаешься...

— Какой лазарет, Василий, че ты мелешь? — тяжело дыша, отвечал Камышковцев. — Подыхаю, не видишь, что ли?

— Брось, брось, не ерунди, Петро... потерпи, тебе говорю... Санита-а-ар, твою мать!

А вокруг свистели мины и снаряды, один за другим следовали взрывы, где-то в стороне стучали пулеметы, и дробью рассыпались винтовочные выстрелы.

— Третья рота-а! Пятая рота-а-а!! — кричали офицеры. — Отходи-и-ить!

Мимо Камышковцева и Чапаева пробегали солдаты, хлюпая сапогами по лужам, разбрызгивая грязь. В нескольких метрах от них лежали двое мертвых в мокрых грязных шинелях.

— Слышь, Василий, дай мне слово... — хватая ртом воздух, заговорил Камышковцев. — О детях моих позаботься... дай слово, Василий... пред Богом тебя прошу... как друга...

— Даю слово, Петро... — ответил Чапаев. — О детях позабочусь. Будь спокоен, Петро. Как другу обещаю... пред Христом Богом обещаю тебе...

— Спасибо тебе, Василий... на бабу мою надежда у меня плохая... загуляет, детей бросит... вон как твоя... А мы с тобой хорошими друзьями были, ты мужик верный, не подведешь... Прощай, Василий, не поминай лихом...

Камышковцев прикрыл глаза, вздрогнул и вытянулся.

Чапаев распрямился, стащил с головы серую папаху и широко перекрестился.

———

Василий Чапаев стоял в канцелярии полка перед столом писаря и пытался втолковать:

— Распоряжение написать надо, ваше благородие. Насчет моего жалованья.

— Какое еще распоряжение? — писарь оторвался от бумаг.

— Половину моего жалованья по другому адресу отсылать надо будет.

— По какому адресу? Что ты чудишь, Чапаев?

— Камышковцева Петра убило в прошлом бою. Из моей роты. Дружок мой был верный. Семья у него осталась. Двое детишков малых. Половину моего жалованья им отсылать буду.

— У тебя же самого детишков малых трое, Чапаев? — тихо удивился писарь. На плечах у него тоже были лычки фельдфебеля.

— Ничего, хоть и помалу, но всем поровну, — сказал Василий. — Я Камышковцеву слово дал.

— Ну раз слово дал... — вздохнул писарь и покачал головой. — Чудной ты мужик, Чапаев... Слово он дал... А что твоя жена скажет? С фронту домой придешь — глаза выцарапает.

— Ничего... как-нибудь обойдется...

— Не, чумной ты мужик, Чапаев. Свою семью хлеба лишить, а чужих кормить — это же додуматься надо.

— Камышковцев мне не чужой. Он мне другом был... Что ж, его дети с голоду помирать останутся? Я этого допустить не могу.

— Я и говорю — чумной, — усмехнулся писарь. — Это на тебя война так нехорошо подействовала, Чапаев... все мы тут мало-мало умом тронулись... Ладно, садись вон за тот стол, пиши свое распоряжение.

В офицерском блиндаже, как и прежде, играли в карты и на дощатом столе стояла большая бутыль самогона, жестяные кружки, лежала нарезанная на ломти краюха темного хлеба. Слышалась близкая канонада, и крыша блиндажа из накатных бревен вздрагивала, сквозь щели сыпалась земля.

— Семь пик, поручик.

— А у нас девяточка имеется. А вот вам десятка червей — чем ответите, капитан?

— Да ничем. Все черви у Сазонова, чтоб он был счастлив.

— Э-э, была не была! Какой русский не любит быстрой езды!

— Я знаю какой...

— Интересно. Скажите.

— Тот, на котором едут...

Офицеры негромко рассмеялись. Сазонов сказал:

— Не в бровь, а в глаз, поручик.

— Последняя взяточка моя, господа, моя. Я недаром короля треф приберег. Позвольте банчок забрать. — И капитан Савельев стал собирать со стола деньги.

Дверь в блиндаж распахнулась, и влетел поручик Мальцев, держа в руке бланк телеграммы.

— Господа! В Петрограде переворот! Большевики взяли власть! Временное правительство арестовано! В Москве отряды большевистской Красной Гвардии из рабочих, солдат и матросни штурмом взяли Кремль... Это сумасшедший дом, господа! Я даже не знаю, что теперь следует делать!

Офицеры замерли, повернувшись к Мальцеву.

— Я только что из штаба дивизии. Из Петрограда пришла телеграмма. Власть перешла к Совету народных комиссаров во главе с Лениным.

— Он же германский шпион... — растерянно ляпнул поручик Новоселов.

— А Керенский где? — почти хором спросили офицеры

— Керенский бежал из России. В неизвестном направлении. Правительство арестовано большевиками.

— Дайте-ка телеграммку, — попросил капитан Савельев и, взяв бумагу, внимательно прочел, потом положил ее на стол и сказал: — Это конец, господа...

— Чему конец, простите? — спросил поручик Новоселов.

— России... нам всем... заварится такая кровавая каша...

— Э-э, бросьте, капитан! Россию много раз хоронили.

— Большевики власть взяли, идиот! Хуже быть не может! — вскричал Савельев. — Вы не знаете, кто такие большевики? Бандиты! Террористы! Без Бога и Родины в душе! Это антихристы!

— Что это вы в истерику сразу, капитан? В России есть и другие силы! Истинные патриоты! Офицерство!

— А я вам повторяю, большевики власть взяли, идиот вы эдакий! — в бешенстве заорал капитан.

— Или вы возьмете свое оскорбление обратно и принесете извинения, или я вас застрелю! — Поручик Новоселов рванул из кобуры револьвер.

— Вы с ума сошли, господа, прекратите немедленно!

— Пусть он возьмет оскорбление обратно! — Поручик держал револьвер наготове.

— Много хотите, поручик, — ядовито улыбнулся капитан Савельев. — Я слов на ветер не бросаю.

— Тогда — на коридор, капитан! Пошли! Стреляемся сейчас же! — Новоселов был вне себя от ярости.

— Куда вы пойдете, сумасшедшие? — попытался остановить офицеров капитан Максимов. — Там солдаты!

— Между прочим, они на митинг собираются, — сказал Мальцев.

— Они уже знают? — уточнил поручик Куравлев. — У них там свои большевики давно есть.

— Солдатский телеграф.

— Но я желаю удовлетворения! — кричал поручик Новоселов. — Я дворянин, черт вас возьми, и не желаю, чтобы всякая... меня оскорбляла! Будем стреляться здесь!

— Мы не позволим вам этого, господа, — твердо проговорил капитан Максимов.

— Да и где здесь? Вы даже разойтись на положенное расстояние не сможете.

— Тогда рулетка! — заявил Новоселов и крутнул барабан револьвера. — Если капитан Савельев откажется — он подлец и трус!

— Успокойтесь, истеричка, — усмехнулся Савельев и тоже достал револьвер. — Я готов. Кто первый?

— Они действительно рехнулись, — пробормотал Мальцев.

— Знаете ли, голубчик, так нынче рассуждать не модно, но офицерская честь остается честью во все времена. На ней испокон веку государство Российское стоит, — заметил Куравлев.

— Да нет уже этого государства Российского, вы еще не поняли? — огрызнулся Максимов. — Мы уже давно агонизируем!

— А, черт с ними, пусть делают что хотят, — махнул рукой Мальцев. — Противно все это... и стыдно...

— Вы меня оскорбили, значит, вы первый, — процедил Новоселов.

— Последний раз говорю вам, господа, одумайтесь!

— Извольте, я — первый... — Капитан Савельев высыпал из барабана патроны на стол, оставив в барабане один. — Сколько раз пробуем?

— Одного раза достаточно! — поспешно вставил Мальцев.

Капитан с улыбкой крутнул несколько раз барабан револьвера, приставил дуло к виску и нажал спусковой крючок. Раздался сухой щелчок. Капитан все так же с улыбкой посмотрел на Новоселова и проговорил с вежливой издевкой:

— Прошу вас, поручик...

За окопами собралась толпа солдат. На небольшом бугорке стоял высокий тощий боец в расстегнутой шинели. Папаху он зажал в кулаке и размахивал ею над головой:

— Царя больше нету, значит, и войне конец! Навоевались по самые ноздри! Штык в землю и — по домам, братцы! По домам! Или, может, есть желающие воевать?! За чужие интересы?!

— Офицеры желают! Вот пущай они и воюют! До победного конца!

Толпа загудела, заволновалась.

— Пущай Чапаев скажет! Он председатель полкового комитета — ему и карты в руки! Пущай слово скажет!

— Давай, Василий Иваныч, чего отмалчиваешься?

— Давай, Василий Иваныч, давай!

Василия Чапаева буквально вытолкали из толпы солдат на пригорок.

...Поручик Новоселов несколько раз прокрутил барабан, и на лбу у него выступили капли пота. Он приставил ствол к виску и некоторое время медлил. Капитан Савельев улыбался. В блиндаже повисла напряженная тишина..

Поручик нажал спусковой крючок, прогремел выстрел, особенно оглушительный в замкнутом пространстве блиндажа. Новоселов рухнул ничком на пол. Револьвер выпал из его руки и с грохотом откатился в сторону. Офицеры бросились к Новоселову. И только капитан Савельев по-прежнему с улыбкой смотрел в пространство...

— ...Я думаю так, братцы солдаты! Кто желает идти домой — пущай идет домой! Думаю, война со дня на день сама сдохнет! Вон пленные говорят, что и немцы, и австрияки тоже воевать не желают! В нашем Белограйском полку много земляков! Вот пущай земляки и уходят, кто желает! — громко и отрывисто выкрикивал Чапаев, и толпа поддерживала его одобрительным гулом и возгласами. — Надобно только, чтоб солдатский комитет полка такое постановление выдал! Я, к примеру, как председатель полкового комитета, голосую «за»!

— Р-ра-азойди-и-ись! — раздалась зычная команда.

Толпа солдат в пылу митинга не заметила, что ее окружили офицеры, фельдфебели и унтеры из других рот полка. С трех сторон на митингующих с крыш блиндажей глядели дула пулеметов, за щитками тоже лежали офицеры. Чапаев повернулся к стоявшему рядом земляку Сизову, проговорил негромко:

— Николай, дуй по ротам. Веди сюда всех. Быстрей.

Сизов едва заметно кивнул и скрылся за спинами солдат.

— Предлагаю всем мирно разойти-и-ись! Или прикажу стрелять! А зачинщики пойдут под военно-полевой суд! — выкрикивал капитан Савельев. — Стыдитесь, солдаты! Вы кому давали присягу?! Родине! Матери России! Только последний отщепенец, последний выродок может предать Родину!

Толпа угрожающе загудела, послышалось клацанье винтовочных затворов.

— Огонь! — махнул рукой Савельев.

Застучали пулеметы. Очереди прошли над головами солдат, и те, как по команде, дружно легли на землю. Только Чапаев остался стоять. Новые пулеметные очереди прошли над лежащими солдатами. Чапаев стоял.

Капитан Савельев пошел между распростертыми на земле солдатами. За ним шли четыре фельдфебеля. Перешагивая через лежащих, Савельев время от времени указывал пальцем:

— Этого арестовать... и этого... и вот этого...

Фельдфебели подхватывали солдата, волокли, заломив руки за спину. Остальные по-прежнему лежали.

— Я могу тебя здесь расстрелять, — сказал Савельев, подойдя к Чапаеву. — Прямо сейчас.

— Не советую, господин капитан, — спокойно ответил Чапаев. — Я председатель полкового комитета.

— Ты... Ты пораженец! Ты предатель! — взъярился Савельев и навел револьвер на Чапаева.

И в это время со всех сторон стали появляться солдаты. Пулеметчикам ткнули стволы винтовок в спины:

— Еще раз стрельнешь, пулю получишь.

— Отвали от пулемета, земляк, по-хорошему.

— Эй, капитан! — крикнули из толпы солдат. — Опусти пукалку! Не то всех перестреляем!

Савельев медленно опустил револьвер, сунул его в кобуру.

— Вставайте, братцы! Хватит офицеров бояться — мы свое отбоялись! — крикнул Сизов.

Солдаты, лежавшие на земле, стали подниматься.

Офицеры затравленно оглядывались — со всех сторон они были окружены плотным кольцом солдат, ощетинившихся винтовками с примкнутыми штыками.

Поручик Мальцев подошел к Чапаеву, спросил в упор:

— Это что, бунт?

— Зачем бунт? Это революция, господин поручик, — усмехнулся Чапаев.

— Значит, приказам старших по чину подчиняться не будете?

— Почему? Ежли они будут одобрены солдатским комитетом полка — будем подчиняться, — ответил Чапаев.

— Покомандовали — будя, — сказал Сизов. — Теперя — наша власть. И в Питере, и в Москве, и везде!

— Надолго ли? — спросил Мальцев.

— Думаю, надолго, твое благородие... — ответил Чапаев. — На наши с тобой жизни хватит.

Мальцев смотрел на Чапаева и наливался яростью. Вдруг он рванул из кобуры револьвер и, наверное, выстрелил бы, если б Чапаев не успел ударить его по руке — револьвер отлетел в сторону.

Несколько солдат бросились на Мальцева, свалили на землю, стали пинать ногами.

— Бить не надо, — остановил солдат Чапаев.

В это время раздались выстрелы — несколько офицеров упали на землю. Это стреляли солдаты.

— А ну прекратить убийство! — закричал Чапаев. — Самосуд — последнее дело, братцы! Судить их будем! Как они нас, так и мы их!

Оставшихся в живых офицеров связали, повели, толкая прикладами в спины.

Поручика Мальцева двое солдат подняли на ноги, тоже связали ему руки за спиной, забрали револьвер.

— Кончилась наша дружба, Чапаев, — сказал поручик.

— А она была? Да какая дружба между барином и холопом? — усмехнулся Чапаев.

— Тем лучше... — И взгляд Мальцева скользнул по шашке в серебряных ножнах.

Поручик дернул плечом и пошел вперед. По бокам шли двое солдат с винтовками наперевес. Чапаев молча смотрел им вслед.

Офицеров загнали в блиндаж, дощатую дверь подперли тонким бревном и поставили двух солдат охранять арестованных.

— Не спать! Глядеть в оба! — приказал Николай Сизов и для убедительности погрозил солдатам кулаком.

В блиндаже было темно, лишь светились огоньки папирос. Офицеры сидели молча.

— Но ведь не всех офицеров полка они арестовали? — вдруг спросил кто-то. — Многие на свободе.

— Конечно не всех... — ответил другой голос. — Конечно, остались... человек сорок...

— Неужели они ничего не предпримут, чтобы нас освободить?

— А унтер-офицеры? Тоже заодно с солдатней?

— Кто это все спрашивает? Судя по голосу, капитан Гордеев?

— Вы угадали...

— Какое это имеет значение, заодно унтер-офицеры с солдатней или нет? В любом случае освобождать нас они не будут. Побоятся. Также как и наши товарищи офицеры, оставшиеся на свободе. А завтра полковой комитет приговорит нас к расстрелу, и... нас расстреляют.

— А это кто говорит? — спросил другой голос.

— Это говорит капитан Савельев. Могу только добавить, что, если мы будем сидеть и ждать, как бараны, именно так и случится...

— Они не посмеют! В полку еще много офицеров! Рядом стоят другие полки, и там тоже есть офицеры!

— Там есть и солдаты, — возразил еще один голос. — Вам разве неизвестно, сколько таких случаев по всему фронту? Офицеров стреляют по всей армии... солдаты отказываются повиноваться, целыми ротами и батальонами уходят с фронта, вы что, этого не знаете?

— А теперь, когда большевики захватили власть, вообще дело табак!

— Большевики не продержатся и недели! Не вся армия наплевала на присягу! Есть верные части, есть казаки...

— Господа, пока мы тут разводим дискуссии, наступит утро. А утром они нас постреляют!

— Что вы предлагаете?

— Снять охрану и бежать! Останемся живы — решим, что делать дальше.

Полковой комитет заседал в солдатской землянке. Сильно коптил фитиль, вставленный в сплющенную гильзу. Солдаты сгрудились за столом, некоторые сиде-

ли вдоль стен. Почти все тоже курили, и дым слоями плавал в воздухе.

— Тута, товарищи, поступило заявление от товарища Чапаева Василия Иваныча. Хочет вступить в партию большевиков. Нас тут, большевиков, девять человек, так что вполне могем принять. Будем голосовать?

В полумраке солдаты молча подняли руки.

— А ты чего руку тянешь, Колеснов? Ты ж не большевик.

— А я сочувствующий. Я тоже не против... Чапаева знаю... уважаю крепко.

— Его все уважают. Ну вот, Василь Иваныч, единогласно мы тебя принимаем в РСДРП большевиков.

Чапаев кивнул, молча пожал протянутые руки.

— Буржуи просто так власть не отдадут, — медленно заговорил здоровенный бородатый солдат, нависая над столом, и от его дыхания огонек свечи сильно колебался, казалось, вот-вот погаснет. — Щас заваруха везде начнется... А мы будем в окопах отсиживаться?

— А уйдем с фронта — немцы сразу двинутся... — сказал другой солдат.

— Да хрен с ними, пускай двигаются, — отмахнулся третий. — Нам по домам надоть.

— Так они и до твоего дома дойдут, — заметил Чапаев.

— Кто?

— Германцы...

— На-ка, выкуси! Мой дом под Самарой — на-ка, дойди!

— Дойдут, — заявил Чапаев. — Ежели никто против них стоять не будет, дойдут и до Самары.

— Ну, там-то я их встречу как полагается.

— Как бы тогда поздно не было, — продолжал возражать Чапаев.

— Я че-то не пойму, Василий Иваныч, куды ты гнешь? — занервничал худосочный чернявый рядовой. — Че ты предлагаешь? Большевики говорят — штык в землю, правильно? А ты тут тень на плетень наводишь.

— Покудова с германцем не замирились по всем правилам, уходить с фронта нельзя, — твердо и негромко выговорил Чапаев. — Немец Россию в момент затопчет.

— Снова здорово! Керенский кричал — война до победного, а теперя и большевики, значит? Хорошие вы жуки — говорите одно, а делаете другое.

— Не балабонь, Терехов, — мрачно сказал бородатый солдат Рябоконь, который принимал Чапаева в большевики. — Чапаев дело говорит...

— А ты меня не затыкай! У нас нынче свобода. Хто желает в окопах сидеть — нехай сидит, а хто не желает — по домам пойдет, вот вам и весь сказ!

В это время в землянку влетел солдат:

— Офицеры сбегли! Семерых солдат постреляли и сбегли! Оружие у солдат забрали!

— Твою мать! — стукнул кулаком по столу Рябоконь. — Надо было охраны поболе выставить!

Все повскакивали, схватились за винтовки и бросились к выходу, щелкая на ходу затворами. Выскочили за линию окопов, кинулись в погоню.

В ночной темени смутно виднелись фигуры офицеров, бегущих к лесу. Их преследовали. Ярко вспыхивали огни выстрелов.

— Стой! Кому говорю, стой!

— Не уйдешь, сволочь!

У офицеров тоже были винтовки и револьверы, они оборачивались и стреляли.

Чапаев бежал за двумя черными фигурами. Приподнял винтовку, выстрелил.

Над самой его головой свистнула ответная пуля... Чапаев, стреляя, крикнул:

— Все равно сшибу я тебя! Все равно сшибу! — и, передернув затвор, выстрелил еще раз. — Стой, тебе говорю!

И вдруг один из бегущих резко остановился, и Чапаев, едва не налетев на него, замер в нескольких шагах. Теперь он смог разглядеть в полумраке, что это был поручик Мальцев.

— На, Чапаев, получи за дружбу! — И Мальцев два раза выстрелил из револьвера.

Чапаев не успел даже затвор передернуть, взмахнул руками, выронив винтовку, и упал навзничь. А поручик Мальцев, тяжело дыша, побежал в темноту.

Николаевск был город небольшой, но заводы там имелись — маслобойный, два кирпичных, два лесопильных и спиртоводочный. На окраине, на самом берегу реки Иргиз, размещался военный лазарет. Там и лежал раненый Чапаев. Он уже выздоравливал и часто выходил во двор, накинув шинель, прихрамывая и опираясь на суковатую палку. Сидел на обрубке полена за длинным сараем, где стирали окровавленное солдатское белье и гимнастерки, смотрел на реку. Рядом присаживались другие раненые, закуривали, тоже глядели на реку, на баржи и небольшие пароходики, сновавшие в обе стороны. Слушали хрипловатые гудки. Раненые спрашивали друг у друга:

— Какие новости?

— Да все то же... в гарнизоне буза кажный день, солдаты одно гнут, офицерье другое... А большевики ревком сделали, солдат в Красную Гвардию вербуют... крестьянам оружие раздают...

— Грят, с офицерами стычка была... Стреляли? Мне сестрица милосердия говорила...

— Да пострелялись мало-мало... А кто там верх взял — не ведаю.

— Большевики-то боятся — казаки нагрянут. Уж тут расправа будет короткая...

— Война, одним словом... мало с германцем повоевали — теперя друг дружку мутузить будем...

— На то она и революция...

Чапаев молча слушал, в разговор не вступал. Потом поднялся и, прихрамывая, пошел по дорожке к лазарету.

Василий шел по улочкам городка. За заборами лениво брехали собаки, дымки курились над крышами, гоготали гуси и кудахтали куры. С одной улицы он свернул на другую и скоро вышел на небольшую площадь с церковью и двухэтажным деревянным домом, над которым развевался красный флаг. У дома стоял мужчина в городском пальто с винтовкой за плечом. Рядом с дверьми был прибит большой кусок фанеры с надписью черной краской: «Николаевский уездный ревком. Уком РСДРП большевиков».

Чапаев о чем-то переговорил с мужчиной у дверей и вошел внутрь.

...За столом, заваленным бумагами и газетами, сидел председатель ревкома — плечистый, небритый человек со всклокоченной шевелюрой, в гимнастерке и наброшенной на плечи шинели. В углу комнаты топилась печка-буржуйка. Рядом на полу лежали свеженаколотые поленья.

— И что дальше делать думаешь, товарищ Чапаев? — спросил председатель ревкома Ермошенко, возвращая

Чапаеву членский билет — сложенную пополам картонку, на которой черными печатными буквами было написано: «РСДРП».

— Домой хочу. Думал про обстановку у тебя спросить, товарищ Ермошенко. В лазарете, сам понимаешь, одни слухи да пустые разговоры.

— Обстановка, товарищ Чапаев, самая что ни на есть дерьмовая, — сказал председатель ревкома и, прихлебывая из кружки чай, вдруг спросил: — Слушай, а Григорий Чапаев, случаем, не родственником тебе приходится?

— Брат родной. Ты его знаешь?

— А как же! — улыбнулся Ермошенко. — Он теперь в Балакове председатель уездного комитета.

— Так мы оба оттуда родом... Связь с Балаковом имеется?

— Была. Казара — казачье клятое — связь порушила. Уже две недели живем как в омуте, ни от кого ни весточки. В полку вроде связь какая-то была... телеграфный аппарат у них свой, но нам туда ходу нету.

— Что за полк?

— Запасной сто тридцать восьмой называется. В основном там бывшие раненые, — пояснил предревкома.

Ермошенко поставил рядом с Василием вторую кружку с чаем, но он к ней не притрагивался, внимательно слушал.

— Солдат в этом запасном полку много?

— Да человек шестьсот наберется. Формально полком командует полковник Орштейн, чтоб ему ни дна ни покрышки. Офицерья человек сорок... А солдаты вроде нам сочувствуют, но все норовят в сторонке остаться.

— Да разогнал бы ты этих офицеров к едрене фене, — сказал Чапаев.

— Разогнать у меня силов маловато. Тут еще до сих пор комиссар Временного правительства вертится, тоже воду мутит... А еще, не дай Бог, казара нагрянет — тут уж мы точно не устоим. Порубают нас в окрошку, и вся песня.

— А что, есть такие сведения? — Чапаев наконец взял кружку и глотнул горячего чаю.

— Сведений до хрена и больше. Контрреволюция повсюду подымает голову, понял-нет? Думаешь, они просто так сдадутся? Смирятся? Да ни в жисть, товарищ Чапаев. Борьба предстоит кровавая — товарищ Ленин так и сказал.

— Ну и где выход? — спросил Чапаев.

— А сходил бы ты в полк, Василий. Ты фронтовик, вона — полный Георгиевский кавалер. Чин какой был?

— Фельдфебель.

— Тоже хорошо. Погляди на обстановку, перетолкуй с солдатиками. Ты человек новый, стал быть, тебе и веры больше. Тут главное дело — офицерам бы шею свернуть. Наш бы стал полк. А это уже сила. С такой силой и революционный порядок наводить можно. И от казары отбиться можно... На сегодняшний момент кто опора контрреволюции? Офицерье и казаки...

— Неужто все казаки? — с сомнением спросил Чапаев.

— Да можно сказать, что все. Ты бедняков среди казары много видел? То-то и оно... считанные единицы. А земли сколько у казаков? Заглонись! Нешто они крестьянину ровня? От потому они и против Советов! Известие пришло — на Дону Каледин восстание казаков поднял против Советской власти. На Кубани казачье поднялось — тоже спроть Советской власти, а ты говоришь...

— Я еще ничего не говорил.

— Да это я так, к слову... Только я думаю, Чапаев, как бы они ни шебуршились, наша все одно верх возьмет. Потому как, ежли крестьянину землю дали, а рабочим заводы, они за это до последнего вздоха драться будут. Так что давай, Чапаев, действуй. Такое будет тебе партийное задание. Завтрева в полку митинг намечается — полковой комитет собираются выбирать. Вот ты там и объявись. Я еще подошлю наших солдат десяток-полтора, которые большевики.

— Ладно, спробуем... — Чапаев отхлебнул из кружки.

— А чего? — улыбнулся Ермошенко. — Глаза боятся, а ноги ходют и руки делают...

— Тут как бы их не поотрывали, руки-ноги.

— А мы тебе сейчас ишшо документ выправим — постановлением уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и приказом ревкома Николаевского уезда назначим тебя командиром энтого самого запасного полка за нумером сто тридцать восемь. Ты как, совсем выздоровел или ишшо хворый?

— Да вроде выздоровел, слава Богу... — Василий допил чай. — Давай пиши свое постановление.

Казарма была битком набита солдатами. Среди серых шинелей и серых папах мелькали редкие погоны офицеров. На дощатом возвышении стоял длинный стол, и за ним сидели командир полка Орштейн в полковничьих погонах и трое офицеров. Казарма гудела, раздавались отдельные выкрики, свист, хлопки.

— Блинова предлагаем!

— Суздалева!

— Калмыкова Андрея!

Один из офицеров записывал фамилии. Полковник сидел с каменным лицом и смотрел в зал. Двое других офицеров о чем-то тихо переговаривались, улыбались.

В казарме появился Чапаев, стал неторопливо пробираться между солдатами к сцене. За ним проталкивались еще несколько солдат.

Чапаев добрался до возвышения, поднялся по ступенькам, подошел к столу и спокойно сел на свободный стул рядом с полковником Орштейном. Положил папаху на стол, огладил усы, поправил аккуратный чуб на лбу. Офицеры удивленно посмотрели на него. И полковник повернул голову. Четыре Георгиевских креста невольно внушали уважение.

— Уважаемый, вы по какому праву сюда сели? Это президиум полкового комитета. А я командир полка. Вы кто такой?

— Вы были командиром полка, — спокойно проговорил Чапаев, глядя в зал. — Теперь полком буду командовать я. А звать меня Василий Иваныч Чапаев. Был фельдфебелем Белограйского пехотного полка. Пребывал тут в лазарете после ранения. Родом из Балакова. Думаю, тут и земляки мои имеются. Запоминайте. Вот вам постановление уездного Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов... — И Чапаев положил перед полковником бумагу с большой лиловой печатью.

Казарма затихла.

Полковник прочитал бумагу, отшвырнул ее, проговорил резко:

— Извольте выйти отсюда вон! Иначе я прикажу арестовать вас!

И тут же оба офицера встали, подошли к Чапаеву сзади, явно намереваясь исполнить приказание полков-

ника. Чапаев, продолжая спокойно сидеть, посмотрел на полковника:

— Чего вы так сразу психовать-то? Сразу грозиться? Арестую! Расстреляю! Мало вы нашего брата арестовывали да расстреливали? Ишшо хочется? Интересно, чего это вы все при погонах? Советская власть погоны давно отменила!

Среди солдат прокатился смех.

— А я с вами поговорить пришел, братцы солдаты!

— Арестовать его! — побагровел полковник.

— Не трожь Георгиевского кавалера! Он при полном банте! — закричали сразу несколько голосов.

— Он безоружный пришел, а ты сразу арестовывать!

— А ему что? Он привыкший нашего брата дрючить!

— Не трожь Георгиевского кавалера! При полном банте! — ревела почти вся казарма.

Офицеры по-прежнему стояли за спиной Чапаева, не решаясь двинуться. Чапаев встал, вновь огладил усы, заговорил громко:

— Удивление меня берет, на вас глядя, товарищи солдаты! Мало вас офицерье гнобило, мало над вами измывалось, что вы до сих пор под ними ходите?! Я чего-то, может, не понимаю, спросить хочу — вы Советскую власть признаете? Власть, которая стоит за нас! За трудящего человека! За простого солдата! За крестьянина! За рабочего! Вы товарища Ленина признаете?

Казарма оторопело молчала.

— Или вам офицерские зуботычины милее? Казацкие нагайки вам по душе?! Вам Советская власть землю дала! Бери ее, любушку, хозяйствуй! На себя работай, а не на помещика! А вы чем тут занимаетесь? Саботажем? Как вас золотопогонники учат? Ай-яй-яй! Дурят вас господа офицеры, как детей малых, а вы тому

и рады. Или вправду вы такие темные да глупые, что вас, как баранов, на убой ведут, а вы только блеете довольно!

— Поручик! Прапорщик! Арестуйте его, я приказал! — рявкнул полковник. — Заткните ему рот!

Офицеры схватили Чапаева за руки, но вся масса солдат, заполнивших казарму, вдруг угрожающе двинулась вперед, многие полезли на дощатое возвышение:

— Не трожь, вам сказано!

— Братцы, у него бумага от власти есть! Теперя он командир полка!

— Предлагаю всем разойтись! — закричал полковник Орштейн.

— Тебе надо, ты и расходись!

— И офицеров забирай!

Чапаев вскинул руку:

— Ну что, товарищи солдаты! Утверждаете меня командиром полка?!

— Мы согласные! Давай командуй!

— Свой брат — не обманет!

— Четыре Георгия у мужика — стал быть, воевал, не прятался!

— Давай, Чапаев, будь командиром полка!

И дальше — свист, улюлюканье, крики.

Офицеры и полковник продирались сквозь солдатскую толпу к выходу из казармы. Их подталкивали в спины, подставляли подножки, свистели вслед. Другие голоса пытливо спрашивали:

— Как дальше нашу жизнь мыслишь, Чапаев?

— Кто хочет честно служить пролетарскому и бедняцкому народу — оставайся, служи! — ответил Василий.

— Чего служить-то? По домам надо!

— Думаете, офицеры от нас совсем ушли? Не-ет, братцы, они вернутся! Думаете, они землю по-доброму крестьянину отдадут? А заводы да фабрики рабочим? Не-ет, они за свое драться будут! Они за свое немалую кровушку вам пустят! Получается, что вам Советская власть дала — защищать надо! Не то отымут! И старые порядки вернутся! И будете вы рабочим скотом, как раньше! Другого пути нету, братцы солдаты! Или рабство, или свобода! — Чапаев вновь вскинул руку, и казарма взревела в едином порыве.

Перед Чапаевым появился солдатик лет двадцати трех, ладно скроенный, чубатый, с веселыми плутоватыми глазами, в расстегнутом, но перехваченном ремнем офицерском кителе и в мерлушковой папахе. Он лихо козырнул и улыбнулся:

— Какие будут дальнейшие распоряжения, товарищ комполка?

— Кто такой?

— Я-то?

— Ты-то...

— Петр Емельяныч Исаев, рядовой Нижегородского пластунского полка. Это в прошлом.

— На войне кем воевал?

— Я ж говорю — Нижегородский пластунский. В разведроте был.

— И много разов в разведку ходил?

— Да уж пришлось... теперь уж и не сосчитать.

— Награды есть?

— Никак нет.

— А теперь кто ты есть?

— Сознательный революционный боец. Готов быть вашим ординарцем до самого своего смертного часа в борьбе со злобной контрреволюцией, — отбарабанил Петр Исаев.

— На хрен мне нужон ординарец, — усмехнулся Чапаев.

— Ей-ей, не пожалеете, товарищ комполка. Вы мне сразу приглянулись, товарищ Чапаев.

— Ладно, уговорил... — Чапаев подправил усы, усмехнулся. — Гляди, ежли что — вышибу в два счета. Значит, приглянулся я тебе, говоришь?

— Так точно, товарищ Чапаев, я сразу, как глянул на вас...

— Ты лучше сюда глянь. Видишь, сапоги совсем худые... и галифе, смотри, — две заплаты. Видать?

— Видать, — с готовностью согласился Петька.

— А раз ты мой ординарец, ты меня обуть и одеть должон. А то я не командир полка, а босяк босяком.

— Все понял, товарищ Чапаев. Разрешите исполнить?

— Давай-давай, но, гляди, штоб без мародерства.

— Да чтоб я? — выпучил глаза Петька. — Да ни в жисть, товарищ Чапаев! Никакого мародерства — есть экспроприация! По закону революционного времени!

И Петька мигом улетучился.

Чапаев теперь сидел в штабе полка — просторной комнате в деревянном доме рядом с казармами. На столе была расстелена карта уезда. Вокруг стояли трое солдат и два прапорщика. Чапаев водил пальцем по карте:

— Разъезды высылать вот на эти дороги непременно. Откуда скорее всего можно ожидать казаков, туда и разъезды высылать. Что, не согласны?

— На случай, если казаки сумеют проскочить разъезды и появятся в городе неожиданно, я бы предложил дополнительно держать в городе отдельную роту в пол-

ной готовности. И обязательно хотя бы с двумя пулеметами, — вступил в разговор прапорщик постарше.

— Дело говоришь, прапорщик, — согласился Чапаев. — Береженого Бог бережет. Ежли в город прорвутся — сразу и встретим. И хорошо бы эту роту на конь посадить. Будет подвижный эскадрон. И пулеметы вправду нужны. Чего казак боле всего боится? Правильно — пулемета... А будет эскадрон — уже с казаками на равных говорить будем.

В комнату заглянул Петр Исаев:

— Товарищ комполка! Ваше поручение выполнено! Может, примерите? Вдруг размером ошибся? И письмо вам тут доставил. Оно в ревком пришло. Так Ермошенко посыльного прислал. — Исаев вошел, держа в одной руке вещмешок, в другой — конверт.

— Давай. — Чапаев встал, взял письмо, бросил взгляд на Исаева: — Где это ты офицерским кительком разжился?

— Так на базаре выменял... — слегка растерялся Петька.

— На что выменял? — распечатывая конверт, спросил Чапаев.

Глядя на растерянную физиономию Петьки, солдаты и прапорщики улыбнулись.

— Да на сапоги. Лишняя пара у меня была. Старые сапоги.

— На сапоги, говоришь? Ну ладно... — Чапаев начал читать письмо, и лицо его все больше мрачнело. Он вдруг смял письмо в кулаке, сел, молча уставясь в стол.

— Что стряслось, Василь Иваныч? — после паузы спросил Петька Исаев.

— От же послал Бог блудливую бабу — хоть вешайся... — сказал Чапаев и глянул на Петьку, потом на солдат. — Вы идите, мужики... мне одному побыть надо...

Солдаты и прапорщики вышли, а Петька Исаев остался. Чапаев посмотрел на него, вдруг спросил:

— У тебя табак есть? Дай-ка закурить...

Исаев вынул из-за уха недокуренную цигарку, прикурил ее и осторожно подал Чапаеву. Тот взял цигарку, затянулся, закашлялся:

— Ч-черт... как вы эту дрянь курите?

— Мучаемся... — охотно согласился Петька Исаев. — А что сделаешь, Василь Иваныч? Хорошего табаку днем с огнем не сыщешь...

— Да вообще, на кой хрен курите? Вот собака курит?

— Собака не курит...

— Лошадь курит?

— И лошадь не курит, — подтвердил Исаев.

— То-то и оно. Потому что какое живое существо само себе вредить будет? А человек, дурак, добровольно са́м себя гробит...

— А вот у нас в полку собака была, Василь Иваныч, так она водку пила! — улыбнулся Исаев. — Точно, точно говорю. Ребята ей в миску хлеба накрошат, самогонки плеснут, и она лакает за милую душу. А потом ходит и шатается... и спит как убитая...

Чапаев засмеялся, покачал головой:

— Ох, изверги...

— А еще кот был, — обрадованно продолжил Петька. — Ребята у фершала валерьянки возьмут и дают ему понюхать. Так этот котяра носиться начинает как угорелый. Глаза как блюдца делаются, и слезы градом. И все хохочут...

Чапаев тоже захохотал:

— Ну тя к чертям, Петька!

— А чего стряслось-то, Василь Иваныч? — опять серьезно спросил Исаев.

— Да жена опять сбежала! — уже весело махнул рукой Чапаев. — С тем же кондуктором! Жаль, я его тогда не пристрелил! Да он, в обчем, и не виноват. Ежли сучка не хочет, кобель не вскочит... Нет, ну какая блудливая бабенка мне в жены досталась. Увижу — застрелю!

— И правильно сделаете, Василь Иваныч, — поспешно сказал Петька Исаев, — самая справедливая будет месть...

Чапаев перестал смеяться, мрачно посмотрел на Петьку:

— Ладно, иди, товарищ Исаев... разговорился ты что-то... иди. Стой! А что ты в мешке-то приволок?

— Ох, забыл совсем. Так из-за вашего письма расстроился... — Петька развязал мешок, вынул почти новые хромовые офицерские сапоги и офицерские же суконные галифе.

— Где ж ты таким добром разжился, Петр Емельяныч? — опять повеселел Чапаев, щупая сапоги.

— Где разжился, там их уже нету, товарищ Чапаев. Вы на галифе гляньте — чистейшее сукно! Сказали, аглицкое! Первейший сорт!

Чапаев стащил с себя сапоги, старые латаные солдатские галифе, натянул офицерские, потом надел сапоги, затянул ремень, встал, притопнул ногой, огладил усы:

— Ну, каков я теперь?

— Да чистый комдив, товарищ Чапаев! — ахнул Петька Исаев. — В таких штанах и сапогах только дивизией командовать, никак не меньше!

— Все, Петр Емельяныч, беру тебя в ординарцы — дело решенное!

— Да я ишшо раньше так-то решил, Василь Иваныч, буду вашим ординарцем! — улыбнулся Петька.

Имение полковника Мальцева было окружено старым парком из дубов и кленов. Широкие, утрамбованные кирпичной крошкой аллеи вели к двухэтажному белому дому с колоннами по фронтону, с широким пандусом для подъезда экипажей, с флигелями и хозяйственными постройками.

Высокая темноволосая девушка в костюме для верховой езды подскакала по аллее к дому, соскочила с коня. Тотчас появился казак средних лет в белой рубахе и шароварах с голубыми лампасами. Он принял повод из рук девушки, повел коня за дом, к конюшне.

Девушка быстро вошла в дом.

В большом кабинете находились двое, отец и сын, полковник Андрей Михайлович Мальцев и поручик Евгений Мальцев. Отец в суконной венгерке и военных галифе сидел в глубоком кожаном кресле перед столом, попыхивал трубкой. На стенах кабинета висели старые персидские ковры, на них было развешено старинное оружие: шашки в дорогих ножнах, дуэльные пистолеты — и охотничьи трофеи: кабаньи, медвежьи и оленьи головы. Одну из стен занимали широкие шкафы красного дерева с книгами. Сквозь стекло блестели золотом корешки фолиантов. На столе стоял хрустальный графин с высоким горлом, наполовину полный красного вина, и два пустых бокала. Высокие напольные часы гулко пробили пять часов.

— Я даже сдружился с этим Чапаевым, отец. Я искренне его полюбил, понимаешь? — говорил Евгений Мальцев, расхаживая по кабинету. — Человек, во-первых, спас мне жизнь, а во-вторых, честный, открытый и умный мужик, храбрый... И вот я стрелял в него почти в упор... Во мне было столько ненависти к этому взбунтовавшемуся быдлу, столько ненависти... Ты понимаешь, до чего дошло, отец?

— Понимаю... собственно, чего тут не понимать? — пыхнув дымом, ответил полковник Мальцев. — Что может быть страшнее российского бунта, бессмысленного и беспощадного? Еще Пушкин писал...

— Да нет, отец, это не бунт. Это революция... осмысленная, подготовленная... Ты еще не забыл девятьсот пятый год? Так вот тогда была генеральная репетиция. А теперь — гражданская война...

— Тебя это пугает? — спросил полковник Мальцев.

В кабинет бесшумно вошла девушка в костюме для верховой езды, остановилась у двери, и отец и сын ее не заметили.

— Если честно признаться, то — да... боюсь... их миллионы... Большевики пообещали им землю...

— Знаю, что они им пообещали, — резко перебил полковник Мальцев и увидел стоящую у дверей дочь. — Таня?! Какого черта ты входишь без стука?

— А у вас есть от меня секреты? — улыбнулась Татьяна.

— Дело не в секретах! — сердито ответил полковник и посмотрел на сына. — Тут нет никаких секретов, дорогой Евгений! И пусть тебя не пугает, что их миллионы. Рабов всегда больше, чем господ. И побеждают в войне не числом, а умением. Ты, наверное, забыл об этом, сын? Забыл, как расправлялись с рабами в Древнем Риме?

— Народ — это не иноземные рабы, отец, — вдруг возразила Татьяна. — Это мой... это наш... родной русский народ... И воевать с ним... страшно, отец...

Евгений взглянул на сестру и усмехнулся.

— Что ты сказала? — вскинулся отец.

— Это преступление, отец... воевать с собственным народом... — сказала Татьяна.

— Так его, сестренка, — процедил с улыбкой Евгений. — Бей — не жалей!

— Тогда не воюйте, — тоже улыбулся отец и развел руками. — Тогда перейдите на сторону большевиков, которые по-бандитски захватили власть и вещают от имени народа! Идите к ним! И будет вам свобода, равенство и братство! И будет вам всеобщая справедливость! — Отец подошел к дочери, наклонил голову, заглядывая ей в глаза, заговорил тише: — Ты ведь изучала в гимназии — вспомни Французскую революцию! Вспомни гильотину! Церкви, в которых санкюлоты устраивали скотные дворы, гадили, плясали на костях! То же самое будет и здесь! Ты думаешь, восставшие большевики примут тебя с распростертыми объятиями? Сначала, конечно, примут! Им сейчас нужны грамотные люди, чтобы воевать с нами. Но если они победят, первыми, кого они уничтожат, будут такие, как ты... Не скажу — предатели, нет! Но люди, одурманенные идеалами свободы, равенства и братства... Между прочим, твой братец, я полагаю, во всем с тобой согласен... Начитались Некрасова...

Евгений вновь усмехнулся, а Татьяна спросила:

— Разве Некрасов писал неправду?

— Правду писал! — закричал отец и затопал ногами. — И Пушкин писал правду! И Блок писал тоже правду! И всякие Короленки, Толстые, Горькие, мать их! Все правду писали! Дописались? Интеллигенция! Русь к топору звали?! Дозвались?! Теперь кровушка рекой польется! Проснулся русский народ — здрасте, не ждали?! А мы, бояре, к вам пришли!

— Как ты можешь так говорить, отец? — сказала Татьяна. — Разве ты не говорил об угнетении и несправедливости, которая царила во всей России? Разве мы не

мечтали о свободе? Ведь ты же сам надел красный бант, когда в феврале произошла революция... Ведь мы вместе шли на демонстрацию...

— К счастью, я тогда был на фронте, — усмехнулся Евгений Мальцев. — И не мог этого видеть.

— Идиот был! — вновь закричал полковник. — Восторженный идиот! Сам тебе Толстого с Некрасовым давал читать! Сам любил порассуждать о демократии и справедливости! Особенно когда выпивал с друзьями! Идиот!

— Все, что ты говоришь, ужасно... — Татьяна со страхом посмотрела на отца. — Ты говоришь как... мракобес... как палач...

— Что?! — пуще прежнего взвился Мальцев. — Палач?! Что ж, пусть будет так! И если мы все не станем палачами, нас уничтожат! Между прочим, палачи всегда были выходцами из народа! Палачей в народе всегда хватало! Кто декабристов казнил? Кто на Достоевского ружья наводил?

— Лучше спроси, по чьему приказу, — сверкнула глазами Татьяна.

— Ладно, отец, хватит перед нами спектакль разыгрывать, — жестко сказал Евгений. — Не знаю, как поступит Татьяна, но я пойду воевать... — Он посмотрел на Татьяну и повторил: — Я пойду воевать... не со своим народом, а с большевиками.

...Ранним утром отец и сын Мальцевы уезжали из имения. Открытый экипаж, запряженный двумя сытыми рысаками, стоял у парадной лестницы, и бородатый казак держал коней под уздцы.

Полковник Мальцев и Евгений спустились по лестнице. Евгений поправил на голове фуражку. На обоих были военные френчи, портупеи, на одном боку кобура,

на другом шашка. Они забрались в экипаж, отец взял повод.

— Подождите! — раздался крик из дверей, и на лестницу выбежала Татьяна. Она была в сапогах, галифе для верховой езды и куртке-венгерке с вензелями.

— Ты только посмотри на этот маскарад, отец, — улыбнулся Евгений.

— Я с вами! — Татьяна подбежала к экипажу.

— Не дури, Танечка, — спокойно ответил отец. — Мы скоро вернемся.

— Я с вами! — Татьяна решительно забралась в экипаж, уселась рядом с Евгением. — Я с вами, и будь что будет!

— Хорошо, ты с нами, но... сейчас останешься дома... Выйди из экипажа, пожалуйста.

— Не выйду. Я еду с вами!

— Выйдите из экипажа, сударыня, или я вас вышвырну силой! — рявкнул полковник Мальцев, и лошади от испуга дернулись, прижали уши.

Татьяна посмотрела в яростные глаза отца и молча выбралась из экипажа. Полковник Мальцев дернул поводья, и рысаки двинулись вперед, пошли рысью по широкой липовой аллее.

Татьяна и бородатый казак остались у лестницы, глядя им вслед.

— Негоже вам туды, барышня, — сказал казак. — Там кровь и смерть... не бабье дело...

Экипаж быстро удалялся. Евгений повернулся и помахал сестре рукой.

Спал теперь Чапаев там же, где проводил дни, — в штабе. Ночью его разбудили пронзительный крик и стрельба.

— Казаки-и! — В комнату влетел Николай Сизов, его земляк и старый товарищ. Он был в одних подштанниках, с винтовкой в руке. — Они сразу ревком атаковали! Там уже бой идет! — И Сизов выскочил из комнаты.

Чапаев метнулся с лежанки, с лихорадочной торопливостью натянул гимнастерку и сапоги, набросил шинель и подпоясался широким ремнем, на котором висели шашка в серебряных ножнах и кобура. Он выдернул из кобуры револьвер и бросился к двери, крича на ходу:

— Петька! Ты куда запропастился, Петька?!

...В ночи гремел бой. Казаки окружили здание ревкома, пытались подобраться ближе, но изо всех окон огрызались винтовки. Ржали раненые лошади. То тут, то там виднелись вспышки выстрелов. В одном из окон застучал пулемет.

Петька Исаев подвел Чапаеву оседланного коня. Василий Иванович ловко взобрался в седло. Следом за ним сел на коня и Исаев, расправил повод.

В темноте около сотни всадников, сбившись в кучу, топтались на месте, сдерживая коней. За спинами у них блестели стволы винтовок.

— Эскадро-о-он! Рассыпься-а-а! — скомандовал Чапаев. — К ревкому на рыся-а-ах! Ма-а-арш!! И не трусить! Бить казару без пощады!

И Чапаев поскакал вперед. За ним ринулся эскадрон, рассыпая дробный перестук множества копыт. Ночь была чернильно-черная, впереди не видно ни зги. Даже луна спряталась за облаками.

За эскадроном пронеслась лошадь, впряженная в пролетку. По каменистой дороге громко цокали под-

ковы. На сиденье был установлен пулемет, перед ним на коленях стояли двое солдат.

Когда эскадрон вылетел на площадь, где находилось здание ревкома и Совета депутатов, сразу захлопали частые выстрелы. Солдаты сдергивали с плеч винтовки и били из них на ходу, почти не целясь. Казаки, окружившие здание, стали уходить, не принимая открытого боя. Сквозь трескотню выстрелов слышались крики и свист.

На первом этаже здания полыхал пожар, из окон вырывалось пламя, валил дым. Но пулеметы стучали без передышки.

— Где Ермошенко! Живой? — закричал Чапаев, ворвавшись в здание. В свете пламени он увидел перепачканных копотью солдат.

— На втором этаже Ермошенко... — сообщил один из них.

— Вовремя вы подоспели, — сказал другой. — Мы уж думали, нам хана...

Чапаев взбежал на второй этаж, прошел по коридору и распахнул дверь в кабинет председателя ревкома.

Ермошенко лежал на столе, а вокруг сгрудились солдаты и люди в гражданских пальто и полушубках. Чапаев приблизился к столу, и все молча расступились.

Руки у Ермошенко были сложены на груди, глаза закрыты. Чапаев молча снял с головы папаху, спросил:

— Как его?

— Да казаки на первый этаж ворвались — рукопашная началась... в это время его и... — ответил один из солдат. — Пять пуль в него всадили...

За стенами еще гремел бой — трещали пулеметы, щелкали винтовки и револьверы.

Чапаев круто развернулся и почти бегом вышел из комнаты.

Чапаев и члены ревкома стояли у телеграфного аппарата. Аппарат стучал, ползла телеграфная лента, которую поддерживал телеграфист — молодой парень с короткими, закрученными кверху усиками. Потом ленту брал Чапаев, медленно читал вслух:

— Предревкома Николаевского уезда Ермошенко. Повсеместные контрреволюционные мятежи казаков и офицерских отрядов в соседних с вами городах. Приказываю по возможности оказать помощь Красной Армии для разгрома контрреволюции. Действовать без промедления. Вновь сформированному вами отряду присвоено звание третьей бригады четвертой армии. Командующий четвертой армией Павел Ржевский.

— Это какой Ржевский? — спросил Николай Сизов.

— Бывший полковник... — ответил член ревкома Ершов. — Двадцать девятой дивизией в армии Брусилова командовал...

— А теперь он командующий четвертой армией Красной Армии. — Чапаев оторвал кусок ленты, скомкал в кулаке. — Не верю я этим бывшим офицерам...

— Почему же? — пожал плечами Ершов. — Сейчас на сторону Советской власти сотни бывших офицеров переходят...

— Как волка ни корми, он все равно в лес смотреть будет.

— Красной Армии сейчас необходимы опытные и грамотные военные специалисты, — возразил Ершов. — Все их действия контролируют преданные члены партии. Комиссары есть везде...

— То-то повсюду контрреволюционные мятежи полыхают, — поддел его Сизов. — Так, ну ладно, что делать будем?

— Выполнять приказ командующего четвертой армией, — отрезал Чапаев и первым покинул комнату телеграфиста.

Штаб первой казачьей дивизии размещался в Уральске в двухэтажном каменном доме. Перед домом у длинной коновязи стояли оседланные кони с надетыми на морды торбами с овсом, у каменного крыльца прогуливались казаки охраны. Форма у них была как у всех казаков России, только лампасы на штанах не красные, а голубые, и фуражки тоже с голубыми околышами — отличие Уральского казачьего войска. Из дома то и дело выходили вестовые, вскакивали в седла, мчались в разных направлениях. Появлялись другие, спешивались, взбегали на крыльцо, скрывались в доме.

Рядом дымились походные кухни, и казаки обедали, рассевшись кружками. Тут же стояли три полевых орудия, дальше снова тянулись коновязи с привязанной к ним шеренгой лошадей.

К дому подскакала девушка, высокая, статная, в суконной казачьей куртке и темных шароварах с голубыми лампасами. Она осадила коня перед коновязью, спрыгнула, привязала коня и надела ему на морду торбу с овсом. Потом быстро и легко взбежала по ступенькам крыльца.

Один из казаков, стоявших в охране, загородил дверь:

— Туды нельзя, барышня. Там штаб.

— Я дочь полковника Мальцева! — Девушка оттолкнула казака, потянула тяжелую дверь на себя и вошла в дом.

...В большой комнате с высокими и широкими окнами вокруг длинного стола стояли офицеры. Трое — в казачьей офицерской форме, в том числе и генерал Мансуров, трое — в полевой форме царской армии. Среди последних — полковник Андрей Михайлович Мальцев и его сын Евгений. Все взгляды сосредоточились на большой карте, разложенной на столе. Генерал Мансуров циркулем отмерил расстояние, начертил карандашом небольшой крест и сказал:

— Вот тут и предполагается нанести главный удар. С командующим армией его превосходительством генералом Секретовым план согласован. О плане доложено Верховному, его превосходительству Александру Васильевичу. Вам, Андрей Михалыч, надобно взять Сарапул и двигаться прямиком на Николаевск. Дивизия выступит с севера и пойдет на Николаевск. Далее главное направление — Саранск... Вся ясно, господа?

— Все ясно, ваше превосходительство, — ответил полковник Мальцев. — Разрешите обсудить детали операции со своими людьми?

— Конечно, — кивнул генерал Мансуров. — Я уверен, полковник, что все пройдет успешно.

— На этом участке нам противостоит бригада некоего Чапаева, — вдруг сказал поручик Мальцев.

— Я слышал о нем. Бывший фельдфебель. Говорят, сообразительный солдат...

— Полный Георгиевский кавалер, ваше превосходительство, — отрапортовал Мальцев. — Я воевал с ним в одном полку на Юго-Западном фронте... Сообразителен, предприимчив и умеет рисковать.

— И что же, поручик, вы его боитесь? — Генерал насмешливо посмотрел на поручика, потом перевел взгляд на его отца — полковника Мальцева. — Андрей Михалыч, ваш сын боится фельдфебеля Чапаева... никак не думал...

— Никто его не боится, — нахмурил брови полковник. — Просто поручик Мальцев хотел уведомить вас, что этот самый фельдфебель успел отличиться быстрыми и неожиданными марш-бросками в самых неожиданных местах. Его бригада мобильна и имеет высокую боеспособность.

— Это конная бригада? — спросил казачий полковник с окладистой жгуче-черной бородой.

— Нет, у него всего два эскадрона и три пехотных полка.

— Тем более меня удивляют ваши опасения, ведь вы опытный командир... — Генерал с улыбкой посмотрел на Мальцева. — У красных много бывших унтер-офицеров, фельдфебелей и прапорщиков командуют довольно крупными воинскими соединениями. О чем это говорит? О том, насколько талантлив русский солдат, как быстро он усваивает арифметику войны. Приходится только сожалеть, что эти люди воюют на стороне красных. Но они усвоили лишь арифметику, до алгебры войны им очень далеко. И опасения вашего сына, Андрей Михайлович, и тем более ваши, для меня, простите, смешны... Действуйте, господа. Жду хороших известий.

Отец и сын Мальцевы щелкнули каблуками, четко развернулись и вышли из кабинета. Молча они спустились на первый этаж и вошли в другую комнату, тоже кабинет, только поменьше. Навстречу им из кресла поднялась девушка в казачьей форме.

— Татьяна? Зачем ты здесь? — сердито спросил полковник. — Я же сказал тебе...

— Я знаю, вы выступаете! Я хочу быть с вами, отец!

— Бред! — резко ответил Мальцев. — Я приказал тебе носа из имения не высовывать! Я специально охрану тебе выделил! Ты, наверное, полагаешь, мы на увеселительную прогулку отправляемся?

— Отец, я давно не гимназистка и знаю, куда вы отправляетесь. В этой борьбе я не могу отсиживаться в имении. Я умею стрелять, умею держаться на лошади, я хочу быть с вами! Я поняла... я поняла, большевики — это смерть всему.

— Татьяна, пойми...

— Я хочу быть с вами! И ты меня не удержишь, папа! Если вы не возьмете меня с собой, я пойду к генералу Мансурову и попрошусь в любую другую воинскую часть!

— Может, лучше сестрой милосердия, Таня? — ласково спросил Евгений Мальцев.

— Нет, я хочу сражаться с красными! — настаивала Татьяна.

— Дура! Гимназистка! Это не романтика! Это грязная вонючая война! — закричал отец, но внезапно осекся, тяжело дыша, подошел к окну и уставился в него. Достал платок, громко высморкался.

Татьяна и Евгений молчали.

— Впрочем, может быть, я и не прав... время сейчас такое... решается судьба России... и, если большевики победят, нас всех ожидает ужасная участь...

В этот маленький степной городок Чапаев прискакал с небольшим отрядом в пятнадцать всадников.

За всадниками гремела колесами пролетка. Проехали по главной улочке.

— Вон седьмой дом! — указывая рукой, прокричал Петр Исаев.

Чапаев остановил коня у дома номер семь, спешился, сказал:

— Ждите здесь, — и, толкнув калитку, пошел по дорожке через палисадник к дому.

— ...Стало быть, вы и есть Пелагея Ивановна Камышковцева? — спрашивал Чапаев, глядя на молодую женщину, черноволосую, крепкую и высокую. Рядом с ней по обе стороны стояли два мальчика лет семи и девяти, худенькие, вихрастые.

— Она самая и есть, — чуть улыбнулась Пелагея Камышковцева. — А вы кто будете?

— Друг вашего покойного мужа Чапаев Василий Иваныч. — Чапаев подкрутил ус, тоже улыбнулся.

— Как покойного? — глаза Пелагеи расширились. — Нешто его убили?!

— А вы бумаги не получали?

— Ничего я не получала... — растерялась женщина. — Жалованье исправно приходило. Только писем вот не было... А жалованье исправно присылал...

— Это было мое жалованье, — нахмурился Чапаев. — Убили его в марте семнадцатого... шестнадцатого марта. Перед смертью я обещал ему посылать вам половину своего жалованья... чтоб детишек кормить могли... Друзья мы с ним были большие, понимаете?

— О-ох, Господи-и... — со стоном выговорила Пелагея и торопливо перекрестилась. — Как же это? Убили... — В глазах ее блеснули слезы, судорожным движением рук она прижала к себе детей, стала гладить по вихрастым головкам. — То-то последнее время жалованье перестало приходить... Я решила, скоро сам объявится...

— Старая власть кончилась, старая армия кончилась, вот и жалованье перестало приходить. Я теперь другое жалованье получаю... от новой пролетарской власти. Но посылать сейчас невозможно — почта не работает. Вот я и решил приехать к вам...

— Для чего решили приехать? — всхлипнув и утирая пальцем слезы, спросила Пелагея.

— Такое дело, Пелагея Ивановна... — Чапаев вздохнул. — Жена меня бросила, а трое детишков малых остались... Тоже, между прочим, Пелагеей звали... — Чапаев усмехнулся невесело. — Везет мне на Пелагей...

— Тоже Пелагеей звали? — тихо удивилась Пелагея Ивановна. — Сбежала?

— Точно, сбежала, — кивнул Чапаев. — Надоело мужика с фронта ждать — другого завела.

— И детей бросила?

— Бросила... Видать, шибко влюбилась.

— Сучка, прости Господи... — Пелагея вновь прижала к себе детей, погладила по головкам.

— И я так думаю, Пелагея Ивановна, но уж теперь дело прошлое. Дети с отцом моим, он за ними смотрит. Вот и ваших детишек я заберу, тоже к отцу свезу — будут они в тепле, сыты и одеты. У меня там еще брат проживает. Жинка у него имеется. Детей ишшо не нажили. Так что за вашими детишками забота будет полная, не извольте беспокоиться.

— Как это заберете? — черные глаза Пелагеи блеснули недобрым огнем. — Куды это заберете?

— Меня об этом муж ваш покойный просил, — развел руками Чапаев. — Да и вам легче станет — одной-то прокормиться легче...

— Да вы белены объелись? Чтоб я детей своих чужому человеку отдала?!

— Я Петру Камышковцеву другом был. Стало быть, не чужой. И половину жалованья отсылал не вам, а детям... А вы женщина еще молодая, симпатичная... можно сказать, в самом соку. Найдете себе мужчину... подходящего. А детишки при мне будут — захотите повидать, всегда пожалуйста.

— Ты и впрямь рехнулся, Василий Иваныч, — покачала головой Пелагея. — Только подумай, чего ты такое молотишь-то? Ну народ пошел! У родной матери детей приехал забирать! Да ты точно контуженный, Василий Иваныч! Я таких видала — на базаре милостыню просют!

— Тогда скажи мне, на что сейчас живешь с двумя детьми?

— Огород у нас... куры есть... поросенка вот собиралась прикупить. Картошку соберу, продам и поросенка прикуплю... Господь с голоду помереть не даст.

— А мужика заведешь, что с детьми будет? — нахмурился Чапаев. — Мне так Петро перед смертью говорил — загулять ты можешь... Нынче такое время — всеобщий бедлам пошел, свободная любовь, разгулялись все, ни совести, ни Бога не боятся. Что тогда с детьми будет? Пропадут, и все дела... А я этого допустить не могу.

Дверь в комнату приоткрылась, и заглянул Петька Исаев, посмотрел и тут же скрылся. Чапаев даже обернуться не успел.

— Не можешь допустить? — вдруг усмехнулась Пелагея. — А тогда и меня с детьми забирай.

— Как это? — растерялся Чапаев.

— А вот так! — сверкнула черными, как маслины, глазами Пелагея. — Сам же сказал, я — женщина ишшо молодая, симпатичная... в самом соку! Вот и бери!

— Да на што я тебе сдался? Я ж воюю... с бойцами все время... в любой момент убить могут... — оторопело бормотал Чапаев.

— Что, так уж тебе не нравлюсь? — Пелагея уперла кулаки в бока, выставила вперед объемистые груди. — Неужто так уж не нравлюсь?

— Ну почему же? Женщина ты... представительная... я ж сказал, в самом соку...

— Ну, вот и бери, раз в самом соку! — улыбнулась Пелагея. — А по-другому детей я не отдам, Василий Иваныч, — вот весь мой тебе сказ!

— Что ж, я тебе... понравился, что ли? — после паузы спросил Чапаев.

— Скажу — понравился, так вы меня сразу в гулящие запишете?

Красноармейцы сидели на корточках у ветхого штакетника перед домом Пелагеи, курили. Петька Исаев с озабоченным видом прохаживался у калитки, поглядывал на дом.

— Че он там застрял-то? Больше часу ждем... — сказал один из красноармейцев.

— У командира бригады важное дело, — многозначительно ответил Исаев. — Приказано ждать, стало быть, будем ждать.

Дверь дома открылась, и первой на крыльцо вышла женщина в расстегнутом пальто. Черные волосы были завязаны в большой узел и покрыты красной косынкой. За руки она вела двух мальчишек. Следом за ними вышел Чапаев, приказал громко:

— Петро! Заберите узлы из дома!

— Худяков! Евсеев! Голобородько! За мной!

Трое красноармейцев и Петька Исаев быстро пошли в дом.

Чапаев помог Пелагее забраться в пролетку, подал ей детей, предварительно чмокнув каждого в щеку. Улыбнулся. Пелагея взглянула на него и тоже смущенно улыбнулась, отвела взгляд в сторону.

Из дома красноармейцы вышли, неся большие узлы. Последним шел Петька Исаев с деревянной прялкой.

Погрузили узлы в пролетку, взобрались на коней. Чапаев махнул рукой, и отряд поскакал быстрой рысью. Застучала колесами пролетка, увозившая вдову Пелагею с детьми к новой жизни.

Василий Иванович лежал на широкой кровати, раскинув руки, и громко смеялся, а трое детей облепили его со всех сторон, целовали, щипали, тискали.

Пелагея с двумя своими мальчонками стояла посреди комнаты и натянуто улыбалась, глядя на Чапаева. Он вдруг сел в кровати, посмотрел на мальчишек Пелагеи и поманил их к себе пальцем:

— Ну-ка, давайте тоже сюда... Пелагея, двигай их сюда... давай, давай...

Пелагея подвела детей к кровати. Двое сидевших там мальчиков и девчонка настороженно смотрели на них.

— Теперь вы все тута братья и сестры... — Чапаев подхватил одного мальчика Пелагеи и посадил его себе на грудь. — О-о, какой здоровый парень! Давай второго, Пелагея!

Пелагея подняла второго сына и посадила Чапаеву на грудь, и Чапаев тоже обхватил его рукой, закричал громче:

— О-о, какие тяжеленные ребяты! Камышковские — ребяты сурьезные! Аркаша! Клавочка! Сашенька! Выручайте папашу — задавят они меня!

Трое детей Чапаева бросились разом, и получилась куча-мала. Дети Пелагеи, вцепившись в гимнастерку Чапаева, держались изо всех сил, а дети Чапаева — Саша, Аркаша и Клавочка пытались их спихнуть. Пелагея засмеялась...

— А ты чего стоишь как корова?! — глянул на нее Чапаев. — Давай к нам, барыня-боярыня!

И Пелагея кинулась к ним, расталкивая клубок ребятишек, тоже стала тискать и обнимать Чапаева. Дети с криками лезли на них со всех сторон. А губы Пелагеи в этой возне нашли губы Чапаева и слились в поцелуе...

Растрепанный, в гимнастерке без ремня, Чапаев вошел в горницу, где за столом сидели его отец, брат Григорий, Петька Исаев, командир второго полка Николай Сизов и комиссар бригады Сергей Захаров, сорокалетний сумрачный человек в выцветшей гимнастерке. Большая бутыль самогона была на две трети пуста, на блюдах лежали остатки еды — рыбы, картошки, вареного мяса, крупно нарезанных помидоров и соленых огурцов.

— Так-так, голубчики, всю самогонку выдули, ай-яй-яй...

— На вашу долю, товарищ комбриг, всегда найдется. — Исаев схватил бутыль, стал наливать в пустой граненый лафитник, плеснул через край, на белую домотканую скатерть.

— Аккуратней, черт косорукий, — беззлобно выругался Григорий.

— Это он начальству угодить шибко спешил, — усмехнулся Николай Сизов.

— Ладно, товарищи! — Григорий поднял свой лафитник. — Выпьем за победу пролетарской революции! За нашу кровную власть!

Все чокнулись и выпили, пофыркали, принялись закусывать. Только отец не стал пить, сидел, задумчиво глядя в окно и потягивал цигарку. Вдруг сказал:

— Сколько ишшо эта революция протянется? Друг дружку резать сколько ишшо собираетесь?

— Ты чего, отец? — озадаченно спросил Григорий.

— А того... привез — здрасте, не ждали — бабу с двумя детишками. Корми их теперь, а он революции будет устраивать... Своих мало, черт непутевый? — Отец зло посмотрел на Василия Иваныча. — Чего ты их привез?

— Я другу на фронте обещал, отец, и хватит об этом.

— Хватит? А бабу зачем? Одна Пелагея сбегла, так ты другую привез? Эта сбежить, еще привезешь? И опять нам на шею? А сам опять революцию делать поскачешь. Силен ты мужик, как я погляжу...

— Ну, вы одно с другим не путайте, отец, — нахмурился комиссар Сергей Захаров. — У революции врагов много — в один день со всеми не управишься.

— Вот, видал, отец? Мне тут комиссара прислали — он все знает, — усмехнулся Чапаев. — Он политграмоте обучен.

— Да вы и за сто лет не управитесь, тьфу! — в сердцах сплюнул отец. — Вон брательник твой сколько уж председателем Совета мается, а толку? Два раза убить хотели — вот и весь толк. А на третий раз точно убьют! Революционеры, мать вашу.

— Кто убить хотел? — спросил брата Василий.

— Один раз офицер стрелял... в плечо ранил, — нехотя ответил Григорий. — Я с Шугаевым шел, с ревко-

мовцем, — он его с револьвера и уложил. А другой раз казара налетела. В Доме Совета оборонялись. В ногу ранили...

— Во-во... — вздохнул отец, — живем как на охоте... Друг за дружкой охотимся... А пахать-сеять некому...

— Ничо, батя... — сказал Василий и вновь принялся разливать самогон по лафитникам. — Контру усмирим, все будем — и пахать, и сеять... и дома строить будем... и на заводах рабочий машины делать будет... Правильно рассуждаю, комиссар? — Чапаев насмешливо посмотрел на Захарова.

— Я на твои насмешки, Василь Иваныч, ноль внимания, — ответил тот.

— Вы будете, как же! — язвительно усмехнулся отец. — Вы те еще работнички! Вы всё старый мир развалить хотите...

— И развалим! — Григорий весело подмигнул брату. — До основанья, а затем...

— А затем лапу сосать будете! Ломать — не строить, большого ума не надо. Церквы взрывать стали, зачем? Мешают они вам?.. И мне наливай! — Он вдруг со злостью взглянул на Григория.

— Ох, батя, арестую я тебя за твои контрреволюционные речи, — вздохнул Григорий. — У нас теперь Чрезвычайная комиссия образована. По борьбе с контрреволюцией.

— Уже слышали про вашу Чеку... хватаете, стреляете без разбору... — ответил отец и поднял свой лафитник. — Снять бы с вас штаны да отодрать вожжами, чтоб задницы окровавились... Ладно, выпьем за вашу революцию, будь она трижды счастлива...

Все заулыбались, глядя, как лихо отец опрокинул в рот содержимое лафитника.

— Отец у нас поворчать любит... — сказал Василий Иванович.

— На то он и отец, — откликнулся Петька Исаев.

— Чудные рассуждения, — покачал головой комиссар Захаров. — Контрой попахивают...

— Не за то отец сына бил, что водку пил, а за то, что революцию делал, — вставил Николай Сизов, и все негромко рассмеялись.

— А я так вам отвечу, отец... — раздумчиво проговорил комиссар Захаров. — Раз уж мы ввязались в это дело... в это святое дело — на попятную не пойдем... Потому как революция не для одного человека делается, а для всего трудового народа.

— Слушай-слушай, батя, — торжественно сказал Григорий. — Товарищ комиссар — питерский рабочий, Зимний брал... Он Ленина самолично видел...

Дверь отворилась, и в горницу вошла Пелагея — на глиняном блюде она несла большую горку румяных картофельных лепешек.

— Стряпни моей отведайте, Василь Иваныч, — певуче произнесла она. — Шанюжки... Уральские шанюжки... картошечка с пылу с жару... с лучком, укропчиком... маслице я на кухне нашла, свежее маслице...

— О-о! — завопил Петька Исаев. — Шанюжки! С малых лет не пробовал! Хозяйка в доме, Василь Иваныч, товарищ комбриг, двух эскадронов стоит!

И все с жадностью набросились на стряпню, мычали от удовольствия, чмокали, чавкали.

— Так бы недельку пожить... — закатил глаза Николай Сизов.

— Да живите хоть три, — сказал отец. — Покудова всю картошку не сожрете!

— Не, отец, не могем... — в ответ прошамкал Чапаев. — Труба в поход зовет...

— Контрреволюцию изничтожать?

— Ее самую...

— Будь она трижды счастлива, — добавил Петька Исаев.

Все опять засмеялись, а Чапаев спросил отца:

— Ну как, батя, хороши шанюжки?

— Ох хороши... давно не лакомился...

— Хороша хозяйка? — улыбался Чапаев.

— Нехай остается...

— Будь она трижды счастлива, — добавил Петька Исаев, и все вновь рассмеялись.

— Что ты про церкви-то говорил, отец? — вдруг вспомнил Чапаев. — Кто взрывает?

— Брательника свово спроси, — буркнул отец. — Зачем он церкву взорвал, дурак стоеросовый!

— Хватит, батя, — нахмурился Григорий. — Ужо толковали про это.

— Погодите... Какую церкву взорвал?

— Которую ты строил, — ответил отец. — Можешь пойти полюбоваться...

— Зачем взорвал-то? — Чапаев уставился на брата.

— Изничтожать опиум для народа! — озлился Григорий.

— А настоятель отец Михаил где?

— Сбег твой отец Михаил, — усмехнулся Григорий. — Стрелять стал — во как! Служитель Божий, жеребячье племя! Двух красноармейцев убил из винтовки! Жаль, не поймали, — шлепнул бы его за милую душу.

— Отец Михаил красноармейцев убил? — поразился Чапаев. — Что ты брешешь, Гришка? Отец Михаил мухи не обидел... смиренный человек был... Богу служил...

— То-то что служил! Товарищ Ленин правильно сказал: религия — опиум для народа, а попы — первые отравители народного сознания! — встрял в разговор комиссар Захаров.

— Ты помолчи, комиссар, я с братом говорю, без тебя разберемся, — обрезал Василий. — Прислали мне комиссара на мою голову — в любую дырку нос сует!

— Грубо разговариваешь, Василий Иваныч, — нахмурился комиссар.

— Как умею... Думаешь, раз ты комиссар — я тебя бояться буду? Напрасно ты так думаешь...

— Я думаю, партизанщины в тебе, товарищ Чапаев, хоть отбавляй!

— Бабы да старухи до сих пор на пепелище воют, — покачал головой отец.

— Опиум для народа... отравители... — растерянно проговорил Чапаев, и неожиданная злость всколыхнулась в нем. — Врешь, Гришка! Не мог товарищ Ленин такой пакости сказать!

— Я тебе газетку в ревкоме дам — почитаешь. Просветишься. Кто тебя в большевики принимал, странно даже...

— Могу подтвердить, — опять влез комиссар. — Именно так говорил товарищ Ленин, вождь пролетариата и беднейшего крестьянства.

— Я строил эту церкву! — повысил голос Чапаев. — Я на ней крест ставил!

— Ты теперь большевик? — спросил Григорий, прищурившись.

— Большевик, ну и что?

— А большевики никакого Бога не признают. Нету никакого Бога, а есть одна дурь... предрассудки! Поповская лжа!

— Это точно, — согласился Николай Сизов. — Одна дурь... а уж попы... лицемеры хреновы...

— Какой Василий Иваныч большевик — еще посмотреть надо, — вздохнул Захаров.

— Помолчи, — оборвал его Чапаев.

— Затыкать меня, комбриг, ты права не имеешь. Я комиссар бригады, твой первый заместитель, и имею право высказать свое мнение... И ты должон к нему прислушиваться.

— Помолчи, я сказал! — рявкнул Чапаев и с бешенством глянул на брата: — Ты зачем такую красивую церкву взорвал? Ты что, бусурман? Тебя отец с матушкой крестили, сукиного сына!

— Я чего-то не пойму, Василий, ты чего — верующий? — усмехнулся Григорий.

— Я ее строил! — крикнул Чапаев и резко ударил брата в скулу.

Тот коротко охнул и полетел с лавки на пол. Все вскочили.

— Застрелю гада! — Чапаев лапнул то место, где на поясе обычно висела кобура с револьвером, но там не оказалось ни ремня, ни кобуры.

Григорий сплюнул кровавую слюну, потрогал ушибленную скулу, губу, медленно поднялся:

— Контра ты, Василий... скрытая контра... Тебе лучше с казаками да офицерьем побрататься — они тоже шибко в Бога веруют.

— Это ты контра! — взъярился Чапаев и вновь ударил Григория.

Тот покачнулся, но тут же ответил тяжелым ударом. В одно мгновение они сцепились, нанося друг другу удары в лицо, плечи, бока. Сизов, комиссар Захаров и отец бросились их разнимать. Перепуганный

Петька Исаев стоял в стороне, не решаясь ввязаться в драку. Дерущиеся зацепили стол, сдвинули его с места, а потом и вовсе опрокинули. С грохотом посыпалась посуда, лафитники, хлопнулась и раскололась бутыль с самогоном, и самогонка растеклась по дощатому полу.

Пелагея приоткрыла дверь в горницу, увидела дерущихся мужчин и тут же исчезла.

— Будет, малахольные, будет! — кричал отец. — Не то я вас обоих кочергой отделаю! Революционеры, мать вашу!

— Ты позоришь звание комбрига Красной Армии, — бубнил комиссар Захаров. — Про все доложу в политотдел армии!

Наконец братьев растащили. Несмотря на отсутствие одной руки, Григорий был силен как бык, и скрутить его было непросто. Все тяжело, с хрипом дышали. На лицах у обоих драчунов быстро вспухли ссадины, появилась кровь.

— Через таких, как ты, головотяпов народ большевиков и боится! — рычал Василий Иваныч. — Порубать тебя в куски мало, гада!

— Через таких, как ты, перевертышей беляки нас и мутузят. Расстрелять тебя мало, сволочь эдакую!

Они вновь рванулись друг к другу, но на дороге встали Сизов, комиссар и отец, вцепились в них клещами. Чапаев с силой отшвырнул от себя Сизова и вышел из горницы, бухнув дверью так, что с притолоки посыпалась побелка.

Он гнал лошадь галопом по улочкам городка. Услышал за собой перестук копыт, обернулся и увидел, что следом скачет Петька Исаев.

— Чего тебе?! — зло выкрикнул Чапаев.

— А как же, Василь Иваныч? — крикнул в ответ Исаев. — Куды вы, туда и я!

Чапаев прискакал к взорванной и сожженной церкви, осадил коня, спрыгнул и пошел к обугленным развалинам. Конь постоял и двинулся за хозяином, осторожно ступая, опустив голову и принюхиваясь к запахам пепелища.

Петька тоже спешился, повел своего коня в поводу, догнал коня Чапаева, взял повод и теперь медленно шел к развалинам, ведя коней за собой.

Несколько старух в драных зипунах и пальто бродили среди пепелища, подбирали какие-то мелкие предметы, дощечки, палки, тряпки. Еще несколько сидели, нахохлившись, как озябшие птицы, на каких-то ящичках и обгорелых обрубках, и на земле перед ними лежали расстеленные косынки.

Чапаев прошел внутрь развороченного, изъеденного огнем остова церкви, часто спотыкаясь о куски бревен и досок, оглядываясь по сторонам. Сквозь провалы виднелось бледное осеннее небо, громко кричали вороны, летавшие и сидевшие на обгорелом, покосившемся куполе без креста. Задрав голову, Чапаев посмотрел на черные ребра купола. Потом перевел взгляд на уцелевшие куски стен — те же обугленные бревна, отливающие сизым блеском. Лицо Василия Иваныча сморщилось. Он услышал за спиной шаги и обернулся — это Петька Исаев вошел в развалины, ведя за собой коней и озираясь вокруг.

Чапаев прошел еще немного вперед, опять обо что-то споткнулся и, присмотревшись, наклонился — в серо-черной золе он увидел край обгоревшей иконы. Чапаев

руками разгреб золу, поднял икону, вытер ладонью. Стало видно лицо Казанской Божьей Матери. Огонь обжег края иконы, прожег пятна на лице и одежде Богоматери, на младенце Христе, но глаза Богоматери остались нетронутыми, ясными, глубокими и печальными. Икона была небольшая, и Чапаев, расстегнув ворот гимнастерки, спрятал ее за пазуху. Посмотрел еще раз по сторонам и медленно пошел из развалин. Проходя мимо Петьки, Чапаев взял у него повод своей лошади, повел ее за собой. Петька заторопился за командиром.

Выйдя из развалин, Чапаев и Петька взобрались на коней, поехали рысью. На скаку Чапаев обернулся и еще раз посмотрел на разрушенную церковь.

ГЛАВА 4

Они подъехали к деревянному двухэтажному зданию с красным флагом на крыше. У крыльца стояли двое красноармейцев с винтовками и револьверами в кобурах на боку.

Чапаев и Петька спешились, накинули поводья на штакетник и пошли к крыльцу дома.

Красноармейцы отдали честь.

В комнате председателя ревкома Григория Чапаева работал телеграфный аппарат. Пожилой телеграфист с седыми вислыми усами, в потертом форменном кителе тянул телеграфную ленту. Григорий Чапаев и комиссар Захаров стояли рядом, брали ленту, читали. На лице Григория горели ссадины, полученные в драке с братом.

Чапаев подошел к аппарату, встал рядом с братом и взял конец телеграфной ленты.

БАЛАКОВСКОМУ РЕВКОМУ. КОМБРИГУ ЧАПАЕВУ. СРОЧНО! ПО ДАННЫМ РАЗВЕДКИ НА ПОДХОДЕ К САРАПУЛУ КРУПНЫЙ ОТРЯД БЕЛОКАЗАКОВ. ПРИМЕРНО ПЯТЬ СОТЕН САБЕЛЬ. ЕСТЬ ТАЧАНКИ С ПУЛЕМЕТАМИ. ОЖИДАЕМ НЕМЕДЛЕННОЙ ПОМОЩИ. ГОРОД МОЖЕТ БЫТЬ ЗАХВАЧЕН БЕЛОКАЗАКАМИ. ДРУГИХ ЧАСТЕЙ В ЭТОМ РАЙОНЕ НЕ ИМЕЮ. ПРИКАЗЫВАЮ НЕМЕДЛЕННО ВЫСТУПИТЬ ДВУМЯ ПОЛКАМИ И КОННЫМ ЭСКАДРОНОМ БРИГАДЫ НА ЗАЩИТУ САРА-

ПУЛА. В СЛУЧАЕ ЗАХВАТА САРАПУЛА БЕЛЫМИ ОТКРЫВАЕТСЯ ДОРОГА НА НИКОЛАЕВСК. КОМАНДАРМ 4 АРМИИ РЖЕВСКИЙ.

— О чем этот командарм раньше думал? — зло проговорил Чапаев. — У меня полки на двенадцать верст растянуты. Когда я их собрать успею?

Григорий молча смотрел на Василия.

— Дай карту, — потребовал Василий Иванович.

Григорий достал из ящика карту, разложил ее на столе. Чапаев наклонился над ней, провел пальцем от пункта до пункта, сказал:

— Я так мыслю, от Уральска казаки двигаются... Стало быть, им не больше полусотни верст осталось. Ежли привалов делать не будут, завтрева они в Сарапуле резню устроют...

— Ежли вы не поспеете, обязательно устроют, — заметил Григорий.

— Да как мы поспеем? На конях-то еще туда-сюда... вот тут под Петровской дорогу перекроем. А полки-то пешие... Как они поспеют? Эх, ма-а... тут же не меньше двадцати верст... Бегом и то... Петька, быстро в эскадрон! Бери десяток людей и скачите в Демьяновскую. Полк поднять по тревоге! Кого возможно — посадить на конь. В селе реквизируйте сколько можно лошадей. И на Сарапул! Сизову скажешь — тоже пущай берет десяток бойцов и пулей во второй полк! И тоже на Сарапул! Я с остальным эскадроном пойду казакам навстречу.

— Там же пять сотен сабель, Василий Иваныч! — испуганно проговорил Петька. — Куда ж на них с одним эскадроном?

— Быстро, я сказал! — сверкнул глазами Чапаев.

Петька Исаев мигом вылетел из комнаты. Чапаев еще некоторое время смотрел на карту, что-то соображая, посетовал:

— Плохо полки расположены... плохо... Весь фронт в дырках — казакам гуляй, где хочу... Ладно, Гриша, бывай! Пошли, комиссар! — Чапаев поправил папаху и шагнул к двери, брякнув о сапог серебряными ножнами шашки.

— Я на тебя бумагу в политотдел армии отправил, — вдруг сказал Григорий.

— Какую бумагу?

— Что ты есть скрытая контра. Что ты в Бога веруешь и за попов горой стоишь. Что таким в партии не место... и красным командиром тоже...

— А ты шустрый мужик, братишка, — усмехнулся Чапаев. — Ну, спасибочки, что хоть предупредил. Буду знать, кто на меня бочку покатил.

— Как член партии я должон был это сделать, — невозмутимо ответил Григорий.

— Я эту бумагу тоже подписал, — добавил комиссар Захаров.

— Ну, от тебя, комиссар, другого я и не ждал! Только запомните, писаки, доносчикам всегда первый кнут!

— Это не донос, — пробормотал Захаров. — Это тревожный сигнал.

— Назвать как угодно можно, только донос всегда будет доносом!

И Чапаев вышел. Комиссар Захаров двинулся следом.

Трое красноармейцев прошли через двор к конюшне, один развел в стороны створки ворот, двое вошли внутрь. Хозяин, бородатый мужик в лаптях, шарова-

рах, заправленных в толстые шерстяные носки, и рубахе-косоворотке, метался между солдатами, хватал их за руки, загораживал ворота:

— Не дам! Изверги, вы что творите?! Креста на вас нету! Не дам! Убейте на этом месте — не дам!

— Реквизируем на время, отец. Опосля вернем! Никуды не денется твоя лошадка!

— Вы вернете! Когда рак на горе свистнет! Не дам, сволочи!

— У нас приказ, отец! — ведя в поводу вторую лошадь, говорил другой солдат. — Для победы революции требуется!

— Как с казаками без коняки воевать? — приговаривал первый. — А придут казаки — не то что коней заберут, тебя самого на перекладине вздернут!

— Ах вы, аспиды проклятые! — взвыл мужик и бросился в дом.

Красноармейцы уже выводили коней на улицу, когда мужик появился на крыльце с винтовкой в руках.

— Стой! — Он с лязгом передернул затвор. — Верните коней, сволочи! Сказано — не дам! Аспиды! Антихристы!

Грянул выстрел. Красноармеец, шедший сзади, взмахнул руками и упал. Двое других схватились за винтовки, и в ответ прогремели сразу два выстрела. Мужик завалился на бок, хрипя и отплевываясь кровью, но все же смог вновь передернуть затвор и выстрелить.

Второй красноармеец упал прямо возле лошади. Конь, всхрапнув, рванулся в сторону, потащил за собой убитого красноармейца — повод был намотан на руку.

— Ну сукотей! — выругался третий и тоже выстрелил в лежащего мужика. Тот дернулся и ткнулся лицом в землю.

Красноармеец подбежал по очереди к своим товарищам — оба не подавали признаков жизни. Тогда он взобрался на коня, взял повод другого и поехал рысью. Вторая лошадь поскакала рядом.

...Нечто похожее происходило во многих дворах городка. Красноармейцы тащили из конюшен и хлевов лошадей, мужики и бабы хватали их за руки, кричали в голос, загораживая дорогу, обнимали коней за шеи, пытаясь удержать. Красноармейцы отпихивали хозяев, грозили винтовками и наганами и уводили драгоценных коней с мужицких дворов. Бабы плакали и рвали на себе волосы, мужики грозились кулаками, плевались вслед красноармейцам.

— Ладно, сучьи выродки, попомнятся вам наши слезы... — говорил бородатый мужик, утирая разбитую в кровь губу.

— А что сделаешь-то? Власть — она и есть власть, что новая, что старая, — отвечал другой, вздыхая.

— К казакам подамся... к Колчаку — я им коняшек моих попомню, кровью харкать будут, комиссары проклятые...

А в одном дворе красноармейцев встретили пулеметным огнем. Огонь открыли с чердака, и первая же очередь положила троих солдатиков, вошедших во двор дома.

Набежало еще с десяток красноармейцев, и чердак забросали гранатами. Полыхнули взрывы, пулемет замолчал, а дом занялся буйным пламенем. С воплями выбегали из горящей избы дети и бабы.

Полк был уже на марше. Колонна красноармейцев подняла тучу пыли, шлейф которой стелился по дороге, рассеивался в полях.

Конные красноармейцы на рысях догнали колонну. Один подскакал к Николаю Сизову, доложил:

— Отобрали боле сотни коней, товарищ командир!

— А точнее? — спросил весь серый от пыли Николай Сизов.

— Сто тринадцать лошадей, товарищ командир.

— Обгоняйте нас! Дуйте прямиком на Сарапул! К Чапаеву! Фамилия твоя?

— Жуков Андрей!

— Будешь командиром эскадрона, Жуков! Головой отвечаешь за исполнение приказа. Лично шлепну, ежли через час не будешь у комбрига!

— Есть! — И красноармеец пришпорил коня, поскакал, крича во все горло: — Конные, за мно-о-ой!!

Конная сотня прибавила рыси, скоро обогнала пешую колонну и, пыля, устремилась вперед по дороге.

За городом, прямо в поле, красноармейцы рыли неглубокие окопы, устанавливали на пригорках пулеметы. Николай Сизов ходил вдоль линии обороны, кричал:

— Сюды десяток бойцов! Быстро! Лощину прикройте! И пулемет туды! Быстрее, быстрее, чего телитесь?!

Он торопливо шел по шеренгам уже лежащих в окопах красноармейцев, командовал:

— Стрелять залпами! По команде! Целься в лошадей! И не трусь, братцы! Пулеметы помогут! Встретим казару как положено! Покажем контре, что такое есть второй полк бригады товарища Чапаева! Кто побежит — пеняй на себя! Пуля в лоб — и весь разговор! По закону сурового революционного времени!

Красноармейцы с тревогой вглядывались в пустую степь, раскинувшуюся до самого горизонта. Слева и справа синели полосы леса.

Сизов выбрался из окопа, огляделся, позвал:

— Жуков! Андрей! Где ты там?! Дуй ко мне!

Из-за бугра вылетел на коне светловолосый Андрей Жуков.

— Уводи эскадрон вон в ту лощину. Замри там и жди моей команды! Все понял?! Замри и до команды не рыпайся!

— Есть! — Жуков развернул коня и ускакал.

Казачьи сотни вытягивались на горизонте в длинную шеренгу. Полковник Мальцев посмотрел в бинокль и увидел бугорки брустверов, поблескивающие на осеннем солнце стволы винтовок. Подъехали поручик Евгений Мальцев и Татьяна — она была одета в казачьи шаровары с голубыми лампасами, короткую меховую куртку, подпоясанную широким ремнем. На ремне кобура с револьвером, за спиной винтовка. Подъехали на конях еще два поручика и казачий сотник.

— Ну, что там? — спросил Евгений Мальцев отца.

— Жиденькие окопчики... заслон не больше полка... Сомнем! — глядя в бинокль, проговорил полковник Мальцев. — Лавиной сметем, как хлебные крошки со стола.

Евгений Мальцев судорожно проглотил ком в горле — он волновался. Глянул сбоку на сестру — она во все глаза смотрела вперед и, казалось, ничего не видела и не слышала.

— Пулеметов не видите, ваше благородие? — спросил сотник, жуя травинку и прищурившись.

— Кажется, один вижу... на левом фланге... — Полковник еще раз посмотрел в бинокль, приказал: — Господа, командуйте атаку. Аллюром! Шашки и винтовки к бою!

Офицеры и сотник поскакали в разные стороны с криками:

— Эскадро-о-он! Слушай мою команду-у-у! Сабли к бою! Аллюро-о-ом ма-а-арш!

— Сотня-а-а! Слухай мою команду-у-у! Шашки к бою-у-у! Аллюро-о-ом ма-а-арш!

Шеренги всадников, одна за другой, тронулись, быстро набирая скорость. В прозрачном осеннем воздухе заблистали клинки, раздались улюлюканье, посвист и затем мощный рев сотен мужских глоток. От топота копыт загудела земля.

Красноармейцы со страхом смотрели на приближающуюся лавину всадников. Клубы пыли окутывали их, и только молниями вспыхивали сабли и шашки да слышались пронзительные крики, свист и рев.

— Залпом! Огонь! — заорал Николай Сизов, стоя на одном колене и держа в руке револьвер.

Грохнул дружный залп.

— Ого-онь! — вновь закричал Сизов. — Огонь! Огонь!

Грохнул второй залп, за ним еще... и еще... Красноармейцы торопливо передергивали затворы, прижимались щеками к ложам винтовок. Наконец застучали пулеметы. Сначала на левом фланге, потом — из заросшей кустарником лощины, потом заработал пулемет с правого фланга.

На скаку лошади бились о землю... переворачивались... пронзительное ржание было слышно даже сквозь гром выстрелов... валились на землю казаки...

Евгений Мальцев скакал в гуще всадников, оглядывался по сторонам, искал Татьяну. Наконец увидел: она скакала слева, чуть позади, смотрела вперед, вытянув шею, и в правой руке сжимала револьвер.

Полковник Мальцев пытался хоть что-либо разглядеть в бинокль, но видел только тучи пыли, слышал густую винтовочную стрельбу и треск пулеметов.

— Сотник! — громко позвал Мальцев. — Давайте в атаку!

И еще одна казачья сотня сорвалась с места, с гиканьем загрохотала по степи.

— Ну, пора и мне... — Полковник опустил бинокль, висевший на ремешке на груди, дернул повод, обернулся: — Эскадро-о-он! С Богом, братцы-и-и! Ма-а-арш!

И вновь — топот конских копыт, свист и гиканье, и клубы пыли, и сверкание клинков над головами всадников.

...Когда пыль начала рассеиваться, стало видно, что вся степь покрыта телами лошадей и людей.

Но конная лавина все же дорвалась до окопов. Многие красноармейцы выскакивали из окопов, бросались бежать. Их настигали казаки, рубили на скаку, стреляли из револьверов и винтовок. Николай Сизов метался среди конных казаков, стрелял почти в упор из револьвера, уклоняясь от ударов шашек. Потом патроны в барабане кончились, и Сизов успел поднять с земли брошенную винтовку и выстрелил в упор в скакавшего на него казака. Развернулся и выстрелил еще в одного... другого... третьего...

И тут из лощины, заросшей кустарником, вылетел эскадрон Андрея Жукова. Красноармейцы скакали плотной толпой, издалека начав палить из винтовок.

Казаки не ожидали удара с фланга, да еще тогда, когда значительная часть эскадронов рассыпалась по полю, гоняясь за красноармейцами. И эскадрон красноармейцев вышел прямо им в тыл. Впереди на светлом гнедом жеребце летел Жуков.

Казаки начали поспешно разворачивать коней.

Чапаев со своим эскадроном стоял в леске с правой стороны огромного поля и наблюдал в бинокль за тем, как идет бой. Лошади теснились среди тонких берез и осин, мотали головами, позванивая сбруей.

— Пора... — сказал комиссар Захаров. Он тоже смотрел в бинокль.

— Ты хто у меня в бригаде, комиссар? — глянул на него Василий Иванович. — Вот будут политзанятия, тогда и рот разевай. А щас сиди и не петюкай. — И он вновь поднес бинокль к глазам.

Он видел, как рубятся конные красноармейцы с казаками, как в окопах и рядом с ними кипит рукопашная схватка, как гоняются по полю за красноармейцами казаки и шашки вспыхивают на солнце...

— Теперь пора! Бойцы-и-и! В атаку-у! На казару-у ма-а-арш! — И Чапаев рванул повод, пришпорил коня.

Конь с места прыгнул вперед. И следом за ним раздался треск сучьев и ветвей, храп коней. Конница ринулась в атаку.

Эскадрон Чапаева вылетел в степь позади казаков, и лавина покатилась. Часто захлопали выстрелы — красноармейцы стреляли из винтовок прямо на скаку.

Чапаев, пригнувшись к лошадиной гриве, вытянул руку с шашкой, мчался впереди эскадрона.

Тем временем Николай Сизов прорвался к пулемету на пригорке, отпихнул тела убитых красноармейцев, развернул ствол, выправил ленту и надавил на гашетку. Пулемет заработал ровно и гулко — очередь веером прошлась по казакам, метавшимся на поле. Раненые лошади поднимались на дыбы, тяжело падали на землю, придавливая седоков. А пулемет посылал очередь за очередью, голова Сизова тряслась в такт выстрелам, и застывшие глаза смотрели вперед.

Под полковником Мальцевым убили коня, и он вместе с другими пешими казаками дрался в окопах с красноармейцами. Расстреляв все патроны, полковник выхватил шашку, и в это мгновение красноармеец сзади стукнул его прикладом винтовки, и полковник упал плашмя на дно окопа.

Татьяну Мальцеву скрутили в другом окопе. Красноармеец ударил ее рукоятью револьвера по голове, и Татьяна упала навзничь, попыталась встать, но последовал еще один удар прикладом в грудь... А вокруг кипел рукопашный бой, схватывались без оружия, били кулаками, душили за горло.

...Казаки уходили. Нахлестывая коней, они скакали по степи. Эскадрон Чапаева некоторое время преследовал их.

...Здание ревкома в Сарапуле такое же, как и в других небольших городках, — деревянное, двухэтажное. Перед зданием на площади расположился полк красно-

армейцев. Дымили костры, в больших чанах, подвешенных над огнем, варилась похлебка. Вокруг костров сидели красноармейцы, курили, сушили портянки, перевязывали друг другу раненые руки и ноги. Возле одного костра тянула грустную мелодию гармошка.

У здания ревкома стояла небольшая толпа пленных казаков, окруженная красноармейцами с винтовками.

Чапаев, комиссар Захаров, предревкома Сарапула, Николай Сизов, командир нового эскадрона Жуков вышли на крыльцо здания ревкома. К ним подвели полковника Мальцева, пятерых офицеров и Татьяну. Под пышными темно-русыми волосами на лбу и щеке девушки засохла кровь, рукав меховой куртки был оборван. Полуоторванный серебряный погон на мундире полковника свисал на шнурке, один его глаз заплыл кровавым синяком и ничего не видел. Офицеры тоже выглядели не лучше — в изорванных мундирах, с разбитыми лицами.

— Ну что, полковник? — Чапаев подошел ближе к Мальцеву. — Надавали тебе по шеям? А ведь у меня бойцов в три раза меньше было.

Мальцев одним глазом смотрел на Чапаева и молчал. И Татьяна глядела на Чапаева — ее словно притягивал этот синеглазый человек, с аккуратными усами, с ясным и довольно привлекательным лицом. Но особенно глаза — то голубые, то густо-синие, до черноты.

— Сказать нечего, вояка? — усмехнулся Василий Иванович. — Так вот я тебе скажу: моих бойцов в три раза меньше было, но они верх взяли, потому что они за свою землю дрались, за волю, за равенство и братство. И никогда вы нас не одолеете! Потому как вы деретесь, чтобы оставить нас рабами... Но не получится! Я правильно говорю?! — вдруг крикнул он, уже обращаясь к красноармейцам, столпившимся вокруг.

И толпа ответила радостным гулом и криками:

— Правильно! Ура Чапаеву!

— Раб, ставший свободным, все равно останется рабом, — тихо ответил полковник. — И выжечь большевистскую заразу у нас сил хватит.

А Татьяна все смотрела на Чапаева...

— Ну, ты уже этого не увидишь. Расстрелять его! — приказал Чапаев. — И офицеров всех к ногтю! Попили крестьянской кровушки, будя! — Он вдруг увидел Татьяну и уставился на нее: — А барышня тут откудова?

— Тоже в плен взяли, Василий Иваныч. Стреляла... в окопах воевала... — доложил красноармеец, стоявший впереди.

— Под арест ее. После поговорим.

— Шлепнуть вместе со всеми, — резко проговорил Николай Сизов. — Неча церемонии разводить. Раз с оружием в руках взяли, значит, не барышня, а контра!

— Расстрелять, — коротко поддержал Сизова комиссар Захаров.

— Я сказал, посадить под арест до утра! Разобраться надо. Расстрелять всегда успеем! — повысил голос Чапаев. — Выполняйте!

Красноармейцы стали подталкивать офицеров прикладами, заставляя двигаться в сторону от здания ревкома к реке. Офицеры пошли, понуро опустив головы. Николай Сизов зашагал за ними. Остальные командиры вернулись в дом.

Татьяна некоторое время расширившимися от ужаса глазами смотрела вслед уходящему отцу и другим офицерам, потом рванулась за ними, но двое краснармейцев схватили ее за руки, удержали. Один предостерег тихо:

— Не спеши туда, барышня... всегда поспеешь...

Подождав, пока Сизов отойдет достаточно далеко, второй боец сказал:

— А чего с ей годить-то? Веди под арест сажай, валандайся с ей... шлепнуть ее со всеми офицерами — и без хлопот...

— Чапаев приказал «под арест», стало быть, веди, — хмуро ответил другой красноармеец. — Ноги натрудить боишьси?

И красноармейцы повели Татьяну в другую сторону.

...Их подвели к высокому берегу реки. Здесь уже была вырыта большая яма, в кучах земли торчали лопаты. Офицеров построили в шеренгу, и напротив, шагах в десяти в такую же шеренгу встали красноармейцы.

— Товсь! — громко приказал Сизов, и красноармейцы дружно вскинули винтовки, лязгнули затворами.

— Прощайте, господа, — негромко сказал полковник Мальцев, и офицеры так же негромко отозвались:

— Прощайте... Прощайте... Прощайте...

— Бойцы! Слушай мою команду! По врагам революции — огонь!

Грянул залп. Полковник и офицеры один за другим попадали в яму.

— Закапывать будем, товарищ командир? — спросил крайний в шеренге красноармеец.

— Погоди, — Сизов подошел к яме, посмотрел на лежащих офицеров.

Один из них шевельнулся, застонал. Сизов вытянул из кобуры револьвер, прицелился и выстрелил. Посмотрел внимательно и выстрелил еще два раза. Потом сунул револьвер в кобуру и пошел от ямы, бросив на ходу:

— Закапывайте!

Бойцы взялись было за лопаты, но один, оглянувшись на ушедшего уже довольно далеко Сизова, сказал:

— Да погодите закапывать. Гляньте, какие сапоги на них справные. Хромовые. А вы в лаптях. А гляньте, кителечки какие... дорогого сукна — носи, не сносишь. А у меня гимнастерка вон сопрела вся — расползается.

— Вон у поручика часы на цепке. Кажись, серебряные, — сказал другой.

— А у полковника на руке часы... вроде золотые...

— Да че мы тут гутарим?! Раздеть их до подштанников — в могиле все равно каким лежать...

Бойцы дружно полезли в яму.

— Вот чего я вам скажу, казара чубатая!! — Чапаев встал перед толпой пленных казаков. — Грех вы совершили! Тяжкий грех! На свово же трудового русского человека войной пошли! Я так думаю, многие по неразумению своему! И потому стрелять вас как врагов революции и трудового народа не буду! Прощаю вас на первый раз! Кто хочет — вступай в Красную Армию! Вместе будем бить кровопийц — помещиков и заводчиков! Кто не желает — ступай домой! Но гляди — другой раз попадешься, и разговор другой будет!

Толпа пленных заволновалась, загудела.

Один казак, коренастый, бородатый, чуть выступил вперед, поклонился:

— Не думал, Чапаев, што ты мужик с душевным понятием... Благодарствуем тебе.

— Благодарствуем... — повторили сразу много голосов.

Но раздавались в толпе пленных и другие голоса, правда не такие громкие.

— Ишшо свидимся... — пообещал рослый казак с погонами есаула. — Уж для тебя пулю приберегу...

— Он думат, умаслил нас... погоди, Чапай, ишшо поквитаемся...

— Тише вы... услышит, чего доброго...

— А нехай слышит, вражина... — сказал еще один казак с погонами сотника на суконной куртке.

— Я слыхал, он ране церквы строил, а вот поди ж ты, христопродавцем стал, оборотень, прости, Господи...

— Погоди, Чапай, я тебя заарканю — домой не отпущу...

— Что он творит? — сквозь зубы процедил стоявший тут же комиссар Захаров. — Это же партизанщина чистой воды... это ж контрреволюция...

— Нам бы до дому, Василь Иваныч... у всех детишек полны избы... и работы невпроворот... — проговорил один из казаков. — Благодарствуем от всей души!

— Вот и телеграфируй про то в штаб армии, — сказал Сизов комиссару Захарову. — Чего цацкаться?.. Хоть он и Чапаев...

— Работы невпроворот? А что ж за оружие взялись? — спросил Чапаев.

— Уговорили...

— Станичный атаман наказал, как ослушаешься?

— Офицеры сагитировали. Сказывали, большевики землю отымать будут.

— А вы дети малые? Сразу поверили? — покачал головой комбриг. — Ладно, расходись к хренам собачьим! И гляди у меня! Больше мне не попадайся! — Чапаев круто развернулся, зашагал к зданию ревкома и стоявшим там командирам.

Комиссар Захаров догнал его, схватил за рукав:

— Ты што творишь, а? Ты по какому праву заклятых врагов по домам отпускаешь?

— А тебе, вижу, мало, да? — выдернул руку Чапаев. — Мало русских мужиков положили? Ишшо хочет-

ся? Заклятые... Э-эх, комиссар, накажи дураку Богу молиться — он и лоб расшибет! — И Чапаев зашагал дальше.

Захаров злобно смотрел ему вслед.

В здании ревкома совещались до позднего вечера. На столе лежала карта, над ней склонили головы командиры.

— Делать будем так, — говорил Чапаев. — Первый полк оставляем здесь. Позиции оборудовать по всем правилам. Из Николаевска батарею пушек отправлю. Это направление — важное. Казара опять сюда сунется, как пить дать. Тут прямая дорога на Саранск, а дальше — на Самару и на Волгу. Правильно говорю?

— Может, оба полка тут оставить? — предложил комиссар Захаров.

— Жирно будет!

— Может, хватит со мной таким тоном разговаривать? — вспылил комиссар.

— Каким таким? — удивился Чапаев.

— Я вижу, как ты всячески стараешься подорвать ко мне уважение среди командиров и красноармейцев! И я этого не позволю! Я комиссар бригады и назначен сюда приказом начальника политотдела Хесина. И требую...

— Требовать ты у своего Хесина будешь! — оборвал его Василий Иванович. — Я тебя в бригаду не звал! До сих пор без комиссаров управлялся и дальше управлюсь! Развели болтунов по всей армии — хоть беги от вас куды глаза глядят!

— Ты ответишь за свои слова! — выкрикнул Захаров. — Ответишь!

— Пиши снова бумагу, писарь! — тоже повысил голос Чапаев. — Тебя прислали пропаганду среди бойцов разводить, вот и занимайся своим делом! А в командование бригадой не лезь!

Чапаев швырнул карандаш на стол и стремительно вышел из комнаты.

Татьяну заперли в сарае на самой окраине. Рядом разместился почти весь полк. Горели костры, вокруг них грелись красноармейцы. Слышался отдаленный говор, смех.

Татьяна сидела на охапке прелой соломы, обняв руками колени и опустив голову. Вдруг она услышала поющий голос. И голос этот показался ей знакомым. Она подняла голову, прислушалась. Потом встала, на ощупь добралась до двери, снова прислушалась. Голос продолжал петь.

Татьяна толкнула дверь, и та вдруг со скрипом открылась. Девушка испуганно отшатнулась, но затем, помедлив, выглянула наружу. Часового не было. Татьяна посмотрела по сторонам и осторожно вышла.

Ярко светили звезды, в зыбком полумраке вдалеке виднелись костры. Там расположились бойцы полка. А в другой стороне, на высоком берегу пел мужской голос.

Татьяна медленно пошла на голос и скоро увидела темную фигуру человека. Он сидел на земле и смотрел на реку, в которой отражались, дрожа и расплываясь, звезды.

...Что ты вьешься над моею головой,
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не тво-ой...

Татьяна узнала его — это пел Чапаев. Она подошла и села рядом. Чапаев коротко глянул на нее, набрал в грудь воздуха:

...А ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой...

Он замолчал, продолжая смотреть на реку.

— Сарай был не заперт... и часовой ушел... — тихо сказала девушка.

— Я знаю...

— Вы меня расстреляете?

— Вы в этом сомневаетесь, барышня? — Чапаев посмотрел на нее и усмехнулся.

— Нет... не сомневаюсь...

— Тогда зачем спрашиваете? Со страху?

— Со страху...

— А чего тут бояться? Это дело быстрое: выстрел, и все... — Чапаев снова посмотрел на нее, теперь уже внимательно, изучающе. — А вот почему вы не сказали нам, что являетесь натуральной дочкой полковника Мальцева?

— Не знаю... не сказала, и все. Еще я сестра поручика Мальцева.

— Это нам тоже известно... Ваш брат, барышня, мой старый знакомец. Мы с ним, можно сказать, пуд соли съели...

— Вы ему на фронте жизнь спасли... он рассказывал... Наверное, теперь жалеете, что спасли?

— Отчего же я жалеть буду? Нет, не жалею. Жалеть о том, что сделал, — пустое дело.

— Он же в вас потом стрелял.

— И про это рассказал? Ишь какой... — Чапаев улыбнулся. — Нет, барышня, все равно не жалею...

— Меня Татьяной зовут...

— Буду знать. Что ж вы, Татьяна, за оружие взялись? Ну, мужики — ладно. Война — дело мущинское, а вы... барышня... небось в гимназии учились... Неужто так нас ненавидите, что убивать решились?

— Кого вас? — после паузы спросила Татьяна.

— Трудящий народ.

— Почему же? Народ я люблю...

— Это вы его в книжках любите... вообще, так сказать. Слышал я, как ваш брат про народ любит рассуждать. Про свободу... угнетение и прочее... В гостиных шампанское попивая... А вот когда этот самый народ поднялся, чтоб свободу свою потребовать, чтоб землю свою взять и фабрики и заводы, которые он своим горбом построил, вы напугались до смерти. Сразу за оружие взялись. Понятное дело, кому ж добро свое отдавать охота? — Чапаев говорил, словно гвозди вбивал. — Вот война и получилась... гражданская... пострашнее любой другой войны. В этой войны пощады не бывает, Татьяна... Тебе сколько лет-то минуло?

— Семнадцать... Что, мало? — Она грустно улыбнулась.

— Много... Все понимать должна. Вот и скажи, что, неправильно я про революцию и народ говорю?

— Несправедливо говорите...

— Несправедливо? Ну-ну... — Увидев, как девушка съежилась от холода, Чапаев снял полушубок и набросил ей на плечи. — А то простынешь...

— Какая разница... когда расстреливать будете... — усмехнулась Татьяна.

— Какая ты... ершистая... А может, и не расстреляем... Может, отпустим... Хочется домой?

— Нет. Домой я не вернусь.

— Как так? — искренне удивился Чапаев. — Любой человек домой хочет...

— И вы хотите? — Она глянула на него — в полумраке серебряно блестели белки больших глаз.

— А как же! Человек лучше всего себя чувствует под родной крышей... А у меня там детишек пятеро.

— Пятеро? — Татьяна от изумления даже выпрямилась.

— Пятеро... Двое, правда, не моих. Приемные. Друга моего на фронте убили, еще в империалистическую... вот я его детей к себе и забрал... — Чапаев удивленно покачал головой. — Сам не знаю, на хрен я все это тебе рассказываю?

— Мне интересно.

— Интересно ей, скажи пожалуйста. Домой не хочет... а куда ж ты теперь?

— Если не расстреляете...

— Не расстреляем, не расстреляем. Больно нужно девок молодых стрелять. Думаешь, красные совсем без понятия? Лишь бы кровь проливать?

— Я теперь поняла... когда вы казаков домой отпустили...

— Ну вот и тебя отпустим. Ступай с Богом... куда хочешь... — сказал Чапаев.

— Я не хочу. — Она пристально посмотрела на него.

— А чего ты хочешь, барышня?

— Я с вами хочу...

— Как так с нами? Со мной... или... вообще, с нами? — Он покрутил в воздухе рукой.

— С тобой хочу... — едва слышно проговорила Татьяна, но Чапаев услышал и долго не отвечал ничего, смотрел ей в глаза...

И вдруг, словно неведомая сила повлекла их, они потянулись друг к другу, его губы нашли ее губы, и он

обнял ее сильными руками, прижал к себе, и поцелуй получился долгим, так что оба едва не задохнулись...

Стучал телеграф, и комиссар Захаров размеренно читал, держа перед собой исписанный лист бумаги:

— Командарму четыре товарищу Ржевскому, начальнику политотдела армии товарищу Хесину. Считаю своим партийным долгом вновь информировать вас об обстановке в бригаде. Процветает партизанщина, вульгарное искажение идей коммунизма. Действия комбрига Чапаева ведут к прямой анархии и самодурству. Взятые в плен ярые контры казаки были отпущены на волю по приказу Чапаева, что является прямым пособничеством контрреволюции. Плененную во время боя дочь колчаковского полковника Мальцева комбриг сделал своей полюбовницей и открыто живет с ней, появляется с ней перед личным составом бригады, чем вызывает толки и пересуды бойцов, и все это ведет к подрыву воинской дисциплины. Обстановка в бригаде — прямая анархия. Комбриг открыто выступает против комиссаров и политотделов. Подобные действия способствуют снижению боеспособности бригады, дезертирству и развалу. Комиссар бригады Сергей Захаров.

Комиссар перестал читать, уставился на телеграфиста, стучавшего на аппарате, спросил:

— Успел? Закончил?

— Так точно, товарищ комиссар.

— Ну и отлично. Чапаеву об этой телеграмме сообщать не надо.

— Есть не сообщать, товарищ комиссар.

— Гляди у меня...

...Она проснулась в просторной комнате с двумя окнами. Сизый рассвет сменял полумрак ночи. Она лежала на широкой кровати, и рядом спал Чапаев — спал на спине, раскинув руки, и от дыхания чуть шевелились кончики его усов, и чуб съехал на лоб, закрывая бровь. Некоторое время Татьяна лежала неподвижно, глядя в окно, потом повернула голову и посмотрела на Чапаева. Привстала, опершись на локоть, и долго, неотрывно глядела на спящего.

Душу ее переполняла нежность, губы беззвучно шептали: «Я люблю тебя, мой Чапай, со всеми твоими недостатками. Люблю тебя, капризного и взбалмошного, самолюбиво-ревнивого и нежного. Люблю тебя с кончиков волос на голове и до кончиков пальцев на ногах. Люблю твое властное и порой хищное лицо, на котором отражается величайшее твое чувство... Мой нежный, замечательный... мой огненный Чапай...»

Осенняя степь была бурой, как свалявшаяся медвежья шкура. Холодное солнце блистало на пустом бледно-голубом небе, гудел ветер, гнал шары перекати-поля. Слева, почти на горизонте, темнела полоса леса. Три всадника аллюром скакали по степи: впереди Чапаев и Татьяна Мальцева, чуть позади держался верный ординарец Петька Исаев. Чапаев смотрел вдаль, а Татьяна не спускала глаз с его мужественного профиля. И снова кружилась у нее голова, и губы шептали: «Люблю тебя, мой Чапай, люблю всем сердцем, всей душой, всем своим существом... Я никогда прежде не испытывала такого огромного чувства, оно переполняет меня и, кажется, разорвет на части. Каждый день я ощущаю косые взгляды твоих товарищей, слышу за спиной бранные слова, но мне все равно легко и радостно. Как мне объ-

яснить, что я раз и навсегда связала свою судьбу с твоей судьбой, с судьбой революции, и что бы со мной ни случилось, я не изменю своему решению никогда и никогда не изменю своей любви. Она бесконечна, моя любовь к тебе, мой бесценный Чапай... У меня сердце разрывается, когда ты говоришь о своей неудавшейся личной жизни. Если бы я могла хоть что-то исправить в твоей судьбе и дать тебе счастье, я бы пошла на все... вплоть до несчастья для себя...»

Впереди показались позиции пехотного полка: дымки костров, батарейные фуры, полевые кухни, холмы укрепленных пулеметных гнезд, крыши землянок и укрытий, ремонтной мастерской и других тыловых строений, находившихся вблизи от передовой линии обороны полка.

Чапаев первым влетел на позиции, осадил коня. Бойцы, сидевшие у костров, его узнали, дружно повскакивали, с улыбками глядя на комбрига. Двое подбежали, и спрыгнувший на землю Чапаев бросил им повод, громко поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здра-жла-тов-рищ-комбриг! — дружно прокричали несколько десятков голосов.

Подъехала Татьяна. Она была в галифе, щегольских хромовых сапогах и меховой короткой куртке-венгерке. Ярко блестящие глаза, румяное от степного ветра лицо, счастливая улыбка на пухлых губах — все в ней привлекало жадные солдатские глаза. Тут же подъехал Петька Исаев, спрыгнул с коня, подвел его к лошади Татьяны.

— Как с едой? Подвозят вовремя? Не голодуете? — спрашивал Чапаев, подходя к костру.

— С харчами хорошо, Василь Иваныч. И каша горячая бывает, и хлебушек...

— Да мы и сами тут кое-чем угощаемся... По степу сусликов настреляем — вот те и мясо жареное!

— А то, глядишь, и зайчишко попадется — совсем хорошо!

— С куревом плохо, Василь Иваныч! Уж неделю погибаем без курева!

— Ладно, каптенармусам сегодня же шею намылю! — Чапаев посмотрел на видневшиеся далеко впереди окопы с брустверами, потом глянул на Татьяну и Петьку, бросил: — Ждите... — и широко зашагал к землянке с крышей из накатанных тонких бревен.

Он вошел в землянку, где располагался штаб полка. За столом, освещаемым сплющенной снарядной гильзой с фитилем, сидели комполка Николай Сизов и еще двое командиров. Все поднялись навстречу Чапаеву.

— Что сидите, как сычи в дупле? — шутливо заговорил Чапаев. — Почему курева у солдат нету? Кому шею мылить?

— Да посылал сколько разов людей — в штабе бригады нету, на складах тоже шаром покати, — отвечал Сизов. — Хлебушек и то не всегда вовремя подвозят.

— По деревням пошарьте. За деньги прикупите, — посоветовал Чапаев, усаживаясь за грубо сколоченный стол.

— А денег купить ты нам дашь? — усмехнулся комполка.

— Ну, пошарить-то всегда можно... аккуратненько... — несколько растерялся Чапаев.

— Ага, пошаришь, а после комиссар скажет — мародерствуете, — возразил один из ротных командиров Федор Гнедко. — Не расхлебаешь.

— Он сразу трибуналом грозит! Расстреляю, грит, перед строем! — добавил второй ротный.

— Слышь, Василь Иваныч, а на другого комиссара нашенского сменять нельзя? Хучь на какого-никакого захудалого... А то энтот совсем донял — спасу нету, — весело поглядывая на Чапаева, сказал первый ротный.

— Боюсь, шлепнут его бойцы ненароком... — вздохнул Сизов.

— Ну, раз вы так комиссара боитесь — сидите без курева, — развел руками Чапаев. — Давай карту.

Сизов вынул из офицерской планшетки карту, развернул, расстелил на столе. Чапаев достал из кармана небольшой циркуль, положил на карту.

— Ишь ты, какой штукой разжился, — восхитился Сизов. — Версты отмерять удобно...

— Петька мой раздобыл. Спер где-то, цыган... — улыбнулся Василий Иванович. — Удобный циркулек... Так, дорогие вы мои товарищи, прошу доложить обстановку на нонешний военный день.

— Да пока спокойно, — сказал Сизов. — Разъезды казары иной раз появляются на горизонте. Конная разведка. Повертятся в степу и уходят.

— Принюхиваются, — добавил ротный Гнедко. — Я их повадки дюже хорошо знаю.

— А чего в штабе армии слышно, Василь Иваныч? — осторожно спросил Сизов.

— А хрен их разберет, — нахмурился Чапаев. — Они ведь приказы сыпать начинают, когда петух жареный клюнет. Но слухи ходят, беляки наступать готовятся... Где сейчас казара стоит? — Чапаев отмерил циркулем. — В Андреевской... Луховицкой, — циркуль сделал несколько шажков по карте, — Погарово... Вот тут беляки и накапливаются. Что получается? Обхват Балакова получается, а оттуда — Николаевск и прямая дорога на Самару. А прикрывает это направление только наша

бригада. Мне вот интересно знать, в штабе армии про это думают или нет?

— А ты в штаб армии докладал?

— Докладал. Ржевский мне ответил: мы, дескать, тут тоже не сидим сложа руки. Разберемся без вас...

Чапаев замолчал, долго, нахмурившись, смотрел на карту.

— Контра там окопалась, Василь Иваныч, точно тебе говорю, — яростно выдохнул ротный.

— А ты пойди и скажи про это комиссару нашему!

— Хороший совет ты даешь, Василий Иваныч, — усмехнулся Гнедко.

— А вот приказ мой будет другой! Разведку высылать каждый день. По пять-шесть человек конных. И докладывать в штаб бригады каждый день. И ночные секреты выставлять подальше. — Чапаев циркулем отмерил расстояние. — За версту — в самый раз будет...

— Не далековато?

— Выстрелы услышите. Зато будет время полк поднять по тревоге... — Чапаев бросил циркуль на карту. — Э-эх, мне бы щас вот тут три полка да конный полк дали — атаковать их, гадов, и пройтись рейдом по всем тылам... Не могу в обороне сидеть и ждать, когда тебя по морде вдарят! Не могу я так воевать!

Чапаев и командиры вышли из штабной землянки. Комбриг пожал им на прощанье руки и быстро пошел к лошади, которую держал за повод Петька Исаев. Рядом стояла Татьяна, тоже держа своего коня за уздечку.

— Что? Заждались? — Чапаев прыгнул в седло. — Бывайте, товарищи бойцы! Махорку завтрева к вечеру вам привезут!

— Спасибочки, товарищ комбриг!

— Крепко на вас надеемся!

— Счастливо, товарищ комбриг!

Трое всадников ускакали.

— От стерва... чем она его охмурила? — проговорил один из бойцов, глядя вслед.

— Девка выгодная... все при ней...

— Полковничья дочка... А Василь Иваныч — комбриг Красной Армии! И не боится...

— А Чапаев ничего не боится, — усмехнулся кто-то. — На то он и Чапаев!

— Революция авторитетов не признает, — сурово проговорил тощий, с горящими глазами боец в заношенной, латаной гимнастерке и разбитых сапогах. — Большевик должон быть чист душой и телом! А это один позор получается! Расстрелять мало!

— Кого? Полковничью дочку?

— И ее... и его! — тощий боец тряхнул кулаком.

Комполка Сизов и ротные, прищурившись от слепящего холодного солнца, тоже смотрели всадникам вслед.

— Крепко она к нему присосалась, сучка дворянская, — процедил Николай Сизов.

— Позор на всю бригаду, — поддержал ротный Гнедко. — Бойцы только про то и говорят...

— Одобряют? — с интересом спросил Сизов.

— А кто как... которые до баб шибко охочи — одобряют, но большинство осуждает... очень осуждает... — понизив голос, ответил ротный.

— Думаю, уже и в штабе армии знают...

Ночь принадлежала им двоим. Татьяна с таким неистовством отдавалась ему, с такой жадностью обнимала и целовала его, что вдруг начинала плакать, и Чапаев пугался.

— Ну что ты, Танюша? Что ты?.. — спрашивал он и целовал, ощущая на губах соленые слезы.

— Я счастлива, Василий... — задыхалась Татьяна. — Я даже передать тебе не могу, как я счастлива.

И она вновь обнимала и прижимала его к себе изо всех сил.

...Уже под утро он заснул. Татьяна не спала, лежала рядом с Чапаевым и широко раскрытыми глазами смотрела на окно, где медленно занимался рассвет. Чапаев вдруг застонал во сне, что-то прошептал. Татьяна наклонилась над ним, прислушалась. Чапаев шевельнулся и вдруг внятно произнес:

— Настюха...

Ему снилось давнее-давнее... Он крутил шарманку, и мелодия разносилась в ночи по берегу Волги, а Настя танцевала. Плыл за ней подол сарафана, мелькали в отсветах пламени гибкие длинные руки, и на лице девушки сияла счастливая улыбка. И Василий улыбался, крутил ручку шарманки все быстрее. Фантастическим выглядел этот танец в ночи, при свете костра. И вдруг в ночном полумраке рядом с Василием возникла фигура бурлака, бородатого, могучего, в лаптях и темных портах, в бараньем полушубке, наброшенном на голые мощные плечи. Неслышно возникла вторая фигура, третья, четвертая... и скоро десятка полтора мужков стояли неподалеку от костра и молча смотрели, как девушка танцует вальс.

Настя давно увидела бурлаков, но продолжала танцевать, улыбаясь, и ее блестящие темные глаза смотрели только на одного человека — на Василия...

— ...Настюха-а... — громко выговорил Чапаев, и две большие слезы скатилась из-под закрытых век на небритые щеки.

Татьяна вздрогнула и выпрямилась. А Чапаев открыл глаза и в упор посмотрел на нее.

— Ты плакал... — Она вновь склонилась над ним, поцеловала. — Плохой сон приснился?

— Хороший сон... жаль, такого в жизни больше не случится... — тихо проговорил Чапаев.

— ...А я опять тебя спрашиваю, товарищ комбриг, почему ты до сих пор не отправил эту полковничью дочку в Губчека? — ледяным голосом спрашивал комиссар Захаров.

— По кочану да по капусте, — устало огрызнулся Чапаев, сидя за столом.

Захаров стоял перед ним, сжав кулаки. Проговорил с глухой яростью:

— Твоя связь с этой дворянской сучкой есть позор не только твой — большевика и комбрига, это позор всей бригады! Всей Красной Армии!

— Ладно, комиссар, не чуди... бригады... всей Красной Армии, скажешь тоже... — Чапаев усмехнулся, покачал головой, что привело Захарова в еще большую ярость.

— Ты моральный разложенец! Таким не место в партии!

— Ну, это не тебе решать, комиссар, где мне быть, — отвечал Чапаев.

— Партийное собрание бригады решит!

— Воевать надо, а не партийные собрания собирать.

— Воевать с таким комбригом? Шутишь, Василий Иваныч!

— Тебя зачем ко мне в бригаду комиссаром поставили? Соглядатаем?

— Меня поставили воспитывать бойцов и командиров, — отрезал Захаров. — Доносить до каждого идеи нашей революции!

— Вот и воспитывай и не суй нос не в свои дела... Знаешь, как воспитывать надо? Личным примером! Иди в бой первым! Впереди! Только в бою тебя чегой-то не видать. А словами бойцов не воспитаешь. Ваш брат комиссар очень красивые слова говорить любит. А бойцы на дела твои смотрят.

— И на твои тоже! Ты с этой дамочкой до того доиграешься, что бойцы бузить начнут и откажутся воевать под твоим началом!

Чапаев некоторое время молча смотрел на комиссара, потом рассмеялся, покрутил головой:

— Лады, собирай партийное собрание. Но ежли оно решит, что исключать меня из партии не след, ты из бригады пробкой вылетишь!

— Не ты меня в бригаду комиссаром поставил, не тебе меня и выгонять! Одумайся, Василь Иваныч, как большевик большевику тебе говорю! — пригрозил Захаров и пошел к двери.

— Ты ж меня из большевиков вышибать собрался, — в спину комиссару бросил Чапаев.

— Пока не поздно, одумайся! — обернулся Захаров.

Конные казаки во главе с поручиком Мальцевым подогнали толпу пленных красноармейцев, человек двадцать, к глубокому рву. Красноармейцы были разуты, в изорванных, окровавленных гимнастерках, а многие в нижних рубахах и кальсонах.

— В шеренгу станови-ись! — скомандовал Мальцев, спрыгивая на землю.

Красноармейцы медленно встали вдоль края рва. Казаки спешились, сняли из-за плеч винтовки, выстроились напротив пленных, шагах в десяти–пятнадцати.

— Эй ты, подойди ко мне! — Мальцев поманил пальцем молоденького красноармейца в грязных штанах и гимнастерке. — Да-да, ты! Иди сюда!

Красноармеец подошел, испуганно глядя на поручика. Тонкая, почти детская шея торчала из расстегнутого ворота гимнастерки, на виске засохла кровь.

— Как звать? — резко спросил поручик.

— Степан... Любавин Степан...

— Жить хочешь, Степан?

— Как же... — проглотил ком в горле красноармеец. — Кому ж не хочется?

— Будешь жить при одном условии. Если исполнишь мое поручение.

— Какое поручение? — парень продолжал испуганно смотреть на поручика.

— Ты ведь из бригады Чапаева? Так?

— Да... Второй полк, первая рота...

— Возвращайся в свой полк. Сходи в штаб бригады. Найди там девицу Татьяну Мальцеву. Ее, наверное, там все знают — полюбовница Чапаева. Скажи этой Татьяне Мальцевой, что брат приговорил ее к смерти. За измену и подлость. Все понял?

— Понял...

— Сделаешь? — поручик пытливо посмотрел ему в глаза.

— Ну, сделаю...

— Крещеный?

— Крещеный...

— Перекрестись, — приказал Мальцев.

Парень перекрестился.

— Ступай...

— Куда? — вздрогнул парень.

— К своим ступай! — рявкнул Мальцев. — И сделай то, что я сказал. Иди...

Красноармеец сделал несколько шагов, потом оглянулся на стоящих вдоль рва товарищей и выстроившихся напротив них казаков. Он остановился, секунду о чем-то раздумывая, и вдруг повернулся и пошел ко рву.

— Ты куда, идиот? — крикнул Мальцев и показал рукой в противоположную сторону: — Туда иди!

— К своим иду! — неожиданно звонко ответил молоденький красноармеец. — К своим!

Он подошел к шеренге. Пленные расступились, и паренек встал между двумя рослыми красноармейцами.

— Тьфу, дурак! — сплюнул поручик и громко скомандовал: — Товсь! По врагам отечества ого-онь!

Казаки вскинули винтовки, прицелились, и грохнул залп.

Пленные один за другим попадали в ров.

— Добить раненых! — скомандовал Мальцев, взобрался в седло и, хлестнув нагайкой лошадь, поскакал.

За его спиной прозвучало несколько выстрелов — это казаки добивали пленных.

Человек тридцать красноармейцев сидели в землянке вокруг комиссара Захарова, мрачно глядя на него. Коптил фитиль в снарядной гильзе, огонек выхва-

тывал из полумрака глаза, лица, руки людей. Многие курили.

— Вот и получается, товарищи, полное моральное разложение, потеря революционной бдительности, а в результате дело пахнет изменой революции. Согласны вы со мной?

Бойцы молчали.

— Я спрашиваю вас как членов партии, — продолжал комиссар. — Как членов партийной ячейки полка. Спрашиваю вас, как комиссар бригады. И отмалчиваться тут нельзя...

— Чего спрашиваете-то? — уточнил один из красноармейцев.

— Может ли после всех изложенных мною фактов Чапаев быть членом партии большевиков или не может?

Бойцы опять не отвечали, дымили цигарками. Захаров оглядел их:

— Что-то я не понимаю вас, товарищи. Почему молчите?

— А почему ж не может? — спросили из темноты. — Он в бригаде самый верный большевик и есть...

— А баба — она и есть баба, — сказал еще один боец. — Ежли мы из-за кажной бабы из партии людей выгонять будем, скоро в партии никого и не останется.

— Да кто Василь Иваныча выгонять будет? За него все бойцы горой встанут, ты че, комиссар, соображаешь ай нет? — сказал первый боец.

— Да скорей он тебя выгонит... — добавил еще кто-то.

Несколько человек тихо рассмеялись.

— Такое ваше, значит, мнение? — пристукнув кулаком по колену, проговорил Захаров. — Голосовать не будете?

— Нет, не будем... — отозвалось сразу несколько голосов.

— Ну пеняйте на себя. — Комиссар резко встал и вышел из землянки.

Тот же разговор был затеян в другом полку бригады — такая же землянка, такая же коптящая сплющенная гильза и человек пятнадцать партийцев.

— Я вам коротенько обсказал, какая щас тяжелая обстановка на фронтах, как белая гидра повсюду подымает голову. И вот в такое время, когда революция в опасности, комбриг, член партии Чапаев позволяет себе на виду у всей бригады любовные шашни с дочкой белогвардейского полковника! Позор для красного командира! Позор для члена партии! — с яростью говорил комиссар Захаров. — И вы, партийная организация полка, должны высказать свое отношение к этому позорному факту! Налицо перерождение большевика Чапаева в морального разложенца, а в результате я этот факт рассматриваю как предательство идей революции! — Захаров замолчал, тяжело дыша, и обвел взглядом красноармейцев.

И опять ответом было молчание. Ярко вспыхивали огоньки цигарок, дым густо плавал в воздухе — хоть топор вешай.

— Какое будет решение партийной организации полка? — после долгой паузы спросил комиссар.

— А ты чего хочешь, комиссар? — нехотя произнес один из бойцов.

— Я хочу, чтобы вы проголосовали за исключение комбрига Чапаева из партии.

— Не будет такого решения, комиссар... — сказал тот же голос, а высокий парень по фамилии Игнатенко добавил:

— Не надо, комиссар, воду мутить. Ну, закрутил любовь с этой сучкой. Я ее видел — хороша девка, сам бы не отказался...

Раздался дружный смех.

— Да погодите вы ржать. Я серьезно толкую. А вы че, отказались бы? Красивая девка, все при ней... Только к партии и революции это касательства не имеет, такое мое мнение.

— И что ты предлагаешь? — спросил Захаров.

— А убрать ее к едрене фене... — сплюнул Игнатенко.

— Как убрать? — спросил кто-то.

— Че ты как дитя малое? Кончить ее втихаря, и дело с концом. Василь Иваныч погорюет мало-мало да и забудет, — пояснил Федор Игнатенко.

— Вот ты иди и кончай ее.

— Да могу и я, делов-то... — Игнатенко затянулся цигаркой, выпустил струю дыма.

— Слышу я рассуждения не членов партии, не пролетарских бойцов, а... бандитов! — Захаров вскочил с табуретки. — Почему голосовать не хотите? Чапаева боитесь?

— Любим мы его, комиссар. Мы с ним не в одном бою были и видели, какой он командир и какой он вояка... — спокойно и негромко ответил пожилой красноармеец.

— И какой человек... — вставил другой голос. — А баба — дело десятое.

— И другого командира нам не надо, вот и весь тебе ответ, комиссар... от всей нашей партийной организации, — подвел черту Федор Игнатенко.

Захаров хотел что-то возразить, даже воздуха в грудь набрал, но махнул рукой и пошел из землянки.

Дверь захлопнулась, и воцарилась тишина. Потом один голос сказал:

— Яму под Василь Иваныча комиссар роет...

— Я слышал, сколько телеграмм он в штаб армии отправил. Чуть не каждый день отстукивает.

— Жила у него тонка спроть Василь Иваныча — надорвется...

Татьяна вышла из прачечного барака, стянула с головы косынку и побрела вдоль костров, возле которых сушилось выстиранное и развешенное на веревках белье, к берегу реки. Она прошла мимо барака, где когда-то сидела под арестом, добрела до самого берега и присела на лежащее у обрыва бревно. Здесь когда-то сидел Чапаев и пел песню... Она задумчиво уставилась на реку. Медленно наплывали сумерки.

Сзади, вдалеке послышался перестук конских копыт. Двое всадников подлетели к прачечному бараку, один спрыгнул на землю, протопал сапогами к двери, распахнул ее и исчез внутри вместе с клубами пара. Второй всадник — Федор Игнатенко смолил цигарку и оглядывался по сторонам.

Из барака выбежал красноармеец, взял повод, взобрался в седло, сказал:

— Нету... сказали, отдохнуть пошла...

— А как же... барыня — ей отдых нужон, — усмехнулся Игнатенко и выплюнул цыгарку. — Поехали. Я знаю, где она...

Они поскакали к реке, нахлестывая коней.

Таня, сидевшая на берегу, была видна издали. Федор Игнатенко скакал, пригнув голову к шее коня, и смотрел на ее стремительно приближающуюся спину. Его товарищ сильно отстал.

Игнатенко отцепил от луки моток веревки с арканом на конце, продел руку в кольцо, потом отпустил петлю. И, когда спина Татьяны совсем приблизилась, Федор

ловко кинул аркан. Татьяна в это мгновение обернулась — в глазах отразились страх и непонимание. Аркан охватил ее плечи, стянул, и неведомая Татьяне сила оторвала ее от земли и поволокла...

Игнатенко подтянул веревку к себе, нагнулся и на скаку подхватил Татьяну и бросил перед собой поперек коня. Татьяна глухо застонала.

— Терпи, барынька, то ли ишшо будет! — засмеялся Игнатенко.

— Ловко ты ее, Федор! — похвалил скакавший сзади красноармеец.

— Волков на аркан брал... — похвастал Игнатенко. — А уж бабу-то... тьфу...

Петька подскакал к штабу, спрыгнул с коня и кинулся в штаб мимо часовых. Он влетел в комнату и с ходу заорал:

— Василь Иваныч, там... Федька Игнатенко и Витек Евсеев Татьяну Мальцеву убивать повезли!

Чапаев сидел за столом в расстегнутом френче и при свете керосиновой лампы читал бумаги. Он вскинул голову:

— Ты где перепил, Петька? Кого убивать? Кто убивать? Моча в голову ударила?

— Точно говорю! Вы меня за ней послали? Послали! Я к прачкам поехал! Она им там часто стирать помогает! А там мне и сказали — заезжал Федька Игнатенко с Витьком Евсеевым, Татьяну Андревну искали!

Чапаев смотрел на Петьку, и до него постепенно доходил смысл сказанного. Он проглотил комок в горле, прошептал:

— Федор Игнатенко того, мужик лютый... Федор может... — Чапаев вскочил и первым выбежал из комнаты...

Игнатенко ускакал далеко в степь и лишь тогда остановил коня. Подлетел второй красноармеец, Витек Евсеев. Федор снял с коня Татьяну, ослабил давивший ее аркан, потом смотал его на руку. Татьяна пошатнулась, но устояла, растерянно глядя на Федора.

— Зачем вы так? Что вам надо?

— Тебя надо, барыня... — ответил Федор и потянул из кобуры револьвер.

— За что? — прошептала Татьяна и отступила на шаг, наткнулась спиной на лошадь Евсеева, вздрогнула. Лошадиная морда оказалась над ее плечом, теплые мягкие ноздри коснулись шеи девушки.

— Чтоб комбригу голову не дурила, сволочь! — взвизгнул Витек Евсеев. — Через тебя он революцию предал!

— Не надо... — замотала головой Татьяна. — Пощадите... Я не буду... Я уйду... Я больше к нему не подойду никогда... пощадите, товарищи... я жить хочу...

— Я бы пощадил... — вздохнул Игнатенко. — Да Василь Иваныч от тебя не отступится. Видать, крепко в тебя втюрился... А не будет тебя — погорюет, и пройдет блажь...

— Не надо... прошу вас, товарищи... — В глазах Татьяны стояли слезы.

— Ежли он с тобой любовь крутить будет — пропал для революции человек. А такого допустить нельзя... — Федор Игнатенко поднял револьвер.

— Погодь, Федя... — Витек Евсеев спрыгнул с лошади, шагнул к Татьяне. — Может, она напоследок побаловаться хочет. — Он подошел к ней вплотную, положил руки на плечи. — А хороша баба, а, Федя? Сразу видать — дворянских кровей, хе-хе-хе... никогда не пробовал.

Татьяна с ненавистью посмотрела ему в глаза и вдруг с силой плюнула в лицо. Витек Евсеев даже отшатнулся, утер рукавом лицо, процедил:

— Ах ты, сучка... да я тебя...

— Отзынь от нее, Витек, — вдруг приказал Федор Игнатенко.

— Она мне в харю плюнула, видал? — злобно обернулся Евсеев.

— Правильно сделала. Отзынь от нее, кому говорю... — Федор взял Евсеева за плечо, отшвырнул в сторону и спросил девушку: — Ежли отпущу с миром, даешь слово, што уйдешь и боле мы тебя в бригаде не увидим?

— Нет, — Татьяна вскинула голову, обожгла Федора взглядом. — Не уйду... Он мой. Я люблю его... убивайте...

— Стало быть, здесь и умрешь.

И тут из темноты донесся перестук копыт и громкий голос Чапаева:

— Вон они! Вижу! Федор, не сме-е-ей! Душу выну-у!

Федор испуганно оглянулся — в зыбких сумерках маячили два скачущих всадника.

— Вот черт, откуда он тута взялся?

Не останавливая коня, Чапаев спрыгнул на землю и побежал к Федору, Витьку и Татьяне. Он тяжело дышал и заговорил, захлебываясь и выплевывая слова:

— Ты-и... мой боевой товарищ... на бабу руку поднял, гнилье! Ты хто после этого, а? Как я могу теперь тебе руку протянуть? Как выпивать с тобой? Я люблю эту женщину, а ты-и? В энтом деле перво-наперво я виноватый! Ты бы меня стрелял, стрелок! Давай меня, ну!! Или што, жила тонка? Мужик называется! Бабу легшее, да?! Дерьмо ты, а не мужик! Тьфу на тебя!

Федор Игнатенко стоял, опустив голову, неловко пытаясь засунуть револьвер в кобуру, и никак не мог попасть.

— А ну, геть отсюдова к чертовой матери! Или обоих постреляю! За насилие над женщиной в расход пущу

подлецов! — заорал Чапаев, и рука его судорожно дернулась к кобуре.

Федор первым взобрался на коня, Витек Евсеев — за ним, и оба поскакали прочь.

— А тебе особое приглашение требуется? — свирепо глянул на Петьку Чапаев.

— Дак я же... я-то с вами, Василь Иваныч... — перепуганно забормотал Петька.

— Скачи отсюда, тебе сказано! — вновь заорал Чапаев.

Петька взобрался на коня, глянул на Татьяну, потом — на Чапаева:

— Я же сообщил, Василь Иваныч, а вы меня срамотите, а я же...

— Скачи — застрелю! — Чапаев выдернул револьвер.

Петька ошпарил коня нагайкой, и тот с места сорвался в галоп.

Стало тихо. Чапаев стоял перед Татьяной, держа револьвер в опущенной руке, проговорил глухо:

— Ты на них зла не держи, Таня... они за революцию шибко переживают...

Татьяна стояла неподвижно и полными слез глазами смотрела на Чапаева.

— Какие вы... — она проглотила слезы, — какие вы сумасшедшие...

Ранним утром к штабу бригады на взмыленном коне подскакал красноармеец с забинтованной окровавленной тряпкой головой, спрыгнул с коня и бросился на крыльцо, где стояли двое часовых.

— Куда? Куда? — один боец загородил ему дорогу винтовкой.

Красноармеец отпихнул его так, что тот едва не упал, и вбежал в дом.

Петька Исаев спал на лавке, когда в комнату громко постучали и тут же вбежал раненый красноармеец. Исаев вскочил, схватился за маузер.

— Буди Чапаева! — заорал красноармеец. — На Балаково белые напали!

Чапаев услышал голоса и приподнялся в постели. Из-за двери доносилось:

— Там же наши стоят!

— Да кто стоит-то? Рота Чумакова! Да хозяйственная рота харчами запасалась — вот и все войско! А казары сотни три налетело! Как пошли рубать и стрелять — мама родная, спасайся кто может! Меня ротный Чумаков послал — едва прорвался.

Чапаев вскочил, стал быстро одеваться. Портянка никак не наматывалась, Чапаев чертыхнулся, отбросил ее и натянул сапоги на босые ноги. Потом надел гимнастерку, поднял с пола ремень с шашкой в серебряных ножнах и револьвером в кобуре. Взял полушубок с лавки, затянул ремень. Татьяна тоже проснулась и собиралась встать с кровати.

— Оставайся здесь! — резко проговорил Чапаев, и Татьяна замерла, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Чапаев шагнул к двери, обернулся:

— Не боись, скоро буду! — и улыбнулся, подмигнул залихватски...

— ...Ты почему не отправил в Балаково две роты бойцов из третьего полка?! — ворвавшись в комнату, закричал Чапаев. — Я тебе говорил?! Говорил или нет?!

— По какому праву ты на меня орешь? — поднявшись из-за стола, с глухой яростью ответил комиссар Захаров. — На свою сучку дворянскую орать будешь!

— Я тебе говорил — прикрыть Балаково! Тебе разведка докладывала — белые под Балаковом накапливаются! Я тебе сказал — отправить две роты! Третьего дня говорил, а ты-и!! Что? Мне нагадить хотел? Белые Балаково взяли!

— Я твоего приказа не помню! Подобные приказы пишут на бумаге!

— Шкура ты бумажная! — Чапаев выбежал из комнаты, с грохотом захлопнув дверь.

Два эскадрона красноармейцев галопом неслись по дороге. Чапаев скакал впереди, оторвавшись от всех метров на двадцать. То и дело оглядывался — как скачут эскадроны, кричал:

— Надда-а-ай! Надда-а-ай!

И бойцы нахлестывали коней.

Степь кончилась, дорога втянулась в густой перелесок, и скоро в нем исчезли оба эскадрона.

Многие дома в городке горели. Казаки с посвистом летели по улицам, притормаживали коней и совали под крыши горящие смоляные факелы, пламя занималось мгновенно.

Казаки врывались во дворы, выгоняли из хлевов коров и телят, гнали их перед собой на улицы. Бабы с воем пытались отстоять свой скот, бросались перед казацкими конями, хватались за сбрую.

— Изверги-и! Что творите!

— Не дам! Разбойники! Не дам!

Казаки стреляли в женщин и мужиков, и крики мешались с выстрелами.

На площадь перед зданием ревкома казаки согнали пленных красноармейцев и членов ревкома. Был среди них и Григорий Чапаев — босой, в штанах и нижней белой рубахе, лицо в кровавых ссадинах.

— Хорунжий! — крикнул поручик Мальцев.

Хорунжий, ладный чубатый парень, спрыгнул с коня, быстро подошел.

— Этих сразу в расход, — поручик указал на толпу пленных красноармейцев, окруженных казаками. — И отряди людей, чтоб быстро виселицы здесь поставили.

— Сколько виселиц, вашбродь?

— Шесть. — Мальцев взглянул на пятерых членов ревкома и председателя Совета Григория Чапаева.

— Слухаю! — Хорунжий быстро пошел к своему коню, приказывая на ходу: — Давай гони этих к оврагу! Кончать красну сволоту будем!

Пешие казаки и солдаты прикладами в спины стали подгонять пленных.

— Давай пошел! Шевели ногами, революцьёнеры, мать вашу!

— Христопродавцы! Шибче, шибче!

Толпа пленных медленно уходила с площади.

И уже несколько казаков волокли бревна, четверо принялись лопатами копать ямы.

Мальцев прошелся перед членами ревкома, спросил:

— Кто из вас брат Чапаева?

— Ну, я... — негромко откликнулся Григорий.

— Ты? Звать как?

— Ну, Григорий...

— Жаль, твоего братца тут нету, — сказал поручик. — Вместе бы вас... в одной петле!

— Это вряд ли у тебя получится, поручик, — усмехнулся разбитыми губами Григорий. — Мелковат ты спроть Василия Иваныча...

Мальцев наотмашь хлестанул Григория нагайкой по лицу. Мгновенно вспухла багровая полоса через всю щеку. Григорий пошатнулся, но продолжал с ненавистью смотреть в глаза поручику.

Комиссар Захаров стоял у телеграфного аппарата, перебирал в пальцах узкую бумажную ленту. Прыгала перед глазами печатная строка:

ДОЧЬ ПОЛКОВНИКА МАЛЬЦЕВА ДОСТАВИТЬ В ШТАБ АРМИИ ПОД ОХРАНОЙ. СЛЕДСТВИЕ ЧК. В БРИГАДУ ПРИБУДЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ТОВАРИЩ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ ТРОЦКИЙ С ГРУППОЙ РУКОВОДСТВА АРМИИ И ГУБЕРНСКОЙ ЧК. РАЗБОР ДЕЙСТВИЙ КОМБРИГА ЧАПАЕВА. ТОЧНУЮ ДАТУ ПРИБЫТИЯ ТОВАРИЩА ТРОЦКОГО СООБЩИМ ПОЗДНЕЕ. КОМАНДАРМ-4 РЖЕВСКИЙ. НАЧПОЛИТОТДЕЛА ХЕСИН.

— Ну вот ты и допрыгался, товарищ Чапаев... есть на свете революционная справедливость... — пробормотал Захаров, оторвав ленту и скомкав ее в кулаке. Потом поспешно разжал кулак, стал разглаживать ленту, аккуратно свернул, сунул в карман и пошел к двери.

ГЛАВА 5

Под вечер, когда сумерки сгущались и разливались по улочкам, чапаевские эскадроны ворвались в горящее Балаково.

В темноте схлестнулись в узких улочках, среди полыхающих домов. Гремели выстрелы, с лязгом скрещивались сабли. В отсветах пожаров и факелов мелькали оскаленные лица казаков и красноармейцев, клинки шашек и кинжалов, короткими всполохами огня взрывались пулеметные очереди и револьверные и винтовочные выстрелы.

Отчаянно бился командир эскадрона Андрей Жуков. Из-под шапки золотистых волос текла струйка крови. Он рубил шашкой и одновременно стрелял из маузера с левой руки. Где-то в стороне застучал пулемет, рванули гранаты.

Чапаев бился яростно. Кони сошлись, и ловкий казак отбил удар шашки Чапаева, нанес удар сбоку, норовя попасть в предплечье. Чапаев откинулся назад и следующим неуловимым движением вонзил свою шашку казаку в горло. Дернул повод коня, тот рванулся вперед, и Чапаев с левой руки выстрелил из револьвера в наезжавшего на него бородатого казака. Тот стал медленно заваливаться набок, сполз с седла, но сапог застрял в стремени, и лошадь поволокла его по улице. Голова казака билась о землю.

А Чапаев уже дрался на шашках с третьим. Сзади подоспел Петька Исаев, выстрелил казаку в грудь. Но тут же налетели еще двое казаков, и вновь в вечернем мраке закипела схватка. Пронзительно ржали лошади, вставали на дыбы, звенела сталь, грохали короткие револьверные выстрелы.

...Казаки уходили, нахлестывая коней. Отстреливались на скаку. С ними отступал и поручик Мальцев. С чердаков двух домов на площади вслед уходившим казакам стучали пулеметы. Черный дым от горящих домов тянулся в безветренное небо, заволакивал все темно-серой мутью.

Красноармейцы некоторое время преследовали казаков, но, когда городок кончился и открылась бескрайняя, утекающая за горизонт степь, стали придерживать лошадей, заворачивали обратно.

Командир кавполка Андрей Жуков подскакал к Чапаеву, спрыгнул, проговорил, улыбаясь:

— Черт, папаху потерял! Порядок, Василь Иваныч! Казара теперича до Уральска пятки смазала!

— Ты ранен, Андрюха? — обеспокоился Чапаев.

— Да ну, шашкой малость царапнули!

— Ай, Андрюха, ай, молодчик! Што б я без тебя делал! Дай расцалую! От имени всего революционного воинства! — И Чапаев обнял богатыря Жукова, трижды расцеловал.

На площади, где стояла взорванная по приказу Григория Чапаева, без креста и куполов церковь, перед сгоревшим домом уездного Совета и ревкома торчали шесть спешно сооруженных виселиц. Вокруг них собралась толпа жителей и красноармейцев. Повешенных

в петлях уже не было. Они лежали рядышком на деревянном помосте. И среди них был Григорий Чапаев.

Чапаев, а за ним — Петька Исаев, еще десятка два конных красноармейцев появились на площади, и толпа стала расступаться. По живому коридору Василий Чапаев доехал до помоста, медленно слез с коня, подошел и, смахнув с головы папаху, уставился на мертвого брата. Проглотил ком в горле — кадык на шее дернулся вверх-вниз.

— Эх, Гриша, Гриша... как же вы не убереглись... говорил же... — пробормотал Чапаев, и кадык на его шее вновь дернулся.

Он наклонился, перекрестил брата и поцеловал его в лоб, подошел к другому повешенному, также перекрестил и поцеловал.

Петька Исаев, другие спешившиеся красноармейцы стояли с обнаженными головами.

Напряженно молчала толпа, только слышались тихие всхлипывания женщин.

— Что, откушали казацких милостей? Горят дома ваши! Я детей и стариков порубанных видел — никого казара не щадит! — громко заговорил Чапаев. — Теперь хоть поняли: Красная Армия — единственная ваша защитница! Глядите, граждане крестьяне и рабочие! — Чапаев указал на тела повешенных, лежавших на помосте. — Вот как они с нами! Лучшие сыны трудового народа головы свои кладут! Но пусть не думают белые гады, што ихняя возьмет! Наша возьмет! За всех отомстим! За всех павших бойцов революции отомстим!

Голос его осекся, он молча долго смотрел на толпу, потом скомандовал негромко:

— По коням!

А в это время двое красноармейцев подвели к открытой пролетке Татьяну Мальцеву. Она была в меховой куртке и казацких шароварах, голову укутывал темный шерстяной платок. Рядом с пролеткой — конвой из шестерых бойцов. Кони нетерпеливо переступали ногами, взмахивали головами, фыркали.

Комиссар Сергей Парменович Захаров и несколько красноармейцев стояли на крыльце штаба, молча глядели.

Татьяна оглянулась на Захарова. Красноармейцы подтолкнули ее в пролетку, усадили, сами сели по бокам. Татьяна вновь посмотрела на Захарова.

Тот встретил ее взгляд, нахмурился и повернулся к красноармейцу с винтовкой:

— В штабе армии в Самаре передашь полковничью дочку лично в руки начальнику политотдела армии товарищу Хесину. Только ему. Понял?

— Есть, — козырнул тот.

— Держи... — Захаров достал из внутреннего кармана шинели небольшой пакет, залепленный сургучной печатью, протянул его красноармейцу. — Это тоже передашь лично начальнику политотдела армии товарищу Хесину.

— Есть. — Красноармеец сунул пакет за пазуху шинели и пошел к пролетке. Взобрался, сел впереди, разобрал вожжи, оглянулся на конвой, распорядился: — Трое впереди, трое сзади!

Группа всадников разделилась. Пролетка, окруженная конвоем, тронулась с места. Захаров хмуро смотрел им вслед.

Отец, сгорбившись, сидел за столом. Волосы у него сделались совсем седые. Он курил и гулко кашлял.

— Как же она сбежала? — спрашивал оторопевший Чапаев, сидя напротив отца.

— А вот так! — зло отвечал отец. — Как первая Пелагея сбегла, так и вторая! Вот записку тебе оставила. — Отец поднялся, прошел к красному углу, где висели иконы Спасителя, Николая Угодника и Божьей Матери, достал из-за икон сложенный лист бумаги, вернулся, бросил на стол.

Чапаев взял, развернул. Большими кривоватыми буквами в записке было написано:

«С такой оравой я завтра стану старухой, а молодость бывает одна, и мне ишшо погулять хотца. Прощай и не ищи. Не поминай лихом. Пелагея».

Чапаев положил бумагу на стол, проговорил растерянно:

— И детишек бросила...

— Это какая ж дура с детьми побегит? Налегке сподручнее.

— С кем сбежала-то?

— Фамилии я не спрашивал... Ошивался тут один, то ли писарь с почты, то ли... служащий с железной дороги. Я с первым ухажером повоевал, с другим — силов боле нету... Да тебе-то что? Сбежала и сбежала... Мне-то вот как теперя с этой оравой управляться? — посетовал отец

— Где они щас-то? — спросил Чапаев.

— Тетка Авдотья пока к себе забрала... покудова Гришку хоронить, то да се... Да ты не переживай, небось себе в армии-то новую завел? По роже вижу — завел.

— Да есть одна... девушка... влюбился... — Чапаев смущенно улыбнулся. — Сам того не ожидал, отец... Она меня как молнией вдарила... наскрозь пронзила...

— Наскрозь... — повторил отец и усмехнулся ядовито: — Случаем, не Пелагеей тож звать?

— Да нет... у нее хорошее имя... Татьяна.

— А Пелагея, стал быть, имя плохое? — ехидничал отец, усмехался, хотя глаза были злые. — А детей у нее сколько? Я к тому спрашиваю, чтоб знать, сколько ты мне на шею еще детишек посадишь, когда и эта сбежит?

— Нашел время шутить... — нахмурился Чапаев.

— Самое время... — Отец зажмурился, замотал головой, застонал: — Ах, Гришка, Гришка... говорил ему, сукиному сыну, говорил!

— Будет об этом, отец... — опустил голову Чапаев.

— Буде-е-ет?! — закричал отец. — Было у меня три сына — один остался! Да и того не сегодня-завтра кокнут! Вот она, ваша революция, охламоны малахольные! Знать бы, какой дьявол вам так головы задурил, ноги бы из задницы повыдергивал! На кой хрен мне она нужна, такая ваша революция?! Андрея расстреляли! Гришку! Гришку родного, как собаку... Как последнего каторжника повесили! И тебя прибьют, помяни мое слово! Расстреляют али повесют! Что ж это за жизнь такая проклятая?! Для чего я тогда жил?! — Он кричал, выпучив глаза, и из глаз текли слезы.

Подняв голову, Чапаев смотрел на него, потом подошел к отцу, обнял его, прижал к себе, трижды поцеловал в мокрые от слез щеки, взял со стола фуражку, прихватил лежавшие на лавке полушубок, ремень с шашкой и револьвером и вышел из горницы.

Отец упал головой на стол и глухо зарыдал.

Эскадроны, пыля, рысью шли по степной дороге. Чапаев ехал впереди. Он плакал, и ветер быстро сушил слезы, но они все текли по каменному, неподвижному, совершенно равнодушному лицу. Петька Исаев скакал на полкорпуса сзади и ничего не видел...

Чапаев и сопровождавшие его красноармейцы спешились у дома, где размещался штаб бригады и жилье Чапаева. Часовые, стоявшие на крыльце, подтянулись, перехватили винтовки. Чапаев прошел мимо них, распахнул дверь в комнату, громко позвал:

— Татьяна! Ты где там спряталась?

Никто не отозвался. Чапаев открыл дверь в другую комнату — в спальню, там тоже было пусто. На постели лежало смятое одеяло, вещи были разбросаны. Чапаев растерянно огляделся.

В дверях возник Петька Исаев.

— Куда она подевалась? — недоумевал Чапаев.

— Мне щас сказали, Василь Иваныч... — испуганно проговорил Петька Исаев. — Арестовали гражданку Мальцеву... Увезли...

— Кто? — резко повернулся к нему Чапаев. — Куда?

— Вроде приказ пришел из Самары от командарма. Доставить гражданку Мальцеву в штаб армии. Ну, товарищ комиссар ее и отправил...

— Ах подлец! — скрипнул зубами Чапаев и, оттолкнув стоявшего на дороге Петьку, кинулся вон из комнаты.

Вечерело, синий полумрак разлился по степи. Чапаев гнал коня, нещадно нахлестывая нагайкой. Ледяной ветер бил в глаза, обжигал лицо. Чапаев смотрел вперед, пытаясь хоть что-то увидеть на горизонте. Лошадь всхрапывала, роняя густые хлопья пены, и бока ее почернели от пота. И скакала она все медленнее и медленнее.

— Ну давай-давай, родимая! — Чапаев ударил ее нагайкой.

Но лошадь захрипела и пошла шагом, и вдруг передние ноги у нее подогнулись, и она повалилась на землю.

Чапаев, едва успев выдернуть ноги из стремян, выскочил из-под нее.

Лошадь лежала, вытянув шею, и мокрые бока ее ходили ходуном, из открытой пасти валила пена, и черно-фиолетовые огромные глаза со страданием смотрели на Чапаева. Он обессиленно опустился рядом на землю, погладил лошадь по мокрой шее, по длинной морде, пробормотал глухо:

— Загнал тебя, родимая, прости ты меня... прости. — И он припал лицом к мокрой лошадиной морде, и гладил, гладил животное, и повторял безутешно: — Прости ты меня... прости... И ты меня прости, Танюша... не догнал... видать, не судьба...

Вдали послышался дробный перестук копыт, чьи-то голоса.

Чапаев поднял голову, прислушался.

Скоро в полумраке показались фигуры всадников, и перестук копыт сделался громче. И вот из темноты вынырнул Петька Исаев, увидел лежащую лошадь и сидящего рядом Чапаева.

— Здесь он, братцы! Здесь! — радостно закричал Петька и осадил коня, спрыгнул на землю, подбежал к Чапаеву: — Ну и напугал ты нас, Василь Иваныч, ох и напугал!

— Загнал... — сказал Чапаев. — Сдохнет, наверное, коняшка...

Подъехали еще четверо красноармейцев.

— Эй, ребята, кто в лошадях маракует? Погляди-ка! — позвал Петька.

Красноармейцы попрыгали на землю, подошли к лежащей лошади. Один встал на колени, просунул руку под лошадиную ногу, прижал ладонь к телу, пощупал, сказал:

— На ладан дышит, бедолага... Одного оставлять его тута нельзя — сдохнет. А с человеком вытянет... Ему обязательно человек нужон... У меня так сколько разов бывало.

— Как же быть? — спросил Петька.

— Побуду я тут... ему голову держать надо, на грудь понемногу давить. Вы езжайте. Сидайте на мово коня, Василь Иваныч, и езжайте. А я до рассвета тута побуду...

— Думаешь, выживет? — с надеждой спросил Чапаев.

— Бог даст, оклемается... Он, как увидит, что человек рядом, — сразу силенок наберется... а с рассветом пойдем потихоньку. Фляга с водой у кого есть?

Трое красноармейцев достали из вещмешков по фляге, положили рядом с лошадиной мордой.

— Це дило, — обрадовался боец-лекарь. — Щас мы его водичкой чуток попоим... Вы езжайте, езжайте...

Чапаев и красноармейцы вместе с Петькой взобрались на лошадей, медленно поехали в глухую темноту. За спиной они слышали негромкий голос бойца.

— Давай-ка, попей, родимый... полегчает... попей-попей... вот так, товарищ ты наш верный... вот хорошо... Ты сам рассуди, кто на свете главнее — конь али человек? Конечно, коняшка главнее — бо без тебя куды человеку деваться? Только лечь да помирать... — доверительно беседовал человек с лежащей лошадью. И лошадь открыла огромные фиолетовые, мерцающие глаза, слушала...

По степной дороге резвой рысью скакали три красноармейца при полном вооружении — винтовки за плечами, шашки, револьверы в кобуре на боках. Ледяной

ветер трепал полы длинных шинелей, как ножом резал задубевшие лица. А за красноармейцами катила пролетка. Там между двумя солдатами сидела Татьяна Мальцева, закрыв лицо меховым воротником — видны были только глаза, смотревшие в бесконечную, холмистую бурую степь. За пролеткой скакали еще трое красноармейцев, тоже с винтовками за спиной, с шашками и револьверами.

Татьяна сидела, опустив голову и в мыслях своих обращаясь к единственному своему защитнику: «Родной мой, любимый, неужели это конец? Мне не страшно умереть... страшно при мысли, что я никогда больше не увижу тебя. Я не хочу в это верить, я ни о чем тебя не прошу. Я молю Господа, чтобы Он послал мне возможность хотя бы перед смертью увидеть тебя... Я клянусь всем святым, что буду стараться изо всех сил выжить... выжить только для одного — еще раз увидеть тебя... Господи, помоги мне...»

Она подняла голову и посмотрела на степь, тянувшуюся до горизонта. Воздух постепенно синел — наступал вечер...

В большую комнату набилось довольно много красноармейцев, в основном командиры полков, рот и эскадронов. Почти все сидели за длинным столом, на котором возвышались большие бутыли-четверти мутного самогона, стояли миски с огурцами, вареной картошкой. Командиры сидели в расстегнутых гимнастерках без ремней, многие в галифе и шароварах, но без сапог. Ремни с шашками и кобуры с револьверами и маузерами валялись на подоконниках, на полу. Тут были и ротный Федор Гнедко, и ротный Федор Игнатенко, и ком-

полка Андрей Жуков, и Петька Исаев... В комнате было жарко натоплено, и лица командиров были мокрыми от пота, глаза блестели от выпитого. Чапаев тоже сидел в расстегнутой гимнастерке и без сапог. Чуб прилип к его лбу, лицо было угрюмым, глаза неподвижно смотрели в пространство. Один из командиров, Федор Игнатенко выводил высоким красивым тенором, остальные подпевали:

Меж высоких хлебов затерялося-а-а
Небогатое наше село-о,
Горе-горькое по свету шлялося-а-а
И на нас невзначай набрело-о!

Некоторые из поющих брали бутыли, наливали в стаканы, выпивали залпом и продолжали петь.

Вдруг Чапаев ударил в стол кулаком:

— Будя про это!

Хор мгновенно умолк, командиры вопросительно уставились на Чапаева.

— А чего желаешь, Василь Иваныч?

— Федор, давай мою!

Федор Игнатенко сделал вдох и осторожно затянул. Голос быстро набирал силу:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...

И дружный хор мощно подхватил:

И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Комиссар Захаров нервно расхаживал по кабинету, курил, останавливался, прислушиваясь к поющим.

Отворилась дверь, и вошел комполка Андрей Жуков в расстегнутой гимнастерке, резиновых галошах на

босу ногу, остановился на пороге. Синие глаза хмельно блестели, волосы цвета темного золота растрепались.

— Чего звал, комиссар?

— Что там? — с тревогой спросил Захаров. — Всё пьют?

— Почему пьют? Поют... — усмехнулся Жуков.

— Поют? А настроение как? У Чапаева как?

— Настроение? — Жуков опять усмехнулся. — Душа петь просит... Поминаем...

— Ладно, я пойду туда? — неуверенно спросил Захаров.

— Не... лучше не надо...

— Почему же? Тоже петь буду... выпью с вами, товарищей помяну...

— Лучше не надо, комиссар... — мотнул головой Жуков и насмешливо посмотрел на Захарова. — Он тебя застрелит... как пить дать... или кто другой шмальнет и глазом не моргнет.

— Ты соображай, что говоришь, товарищ комполка! — повысил голос Захаров. — Или уже столько вылакал, что мозги не варят?!

— Это тебе соображать надо, комиссар, — вскинул голову Жуков, повернулся и открыл дверь. Уже на пороге обернулся, сказал: — Езжал бы ты отсюдова, комиссар, по-хорошему...

— Мы еще посмотрим, кто первый из бригады уедет, — процедил Захаров. — Я или Чапаев.

— Ну-ну... — усмехнулся Жуков и закрыл дверь.

Когда он вернулся в большую комнату, командиры продолжали петь:

...Ко славе страстию дыша,
В стране далекой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша-а
Сидел Ермак, объятый думо-о-ой...

Чапаев вдруг замолчал, потом пробормотал:

— Э-эх, Татьяна, Татьяна... пропадет девка ни за понюх табаку...

— Чего сказал, Василь Иваныч? — тут же встрепенулся Петька Исаев.

— Ничего... — вздохнул Чапаев и вдруг вновь ударил кулаком в стол. Хор голосов умолк.

Чапаев взял стакан, поднялся. И следом за ним, взяв свои стаканы, поднялись командиры.

— За павших наших товарищей... — сказал Чапаев. — Борьба идет такая, что многих мы еще потеряем дорогих наших бойцов! Но мы все одно победим! Потому как нельзя одолеть народ, поднявшийся на великую битву за свое счастье! Помянем!

Все молча, не чокаясь, выпили. Чапаев с тяжелым стуком поставил стакан на стол, зажмурился, помотал головой:

— В гибели наших бойцов и жителей... это, выходит, я виноват, дорогие мои товарищи...

— Ладно тебе напраслину-то на себя наводить, Василь Иваныч, — пытался вразумить его Жуков. — Чем ты виноват?

— Я... я... Не знал я, что говорить не надо... писать надо... наши комиссары только бумажным приказам верят... и чтоб с печатью... — цедил Чапаев и, зажмурившись, опять замотал головой, замычал, как подраненный бык, и внезапно рванулся к окну, выхватил из кобуры на подоконнике револьвер и выбежал из комнаты.

— Он его застрелит, братцы! — крикнул Петька Исаев и первым бросился за Чапаевым.

Все вскочили из-за стола, кинулись следом, с грохотом опрокинув лавку. В двери возникла давка — каждый норовил выскочить из комнаты первым.

Нагнали они Чапаева на лестнице, ведущей на второй этаж. Петька, а за ним Андрей Жуков, Федор Игнатенко и Сизов схватили комбрига за руки.

— А ну пусти! — вырывался Чапаев. — Я ему печать щас на лбу проставлю! Пусти, говорю!

Петька Исаев с трудом выкрутил из его руки маузер, Игнатенко и Сизов обняли Чапаева с обеих сторон, повели обратно.

— Ну на кой хрен он тебе сдался, Василь Иваныч? — гудел Игнатенко. — Кокнешь ты его — ить по трибуналам затаскают...

— Василь Иваныч, любушка, понятное дело, душа болит, — вторил ему Николай Сизов. — Что ж теперь поделаешь... людей не вернешь... на то она и война...

Чапаев перестал сопротивляться, весь обмяк, и командиры почти несли его на руках.

И снова стучал телеграфный аппарат и ползла узкая телеграфная лента. Чапаев и комиссар Захаров принимали ее, перебирали в пальцах.

В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ В НАСТУПЛЕНИЕ НА САМАРСКОМ И УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ ВАШЕЙ БРИГАДЕ СЛЕДУЕТ ВЫСТУПИТЬ НА КУЗЯБАЕВО, ИШИМБАЕВО И В ДОЛИНЕ РЕКИ ТАЛОВОЙ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СВЯЗИ С ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ АРМИИ. К 1 ОКТЯБРЯ ПЕРЕРЕЗАТЬ БЕЛЫМ ПУТЬ НА СЕВЕР В РАЙОНЕ ХУТОРОВ ЧАГАНСКИЙ И НОВООЗЕРНЫЙ. КОМАНДАРМ-4 РЖЕВСКИЙ, НАЧПОЛИТОТДЕЛА ХЕСИН.

Аппарат замолчал.

— Что? Все? — спросил Чапаев.

— Все... — развел руками телеграфист.

— А с какими частями армии я должен связь поддерживать? Где они щас расположены? — спросил Чапаев, мельком взглянув на Захарова. — Они что там, белены объелись? Как я к первому октября к Новоозерному пройду? На самолетах полетим? Где они, эти самолеты?

— Это приказ командарма, — сухо заметил комиссар.

— Может, еще скажешь, как его выполнить? — уже с яростью посмотрел на комиссара Чапаев.

— Ты — комбриг, тебе и решать. Но приказ должен быть выполнен, — невозмутимо отвечал комиссар Захаров.

Чапаев обжег его взглядом и стремительно вышел из аппаратной.

Карта была разложена на столе, и Чапаев сидел, склонившись над ней, и циркулем вымерял расстояния, чиркал карандашом, рисовал короткие стрелки. Потом взял большой блокнот и стал быстро писать: «Комполка-2 Сизову Николаю. Приказываю по получении настоящего приказа немедленно выступить в направлении Ишимбаево. Выдвигаться всем составом вместе с артдивизионом. Комбриг Чапаев».

Он размашисто расписался, вырвал лист, отложил его в сторону и снова стал писать что-то на чистом листе. И так несколько раз. Потом собрал вырванные листы в стопку и позвал громко:

— Петька!

В комнате возник Петька Исаев.

— Покличь сюда комиссара. Быстро!

Исаев выскочил из комнаты.

Чапаев вновь склонился над картой с циркулем, бросил его, задумался, вздохнул:

— Э-эх, мне бы еще пару эскадронов...

Открылась дверь, и вошел комиссар Захаров. Петька Исаев застыл на пороге.

— Давай, комиссар, подписывай... — Чапаев протянул ему листки с приказами.

Захаров взял, прочел. Посмотрел на карту, потом спросил:

— Они успеют?

— Подписывай давай, комиссар, — нахмурился комбриг. — Это уж не твоя забота — поспеют, раз приказ такой будет.

Захаров наклонился над столом, взял карандаш и расписался на каждом приказе.

Чапаев протянул листы Петьке:

— Собери нарочных. Во все полки бригады.

— Выступаем, Василь Иваныч? — не смог сдержать улыбки Исаев.

— Выступаем, выступаем. Дуй давай!

Петька взял бумаги, козырнул и выскочил из комнаты.

Захаров постоял молча, достал из кармана кожанки окурок цигарки, чиркнул спичкой, прикурил. Пыхнув дымом, спросил:

— Может, скажешь, в каком порядке полки будут двигаться к назначенным пунктам?

Чапаев поднял голову, посмотрел на Захарова:

— О порядке следования будет сказано в другом приказе, который ты будешь подписывать. А теперь ты мне не нужен, комиссар...

Захаров затянулся, выпустил струю дыма прямо в лицо Чапаеву. Тот не шевельнулся и глазом не моргнул.

— Хорошо, — сказал Захаров. — Я буду в политотделе. — И вышел из комнаты, не закрыв двери.

Чапаев вновь уставился на карту. Керосиновая лампа светила неважно, и приходилось щуриться, напрягать глаза. Маленьким циркулем он заново мерил расстояния от пункта до пункта, чертил стрелки... Потом бросил циркуль и карандаш, взъерошил волосы, проговорил устало:

— Как же я поспею... никак не поспею...

Чапаев пришел в комнату, где на кровати со спинками из металлических прутьев с никелированными шариками спал Петька Исаев. Грязные ноги с черными пятками торчали между прутьев. Петька мгновенно проснулся, спросил Чапаева:

— Когда ж ты спать будешь, Василь Иваныч? Уже светает...

— В могиле, Петька, всласть высплюсь, — мрачно ответил Чапаев, раздеваясь.

Сел на кровать — металлические пружины протяжно запели. Чапаев стащил сапоги, посмотрел на грязные ноги, почесал грудь.

— Месяц уже в бане не был, черт... вот жизнь пошла — ни помыться, ни напиться... — Чапаев, не снимая галифе, повалился на одеяло. Кровать с такими же спинками из металлических прутьев тоже была ему коротка, и ноги просунулись сквозь прутья.

Петька посмотрел на ноги Чапаева, улыбнулся:

— Василь Иваныч, а у тебя ноги-то грязнее, чем у меня.

— Так я тебя и старше, Петька, — усмехнулся Чапаев, и они негромко рассмеялись.

Потом Петька осторожно поинтересовался:

— На рассвете выступаем, Василь Иваныч?

Чапаев не ответил, думал о своем, глядя в потолок:

— Как там Пелагея моя... черт ее задери...

— Какая, Василь Иваныч? — простодушно спросил Петька. — У тебя их ить цельных две.

— И та, и другая... — шумно вздохнул Чапаев. — Живы ли, дурехи?

— Да живы конечно, чего бабам сделается? Чай, не воюют... живут в свое удовольствие... Вот встренешь ту али другую, чего делать будешь? Небось застрелишь?

— Скажешь тоже... Ежли баба от мужика сбегла, стало быть, мужик в первую голову и виноват...

— Не согласен, Василь Иваныч! — решительно заявил Петька. — Што хошь со мной делай, а я не согласный! Иной раз такие сучки встречаются... Ей одного кобеля мало, и все тут! Ей племенного жеребца с конюшни подавай!

— Тьфу, штоб тебя черти взяли, балаболка хренова! И до чего ж у тебя язык грязный, Петька. Тебе первонаперво не ноги, а язык мыть надо! Дрыхни, не то в дозор ушлю!

— Есть дрыхнуть, Василь Иваныч. — Петька решительно натянул одеяло на голову.

— И Татьяна все из головы не идет... — после паузы проговорил Чапаев. — Вот же сволочь комиссарская — девку в Чека отправить! Волкам на съедение! И не пожалел, бумажная душонка...

— Ты чего, Василь Иваныч, говоришь-то? — из-под одеяла подал голос Петька. — У него и души-то никогда не было. У него заместо души — протокол партийного собрания.

— Дрыхни, я сказал! — рявкнул Чапаев, и в комнате воцарилась тишина.

Петька поворочался, устраиваясь поудобнее, и затих, и скоро послышался тихий храп.

Чапаев не спал, смотрел в смутно белеющий потолок, потом пробормотал:

— Поди уж расстреляли... в Чека разговор короткий... Э-эх, Татьяна... песня ты моя неспетая...

Мгновенно прекратился храп, и от подушки приподнялась голова Петьки. Раздался его хриплый со сна голос:

— Распорядился чего, Василь Иваныч?

— Да спи ты, кукла чертова! — зло отозвался Чапаев.

— Ага... уже... ты только тоже спи, Василь Иваныч, не бормочи ничего... — засыпая, попросил Петька. — А то я на слуху весь...

Чекист Иван Григорьевич Ребров, тридцатилетний плечистый мужчина в потертой кожанке, с грубоватым лицом, на котором выделялся большой, с ямочкой подбородок, хмуро разглядывал сидевшую перед ним на табурете Татьяну Мальцеву. Перед чекистом лежала стопка серой бумаги и карандаш. Ярко светила керосиновая лампа со стеклом, да и за окном был день.

— Значит, так... Еще вопрос, гражданка Мальцева. Как же это так случилось, что вас не расстреляли? Вас с оружием в плен взяли, во время боя... и не расстреляли. Непонятно мне это.

— Чапаев приказал посадить меня под замок. Сказал, что позже сам разберется, — негромко отвечала Татьяна Мальцева.

— А потом?

— Я уже рассказывала вам.

— Ну да, рассказывали... арабские сказки... Ночью он песни пел на берегу, а вы подсели к нему. И сразу любовь началась. Чудеса да и только...

— Чудеса... — согласилась Татьяна.

— Чудеса — влюбился, чудеса — не расстреляли, ну сплошные чудеса, — развел руками Ребров. — Не могу я во все это поверить, барышня-гражданочка.

— Почему?

— Не могу я верить классовому врагу, — мрачно произнес чекист Ребров.

— Какой же я классовый враг? Я честно перешла к вам, отвергла своих родных... отца... брата. Я хочу быть с вами. Разве среди вас нет людей из дворян, которые всей душой приняли революцию и вместе со своим народом воюют за нее? — так же негромко спросила Татьяна. — Насколько мне известно, товарищ Ленин тоже из дворян...

— Ты! Ты-и... — чекист Ребров даже задохнулся от такой неслыханной наглости. — Ты товарища Ленина не трожь, шкура белогвардейская! Ишь ты, хитрованка! Вождя революции себе в оправдание. Как только язык поворачивается! Да я тебя за это прям щас к стенке поставлю!

Татьяна молчала, опустив голову, потом медленно подняла глаза на Реброва — они были полны слез.

— А вот плакать тут не надо, гражданочка, — нахмурился чекист. — Раньше думать нужно было — когда оружие в руки взяли и на трудовой народ руку подняли!

— Я же сказала вам... они отреклись от меня, а я отреклась от них... — проговорила Татьяна. — Вы можете расстрелять меня хоть сейчас, я ни о чем жалеть не буду... и это будет справедливо...

— Что будет справедливо? — не понял Ребров. — Что мы вас расстреляем?

— Да... — Она смотрела на него широко раскрытыми, влажными от слез глазами.

— Гм-нда... — несколько смутившись, кашлянул чекист. — Ладно, гражданка. Мне подумать надо... да и вам не мешает подумать. Кобылин!

В комнате появился красноармеец.

— Отведи гражданку в камеру...

Татьяна поднялась и пошла к двери.

— Ишь ты... справедливо будет... — качнул головой Ребров. — Я и сам знаю, что справедливо...

Чапаев вошел в полутемную конюшню, прошелся вдоль длинного ряда яслей. В отдельных закутках стояли лошади, мерно жевали сено с овсом, громко хрупали, глядя на человека большущими фиолетовыми глазами.

Василий Иванович дошел до последнего закутка, остановился. Внутри была лошадь, та самая, которую Чапаев чуть не загнал, а рядом с ней — красноармеец, спасший ее тогда ночью в степи. Теперь он чистил коня мягкой скребницей, заботливо гладил ладонями, нежно похлопывал по боку и шее. Увидев Чапаева, лошадь взмахнула головой, тихо заржала, фиолетовый глаз радостно смотрел на него.

— Ну как ты, коняшка? — ласково спросил Чапаев, войдя в закуток и обняв лошадь за шею.

— Теперича хорошо, — улыбнулся красноармеец. — Вчерась я на ей в степь выезжал... Гоголем ходит, пританцовывает...

Чапаев достал из сумки горбушку, разломил пополам и поднес на ладони к лошадиной морде. Коняшка пошевелила губами, аккуратно взяла хлеб и стала медленно, с хрупом жевать.

— Ты на меня боле не сердита? — шепотом спросил Чапаев, поцеловал теплую лошадиную морду, дал вторую половину горбушки. — Мы еще с тобой повоюем... Ты хоть понимаешь, чего я говорю тебе, коняшка?

— А як же! — весело отозвался красноармеец. — Они лучше человека все понимают...

— Что все? — спросил Чапаев.

— Да все! Про жизнь, про нас с вами... коняшки — они шибко душевные...

Кабинет Льва Троцкого был устроен в старом вагоне командующего одним из фронтов в Первую империалистическую. Вагон прицепили к бронепоезду, а сзади него шла платформа с двумя орудиями и несколькими пулеметами, укрытыми мешками с песком. Кабинет в вагоне был отделан красным деревом, стол затянут зеленым сукном, светили старинные канделябры на стенах. Рядом с зеленым столом стоял круглый столик на одной ножке, на нем — стаканы с чаем в серебряных подстаканниках, вазочки с леденцами и печеньем. Колеса вагона выбивали мерную дробь, в такт ей позвякивали ложечки в стаканах.

Вокруг большого стола собрались Троцкий, командарм-4 Ржевский, сухопарый наголо бритый человек с короткими черными усиками, и начальник политотдела четвертой армии Хесин, невысокий полноватый мужчина. Все были одеты в полувоенные зеленые френчи с накладными карманами.

На стене висела карта Восточного фронта, исчерченная большими и маленькими красными и синими стрелками. Командарм Ржевский говорил, водя по карте указкой:

— Кроме того, из Омска Колчак направил еще две дивизии, составленные из только что мобилизованного населения. Прибавьте еще две дивизии Каппеля с двумя артиллерийскими полками и Казачью уральскую дивизию — и все это обрушится на участок фронта, который удерживает моя армия...

— Не удержитесь? — перебил вопросом Троцкий.

— Наибольшие опасения у меня вызывает центральный участок фронта. Здесь позиции держат двенадцатая дивизия Никонова, кавбригада Богуна и бригада Чапаева. На участке бригады Чапаева вообще сплошного фронта нет — полки располагаются вблизи деревень.

— Почему так? — вновь перебил Троцкий. — Вы приказывали комбригу Чапаеву образовать линию фронта?

— Приказывал, товарищ предреввоенсовета. Приказ не выполнен. Чапаев объясняет это тем, что при такой обороне ему легче маневрировать и наносить противнику неожиданные удары.

— Что за партизанщина? — поморщился Троцкий. — Почему вы терпите неисполнение своих приказов? Вы — командующий армией.

— Я понимаю, товарищ предреввоенсовета. Но Чапаев — фигура особая...

— Очередной народный вожак? — усмехнулся Троцкий. — Поволжский Махно?

— Я не знаю Махно, товарищ предреввоенсовета, но с Чапаевым у меня хлопот больше, чем хотелось бы. Анархические замашки, доходящие до самодурства. Открыто пьянствует с комсоставом, открыто высказывает недоверие комиссару бригады Захарову. Он вообще, как говорят, комиссарам не доверяет...

— Он член партии?

— Да. Кажется, с ноября семнадцатого. Я ставил в известность командующего фронтом, но, как говорится, воз и ныне там.

— Командующий фронтом будет замещен немедленно по моему прибытию в Москву, — объявил Троцкий. — Этот вопрос мы решили еще вчера. Вопрос с комбригом Чапаевым решим сегодня. Кто он в прошлом?

— В революцию таких фигур выдвинулось множество, товарищ предреввоенсовета, — кашлянув в кулак, ответил Ржевский. — В империалистическую служил фельдфебелем Белограйского полка на Западном фронте. Полный Георгиевский кавалер, был дважды ранен. Смекалист, решителен в действиях, весьма популярен в солдатских массах, обладает определенным, так сказать... талантом руководить солдатами, но... столь внушительным воинским соединением, как бригада, грамотно и разумно, конечно, управлять не в состоянии... Такие самородки хорошо командуют батальонами... ну, полками... хотя тут уже возникают сложности...

— Понимаю, — кивнул Троцкий. — Командовать может полком, а мнит себя уже Наполеоном... Кто, как вы думаете, мог бы командовать бригадой вместо Чапаева?

— Командование бригадой вполне можно было бы возложить на комиссара бригады товарища Захарова Сергея Парменовича... — осторожно встрял в разговор начальник политотдела армии Хесин.

— Ну что ж... — Троцкий взглянул на карту. — В ближайшее время командующим Восточным фронтом будет назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Я думаю, он спокойно воспримет наше решение.

Нахлестывая коней, десятка полтора красноармейцев мчались к железнодорожной станции. Грохот копыт рассыпался далеко по степи.

— Не поспеем! — орал один из красноармейцев. — Все сожрут аль растащат!

— Наддай! Наддай! Поспеем! — отвечали ему сразу несколько голосов.

...На станции, на запасных путях за деревянным пакгаузом и водокачкой стояла громадная цистерна на колесах, и вокруг нее толпились красноармейцы, галдели, словно на ярмарке. По крутому боку цистерны поднималась узкая металлическая лесенка, и на ней внизу, посередине и на самом верху примостились трое солдат. Самый верхний сидел у открытого люка и на веревке спускал внутрь большой котелок. Зачерпывал, тянул обратно и выливал содержимое в другой котелок, потом с превеликой осторожностью передавал полный котелок солдату посередине лесенки, тот принимал и передавал нижнему. А к тому уже тянулись десятки рук с котелками и кастрюлями.

Солдат передавал кому-то из жаждущих полный котелок, забирал пустой или кастрюлю и передавал наверх «среднему», а тот дальше, «верхнему». И процесс повторялся.

— Че ты так медленно шуруешь, Васька, твою мать! Гля, народу сколько! До вечера тут валандаться будем?!

— Не ровен час, начальство какое нагрянет — каюк добыче!

— А идите вы! — нервно огрызнулся сидевший наверху Васька, вытягивая полный котелок. Не выдержал, отхлебнул из котелка два хороших глотка, утер рукавом мокрые губы, выдохнул, улыбнулся, оглядывая толпу красноармейцев внизу, и вдруг протяжно и громко запел:

Степь да степь круго-о-ом,
Путь далек лежи-и-ит!
В той степи-и глухо-о-ой
Замерза-ал ямщи-и-ик!

— От стервец, а? Уже накушался! — раздались возмущенные голоса.

— Васька, сволочь, слазь давай! Глянь, сколько народу сухие стоят! А ты, подлец, глушишь!

— Пристрелить гада мало!

— Наливай давай, ирод!

— Спокойно, граждане, соблюдаем революционную дисциплину! Там энтого спирту — залейся! Всем хватит! — перестав петь, провозгласил Васька. Он был уже сильно пьян — и вдруг, не удержав равновесия, кувыркнулся в открытый люк цистерны, только ноги в сапогах мелькнули.

— А-ах! — выдохнула толпа.

— В лохмотья допился, стервец!

— Он теперь там все и выпьет!

— Игнат, ну че ты рот раззявил? Давай подымись, глянь, чего он там? — орали другие голоса.

Солдат, сидевший на лесенке посередине цистерны, забрался наверх и заглянул внутрь, долго смотрел — из люка торчала задница, обтянутая выцветшими солдатскими штанами.

— Говорил, степенного наверх ставить надо было! Непьющего! — возмущался кто-то в толпе солдат.

— Где ты его видел, непьющего?

— Ну че там, Игнат?!

— Гляди сам туды не нырни!

Игнат высунулся из люка, обалдело помотал головой:

— Шибко духом шибает! Закусить хотца!

— Васька там что?

— Захлебнулся Васька! На дне лежит! Хорошо видать!

— Спекся Васька! Пропал малый ни за понюх табаку! — загалдели солдаты.

— Вот и явится пред Господом пьяный вдугаря! — захохотал густой бас.

— Каким Господом?! Его черти сразу в геенну огненную поволокут! — ответил ехидный голос. — А там ишшо нальют!

— Игнат, тады ты черпай давай, черт несуразный! Шевелись давай!

— Щас, граждане, сей момент! — Игнат взял котелок на веревке и стал спускать его в открытый люк.

— Да ну ее к чертям собачьим, братцы! Эдак мы до ночи черпать будем! — взвыл рослый здоровенный солдат, сдергивая с плеча винтовку. — А ну, расступись! — Он вскинул винтовку, и толпа шарахнулась в разные стороны.

Солдат, не целясь, выстрелил в нижнюю часть цистерны. Из пулевого отверстия ударила струя спирта.

— От голова! От мудрец! А мы стоим, как ишаки, и не додумались! Ай, красота!

Загремели сразу несколько выстрелов. Из пулевых дырок забили струи спирта, и к ним, толкаясь, ринулись солдаты, тянули котелки, подставляя их под струи...

И пошло повальное пьянство. Наполнив под струями котелки, мужики отходили чуть в сторонку и тут же жадно припадали к котелкам губами. Скоро кто-то запел залихватски:

А-а, как за Волгой, за рекой
Села полыхають!
Потерял беляк покой, эх, покой!
Красные гуляю-у-уть!

Другой голос орал:

А-ах ты, воля-волюшка!
Как широко полюшко!
Как лесная мошкара,
Налетела казара-а-а!

В штаб на запаренной лошади прискакал красноармеец, спрыгнул у крыльца на землю, загрохотал сапогами по ступенькам.

— Товарищ Исаев? А комдив иде?

— На што тебе комдив требуется? Што ты зенки выкатил, как рыба на сковородке?

— Там на станции буза заварилась... Цистерну со спиртом ребяты подогнали, в полку пронюхали... Сперва пили, а теперя там бой идет по полной форме!

— Какой бой? Вы што там, все с ума посходили? — Петька Исаев торопливо застегивал на себе портупею с револьвером и шашкой. — А комполка иде? Ротные командиры иде, я тебя спрашиваю, пень с усами?

— Я и говорю, бой идет, — пояснил красноармеец. — Комполка с ротными цистерну у полка отбивает! А бойцы осерчали шибко — прям атакуют по всем правилам!

— Ну дела, твоя-моя бабушка! — Петька бросился вон из комнаты, красноармеец — за ним, торопливо приговаривая на ходу:

— Василь Иванычу-то сказать бы надо...

— Отвязни ты от Василь Иваныча! У него без вас делов хватает!

...Когда седлали у конюшни коней, явился комиссар Захаров. По одному виду Петьки Исаева он понял: что-то стряслось, и спросил:

— Что случилось? Где?

— В полку у Федора Гнедко буза заварилась! — ответил Петька, прыгая в седло. — На станцию интен-

данты цистерну со спиртом пригнали, а бойцы пронюхали! Вот буза и началась!

— Я с вами! — Захаров кинулся в конюшню за лошадью.

Когда Петька, начштаба Иван Стрельцов, комиссар и десяток красноармейцев штабного батальона подскакали к станции, то услышали частый стук пулемета и отдельные винтовочные выстрелы.

— Во, мать честная! — оглянувшись, прокричал Петька. — Из-за водки цельное сражение затеяли!

— Я и говорю! — отозвался рысивший рядом красноармеец. — Душу дьяволу продадут из-за водки!

— А ты? — глянул на него Петька и засмеялся.

— В бойцов не стрелять! — крикнул Захаров. — Только в воздух!

Цистерна была окружена лежащими на земле красноармейцами. От цистерны бил пулемет, разворачиваясь рылом то в одну, то в другую сторону и не давая солдатам подняться. За пулеметом — комполка Федор Гнедко, рядом с ним лежали на шпалах и на земле ротные командиры и несколько бойцов потрезвее. Из пузатой цистерны во все стороны били тонкие струи спирта.

— Расходись по-хорошему, товарищи бойцы! — в перерывах между очередями орал Федор Гнедко. — Выпили культурно, и будя!

— Кому будя, а кому ишшо хотца! — отвечали из цепи.

— Слышь, командир, по котелку нальем и на том точку поставим!

— Чего добру пропадать!

— Расходись, говорю! — вопил Гнедко. — Щас взорву энту цистерну к чертовой бабушке!

— Только попробуй! Народное добро взрывать?! Мы тебя тады судом трибунала засудим! — отвечали залегшие красноармейцы. — До смерти засудим!

— Это вас судить будут, дурьи головы!

— Што с ним толковать, братцы! В атаку давай!

И красноармейцы поднялись, шатаясь пошли к цистерне. В ответ застучал пулемет, защелкали выстрелы. Несколько человек упали. Остальные залегли снова, отвечали редкими выстрелами. Опять начались переговоры.

— Хоть по полкотелка дай налить, командир, будь человеком!

— Душа горит!

— Может, вправду поджечь ее, заразу? — спросил ротный.

— Как подожжешь? — вполголоса ответил Федор Гнедко. — Так рванет — от нас ничего не останется.

— Чего ж делать-то? Они, вишь, вовсе озверели — постреляют нас за милую душу.

— О, гляди, кажись, штабные скачут!

И действительно, через минуту налетели штабные во главе с Захаровым и Петькой. Свистели, хлестали нагайками по головам и спинам, наезжали лошадьми, стреляли поверх голов из револьверов и винтовок. Красноармейцы разбегались, шатаясь и спотыкаясь. Многие продолжали лежать, уронив винтовки, уткнувшись лицами в землю.

— Живой? — Петька ткнул сапогом лежащего солдата.

— Н-ну... ж-живой... — едва ворочая языком, ответил тот.

— Вставай.

— Похмелиться дашь, тады встану... — промычал красноармеец.

— А чего ж? Щас к Василь Иванычу поедем — он тебе и нальет, и закусить поднесет, — пообещал Петька.

— Ты че, сдурел? — Красноармеец сразу же протрезвел и торопливо поднялся. — К какому Василь Иванычу?

— Пошли-пошли... — нахмурился Петька и пнул ногой другого лежащего бойца. — Вставайте, орясины! Оглоеды! Выпили, теперь похмелье будет! Все вставайте — не хрен валяться!

Пьяные бойцы медленно вставали, подбирали винтовки, тоскливо оглядывались на цистерну, стоявшую на запасном пути.

— Э-эх, ну где справедливость, а? Столько добра пропадает!

— Как вы могли допустить такое?! — кричал Захаров на комполка Гнедко. — Две роты перепились как свиньи!

— Ну почему как свиньи, товарищ комиссар? — гудел Федор Гнедко. — Ну, выпили, побузили, с кем не бывает?

— Что-о?! — взвился комиссар. — С кем не бывает? Вы соображаете, что говорите?!

— А на кой хрен эту цистерну сюда приволокли?! Я ж говорил Королькову — прознают бойцы, беда будет! — Гнедко ожесточенно комкал папаху, переминался с ноги на ногу.

Петька сидел у окна, курил, поглядывая на улицу.

— Охрану у цистерны выставили? — спросил Захаров, расхаживая по комнате.

— Так точно, — отозвался Петька. — Там уже и спирт кончается... э-эх, сколько добра в землю ушло... правильно говорят — нерадивый мы народ, русские...

— Ну хоть про запас набрать успели? — спросил Захаров, остановившись перед Петькой.

— А как же, — Петька стрельнул в его сторону глазом. — Пятнадцать ведер налили. Боле емкостей нету. Думаю вот, как теперь в штаб везти?

— Бочку раздобуду, — обрадованно сказал комполка Гнедко и оглянулся на ротных командиров, сгрудившихся у двери. — Давайте, ребята, быстро по дворам пошукайте — бочки должны быть...

Трое ротных исчезли за дверью.

— Я так думаю, товарищ комиссар, што Василь Иванычу об этом нехорошем деле докладывать не надо... — сказал Петька.

— Как это не надо? — нахмурился Захаров. — Я покрывать никого не собираюсь.

— Ну, с кем не бывает... водка, она и есть водка — дуреет человек... А Василь Иваныч с командира полка вполне может шкуру спустить.

— Не надо Василь Иванычу докладать, товарищ комиссар, прошу по-человечески. Такая буря будет — мне башки не сносить... С кем не бывает, товарищ комиссар... — просительно забасил комполка Гнедко. — Я сам бойцам такую профилахтику сделаю — век помнить будут. — И Гнедко потряс большущим костистым кулаком.

Захаров не ответил, продолжал молча расхаживать по комнате, потом махнул рукой:

— Не спросят — промолчу, а спросят — покрывать никого не буду! — И решительно вышел из комнаты.

Петька Исаев проследил в окно, что Захаров ушел, потом вытянул из-за пазухи флягу и подмигнул Гнедко:

— Давай, Федя, и мы спробуем, пока комиссара нету, а то он нам враз контрреволюцию припишет... Будь здоров. Пронесло, и слава Богу... — И Петька, отхлебнув

из фляги добрых три глотка, протянул ее Федору Гнедко, а сам замотал головой, замычал: — У-у, какой крепкий, гадюка...

— Сам председатель Реввоенсовета республики едет! — громко выговаривал Чапаев, таращa глаза на Гнедко и двух командиров, стоявших перед столом. — А вы что творите?!

— Да я говорил этому интенданту — куды ты цистерну гонишь? Хто ее охранять будет? А он: «Народное достояние! Народное достояние!!» Я ему говорил...

— Говорил, говорил! — передразнил комбриг. — Поди, самому хлебнуть захотелось!

— А чего ж я, не человек, что ли? — угрюмо ответил Гнедко, глядя в пол. — Конечно хлебнул. Но в меру... я свою меру знаю...

— И я твою меру знаю! — топнул ногой Чапаев. — Пьешь, покуда не упадешь!

— Зачем так страмотишь меня, Василь Иваныч ? Когда это я падал?

— М-м-м! Я ему про бузину, а он мне про дядьку в Киеве! Сколько бойцов участвовало в грабеже цистерны?

— А я считал? Роты две, на глаз...

— И что мне теперь делать прикажешь? Расстрелять всех? — яростно спросил Чапаев. — А не расстреляю — комиссар сегодня же донос на меня настрочит!

— Да и так настрочит... — сказал другой командир. — Если уже не настрочил...

— Не, расстреливать не надо, Василь Иваныч, — подал голос Петька. — Можно и по-другому наказать.

— Это как же? Видал, какой у меня ординарец? Умней начальника! Ну, говори, говори, светлая голова!

— Похмелиться завтрева не давать — уж они так помучаются, так их крутить будет... — сказал Петька и даже сам испугался от представившейся его сознанию картины. — Хужей всякого расстрела будет. Они сами смерти просить станут... потому как похмельное дело даже с лютой смертью сравниться не может... — И Петька горделиво посмотрел на Чапаева и остальных командиров.

— Ты, Петька, палач-мучитель. Ишь расписал как страшно — видать, самому дело знакомое. — Чапаев посмотрел на Петьку и вдруг рассмеялся. Засмеялись и командиры.

И тут же лицо Чапаева сделалось строгим.

— Ну все, идите с глаз долой! И смотрите у меня: еще такое повторится — душу со всех выну!

Грохоча сапогами, командиры вышли из комнаты. На ходу один говорил:

— Когда уж повторится? Не-ет, такого фарту боле не видать...

— Прошляпили цистерну, дуроломы... — мрачно ответил Гнедко. — Теперь помалкивайте...

— А Петька, гад, похмельем грозился.

— Пущай грозится — я два котелка энтого спирту припрятал...

Командиры вышли на крыльцо, посмеиваясь и подкручивая усы. Комполка вздохнул полной грудью:

— Значится, похмелимся, и тады предреввоенсовета можно встречать по всей форме...

На станции Новоозерной были выстроены в каре батальоны первого полка. В стороне пристроился небольшой духовой оркестр. Командиры бригады стояли

кучкой на перроне. Метрах в двадцати от первой шеренги возвышалась сколоченная наспех трибуна из досок и четырех столбов.

Вдоль железнодорожного полотна по узкому проселку летел галопом всадник и кричал издалека:

— Еду-у-ут!

Капельмейстер с пышными усами, в длиннополой кавалерийской шинели, погрозил оркестрантам кулаком и проговорил сиплым голосом:

— Гляди, братцы, не опозорься!

Командиры тянули шеи, вглядываясь в степь, на железнодорожное полотно. И вот до них донесся протяжный хриплый гудок, и скоро показалось черное пятно бронепоезда.

...Громко шипя и пыхая клубами пара, бронепоезд подполз к перрону и замер. Командиры застыли, разглядывая листы клепаной брони, стволы орудий и пулеметов, смотрящие из узких бойниц, и красное полотнище над бронепоездом.

Первыми из вагона высыпали десятка два красноармейцев и выстроились на перроне. Засверкали примкнутые штыки.

Дверь вагона открылась, выскочил еще один красноармеец в длинной шинели, встал по стойке смирно у поручня, и вот наконец вышел Лев Троцкий в расстегнутой шинели с красными «разговорами», в фуражке с лакированным козырьком и большой красной звездой. Он спустился по ступенькам, а следом за ним появились командарм Ржевский и начальник политотдела Хесин.

Капельмейстер взмахнул рукой, и оркестр грянул «Интернационал».

И все застыли, вытянувшись. Группа командиров бригады, Лев Троцкий, Ржевский и Хесин взяли под козырьки.

Чапаев, прищурившись, смотрел на Троцкого — так вот ты какой...

Строй красноармейцев восторженными глазами пожирал легендарного вождя революции Троцкого. Гимн революции еще не отгремел, а командиры бригады во главе с Чапаевым уже двинулись к Троцкому.

Он ожидал их, стоя как изваяние.

Встретились. Чапаев вскинул руку к папахе:

— Товарищ предреввоенсовета республики! Первый полк вверенной мне бригады построен! Комбриг Василий Чапаев!

— Ну, здравствуй, товарищ Чапаев. — Троцкий позволил себе улыбнуться и протянул руку, пристально вглядываясь в лицо Чапаева, словно оценивал его.

Чапаев пожал протянутую руку, и Троцкий двинулся к командирам, стоявшим на три шага сзади. Командиры козыряли, представлялись, стараясь перекричать гром оркестра:

— Командир первого полка Николай Сизов!

— Командир второго полка Петр Сенников!

— Командир третьего полка Федор Гнедко!

— Командир кавполка Андрей Жуков!

— Комиссар бригады Сергей Захаров!

— Начштаба бригады Иван Стрельцов!

И тут смолк оркестр.

После Троцкого с Чапаевым и командирами поздоровались командарм Ржевский и начальник политотдела Хесин.

— Ур-ра-а-а!! — грянул строй красноармейцев.

Чапаев жестом пригласил Троцкого на трибуну, и тот направился к ней. За ним к трибуне проследовали командарм, начальник политотдела и Чапаев, поднялись по скрипучим ступенькам. Командиры бригады остались внизу.

Заграждения на самом верху трибуны не было — Троцкий, Чапаев, Ржевский и Хесин встали на небольшой открытой площадке.

— Товарищи красноармейцы! — громко заговорил Троцкий. — Революция в опасности! На востоке, на юге и на севере белая сволочь поднимает мятежи, формирует полки и дивизии из обманутых крестьян! От вашего мужества и героизма зависит, быть или не быть Советской власти! Будет крестьянин хозяином на своей земле, а рабочий на своих заводах и фабриках или все останется по-старому! Но Красная Армия грудью встанет на защиту революции!

Солдаты слушали, смотрели на Троцкого, Чапаева и остальных, в шеренгах слышались негромкие реплики:

— А спроть Василия Иваныча хлипковат он будет.

— Кто, кто?

— Да Троцкий...

— А энтот кто? С усиками?

— Командарм четыре... Ржевский...

— Морда жирная...

— А чего ему худым быть? Есть и пьёть вволю...

— ...Да здравствует Советская власть рабочих и крестьян! Да здравствует пролетарская революция! Смерть белым гадам! — высоким сильным голосом выкрикивал Троцкий, и его козлиная бородка воинственно топорщилась вперед.

Не дожидаясь, пока Троцкий закончит выкрикивать лозунги, из-за группы оркестрантов вынырнул красно-

армеец в гимнастерке с подносом в руках. На подносе лежали большие ломти алого арбуза. Рысцой красноармеец подбежал к трибуне, командиры поспешно расступились, и он взобрался по ступенькам наверх. Предстал перед Троцким, держа перед собой поднос с ломтями арбуза.

— Ур-ра-а!! — грянул строй бойцов.

Троцкий посмотрел на ломти арбуза, улыбнулся, взял один, откусил и стал жевать, сплевывая семечки в сторону, туда, где стоял Чапаев. И семечки летели прямо на начищенные до блеска сапоги комбрига, налипали на них. Чапаев глянул вниз, усы его нервно дернулись, он поднял голову и посмотрел на Троцкого.

Тот мгновенно встретил взгляд Чапаева, тут же отвел глаза и продолжал сплевывать косточки ему на сапоги. Усы и бородка его шевелились, на губах застыла усмешка.

Чапаев смотрел, не шевелясь, смотрел с ненавистью, и казалось, что он сейчас ударит вождя революции. А Троцкий ел арбуз и плевал, и плевал... И стоял перед Троцким красноармеец с подносом, смотрел, как семечки падали на сапоги Чапаева. И Ржевский и Хесин тоже смотрели. Потом Хесин взглянул в глаза Чапаеву и чуть усмехнулся.

Чапаев потоптался на месте, тряхнул одним и вторым сапогом, но мокрые сладкие семечки налипли и не отставали.

В это время прозвучала команда, и первая шеренга красноармейцев развернулась и маршем пошла вдоль перрона, за ней вторая... третья... четвертая...

Оркестр вновь заиграл «Интернационал». Красноармейцы маршировали не очень слаженно. Троцкий ел арбуз и плевал на сапоги Чапаева. Сам Чапаев застыв-

шим взглядом смотрел перед собой и в ярости ничего не видел, кадык на его шее дернулся, пальцы правой руки сжимались в кулак, разжимались и снова сжимались… И вдруг Чапаев не выдержал и, не дожидаясь, пока весь полк пройдет парадом, шагнул, растолкав командарма и начальника политотдела, стал спускаться по лесенке вниз. Спустился, притопнул сапогами, стряхивая налипшие семечки, и зашагал по перрону.

Красноармейцы видели его одного. И шеренга за шеренгой дружно выдохнули:

— Комбригу Чапаеву ур-р-ра-а!!

— Василь Ива-ны-чу-у!! Ур-р-ра-а!!

— Ча-па-еву ур-ра!!

Комполка Андрей Жуков выступил вперед, сорвал с головы папаху, обнажив светлую кудрявую голову, и заорал, сверкая синими глазами:

— Ур-ра-а Чапаеву-у!!

— Это как раз то, о чем я вам говорил, — наклонился к Троцкому командарм Ржевский.

Чапаев остановился, с улыбкой вскинул в приветствии руку.

Троцкий, нахмурившись, глядел на проходящие шеренги красноармейцев.

А красноармейцы словно забыли про больших начальников на трибуне и с восторгом приветствовали Чапаева, со старанием кричали «Ура!» и вколачивали каблуки сапог в перрон вокзала…

Троцкий, Ржевский, Хесин, Захаров и Чапаев собрались в штабе бригады.

— Здесь у вас что? — спрашивал Троцкий, глядя на карту, разложенную на столе.

— Позиции второго стрелкового полка, — отвечал Чапаев. — При нем пулеметная рота.

— А здесь позиции первого полка? Не далековато ли друг от друга?

— В случае атаки всегда успею перебросить... Окромя того, от тут, в десяти верстах, расположены два кавэскадрона.

— Белые обычно атакуют казаками. Как же вы успеете перебросить? — вмешался командарм Ржевский. — Казаков здесь почти дивизия. Они вас в куски порубают!

— Не один раз пробовали, — хмуро отвечал Чапаев. — Не получалось у них...

— У них выходит пятикратный перевес в силах, — сказал Троцкий. — Дивизия Каппеля состоит почти из одних офицеров. Конечно, уверенность в себе — дело хорошее, но до тех пор, пока она не превращается в самоуверенность... Тут и до беды недалеко, товарищ Чапаев.

— Вы своими действиями ставите под угрозу весь фронт, — вставил Ржевский.

— А может, вы ставите под угрозу фронт? — вдруг зло посмотрел на него Чапаев. — По вашему приказу я перевел первый и третий полки в Новоозерный и Ишимбаево. А делать этого не надо было — тут вот у нас была надежная преграда от казаков — река и высокий берег, откуда сподручно работать и артиллерии, и пулеметам, а вы приказали...

— Ну хватит! — перебил Ржевский. — Я не намерен вступать с вами в пререкания! Извольте слушать, когда вам говорит старший по чину! Слушать и выполнять! Я вижу, вы давно забыли, что такое дисциплина! Что у вас в бригаде происходит?

— А что происходит у меня в бригаде? — спросил в свою очередь Чапаев.

Троцкий взял со стола стакан чаю с лимоном, отпил глоток, не спуская взгляда с Чапаева. И молчал.

— Бардак! Сколько бойцов почти ежедневно уходят с позиций? — спросил Ржевский.

— Ну, местные... у которых в окрестных селах дома родные, бывает, уходют, — стараясь сдерживать себя, отвечал Чапаев. — Переночевать... хлебом запастись, другими харчами...

— И тем не менее вы считаете, что с дисциплиной в бригаде полный порядок? — ядовито усмехнулся командарм-4. — Именно об этом я вам говорил, товарищ председатель Реввоенсовета. В бригаде процветает мародерство! Тут мне доложили, два дня назад бойцы первого полка захатили цистерну со спиртом. Перепились все! Друг в друга стрелять начали! А товарщ Чапаев об этом происшествии молчок. Я понимаю, не хочется выносить сор из избы. Но комиссар бригады другого мнения — доложил мне в тот же день. В бригаде — полная политическая безграмотность! И по донесениям комиссара бригады Захарова, комбриг Чапаев препятствует политическому образованию красноармейцев! Что говорить о бойцах, если сам комбриг у всех на виду заводит шашни с дочкой белогвардейского полковника! Разъезжает с ней по позициям! О какой революционной бдительности тут может идти речь? Цели и задачи пролетарской революции мало интересуют Чапаева! Его больше волнует личная слава! Всеобщее почитание и преклонение!

— Командарм говорит неправду, товарищ Чапаев? — спросил Троцкий.

Чапаев не отвечал, стоял неподвижно.

— А где же эта... полковничья дочка? — вдруг улыбнулся Троцкий. — Наверное, красавица, раз комбриг в нее влюбился?

— По приказу командарма я отправил ее в Самару в губернскую Чека, товарищ председатель Реввоенсовета, — подал голос комиссар Захаров.

— Наверное, уже и расстреляли... — с деланным сожалением сказал Троцкий, глядя на Чапаева.

— Дальнейшая судьба Татьяны Мальцевой мне неизвестна, товарищ предреввоенсовета, — ответил комиссар Захаров.

— Что ж вы молчите, товарищ Чапаев? — снова спросил Троцкий. — Командарм говорит неправду?

— Командарм говорит неправду, — медленно произнес Чапаев. — Я не думаю, что цели и задачи революции ему, бывшему царскому полковнику, ближе и роднее, чем мне... и моим бойцам... которые в боях кровью своей заплатили за революцию...

— А вот это уже демагогия, товарищ Чапаев! — резко повысил голос Троцкий. — Не умеете вы воспринимать справедливую критику. Хотя я не вижу в ваших действиях как комбрига злого умысла... — Троцкий прошелся по штабной комнате, заложив руки за спину. — Учиться вам надо, товарищ Чапаев. Да-да, учиться военному делу. Смекалка есть, сообразительность и решительность есть — образования не хватает. Военного образования...

— Может, и не хватает... мы академиев не кончали, — хрипло отозвался Чапаев.

— Вот и поедете академию кончать, — усмехнулся Троцкий. — Дела сдайте комиссару Захарову. Приказ я сегодня подпишу. В Москву поедете. Учиться. Это приказ, товарищ Чапаев, и обсуждению он не подлежит.

— Разве щас время учиться? Когда Колчак силу набрал... в наступление переходит... — Неожиданное решение Троцкого повергло Чапаева в растерянность. —

Щас воевать надо, товарищ председатель Реввоенсовета.

— Вы поедете в Москву, — ледяным тоном отчеканил Троцкий. — Учиться никогда не поздно... Честно говоря, я ехал сюда с твердым намерением исключить вас из партии, снять с командования бригадой и отдать под трибунал. Но, посмотрев и послушав вас, я изменил свое решение и ограничиваюсь тем, что отстраняю вас от командования бригадой. Вы произвели на меня впечатление человека честного, но безграмотного и потому во многом заблуждающегося. Поэтому я отправляю вас на учебу в Москву во вновь образованную Военную академию Красной Армии. Пройдете учебу, там подумаем, куда вас направить воевать... — Троцкий улыбнулся. — Радоваться надо... что все так хорошо обошлось...

Чапаев судорожно дернул головой, проглотил ком в горле, проговорил дрогнувшим голосом:

— Растоптали... сапоги об меня вытерли...

— Вы думайте, что говорите! — воскликнул командарм Ржевский. — Не забывайтесь!

— Разрешите идти, товарищ председатель Реввоенсовета? — повернувшись к Троцкому, совсем другим, фельдфебельским голосом спросил Чапаев.

— Да-да... вы свободны... — кивнул Троцкий и вновь улыбнулся, показывая, что его совсем не обидели слова Чапаева.

— Сегодня же сдайте все дела комиссару Захарову, — приказал Ржевский.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — вытянулся перед Ржевским Чапаев, затем четко развернулся и, печатая шаг, вышел из штабной комнаты...

— Видали фрукта?! — не мог скрыть ярости командарм Ржевский.

— За одно это его под трибунал отдать надо... — покачал головой начальник политотдела армии Хесин.

Вместо ответа Троцкий громко захохотал, огладил усы и бородку, потом глянул на Захарова:

— Ступайте, товарищ Захаров. Принимайте дела... Да-а, зубастый человек этот Чапаев. Хорошую плюху вам выдал... — и Троцкий снова засмеялся.

Уезжал Чапаев вечером. В большой комнате сидели его бойцы. Сидели на подоконниках, у дверей и у стен на полу, кое-кто на стульях. Стол был заставлен пустыми бутылями из-под самогона, завален остатками закуски. Почти все смолили самосад, и дым сизыми кольцами плавал в воздухе. Были тут и Андрей Жуков, и Николай Сизов, и другие командиры полков и эскадронов. Федор Игнатенко играл на балалайке, склонив кудлатую голову и пристукивая сапогом на высоком каблуке. В дальнем углу сидел новый комбриг Сергей Парменович Захаров. Он молча наблюдал за остальными. Начштаба бригады Иван Стрельцов пел высоким красивым голосом:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плеча-а-ах...

Припев подхватили дружно и слаженно:

Бродяга-а, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плеча-а-ах!

Чапаев собрал в вещевой мешок свои нехитрые пожитки, пошарил глазами по столу, глянул на тумбочку в углу, на другой стол поменьше, заваленный разными бумагами, спросил:

— Братцы, циркулек мой не видали?

Ему никто не ответил. Федор Игнатенко продолжал играть, балалайка надрывалась, Иван Стрельцов пел:

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку бере-е-ет,
Унылую песню заводит,
Про родину что-то пое-е-ет...

— Я говорю, циркулек мой не видали? — вновь спросил Чапаев, но его словно не слышали, только Петька вскочил, подошел к столу и стал искать среди бумаг.

— А ну хватит нытье тут разводить! Поминки справляете?! — крикнул Чапаев и улыбнулся. — Командира надо провожать весело!

И хор голосов мгновенно смолк. Красноармейцы молчали, тянули цигарки. Вдруг Федор Игнатенко перестал играть и с силой шарахнул балалайкой о дверной косяк. Со звоном лопнули струны, с треском полетели в стороны куски инструмента.

— Ай-яй-яй... — покачал головой Чапаев и подошел к Андрею Жукову, заглянул ему в глаза. — Ну, сказал же — вернусь, стал быть, обязательно вернусь. Рази я когда вас подводил, други-товарищи?

Жуков молча обнял Чапаева, прижал к груди, потом трижды расцеловал и отвернулся.

— Вот, нашел, Василь Иваныч! — радостно воскликнул Петька, найдя среди бумаг бронзовый циркуль, подошел к Чапаеву и сунул ему циркуль в карман френча. Тот хмуро посмотрел на Петьку и подошел к комиссару,

ничего не сказал, только протянул руку. И Захаров также молча пожал ее.

Потом Чапаев обнимался с Иваном Стрельцовым, потом — с Николаем Сизовым... Потом шагнул к Федору Игнатенко, спросил, обнимая:

— Зачем балалайку сломал, дурак? Вернусь, с чем встречать будешь?

— Э-эх, Василь Иванов... Василь Иванов... — с бульканьем в голосе произнес Федор Игнатенко и отвернулся.

У штаба стоял оседланный конь, и красноармеец держал его под уздцы, поглаживал по морде. Полтора десятка всадников, в папахах, шинелях, при винтовках и шашках, переминались в стороне. А вокруг дома плотной толпой стояли красноармейцы, молчали.

— Эк, с каким почетом... — усмехнулся Чапаев, спускаясь по ступенькам крыльца.

Следом за ним гурьбой повалили командиры, вышли Петька Исаев и комиссар.

— Петька, подь ко мне, — негромко позвал Чапаев, остановившись. Петька проворно подошел, застыл.

Чапаев расцеловал его, потом повернулся к толпе красноармейцев:

— Ну што, други-товарищи! Дождались золотого дня? Уезжает от вас товарищ Чапаев! То-то гульнете теперь на свободе! — Чапаев ехидно улыбался.

В толпе загудели голоса:

— Обижаешь, Василь Иваныч...

— Осиротели!

— Ты уж вертайся поскорее! На хрен тебе энта учеба сдалась-то?! Ты и так их всех ученее!

— Ты их сам уму-разуму научить могешь, Василь Иваныч!

Новый комбриг Захаров только усмехался, слушая выкрики солдат. Командиры смотрели хмуро. Из толпы всё кричали:

— Вертайся, Василь Иваныч! Без тебя какая война?!

Чапаев махнул рукой:

— Не поминайте лихом, товарищи бойцы!

Он махом взлетел в седло, пришпорил коня, и тот пошел сноровистой рысью. Полтора десятка всадников поскакали следом, пыля по степной дороге.

ГЛАВА 6

В комиссии по приему заседали три бывших полковника и два генерала бывшей царской Академии Генерального штаба. На них не было погонов, но по выправке и внешнему виду эти холеные господа с усами, бородками и даже бакенбардами ни на кого другого не походили. Еще сидели два представителя новой Красной Армии — тощие, плохо выбритые, в наглухо застегнутых гимнастерках, с красными треугольниками в петлицах. Комиссия расположилась за большим столом, покрытым зеленым сукном, с графином воды и стаканами на подносе. Перед каждым лежали списки поступающих на учебу, чистые листы бумаги и карандаши для пометок.

— Кто такие Наполеон и Суворов, вы, конечно, знаете, товарищ Чапаев? — с добродушной улыбкой говорил розовощекий, упитанный бывший полковник лет сорока с лишним.

— Знаю, — ответил Чапаев. Он сидел на стуле перед столом, в новом полувоенном френче, галифе и начищенных хромовых сапогах. Усы тщательно подкручены, темно-русый чуб аккуратно уложен на лбу. — Суворов — великий русский полководец. Наполеон — французский полководец.

— Ну-с, хорошо. Что вы можете сказать о битве при Аустерлице?

— Ничего не могу сказать. Не знаю я про такую битву.

— А о битве при Бородино вы знаете? — улыбнулся другой бывший полковник.

— Конечно знаю. С французами было сражение. Мы победили.

— Вы имеете в виду русскую армию?

— Конечно.

— Почему же тогда Кутузов сдал Москву? — спросил первый бывший полковник.

— Не знаю... Зря сдал Москву. Надо было драться до последнего, — сказал Чапаев.

— До последнего... — повторил первый полковник и выразительно посмотрел на соседа.

— Не всегда нужно драться до последнего, товарищ Чапаев. Наука тактика говорит о том, что иногда выгоднее отступить, чтобы потом сильнее ударить, — поучительным тоном произнес второй полковник.

— Не знаю, может быть... — уклончиво ответил Чапаев. — Но ведь противник может сесть на плечи и развить первый успех, и тогда отступление может превратиться в бегство... А это уже разгром...

Члены приемной комиссии вытаращили на него глаза, потом стали тихо перешептываться. Только один, в линялой гимнастерке с красными треугольниками в петлицах, одобрительно улыбнулся Чапаеву.

— Ну-с, хорошо... — опять сказал первый бывший полковник. — Скажите, через какой город и в какой стране протекает река Сена?

— Не знаю.

— В какое море впадает река Висла? — спросил еще один бывший.

— Не знаю... — Чапаев нахмурился, вдруг спросил: — А скажите, где протекает река Соленка?

Члены комиссии с улыбками вновь стали переглядываться и перешептываться, потом бывший полковник сказал:

— Что-то я в географии нигде такой реки не встречал.

— Не встречали? — усмехнулся Чапаев. — Эта река протекает около села Ивановка Николаевского уезда Самарской губернии. Имеет важное стратегическое значение... Мы там трое суток бились с казаками. Убитыми и ранеными потеряли двести сорок три человека. А после все же форсировали эту реку и развили наступление. А вы вот не знаете, где находится такая важная река... Но я поучусь в академии и буду знать, где там Сена протекает, а где Висла... и кто там победил в битве при Аустерлице...

— Ну что же, я так полагаю, что вопросов товарищу Чапаеву задали достаточно, — проговорил член комиссии в гимнастерке с красными нашивками на рукаве. — Поздравляю тебя, товарищ Чапаев. Давай учись. Революции очень нужны образованные красные командиры. — Он встал из-за стола, подошел к Чапаеву и крепко пожал ему руку.

Бывший комбриг Василий Чапаев и бывший комполка Иван Тюленин сидели за столом в комнате общежития. Тюленин курил и рассказывал. На столе, как водится, початая бутылка водки, на расстеленной газете несколько яблок и соленых огурцов и два граненых стакана. На полу рядом со столом лежали две толстые книги.

— Вот тут и разбери — правильно поступал генерал Ренненкампф... тьфу, черт, язык вывернешь, пока фамилию назовешь!.. правильное он принял решение всей

армией наступать в глубь Польши, или это было ложное решение, которое привело к окружению и разгрому всей армии? Да на хрен мне этот Реннен... тьфу, кампф сдался! — Тюленин пристукнул кулаком по столу.

— А меня на днях один спрашивает: «Какова была численность армии Карла Двенадцатого в битве под Полтавой?» — сказал Чапаев. — А я ему говорю: «А на хрена мне знать эту численность?» Так он так стал на меня орать... как на полового в трактире...

— Не-е, мне эта учеба как кость в горле! Я себя тут дезертиром чувствую, веришь-нет? — Тюленин стукнул себя кулаком в грудь.

В это время в дверь постучали, и Чапаев с Тюлениным, как по команде, вскочили, один схватил бутылку и стаканы, другой газету с лежавшими на ней яблоками и огурцами, и мгновенно запрятали все под кровати. Тут же успели раскрыть книги и положили их перед собой.

Дверь отворилась, и вошел средних лет мужчина, упитанный, с уже заметным животом, выпиравшим из-под перетянутой ремнем суконной гимнастерки.

Тюленин и Чапаев подняли головы, вопросительно уставились на вошедшего.

— Здравствуйте, товарищи слушатели, — негромко произнес мужчина, цепким взглядом окидывая комнату, три заправленные кровати. — Чем занимаемся?

— Читаем, — хором ответили Чапаев и Тюленин и предъявили книги.

Одна называлась «История Пунических войн», другая — «История наполеоновских войн».

— Это хорошо, что вы готовитесь к занятиям, — важно проговорил мужчина. — Только вот курить здесь я бы вам не советовал.

— А где же курить? — с недоумением спросил Тюленин, погасив окурок папиросы в консервной банке.

— В курительной комнате, она в конце коридора, рядом с туалетом находится. А то ведь накурите, а потом в накуренной комнате спать будете. Это вредно для здоровья.

— Чего-чего? — оторопел Тюленин.

— Спать в накуренной комнате — вредно для здоровья. Так что попрошу, товарищи слушатели, соблюдать правила общежития. К вам еще один сосед сегодня поступит.

— Кто такой? — спросил Чапаев.

— Слушатель Серебров Сергей Данилович. — И мужчина в гимнастерке степенно удалился, без стука прикрыв за собой дверь.

— Уф-ф! — шумно выдохнул Тюленин. — Испугался до смерти. Он же, гад, чуть что — сразу докладные начальству академии пишет.

— Накуришь в комнате, а это вредно для здоровья. Хорошо, я не курю! — Чапаев расхохотался, захлопнул книгу, положил ее на пол и достал из-под кровати бутылку и стаканы, быстро налил в стаканы водки.

— Может, нового соседа дождемся? — спросил Тюленин и достал из шкафчика со стеклянной дверцей еще один стакан, поставил его на стол.

— А вдруг опять этот надзиратель сунется? — спросил Чапаев.

— Не, больше не сунется. По вечерам он один раз обход всего общежития делает. А потом спать идет. Аккуратный, что ты! В десять ноль-ноль — на боковую, хоть мир расколись! Царская выучка, туды его в качель...

В комнату снова постучали, и вошел молодой человек лет двадцати пяти, черноглазый, черноволосый, подтянутый, одетый в офицерский китель без погон. Он улыбнулся с порога:

— Здравия желаю, товарищи слушатели. Разрешите представиться — Серебров Сергей, бывший командир кавалерийского полка. Воевал на Южном фронте, в армии Егорова.

— Вот кавалерии нам только и не хватало. — Тюленин протянул руку, тоже представился: — Тюленин Иван, бывший командир стрелкового полка, воевал на Западном фронте в армии Сорокина.

— Чапаев Василий, бывший комбриг, воевал на Восточном, в армии Ржевского.

— Я про тебя слышал, — сказал Серебров.

— На Южном фронте? — удивился Чапаев. — Что же такое про меня там брешут?

— Думаю, не брешут... Комдив Якир рассказывал: в Восточном Поволжье воюет комбриг Чапаев, бьет беляков и в хвост и в гриву. Полный Георгиевский кавалер. Правда?

— Ну, правда... — смутился Чапаев. — Не так уж и бью... бывало, и мне доставалось...

— А вот прибедняться не надо, — улыбнулся Серебров, — гордиться надо.

— Вовремя ты явился, товарищ Серебров. — Тюленин налил водки в третий стакан, протянул новому слушателю академии.

— Хорошо живете, — вновь улыбнулся Серебров и тряхнул своим вещевым мешком. — У меня тут тоже горючее имеется.

Они уже крепко выпили и разговаривали громко.

— На кой хер они нас сюда загнали, а? — яростно спрашивал Тюленин. — Контра на всех фронтах активизировалась, наступают... вот поглядите! — Тюленин

вскочил, открыл дверцу платяного шкафа, взял с полки сложенную вчетверо карту, развернул ее и разложил на кровати. — Я каждый день изменения вношу. Смотрите, что делается!

— Фью-ить! Деникин Донбасс занял... дела-а... — протянул Чапаев. — И Колчак перешел в наступление. Уфу взял...

— Сегодня Колчака в Омске провозгласили Верховным правителем России и главнокомандующим всеми белогвардейскими силами.

— Откуда узнал? — спросил Чапаев.

— Да вот сюда оформлялся, двое мужиков подошли, тоже слушатели. Сказали.

— Вот и приехали, — огорчился Чапаев. — Теперь они согласованно на нас полезут, по всем правилам военной науки...

— Кто тебя сюда услал? — спросил Тюленин.

— По приказу Троцкого, — ответил Чапаев. — Сперва хотел под суд отдать. За партизанщину...

— А меня по приказу Вацетиса, — сказал Серебров. — Я отказался — мне трибуналом пригрозили. Нет, я чего-то не понимаю... Если на фронтах так плохо, почему нас сняли и отправили учиться? Я не против учиться, я хочу учиться. Но почему сейчас? Где мы сейчас нужнее?

— На фронте. Неужто мы так плохо дрались с беляками, что нас надо прямо щас снимать с должностей и отправлять в Москву? — недоумевал Чапаев.

— Мне сказали, это большая честь, потому что хорошо дрался, — усмехнулся Серебров.

— Ничего не понимаю... — вновь покачал головой Тюленин. — Мне одно только ясно: я здесь задерживаться не собираюсь. Сбегу.

9 Зак. № 212

— Я тоже, — согласился Чапаев.

— Куда сбежите? — спросил Серебров. — Не дурите, ребята. Арестуют, и — трибунал за дезертирство. Надо рапорты писать.

— Да я два раза писал, — махнул рукой Тюленин.

— Пиши третий... ничего другого не остается. Вода камень долбит...

— Я Фрунзе напишу. Прошел слух, что его командующим на Восточный фронт направят... Фрунзе — мужик сильный, настоящий большевик... — сказал Чапаев.

К вечеру похолодало, и трое слушателей шли по вечерней Москве в застегнутых шинелях с поднятыми воротниками. На головах у Тюленина и Чапаева были фуражки с красными звездочками, у Сереброва — новенькая буденовка с большой матерчатой красной звездой. Улица была пустынна, лишь изредка проскакивала пролетка или карета и рысаки звонко били копытами о булыжную мостовую. Тюленин дымил папиросой, и вдруг из подворотни выскочил чумазый оборвыш и бросился к нему:

— Дяденька, дай покурить! Даденька, дай покурить!

Тюленин остановился, достал из кармана коробку папирос «Дюшес», протянул мальцу две папиросы:

— Сколько тебе лет, малец?

— Двенадцатый пошел! — сверкнул глазенками оборвыш. И спросил тут же: — Бабу не нада-а? Могу устроить.

— Чего-о? — протянули хором изумленными голосами все трое.

— С одного — красненькая! А всем троим — три красненьких! Тут недалеко. Там и винцо есть! И закуска хорошая...

— Ах ты, сученок... — Тюленин хотел схватить парнишку за рукав, но тот ускользнул, как мышь, и кинулся обратно в подворотню с криком:

— А вы дураки, дяденьки!

— Ты что-нибудь понимаешь? — растерянно спросил Тюленин.

— А то ты не понимаешь? — нахмурился Серебров. — Он небось за это кормежку бесплатную имеет...

— Дела-а... — протянул Тюленин.

Чапаев промолчал, только хмурился и поглаживал усы.

Пошли дальше.

— Интересно, а пивка здесь попить где-нибудь можно?

— В столице все можно... — хмыкнул Тюленин.

У другой подворотни стояли две девицы в коротких пальто с облезлыми меховыми воротниками. Одна курила. Они уставились на приближающихся мужчин, и, когда те поравнялись с ними, одна девица спросила сиплым, прокуренным голосом:

— Мужчины! Не хотите ли согреться?

— Чайком побаловаться... — хихикнула вторая.

Чапаев, Тюленин и Серебров разом остановились.

— И где же тут можно чайком побаловаться? — спросил Серебров.

— Да тут совсем близко, — ответила курившая. — Такие видные красавцы! У меня сердце обмирает!

— Ну, чего? — Тюленин глянул на товарищей. — Хто продажной любви попробовать желает?

— Да сдать их, куда следует! — вдруг со злостью проговорил Серебров.

— Куда ты их сдашь?

— Милиция здесь имеется. Вот туда и сдать! — еще больше расходился Серебров.

— Кончай ты, Сергей... Пошли лучше... — сказал Чапаев.

Они пошли дальше, чувствуя на спинах взгляды проституток.

— Ай, какие нерешительные мужчины! — громко высказалась одна.

— Да какие они мужчины! — с веселым презрением возразила другая. — Они, поди, красные командиры! Им не до этого — они за всеобщее равенство сражаются, хи-хи-хи...

Тюленин повернулся, хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

— Может, все-таки пивка выпьем? — уже неуверенно спросил Серебров. — Вон пивную прошли...

— Еще будет... — мрачно заметил Тюленин и глянул на Чапаева: — Ты как, Василий?

— Можно...

В подвале было накурено и шумно. За столами галдел московский народ весьма определенного полублатного пошиба — набриолиненные челки, щегольские тонкие усики, хромовые начищенные до яркого блеска сапоги, бархатные и суконные пиджаки и под ними — шелковые и полотняные косоворотки. Попадались молодые люди в полувоенных френчах, гимнастерках и морских бушлатах, под которыми рябили бело-синие тельняшки. Среди мужчин мелькали накрашенные девицы в расстегнутых чуть не до пупа блузках, с папиросами в длинных костяных мундштуках. У окна за длинным столом сидела большая компания, там играла гармошка.

Стоял невообразимый гвалт. На столах теснились кружки с пивом, темно-синие штофы с водкой, тарел-

ки с закусками. Командиры пробрались к окну, где был свободный столик, сели с мрачным видом, сняли головные уборы, положили рядом с собой, и тут же перед ними вырос половой в красной рубахе, с подносом и полотенцем за поясом.

— Имеется пиво «Янтарное» и «Немецкое», есть водочка пшеничная, есть «смирновская». Закусить можно солеными грибочками, расстегайчиками, капусткой квашеной, — смахивая со стола полотенцем хлебные крошки, быстро говорил половой.

— Водки, пива и воблы. Есть вобла?

— А как же-с... — осклабился половой, сверкнув золотым зубом. — Воблочка — объедение! Добрым словом поминать будете и снова сюда придете.

— Говоришь много, — хмуро оборвал его Тюленин. — Давай быстро!

— Чем платить будете? — спросил половой. — Царскими? Керенками?

— Пиво неси давай, кому сказано! — прикрикнул Серебров и стукнул кулаком по столу. Сидевшие за соседними столиками посетители обернулись.

Половой исчез, а командиры огляделись по сторонам. Лица их выражали брезгливое недоумение и даже оторопь.

— Это что же тут в столице делается? — пробормотал Тюленин.

Серебров и Чапаев не ответили. Тюленин закурил, вновь проговорил:

— Тут кого ни возьми — точно белая сволочь или жиганы...

— Нда-а... — шумно вздохнул Серебров. — Интересно, куда тутошняя Чека смотрит?

Половой принес большие кружки с пивом и целую гору воблы на блюде. Командиры выпили, принялись разделывать воблу.

— Интересно знать, — вдруг сказал Чапаев, — от кого мы всю эту сволочь обороняли?

— Лучше пей пиво, Василий, не порть себе настроение...

Гармошка заиграла громче, за длинным столом смеялись и галдели.

— В городе — голодуха, а тут, гляди, все есть... смотри, вон осетрину жрут... и мясо жареное... во дела-а, что сажа бела... — бормотал Тюленин.

В это время в пивную ввалился пьяный человек в расстегнутом пальто с белым шелковым шарфом, в кепке-восьмиклинке с «иждивенцем» и с дымящейся папиросой в руке, закричал на все заведение, покрывая шум и гвалт:

— Кореша-а! Господа хорошие! И граждане! Только щас узнал — Деникин Воронеж взял! Человек, пива мне!!

В пивной наступила тишина, и вдруг взорвалась возгласами, воплями:

— Никто теперь их не остановит!

— У Деникина одних казаков — двести тыщ!

— Офицеров — две сотни тыщ! Танки английские!

— Хана большевикам, помяните мое слово!

— Господи, неужто свободы дождемся!

— Чекистов лично на всех фонарях вешать буду!

Серебров со стуком поставил кружку на стол, и пиво расплескалось, потекло на пол. Он встал и рванул соседа в офицерском френче за плечо:

— Давай, сука, вешай! Я чекист!

Человек во френче вскочил, и Серебров двинул его кулаком в лицо. Человек устоял, хотя и пошатнулся,

но тут же ответил ударом, и завязалась драка. Вскочили Тюленин и Чапаев, и соседи за столиком, зазвенели осколки бьющейся посуды, затрещали стулья и столы, раздался женский визг и громкие голоса мужчин. Скоро в драке участвовало человек десять, и все набросились на Тюленина, Сереброва и Чапаева. Били кулаками, ногами, ножками от стульев. В руке у одного парня в бушлате и тельняшке сверкнуло лезвие ножа. Тюленина свалили на пол, стали остервенело бить ногами. Парень в бушлате ударил ножом Сереброва — попал в руку. И тут Чапаев выдернул из-под шинели револьвер, выстрелил в потолок:

— Постреляю, падаль белогвардейская! Всем лечь!

Вторым выстрелом Чапаев свалил парня в бушлате. Нож зазвенел по бетонному полу.

— Василий, сзади! — выкрикнул лежавший на полу Тюленин.

Чапаев мгновенно обернулся и выстрелил в молодого человека в черном пиджаке, с усиками и набриолиненной челкой, тот держал в руке пистолет, направленный на него. Пуля ударила молодого человека в грудь, белая косоворотка сразу окрасилась кровью. Он рухнул на пол ничком, выронив из руки небольшой револьвер.

— Ложись, погань! — заорал Чапаев и выстрелил в третий раз.

Вскочили Серебров и Тюленин, тоже вынули револьверы. Толпа посетителей шарахнулась в стороны, некоторые стали медленно ложиться на грязный, залитый пивом пол.

И в это время в пивную ввалились сразу четверо в кожанках, в кожаных фуражках со звездочками. Первый крикнул, подняв над головой револьвер:

— Всем оставаться на местах! Приготовить документы!

— Вижу, свободного времени у вас много, товарищи слушатели, — констатировал средних лет, наголо бритый человек с небольшими квадратными усиками, одергивая френч с красными углами воротника и тремя красными шевронами на рукаве. — Пивные... проститутки...

— Да пошли прогуляться, товарищ военком... — смущенно прогудел Тюленин.

— Кто ж мог подумать, что тут столько гнили и белой сволочи по подвалам греется? — добавил Серебров.

— Этой сволочи везде полно... А вы с ними воевать решили? Ваше дело — учиться, — зло проговорил военком. — Партия вас направила учиться! В тяжелейшее для республики время! Деникин прет с юга, Колчак — с востока, Юденич на Петроград наступает. А вас — учиться! А вы? По пивным учитесь? Лекции прогуливаете? Вот докладные на Сереброва, вот — на Чапаева, вот — на Тюленина... За такое... Под трибунал захотели? О ваших похождениях я вынужден буду доложить предреввоенсовета республики товарищу Троцкому. Пусть он и принимает решение. Не смею больше задерживать, товарищи командиры.

Они молчали, опустив головы, как провинившиеся ученики.

Татьяна Мальцева вошла в комнату, где ее допрашивали раньше, и увидела того же чекиста Ивана Реброва, сидевшего за столом. Красноармеец, который ее привел, вышел из комнаты и закрыл дверь.

— Присаживайтесь, Татьяна Андреевна, — сказал Ребров.

Татьяна присела на табурет.

— И что же мне с вами делать, Татьяна Андреевна, просто ума не приложу, — перебирая исписанные листки, проговорил следователь. — Все мы насчет вас выяснили... провели, так сказать, полное расследование... И вот какой получается компот, Татьяна Андреевна. Ежели я все эти бумажки представлю в трибунал, ждет вас, сами понимаете, расстрел. Люди в трибунале сидят суровые, горящие классовой ненавистью к вашему брату, дворянской кости... А я вижу, что вы ни в чем не виноваты, заблуждались, ошибались по молодости лет... А то, что дворянкой уродились, а не крестьянкой, — это уж и вовсе не ваша вина... нда-а... — Иван Ребров поскреб в затылке, посмотрел на Татьяну: — Ну что молчите?

— А что говорить? Отпустите меня.

— И куда вы пойдете? Тихо помирать с голоду? Или опять арестуют вас... да и расстреляют... — Он усмехнулся, вдруг сразу посерьезнел. — Жалко мне вас, ей-богу, жалко.

— Отправьте меня обратно.

— Куда обратно? — не понял Иван Ребров.

— В бригаду Чапаева...

— Да нет уже в бригаде товарища Чапаева, Татьяна Андреевна. Не-ту...

— Убили?! — задохнулась Татьяна, и глаза ее почернели от ужаса.

— По приказу предреввоенсовета республики его направили в Москву на учебу в академию, — улыбнулся Ребров. — Так что до Чапаева теперь, Татьяна Андреевна, далеко...

Татьяна с облегчением вздохнула, улыбнулась. Иван Ребров, нахмурившись, спросил:

— Так сильно его любите?

— Люблю... — почти неслышно ответила Татьяна.

— А если... — Ребров осекся, зашарил рукой по столу, нашел в пепельнице недокуренную цигарку, глубоко затянулся, с силой выпустил густую струю дыма, продолжая смотреть на Татьяну. — А если, Татьяна Андреевна, я вам скажу, что вы... мне тоже... небезразличны? Что вы мне ответите?

— Вы?.. — изумилась Татьяна. — Я... вам?

— Да-да... вы — мне... — покивал Иван Ребров и снова глубоко затянулся, рукой разогнал перед собой дым. — Вам это удивительно?

— Я... я даже не знаю, что вам ответить... — Татьяна приложила руку к сердцу.

— А вы пока не отвечайте ничего, Татьяна Андреевна. — Следователь Ребров в третий раз сильно затянулся, и огонек цигарки обжег пальцы. Ребров вздрогнул, поморщился, погасил окурок в пепельнице, повторил: — Не отвечайте пока ничего... Может быть, потом... позже... что-нибудь ответите... а у меня надежда жить будет...

— Но ведь я... я... — начала было девушка, но Иван Ребров перебил ее:

— Я знаю, Татьяна Андреевна... я давно понял... Чапаева любите. — Ребров достал кисет, обрывок бумаги, насыпал на бумажку махры, стал сворачивать. Пальцы у него крупно подрагивали, и махра просыпалась на стол. Но он все-таки свернул цигарку, долго прикуривал, пыхая дымом.

Татьяна смотрела на него и молчала.

Наконец он опять глубоко затянулся, выпустил дым и сказал:

— А вот он вас любит... ай нет?

— Любит... — тихо ответила Татьяна.

— Да похоже, что нет... Если б любил, небось поинтересовался бы, что с его любовью... где она... Жива ли... — Ребров в упор посмотрел на нее. — Что, неправильно рассуждаю?

— Он меня любит... — едва слышно проговорила Татьяна.

— Лучше пока не отвечайте ничего... может, потом... ответите...

— Что же со мной будет... дальше?

— Освободим вас, — улыбнулся Ребров. — Подыщем вам подходящую работу... если вы, как говорите, решили навсегда связать свою жизнь с революцией. Решили или не решили?

— Решила...

— Ну и распрекрасно! Вы гражданка образованная, а народ в массе своей — неграмотный... Вот и будете людей грамоте учить... культпросвет называется. Согласны?

Татьяна смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Бывший генерал Свечин стоял у черной доски, на которой мелом были нарисованы линии обороны, квадратики и кружки, большие и маленькие стрелки.

— Штатная численность дивизии — десять–двенадцать тысяч штыков плюс два артиллерийских дивизиона, плюс кавалерийский полк. Вы занимаете полосу обороны в десять километров, имея на флангах пулеметные команды и кавэскадроны. Как вы будете вести наступление? Какой шириной? На какую глубину вы спланируете продвижение? Прошу высказываться... Кто хочет?

Слушатели, человек двадцать, сидели каждый за отдельной партой, молча смотрели на доску. Чапаев поднял руку.

— Вы хотите? Пожалуйста, товарищ Чапаев, — сказал Свечин.

— Вот вы говорите, штатная численность дивизии — десять–двенадцать тысяч штыков. Это в империалистическую так было... а у нас... Тут мы говорили с командирами — у нас в дивизии никогда больше шести тысяч штыков и не было. Да еще кавалерийский полк, да еще пулеметные команды... У меня в бригаде — три полка было, а посчитать — всего три с половиной тыщи штыков да три сотни сабель. Как же я смогу занять сплошную линию обороны в десять километров? Чудеса да и только! — Чапаев усмехнулся.

— Как же вы воевали? — вежливо спросил Свечин.

— Каждый полк стоял в кулаке. Ежели я их на километры растяну, казаки враз эту ниточку порвут и всех бойцов порубают. Полки должны быть в кулаке — быстро передвигаться от города к городу, от деревни до села и наносить этим кулаком удары. Казаки окопов не роют и в них не сидят. Они на конях за день сорок верст пройдут и нанесут удар в самом слабом месте! Я вот слушаю вас и не пойму, для чего вы нам все это рассказываете? Про империалистическую войну... Нынче война другая идет. Гражданская, товарищ преподаватель. И тут совсем другая тактика требуется! — Чапаев замолчал, тяжело дыша, добавил тише: — На фронтах сейчас бойцы революции головы свои кладут, а мы тут... за партами прохлаждаемся... студенты...

— Что касается вас, товарищ Чапаев, вы можете больше не прохлаждаться, как вы изволили выразиться, — сухо проговорил Свечин. — По крайней мере,

на моих лекциях... Я напишу соответствующий рапорт начальнику академии... Не смею больше задерживать. — И Свечин слегка поклонился Чапаеву.

Чапаев посмотрел на Сереброва и Тюленина, на других слушателей, потом подмигнул Тюленину и вышел из комнаты...

Предреввоенсовета Троцкий оторвал взгляд от лежащих на столе бумаг и уставился на военкома:

— Ну и что?

— Простите, товарищ предреввоенсовета, я не понял, — пробормотал руководитель Академии красных офицеров.

— Я спрашиваю вас, что мне прикажете делать?

— Злостные нарушения дисциплины продолжаются. Пьянство... курение в личных комнатах... несоблюдение распорядка дня... прогуливают лекции... Считаю, необходимо принять самые строгие меры.

— Хорошо. Приму. При повторении подобного... — Троцкий постучал пальцами по бумагам. — Отстраню от должности, прикажу арестовать и передать Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

— Что? Всех? — опешил военком.

— Вы не поняли! Вас прикажу арестовать и передам в руки Феликсу Эдмундовичу! Ясно вам?! Можете идти!

Военком повернулся и на деревянных ногах покинул кабинет.

Михаил Васильевич Фрунзе сидел в своем кабинете за большим, темного дерева письменным столом. Волосы, подстриженные бобриком, квадратное лицо с тяжелым подбородком, пристальный, немигающий взгляд серых глаз — внешность командарма внушала уваже-

ние и даже некоторый страх. За его спиной на стене была прикноплена большая карта Российской империи, исчерченная стрелками и черными и красными кругами. Фрунзе мрачно разглядывал сидевшего перед ним Чапаева.

— Это уже ваш второй рапорт, товарищ Чапаев?

— Так точно, второй, товарищ Фрунзе...

— Не хотите учиться в академии?

— Не время, товарищ Фрунзе... революцию защищать надо, Советскую власть... — твердо выговорил Чапаев.

— На тебе свет клином сошелся? — усмехнулся Фрунзе. — Без тебя революция погибнет?

— Лишний боец тоже не помешает, — пожал плечами Чапаев. — На фронтах, поди, сейчас каждый человек на счету.

— Опять комбригом тебя ставить?

— Зачем? Могу и на полк пойти... и на батальон, роту... могу рядовым.

— Рядовым он может... — буркнул Фрунзе. — Какие книги в академии почитать успел?

— Книги? Ну, это... «Историю Пунических войн»... потом... а, про все сражения Наполеона прочитал, изречения его всякие... построение войск и тактика сражения французов и русских в Бородинском сражении... Ну, это, значит... лекции слушал...

— Неинтересно?

— Неинтересно... Сейчас война другая... и тактика и стратегия должны быть другими, товарищ Фрунзе.

— Без знания азов военного искусства, истории войн и сражений нельзя постигнуть и современную войну... Про Наполеона вот читал, а не заметил, что он действовал очень революционно по сравнению со своими предшественниками. Почему? Да потому, что выдвинулся он на волне Великой французской революции... Ну да лад-

но, тебе это все равно не интересно. А другие командиры как? Тоже не хотят учиться?

— Большинство не хотят. Большинство на фронт хотят. Но есть и такие, которым нравится... учатся с усердием...

— Вот из них и получатся настоящие красные полководцы, товарищ Чапаев, а из тебя... — Фрунзе безнадежно махнул рукой.

— Извиняюсь, товарищ Фрунзе, а вы кончали академию?

— Я? Да когда мне успеть-то? Тут поспать толком некогда...

— А слух прошел, вас командующим Восточным фронтом назначили, — улыбнулся Чапаев.

Фрунзе опять усмехнулся, помолчал, перебирая исписанные листки на столе, потом встал, обернулся к карте. Заложил руки за спину, задумчиво прошелся по кабинету, вернулся к столу. Чапаев ждал, следя за действиями Фрунзе. Наконец тот вновь уставился на собеседника:

— Ты в четвертой армии бригадой командовал?

— Так точно. Командарм Ржевский, начальник политотдела Хесин.

— Мне сказали, нелады у тебя с ними были?

— Были, товарищ Фрунзе.

— В четвертой армии еще одну дивизию формировать решили. Двадцать пятую. Вот ты, товарищ Чапаев, и будешь ее формировать.

— Слушаюсь, товарищ Фрунзе. — Чапаев вскочил, вытянулся.

— На дорогу — неделю, учитывая нерегулярное железнодорожное сообщение, на формирование дивизии — неделю, учитывая напряженную обстановку на фронте.

— Как неделю? Да это же... это невозможно, товарищ Фрунзе. Это же дивизия...

— Тогда остаешься в академии. А я поручу это кому-нибудь другому, — в упор посмотрел на него Фрунзе, — для кого это возможно.

— Есть сформировать дивизию за неделю! — поспешно исправился Чапаев.

— Тогда приступай. Документы и деньги на дорогу получишь в финчасти академии. Я вчера подписал приказ и передал туда.

— Вчера подписали? — искренне удивился Чапаев.

— Вчера... — Фрунзе вновь взглянул на карту. — Наверное, ты прав, Василий Иванович. Талантливые командиры учатся на войне... тем более что обстановка на Восточном фронте тяжелейшая... Видишь, где был Колчак, — Фрунзе провел пальцем по карте, — и вот где он теперь... — рука Фрунзе продвинулась далеко на запад. — К Волге рвется, к Самаре.

— Понятное дело — от Самары прямой путь на Москву...

— А с юга Деникин давит... И если они смогут на Волге соединиться, то...

— Не смогут, товарищ Фрунзе. Не дадим.

— Твоими бы устами да мед пить, Василий Иваныч... — пожевал губами Фрунзе. И, прищурившись, спросил: — Считаешь, не дадим?

— Не дадим, товарищ Фрунзе!

— Сформируешь дивизию, тогда посмотрим.

— Из чего формировать буду?

— Два полка от Уральской дивизии... Полки ненадежные — буза там часто заваривается. Недавно убили execution компполка и комиссара. Туда приехал член Реввоенсовета Линден с командой разбираться и тоже был убит, так

что сам понимаешь. Кроме того, три полка из твоей бывшей бригады....

— Ею Захаров командует? — спросил Чапаев. — Его вместо меня поставили.

— Захаров тяжело ранен в бою под Уральском.

— На свои полки я могу положиться!

Фрунзе кивнул.

— Кроме того, передадут тебе Покровско-Туркестанский полк. Тоже очень ненадежен, боеспособность ниже среднего. Тоже часто бузят, не выполняют приказы... Кроме того, кавалерийский полк. Эти — надежные, сознательные бойцы. На них можно опереться. Для укрепления твоей дивизии я тебе еще отправлю рабочих...

— Рабочих? — озадаченно переспросил Чапаев.

— Ивановских ткачей! Численностью в три батальона. — Фрунзе неожиданно улыбнулся. — Сознательные, идейные бойцы революции! Самая тебе будет опора в борьбе с шатающимися элементами... Короче говоря, я тут несколько дней соображал, из чего составлять. Мне нужна ударная сильная дивизия, товарищ Чапаев. Двадцать пять–тридцать тысяч штыков. Она и будет на острие будущего наступления. Дело для тебя, Василий Иваныч, очень непростое... И на все про все — одна неделя.

— Разрешите вопрос, товарищ Фрунзе.

— Слушаю.

— Моя дивизия будет входить в четвертую армию?

— Да.

— Тогда еще вопрос разрешите?

— Давай.

— Четвертой армией... командует Ржевский?

— Нет. Ржевский отстранен от командования четвертой армией. Еще вопросы есть?

— Нет, товарищ Фрунзе.

— Тогда счастливой дороги, — Фрунзе пожал Чапаеву руку. — Встретимся на Восточном фронте.

В шинели, с вещмешком за плечами, с шашкой и револьвером на ремне Чапаев подошел к двухэтажному бревенчатому дому. Окна на первом и втором этажах были зарешечены, рядом с дверью висела деревянная доска, на которой черной краской было написано: «Губернская Чрезвычайная комиссия». У входа стоял часовой с винтовкой и револьвером на боку.

Чапаев сунул ему под нос бумагу с большой лиловой печатью. Тот посмотрел, козырнул. Чапаев толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь.

— Здравствуй, товарищ, — войдя в комнату, поздоровался Чапаев. — Ты будешь чекист Ребров Иван?

— Я буду, — поднял на него глаза Ребров. — А ты кто будешь?

— А я Чапаев буду. Начдив двадцать пять. — Он протянул чекисту бумагу с печатью.

Ребров внимательно и долго читал скупые строчки, вернул бумагу и спросил:

— Что привело тебя к нам, товарищ Чапаев?

— Тут... месяца четыре назад доставили в губернскую Чека гражданку Мальцеву, родом из Уральска, дочку полковника Мальцева. Арестовали ее в бывшей моей бригаде.

— И чего ты хочешь? — спросил чекист.

— Как чего? Узнать хочу, какова ее судьба дальнейшая, — с напором сказал Чапаев.

— Не могу припомнить гражданку Мальцеву... Знаешь, сколько таких гражданок тут перебывало? Полков-

ничьих дочек, графинь и подграфинников... Кажется, в расход пошла твоя Мальцева...

— В расход? — растерянно пробормотал Чапаев. — Ты это точно помнишь?

— Припоминаю... Кажись, Татьяной звали, так?

— Да... Татьяной...

— Кажись, под Балаковом ее в плен взяли? — Ребров сверлил тяжелым взглядом Чапаева.

— Под Балаковом.... — подтвердил Чапаев.

— А потом она твоей полюбовницей стала, верно?

— Чего дурочку валяешь, если все помнишь и знаешь? — разозлился Чапаев.

— Да интересно стало, чего это ты вдруг сюда явился? — усмехнулся Ребров. — Навестить, что ли, решил?

— Хотя бы и навестить...

— Некого навещать, товарищ начдив. Расстреляли ее.

— Когда?

— Да уж месяц тому... Неужто переживаешь? — И Ребров откровенно и зло усмехнулся.

— Слушай, ты-и! — вспыхнул Чапаев. — Коновал! Я тебя...

— Спокойней, товарищ начдив! — ударил кулаком в стол Ребров и вскочил. — Ты не забывай, где находишься!

— Вы тут, я вижу, мастера воевать... с бабами...

— Что ж ты эту бабу арестовать позволил? — свистящим шепотом спросил Ребров. — Любовь крутил, а арестовать позволил... Надоела, вот и избавился. Не знал, что ли, чем для таких в Чека кончается? Зна-ал! Потому и отправил... А теперь чего пришел? Крокодилову слезу пролить?

Чапаев рванулся к нему, схватил за грудки, резко притянул к себе. Было слышно, как затрещала гимнастерка. Воротник гимнастерки сдавил чекисту горло,

бешеные глаза Чапаева в упор уставились на него, кончики усов подергивались. Рука Реброва метнулась к кобуре, выдернула револьвер. Он прохрипел:

— Спокойнее... начдив... спокойнее... как бы потом не пожалеть...

Чапаев с силой оттолкнул его — Ребров ударился спиной о стену. А Чапаев круто развернулся и вышел из комнаты, громко стуча каблуками сапог.

Постояв неподвижно у стены, Ребров медленно собрал со стола бумаги, положил в ящик стола и запер его на ключ. Потом снял с гвоздя шинель, оделся и вышел из комнаты.

Госпиталь размещался в двухэтажном длинном строении. Во дворе стояли бревенчатые баня и прачечная. Из труб на крышах валил густой дым.

Ребров вошел в госпиталь и пошел по коридору, заглядывая в распахнутые двери палат. Почти в каждой палате работали одна или две сестры милосердия — делали уколы, раздавали лекарства, поили из белых чайников лежачих больных.

Наконец он увидел Татьяну Мальцеву. Она была в белом халате и белой косынке, поправляла матрац и простыню под лежачим раненым. Ребров остановился на пороге и долго смотрел на нее. И по его глазам было все понятно — человек влюблен насмерть.

Почувствовав взгляд, Татьяна обернулась, увидела Реброва, и улыбка осветила ее лицо. Она что-то сказала лежавшему на кровати мужчине и пошла через палату к двери. Все раненые смотрели на нее и на Реброва.

— Ну что, укатали Сивку крутые горки? — улыбнулся Ребров.

— Да нет, ничего... кажется, справляюсь...

— Домой, наверное, пора?

— Что вы, Иван! У меня сегодня дежурство до полуночи.

— Я подожду...

— Танюша, подойди в первую палату — там Нине помочь надо, — проговорила пожилая женщина, тоже одетая в белый халат и косынку.

— Простите, Иван... — извинилась Татьяна и быстро пошла по коридору.

Ребров смотрел ей вслед, потом вздохнул и тоже застучал сапогами по дощатому полу.

Он сидел во внутреннем дворе на ступеньках перед входом в госпиталь и курил, глядя в темноту. Почти во всех домах тепло светили огни. Над баней и прачечной дымили трубы.

Время от времени открывалась дверь и санитары и медсестры выносили корзины с грязным бельем, тащили их к прачечной, ставили у двери.

Потом вышла Татьяна в солдатской шинели, подпоясанной ремнем. Низ шинели был неровно подрезан и спускался чуть ниже колен.

Ребров вскочил, одернул кожаную куртку, поправил фуражку со звездой:

— Закончили, Татьяна Андреевна?

— Устала — ног не чувствую, — улыбнулась Татьяна.

— Тогда позвольте вас проводить... время позднее... шалят на улицах разные темные личности...

И они пошли вдоль заборов и невысоких штакетников. Ребров хотел было взять Татьяну под руку, пару раз брал ее за локоть, но она мягко отстранялась, и он поспешно опускал руку.

— Как вам живется? Хозяйка на обижает? — спрашивал он на ходу.

— Сварливая, но добрая... — отвечала Татьяна. — Молоко каждое утро наливает и на стол рядом с кроватью ставит... Совсем как моя няня делала...

— У вас няня была?

— Была... Умерла, когда мне двенадцать лет было... потом гувернантка была... хорошим манерам меня учила... французскому языку... — опустив голову, сказала Татьяна. — Все это было в прошлой жизни... все растворилось... сейчас кажется, что ничего этого и не было... С вами так не бывало?

— Нет, Татьяна Андреевна. Моя жизнь как на ладони — ясная и короткая. Няней у меня старший братишка был, Петруха. Убили его в германскую, в шестнадцатом, в Галиции где-то... А всего нас в семье семеро было — не каждый день хлеб ели... — со странной веселостью рассказывал Ребров.

— Я понимаю... — негромко произнесла Татьяна.

— Это хорошо, что понимаете, Татьяна Андреевна, значит, вы на правильном пути.

Они подошли к небольшому бревенчатому дому; четыре окошка, смотревшие на улицу, были темны. Остановились у калитки. Помолчали.

— Ну, я пойду? — взглянула на Реброва Татьяна.

— Может, посидим пяток минут? Чайку попьем? — неуверенно проговорил Ребров. — Я сам заварю... — Иван глянул на трубу на крыше, над которой курился черный дымок. — Вон печь-то еще не остыла. Небось ужин вам греется. А чайку я мигом сооружу... — Он посмотрел на нее, вдруг взял за руку, крепко стиснул в своих больших ладонях. — Да вы меня не бойтесь... никаких дурных мыслей у меня нету.

...Они сидели за столом в маленькой горнице. Светила керосиновая лампа, слабо освещая их лица, углы комнаты тонули во мраке. Стоял на столе небольшой самовар, два стакана чая, и куски колотого сахара лежали в берестяной посудине. Ребров взял кусок сахара, положил на ладонь и ловко стукнул по нему лезвием широкого ножа — кусок послушно раскололся на две равные половинки. Ребров протянул ладонь Татьяне, она взяла один кусок, положила в стакан, стала размешивать.

Ребров осторожно налил чай в блюдце, положил кусок сахара в рот, ловко тремя пальцами поднял блюдце, не пролив ни капли, поднес ко рту и с шумом втянул в себя чай. Сделав пару глотков, Ребров поставил блюдце на стол, вынул изо рта кусок сахара и положил его рядом с блюдцем, сказал:

— Сахар — вещь дорогая. С одним таким кусочком стакана три выпить можно...

Татьяна смотрела на него, раскрыв рот, потом весело рассмеялась.

Ребров помрачнел.

— Сахара много. Ешьте сколько хотите, — сказала Татьяна.

— Благодарю. Привычка другая. А где сахарком разжились?

— А мне в госпитале получку дали, пошла на базар и на все деньги купила.

— На все? А есть что будете целый месяц?

— Да я почти и не ем. Хозяйка по утрам пшенной кашей кормит — и мне хватает.

— Первое время хватит, потом голодать будете, — предупредил Ребров.

И вдруг дверь в горницу открылась и, шаркая ногами в просторных валенках, вошла старуха в нижней домо-

тканой серой рубахе, укрытая черной шалью. Она подошла к столу, оглядела Реброва и Татьяну и сказала скрипучим голосом:

— Неча карасин по ночам жечь, спать давно пора... — Она дунула в стеклянную трубку, и огонек погас. Уже в кромешной темноте старуха добавила: — И ты ступай, кавалер. У меня в дому никаких вольностей. Ступай-ступай, пока я тебя ухватом не проводила.

Татьяна тихо засмеялась:

— Лукерья Антиповна меня охраняет.

Ребров встал, опрокинул табуретку, сказал поспешно:

— Извиняюсь...

Он нагнулся, стал шарить рукой в поисках табуретки, но старуха проскрипела:

— Дверь-то найдешь?

Ребров пошел к двери, нащупал ее, открыл. Вежливо попрощался:

— До свидания, Татьяна Андреевна. Завтра увидимся.

— До свидания, Иван Григорьевич.

Дверь закрылась, в сенях послышался грохот упавшего ведра, потом бухнула входная дверь.

— Черт косоногий, — проворчала старуха. — Ложись давай. Завтреча вставать ни свет ни заря. Так-то тебя надолго не хватит...

— Все, ложусь, Лукерья Антиповна, — в темноте отозвалась Татьяна.

— Ты его к дому не приваживай... опасный он человек, — пробурчала та.

— Почему, Лукерья Антиповна?

— Глаз у него нехороший... и звезда эта страшная на картузе... От таких добра не жди...

Поезд катился по бескрайней степи, изредка хрипло гудел, пуская клубы черного дыма, и дым медленно таял в морозном воздухе.

Чапаев лежал на верхней полке теплушки, накрывшись шинелью и подложив под голову папаху, пытался уснуть.

Внизу колготились подвыпившие солдаты, уныло играла старенькая гармошка, и пьяненький голос слезливо пел:

Как умру я, умру-у, похоронят меня-а-а,
И никто не узнает, где могилка моя-а-а...
На мою на могилку да никто не придет,
Только ранней весною соловей запое-е-ет...

— Грят, Колчак прет — не остановишь, — послышался громкий голос солдата.

— А кому останавливать-то? Мужики толпами с фронту бегут... — отвечал другой.

— По домам всем охота. Сколько воевать можно? Три года на германском фронте отбарабанил... Теперя вот — Восточный какой-то...

— Навоевались по ноздри! Я вот дома, считай, ужо три года не был!

— Грят, в Николавске-то новую дивизию сколачивать будут. И вот нас туды и засунут...

— Во-во, и я слыхал. А командиром какого-то Чапая поставили. Грят, из бывших офицеров, с нашего брата три шкуры спускает.

— Ну, я им не телок на веревочке. Кого засунут, а кто и до дому поедет.

— Не, сперва по богатым дворам пошуровать надо... Не с пустыми же руками домой вертаться.

— Ладно, наливай давай, Тимоха, — в глотке пересохло!

— Хватит тебе на гармошке пиликать! Или повеселей чего давай!

Самогон забулькал по кружкам. Гармонист заиграл другую мелодию и запел хрипло, залихватски:

Моя милка — семь пудов,
Не боится верблюдов!
С перепугу верблюда
Разбежались кто куда!

Моя милка глазом косит,
Золотой мой, золотой! —
На жакетку денег просит,
Я ручаюсь головой!

Солдаты захохотали, стали чокаться кружками:

— Ну, пронеси, Христос!

— Загребут — не загребут, где наша не пропадала!

Чапаев сдернул шинель с головы, свесился вниз:

— А ну кончай пьянку, воины-богатыри!

— А не пошел бы ты, дядя, на хутор бабочек ловить! — ответил рыжий солдат, и все засмеялись.

Чапаев спрыгнул с верхней полки:

— Я сказал, кончай пьянку, а то и верно три шкуры спущу!

— Да ты хто такой, чтобы тута приказывать! Я на тебя положил с прибором, понял-нет? — встал рыжий солдат.

Он был широк в плечах и на голову выше Чапаева. Навис над ним, сжал кулаки.

Чапаев выдернул револьвер и выстрелил в потолок, гаркнул:

— А ну встать, сукотеи хреновы! Встать, я сказал! Или щас всем штемпеля на лбу проставлю!

Солдаты, толкаясь, неловко встали.

— Послушал я ваши тары-бары и слушать боле не могу — противно!

— А ты ухи заткни, гражданин-товарищ, — справился с первым испугом рыжий.

— Закрой варежку! С командиром дивизии разговариваешь! Я — Чапаев! Услыхали? Аль повторить? Аль документ показать? — Чапаев левой рукой достал из кармана кителя сложенную бумагу, развернул и протянул рыжему красноармейцу. — Читать умеешь?

Тот неуверенно, осторожно взял бумагу, стал читать по слогам:

— Предъявитель сего... Чапаев Василий Иванович... назначен начальником двадцать пятой дивизии четвертой армии. Предреввоенсовета республики Лев Троцкий... командующий фронтом Михаил Фрунзе...

Чапаев выдернул из рук рыжего бумагу, свернул, запихнул в карман. В проходы вагона из других отсеков набились солдаты, задние тянули шеи, чтобы увидеть Чапаева.

— Так вот, граждане солдаты, послушал я вас и понял — прямая вам дорога в трибунал, — заявил Чапаев.

— Да мы так это... товарищ комдив... выпили, ну и гутарили маленько...

— Я вам не товарищ! — вдруг с глухой яростью проговорил Чапаев. — Я дезертирам и мародерам никогда товарищем не был и не буду! Пострелять вас, подлецов, — пули жалко! По домам собрались? Давайте дуйте по домам! Беляки нагрянут — они вам бубну выбьют! Уж они вас и повешают, они вас и постреляют!

— Да не, това... гражданин Чапаев, мы же не спроть Советской власти... — заговорил другой солдат. — Мы всей душой «за»...

— Нам бы только домой заглянуть... к бабам своим...

— К бабам заглянуть? — усмехнулся Чапаев. — А так вы не против?

— Не против, не против... — загалдели солдаты. — Мы сочувствуем всей душой!

— Сочувствуем, но помочь ничем не можем! — насмешливо заключил чей-то голос из прохода.

— Не можете, значит? — Чапаев оглядел толпившихся со всех сторон солдат.

— Ага... ничем не можем... — широко улыбнулся осмелевший рыжий солдат.

— Мы — люди малые... нам бы пожрать сытно, детишков накормить да бабу под боком, — весело добавил еще один солдатик.

— Во-во! Нам бы щец помясистей да бабу посисястей!

— Нынче власть народная, а мы тот самый народ и есть, гражданин Чапаев, — снова улыбнулся рыжий. — А чего народ говорит, то есть Божеская правда...

— Навоевались! — высказался еще кто-то из толпы, набившейся в проходе. — Вот и вся правда, гражданин начдив!

— Стрелять нас за это будешь? — спросил голос из глубины вагонного прохода.

В это время где-то впереди раздался сильный взрыв, вагон тряхнуло и закачало. Вдруг он начал резко тормозить, и солдаты попадали друг на друга, цепляясь за стены и вагонные полки.

Тут же в ночи загремели выстрелы, несколько пуль ударили в окна — со звоном посыпались осколки стекол. Кто-то закричал:

— Казаки-и!!

— Здесь без меня есть кому в вас стрелять, — крикнул Чапаев и тоже упал на пол.

За стенами вагона загремели пулеметные очереди. Потом послышался отчаянный крик:

— Братцы-и! Казаки-и!

— У кого есть оружие — за мной! Из вагона! — Чапаев кинулся по проходу, наступая на лежащих на полу солдат.

Почти все, кто был с оружием, выбрались из вагонов и залегли на насыпи. Беспорядочно трещали выстрелы. Черные тени всадников носились за насыпью вдоль поезда, тоже стреляли на скаку. И где-то в темноте стучал пулемет. Впереди, там, где был паровоз, тяжело прогремел взрыв и полыхнуло пламя. Паровоз загорелся...

— Амба паровозу, — вздохнул Чапаев, посмотрев на большой костер, рассыпавший вокруг снопы искр, потом крикнул зычно: — Ближе, ближе подпускайте! И тогда — залпом огонь!

Винтовочная стрельба долго не утихала...

Занимался серый рассвет. Паровоз сгорел — черный остов зиял прогоревшими дырами. Железнодорожный путь тоже был разрушен, кругом виднелись вывороченные шпалы, разбросанные по насыпи рельсы.

Солдаты построились на насыпи в три длинные шеренги. Чапаев прошелся вдоль строя, скомандовал:

— Падравня-а-ась! Смирна-а! — Остановился перед рыжим солдатом, сказал с деланным удивлением: — Гляди-ка, и ты здесь? А я думал, давно уже к бабе своей деру дал! Или струхнул? Кругом казаки шныряют, не ровен час, схватят — сразу в расход пустят... Видать, не время по домам разбегаться.

Рыжий боец молчал, отсутствующим взглядом смотрел в сторону.

— Стало быть, с дезертирством погодить придется! — уже громко, для всех произнес Чапаев. — На праву-у! Внутрь колонны пропустить баб, детишек и железнодорожных людей!

Кучка гражданских пассажиров: пожилые мужики, женщины с детьми и пятеро железнодорожников — вошла внутрь расступившегося строя. Затем шеренги четко развернулись, превратившись в колонну.

— Шагом ма-а-арш!

И колонна зашагала, лес штыков колыхался над головами. Внутри колонны торопливо семенили бабы с детьми, мужики несли узлы, котомки и обшарпанные фанерные чемоданы, часто спотыкались.

Дорога ползла рядом с насыпью, и по насыпи шла через шпалы редкая цепочка солдат, поглядывая во все стороны...

— Идти и поглядывать! Оружие — наготове! Казаки отовсюду наскочить могут! — прокричал Чапаев, вышагивая рядом с колонной.

Из строя вышел средних лет человек в такой же, как у всех, шинели, сбитых сапогах и фуражке. Он пристроился рядом с Чапаевым, спросил:

— Стал быть, вы будете комдив двадцать пять?

— Я буду. А ты кто будешь? — мельком глянул на него Чапаев.

— Бывший поручик Новгородского полка. Был командиром эскадрона в кавбригаде. Теперь бригада расформирована. Вот к вам направили.

— А эти все тоже из кавбригады, что ли?

— Нет. Большинство из Покровско-Туркестанского полка. Тоже расформированного.

— И всех этих бузотеров в мою дивизию? Ну, спасибо товарищу Фрунзе. На тоби, Боже, что мени нигоже! — сказал Чапаев. — Как тебя зовут, бывший поручик?

— Новиков Анатолий Иваныч.

— Ты член партии, Анатолий Иваныч? — на ходу спрашивал Чапаев.

— Вступил в ноябре прошлого года.

— Покажь партбилет.

Новиков достал из внутреннего кармана шинели сложенную пополам темно-красную картонку. Чапаев взял, внимательно посмотрел, не замедляя шага. Вернул билет, спросил:

— Командовать полком совладаешь?

— Почему нет?

— Так и решим. А пока будь поблизости, товарищ Новиков.

— Дивизия, как я понимаю, еще не сформирована? — уточнил Новиков.

— Вот и будем ее формировать... с бору по сосенке... Вот эта орава — первые бойцы двадцать пятой дивизии, — Чапаев усмехнулся и сплюнул.

Так они и вошли в город Уральск. Как только появились дома, гражданские — бабы с детишками, мужики с узлами и чемоданами — выбрались из колонны, и дальше строй поломался, солдаты шли гурьбой, весело переговариваясь. Впереди шел Чапаев, рядом старавшийся не отставать бывший поручик Новиков.

За поворотом улицы послышались звуки гармоники, орущие голоса. И скоро навстречу идущим солдатам вышла компания других солдат, пьяных и расхристанных. Многие были в кожаных и меховых офицерских куртках, в папахах и фуражках, почти все в хороших хромовых сапогах. У одного на груди висел большой золотой крест на толстой золотой цепи, у другого — большой лапоть. Один играл на гармошке, остальные горланили песню.

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...
А где эта улица, где этот дом,
Где эта барышня, что я влюблен?!

Толпа солдат во главе с Чапаевым и компания пьяных солдат сошлись, замедляя шаги, остановились. Гармошка пискнула и умолкла.

Чапаев молча разглядывал пьяных солдат, вдруг поинтересовался:

— Лапоть-то для чего на грудь повесил?

— А к-кому ч-что б-больше ндравится, — нетвердым языком ответил парень с лаптем.

— Ты его на голову надень — больше к лицу будет, — посоветовал Чапаев и спросил громко: — Гуляем, ребята? Праздник какой? Али просто душа просит?

— Душа п-просит, — запинаясь, проговорил гармонист.

— Вот душа и допросилась... — сказал Чапаев. — В каком полку служите — не тужите?

— В первом полку бывшей чапаевской бригады...

— Это вас комполка Жуков распустил? Ай-яй-яй!

— А нету теперича никакого комполка Жукова...

— Как нету? Куда ж он подевался? — удивился Чапаев.

— Так его вчерась шлепнули... — сказал гармонист и радостно загоготал, и несколько голосов подхватили.

— За старорежимные замашки! — перекрыл общий гогот пьяный голос.

— Как шлепнули? — вздрогнул Чапаев. — Кто?

— А поди знай кто? На митинге шлепнули! Кричать стал, обзываться...

— Ах вы... сволота... — вскинул голову Чапаев. — Слушайте хорошо, граждане солдаты! Я — комдив двадцать пять! Чапаев Василий Иваныч! Ваша бригада передана в состав двадцать пятой дивизии, стало быть, и ваш полк сволочей и бузотеров тоже. Ну-ка, сдать оружие!

— По какому праву? На-кось, выкуси! — Несколько солдат скинули с плеч винтовки, задергали затворами. Другие вынули револьверы, вновь раздались голоса: — Дай пройти, комдив! Мы тя не трогаем, и ты нас не замай!

Но на Чапаева эти действия, казалось, не произвели никакого впечатления. Он повернулся к солдатам, с которыми ехал в поезде, скомандовал:

— Ну-ка, ребята, разоружите эту шайку бузотеров! Новиков, выполняй приказ!

Красноармейцев было намного больше, чем «бузотеров». Они двинулись всей массой, окружили их, но те тоже ощерились стволами винтовок, маузеров и револьверов.

— Ну что, ребяты, постреляемся мало-мало! Мы таких-то законников видали!

— Старорежимные замашки забыть не могете?

— Мы щас свистнем — весь полк подымется! Мы вас тут в куски порубаем! — орали отчаянные голоса.

И красноармейцы замешкались. Стреляться никому явно не хотелось.

И тут в глубине улицы послышался частый перестук копыт и показалась группа всадников. Впереди скакал Андрей Жуков, без шапки, с маузером в руке.

Бузотеры оглянулись и, увидев всадников, встревожились.

— Хто это валит?

— Кажись, сам Жуков прет! С им шутки плохи — осади, робяты...

— Василь Иваны-ы-ыч! Ты тута-а?! — издали заорал Жуков, держа маузер на уровне плеча.

— Жуков, ты? — громко отозвался Чапаев, выйдя чуть вперед.

— Он самый, Василь Иваныч!

— Живой? А эти сказали, што тебя вчера шлепнули? — не верил глазам Чапаев, но уже улыбался.

— Брехали, сукотеи! На испуг тебя брали, Василь Иваныч! — Жуков с ходу оценил обстановку и выстрелил. Один из бузотеров, тот, у которого на шее висел лапоть, повалился на землю, выронив винтовку.

Компания сбилась плотнее в кучу и затравленно озиралась. Жуков спрыгнул с коня, удерживая его за повод, взмахнул маузером:

— А ну, постройся, вашу мать, революционеры херовы! Хто тут меня похоронил, а? Хто меня шлепнул?! Я вас, дезертирские душонки, наизнанку выверну! Дырки на лбу проштемпелюю! Зубы повышибаю и проглотить заставлю! Уши поотрываю и к жопе приклею! В гроб загоню, сукотеи хреновы!

Бузотеры спешно строились. Подлетели остальные всадники. Один держал на весу ручной пулемет «льюис», наведя его на толпу бузотеров.

— Сдать оружие! — рявкнул Жуков. — Быстро! Не то всех на тот свет отправлю, вы меня знаете, кому должен был — всех простил!

— Оружие сюда складывайте, — подошел Новиков и указал на землю перед Чапаевым и тоже рявкнул. — Ну, быстро!

— Ну, Жуков, ты, как всегда, в самый нужный момент, — улыбался Чапаев.

— С возвращением, Василь Иваныч! Заждались! — Светловолосый Жуков, двадцатипятилетний богатырь, шагнул к Чапаеву, и они обнялись.

Хмельные бузотеры один за другим подходили ближе к Чапаеву и Жукову и бросали на землю перед ними винтовки, маузеры, револьверы, шашки в ножнах, кинжалы, кортики.

— Арестовать всех! Доставить в штаб бригады и — в подвал, сукотеев! — распорядился Жуков. — Проспятся — будет разговор!

В штабе было полно народу и сильно накурено. Командиры сгрудились вокруг стола и смотрели на карту, по которой Чапаев водил циркулем:

— Первый кавполк квартируется в Новоозерном... Ты понял, Андрюша?

— Все понял, Василий Иваныч.

— Я очень на тебя надеюсь, Жуков. Ты мой старый боевой друг. — Чапаев усмехнулся, глядя на кудрявого богатыря. — Ты у меня один десятка командиров стоишь!

— Да ладно, Василь Иваныч, захвалите... — расплылся в улыбке Жуков.

— Берешь кавбригаду под свое начало.

— Есть, товарищ начдив.

— Дуй до бригады. Передашь Тимофею Брызгалову, я в приказе написал — командование бригадой сразу передает тебе, и сегодня же выдвигаешься к Новоозерному.

Жуков, подтянутый и перетянутый ремнями, увешанный биноклем, маузером в деревянной кобуре, шашкой и планшеткой с картой, смотрел на Чапаева и широко улыбался. И Чапаев улыбался, глядя на него. И остальные командиры тоже улыбались.

— Не переживай, Василь Иваныч, все сделаю как надо.

— Давай, черт золотоволосый, ни пуха ни пера...

— К черту...

Они обнялись и замерли на секунду.

Потом Андрей Жуков стремительно вышел из кабинета, звеня шпорами.

— Второй полк. Сенников Петро, ты тута?

— Тута, тута!

— Занимаешь позиции под Ишимбаево. Окопы в полный профиль. Пулеметные гнезда по всей форме. В дома не заходить. Жителей не обижать. Узнаю — стрелять буду без пощады. Действуй, Петро.

— Есть, товарищ начдив! — Петр Сенников козырнул и вышел.

В это время за дверями послышался шум и громкие голоса.

— Нельзя туда, гражданочка! Русским языком говорю, нельзя! Там товарищ начдив! Важное совещание у него!

— Та не нада нам твоего начдива! Нам Чапаева надо! — отвечал визгливый бабий голос. — Ленка, за мной! А ты не дергайся, насильник проклятущий! А не то я сама тебе зенки твои бесстыжие выцарапаю!

— Гражданка, не вынуждайте применять насилие — туды нельзя!

— Насилие? Только попробуй, змей ползучий! Один вон уже снасильничал, и ты хочешь?

— Петька, ну-к узнай, что там такое творится! — приказал Чапаев.

Петька бросился к двери, открыл ее, но выйти не успел — в кабинет ввалилась здоровенная бабища в плюшевом жакете и широкой цветастой юбке. Большие круглые глаза ее сверкали, крепкие щеки потемнели от густого румянца. За руку она тащила тощего молодого солдатика в расстегнутой шинели, черноглазого, смазливого, с красивым кудрявым чубом. У солдата был большой кровоподтек под глазом и две царапины поперек щеки. Потом вошла девушка, тоже одетая в плюшевый

черный жакет и широкую юбку. За девушкой вбежали двое часовых с винтовками.

— Мне Чапаева надо! — требовательно заявила женщина и с силой дернула к себе солдатика.

— Ну, я — Чапаев...

Командиры, сгрудившиеся вокруг стола, расступились, и женщина увидела Чапаева, сидящего за столом.

— Вот, гляди! — Она рывком вытолкнула перед собой солдатика.

— Ну, гляжу... — улыбнулся Чапаев, и командиры, стоявшие вокруг стола, тоже заулыбались.

— Дочку мою снасильничал, ирод! Опозорил на весь город! Что ей теперя делать?! Хто ее замуж возьмет, порченую?!

Тяжелое молчание повисло в кабинете. Чапаев нахмурился, посмотрел на солдата, потом на девушку. Она опустила глаза в пол.

— Это правда? — спросил Чапаев девушку.

Девушка молчала, не поднимая головы.

— Ты не молчи, барышня, ты лучше скажи, — повторил Чапаев.

— Говори-говори! — прикрикнула мать, все еще крепко держа солдата за руку. — Говори, что мне сказала!

— Правда... — прошептала девушка.

— Правда, правда! — вновь заговорила мать и с ненавистью посмотрела на солдата. — И этот охламон во всем признался!

— Тебя как звать, боец?

— Луньков Степка его звать, — поспешно сообщила мать и снова дернула солдата за руку.

— Че ты его дергаешь? — сказал кто-то из командиров. — Руку ему оторвешь!

— Ему другой орган оторвать надо, — добавил другой командир, и все негромко засмеялись.

— Над чем смеетесь?! — повысил голос Чапаев, пристукнув кулаком по столу. — Позор для Красной Армии, а вы смеетесь? Тут плакать надо! Это правда, боец Луньков?!

— Правда... — тихо ответил Луньков.

— Расстрелять... — приказал Чапаев. — Арестуйте его и — в подвал. Ночью привести приказ в исполнение, — и вдруг крикнул, срывая голос: — А ты как думал?! Насильникам и мародерам пощады не будет! Короче говоря — расстрелять, и кончен разговор.

Двое красноармейцев с винтовками подошли к Лунькову, взяли его под руки.

— Кого расстрелять? — вытаращив глаза, спросила мать.

— Его, его! — Чапаев ткнул пальцем в сторону бойца. — Ты правильно сделала, что пришла прямо ко мне, гражданка! Каждого насильника будем карать жестоко и без пощады!

— Да ты рехнулся, Чапаев, прости уж, не знаю, как тебя по батюшке...

— Василий Иваныч...

— Во-во, я и говорю, рехнулся ты, Василь Иваныч. На што он мне мертвый нужон?

— А живой на што он тебе нужон? — встрял Петька.

— Ты прикажи ему жениться на моей дочке! — сверкнув глазами на Петьку, обратилась к Чапаеву женщина. — Пусть, ирод, женится!

— Жениться... — слегка растерялся Чапаев и вздохнул: — А вот жениться, гражданка, я приказать ему не могу. Не положено.

— Как это не положено? — Она с досадой хлопнула себя по широким бокам. — Ты ему начальник али кто?

Расстрелять можешь, а приказать жениться не можешь?

— Приказать расстрелять могу, а жениться... таких правов у меня нету, — развел руками Чапаев. — Спроть его воли не могу, гражданка, прости, не знаю твово имени-отчества.

Командиры дружно заулыбались, отворачиваясь и прикрывая рты так, чтобы Чапаев не увидал.

— Куроедова я! Пелагея Макаровна Куроедова!

— Как? — опешил Чапаев. — Пела... Пелагея Макаровна?

— Пелагея Макаровна! — подтвердила женщина. — А дочь Еленой кличут!

— Опять Пелагея... — мотнул головой Чапаев. — Много у меня с твоим именем связано, гражданочка...

— Коварное у тебя имя, гражданка, — опять вмешался Петька Исаев. — Много товарищу комдиву вреда принесло.

— Какое еще коварное? — не поняла женщина. — Какого еще вреда? В церкви крестили, как положено... православное имя... Чем же оно вред принести может?

— Да не слушай ты его, балаболку, — отмахнулся Чапаев и глянул на солдата: — Боец Красной Армии Луньков Степан, желаешь ли ты жениться на... как ты сказала? Елена?.. на Елене, над которой позорно надругался?

— Да не надругался я... — наконец подал голос Луньков. — Я завсегда согласный жениться...

— Дело, конечно, дохлое, — сказал с ехидной улыбкой комполка Новиков. — Но все ж лучше, чем под расстрел идти...

— Значит, согласный? — грозно переспросил Чапаев.

— Согласный...

— А ты, красавица?

Девушка молчала, приоткрыв рот.

— Согласная она, согласная, товарищ Чапаев, — поспешно ответила за дочь Пелагея Макаровна.

— Нет, пущай сама скажет, — заупрямился Чапаев.

— Я согласный... конечно согласный... — закивал красноармеец Луньков.

— Не тебя — невесту спрашивают!

— Я согласна... — едва слышно произнесла девушка.

— Не слышу! — строго посмотрел на нее Чапаев.

— Согласная она, согласная! — Пелагея Макаровна едва не пихала дочку бок.

— Нет, пущай сама скажет. Чтоб все по закону было!

— Я согласна, — отчетливо выговорила Елена.

— И чего теперь-то? — оглянулся на командиров Чапаев.

— Нехай свадьбу играют, — сказал один из них.

— Все! Забирай свово жениха и свадьбу играйте! Ступайте — у нас тут делов невпроворот! — велел Чапаев.

Пелагея Макаровна вновь крепко схватила солдата за руку и потащила за собой из кабинета, крикнув дочери:

— Ленка, за мной!

— В атаку! — добавил Петька Исаев.

Командиры засмеялись. В дверях Пелагея Макаровна обернулась:

— На свадьбу-то придете, товарищ Чапаев?

— Василий Иваныч меня зовут, — напомнил Чапаев.

— Так придете, Василий Иваныч?

— Уговорила. Приду, — махнул рукой Чапаев.

— Хороший ты мужчина, Василий Иваныч... А я ведь вдова! — На лице Пелагеи Макаровны появилась завлекательная улыбка.

— Не-е, милая! С меня двух Пелагей — во как хватит! — Чапаев чиркнул себя ребром ладони по горлу.

Командиры опять дружно заржали.

До поздней ночи Чапаев сидел в кабинете и при свете трех керосиновых ламп писал приказы и делал пометки на карте. Останавливался, скреб в затылке, глядя на карту... брал в руки циркулек и начинал мерить расстояние от пункта до пункта...

Петька Исаев лежал в соседней комнате на широкой лавке, одетый и в сапогах, накрывшись буркой, и пытался спать. Но вдруг из-за двери раздался хрипловатый голос Чапаева:

— Петька!

Исаев вскочил, сбросив бурку на пол, и пошел к двери.

Чапаев наклонился над картой и елозил по ней циркулем. Увидев Петьку, подвинул к краю стола несколько бумажек:

— Поднимай нарочных. В первый кавполк, во второй полк, в Туркестанский полк. В Туркестанском — лично комполка Кравцову. Галопом пусть скачут. Приказы срочные.

Петька взял сложенные вчетверо бумаги, запихнул их в карман френча и вышел из кабинета. Чапаев отмерил расстояние, что-то написал на карте карандашом. Потер уставшие глаза, откинулся на спинку стула, задумчиво уставился перед собой, пальцы его барабанили по столу частую дробь...

...Вернувшись, Петька Исаев прошел к своей лавке, постелил на нее бурку, улегся на спину, закинул руки за голову и мгновенно уснул. Не проспал он и нескольких

минут, как из-за двери кабинета снова раздался голос Чапаева:

— Петька...

— М-м-м, когда ж ты дрыхнуть будешь? — промычал Петька, вскакивая с лавки.

Чапаев стоял за столом, держал очередной сложенный вчетверо приказ.

— Нарочные еще есть?

— Один остался... — ответил Петька. — Но, если надо, я мигом других бойцов подниму, Василь Иваныч.

— Пока одного хватит. Пусть галопом — в первую кавбригаду. Передаст лично командиру бригады Андрюхе Жукову. Держи.

Петька взял бумагу, крутанулся на каблуках и вышел из кабинета.

Приговоренных к расстрелу вывели из здания ЧК на задний двор. Их сопровождали четверо красноармейцев в шинелях и пятеро чекистов в кожаных куртках, перепоясанных ремнями, и кожаных фуражках. Среди них был и Ребров.

Врагов революции выстроили у бревенчатой стены. Во двор въехали две подводы. Возчики, тоже красноармейцы, остановили лошадей неподалеку от стены. Был вечер, светились все окна в здании ЧК, и горел фонарь на высоком столбе, слабо освещавший солдат с винтовками и их будущих жертв.

Ребров выступил на два шага вперед, развернул бумагу и стал громко читать:

— Именем Российской Советской Социалистической республики. За контрреволюционную борьбу, за террор и вооруженную борьбу против Советской власти по приговору Самарского губернского трибуна-

ла приговариваются к расстрелу: Самохин Андрей Иванович, Белобородов Кузьма Григорьевич, Краснов Иван Семенович, Безбородко Остап Семенович, Ковальчук Сергей Павлович, Еременко Глеб Афанасьевич...

Вышеназванные стояли, опустив головы. Многие были в нижних рубахах и босиком. Услышав свою фамилию, они поднимали головы, смотрели на строй красноармейцев и чекистов в десяти шагах напротив них.

— Клименко Юрий Иванович, Суходольский Виктор Петрович, Семенов Поликарп Федорович.

Ребров замолчал, свернул бумагу, спрятал ее в карман кожанки, добавил громко:

— Красным террором ответим гидре контрреволюции!

— Будьте вы прокляты! — крикнул один из приговоренных.

— Попомните, христопродавцы, придет ваше к вам! — прокричал другой.

— За все ответите!

— То-о-овсь! — скомандовал Ребров, и красноармейцы вскинули винтовки, а чекисты подняли револьверы. — По врагам революции огонь! — выкрикнул Ребров, и загремели выстрелы.

Расстрелянные падали на землю, окропляя кровью бревенчатую стену. Чекисты не спеша приблизились к ним, и снова загремели выстрелы — добивали раненых.

Ребров направился к подъезду, а за его спиной возчики и другие красноармейцы, отложив винтовки, поднимали казненных и несли к телегам.

ГЛАВА 7

...Ребров шел по темной улице. В редких домах светились окна, большинство было наглухо закрыто ставнями. Ребров курил на ходу папиросу, поглядывал по сторонам.

Он дошел до дома, где квартировала Татьяна Мальцева, постоял перед калиткой, бросил на землю окурок и затоптал его сапогом. Потом открыл калитку и пошел к дому.

Дверь оказалась заперта. Ребров постучал и долго ждал, смотря на небо, где высыпали голубые звезды. Наконец дверь со скрипом отворилась — на пороге стояла старуха Лукерья Антиповна.

— Опять пришел? — зло заверещала она. — И чего ходишь-то? Чего ходишь? На девку только страх нагоняешь. Никакого резону нету ходить тебе сюды, черт кожаный!

Ребров вдруг сгреб старуху за кофту на груди, рывком притянул к себе, зашипел в лицо:

— Я тебя, старая ведьма, в Чека в подвал запру и буду держать там, пока не сдохнешь, поняла? Еще слово вякнешь — угроблю!

— Свят, свят, свят... — забормотала перепуганная старуха. — Да что ты, батюшка, так осерчал-то? Нешто я супротив чего имею? Старая я, умом слаба стала... Да ходи сколько хошь...

Ребров оттолкнул старуху и прошел в дом. Она посмотрела ему вслед, плюнула и перекрестилась, проговорила тихо:

— Пралич тя разбей, антихрист чертов!

Они снова сидели за столом в горнице. Горела на столе керосиновая лампа, стоял небольшой самовар, в берестяной чашке лежали куски колотого сахара и пряники. Ребров курил и тоскливыми, жадными глазами смотрел на девушку. Она боялась этого взгляда, отводила глаза в сторону, ежилась, поправляла шерстяную шаль на плечах.

— Потому народ на борьбу и поднялся, — говорил Ребров. — Чтобы не было богатых и бедных...

— Чтобы все были бедные? — чуть улыбнулась Татьяна.

— Чтобы у всех было поровну, — нахмурился Ребров. — Чтобы все было справедливо — кто работает, тот и ест... А то как было — одни опивались и обжирались, а народ с голоду пухнул и кору ел. Так, Татьяна Андреевна, боле не будет...

Татьяна посмотрела на него и вдруг отчетливо вспомнила, что говорил ее отец, полковник Мальцев, расхаживая по кабинету в их доме, в имении:

— Не красота, дорогая Танюша, а зависть — страшная сила в русском человеке. Ты вспомни народную поговорку: не то плохо, что корова у меня издохла, а то плохо, что у соседа жива...

— Раньше я от тебя таких слов не слышала, папа! — с жаром возразила тогда Татьяна.

Она сидела на диване, за ее спиной на стене, завешенной персидским ковром, висело дорогое оружие —

сабли и шашки в серебряных, инкрустированных золотом ножнах, ружья и пистолеты.

— Раньше не слышала... — задумчиво повторил полковник Мальцев. — Да ведь пришла пора и услышать — гражданская война идет...

— Все равно не понимаю! — упрямо отвечала Татьяна. — Зависть в русском человеке? А в английском человеке зависть не страшная сила? А во французском человеке? Ты же читал Диккенса, Золя, Бальзака, как ты можешь так говорить о русском человеке?

— Да потому что я его знаю! Чего в других народах в разумных пределах — в русском человеке через край! Я сам русский и знаю! Не по книжкам господ демократов Некрасова и либерала паршивого Тургенева, а по нашей жизни... Я его знаю по бунтам Стеньки Разина и Емельки Пугачева! — крикнул полковник. — А теперь такое будет — прежние Разины и Пугачевы детьми покажутся! В собственной крови утонем!

Высокие напольные часы с большим латунным маятником, стоявшие в углу, мерно отбивали время...

...Татьяна смотрела на злое и нервное лицо Ивана Реброва, а слова отца все еще звучали в ушах.

— Зависть, говорите? — Ребров глубоко затягивался, выпускал густые струи дыма. — Ну пускай зависть. Ведь эта самая зависть в народе отчего рождается, Татьяна Андреевна? От той же несправедливости. Будет жизнь справедливая — исчезнет и эта позорная зависть. Чему завидовать, если все будут работать и все будут счастливы?

— Вы уверены, что так будет? — снова улыбнулась Татьяна.

— Революция победит, и так будет! — с яростным убеждением ответил Ребров.

— Всех богатых уничтожите?

— Всех! — Ребров сжал большой костистый кулак, вдруг встал и заходил по маленькой комнате, дымя папиросой.

Татьяна со страхом наблюдала за ним. Он вдруг подошел к столу, погасил папиросу в пепельнице и неожиданно обнял Татьяну, прижал к себе, стал гладить плечи, поцеловал в шею, нагнувшись, проговорил глухо:

— Вот влюбился в вас и сам себя проклинаю... — И он поднял ее со стула, продолжая целовать в шею, щеки, а когда его губы нашли ее губы, с силой приник к ним. Татьяна, задыхаясь, уперлась руками ему в грудь, откинула голову, пыталась вырваться, но он не отпускал ее, сжимал все сильнее.

— Не надо... прошу вас, ну зачем вы так... зачем?

— Люблю я вас, Татьяна Андреевна... вы меня в самое сердце сразили... — Он подхватил ее на руки и понес к кровати, стоявшей за линялой ситцевой занавеской, бормоча, как сумасшедший: — Люблю, Татьяна Андреевна... вы для меня... люблю... глаза ваши... тело ваше, груди ваши... руки... губы ваши меня с ума свели... — Он повалил ее на кровать и стал лихорадочно срывать с нее кофточку, юбку.

— Не надо, не надо... прошу вас! Что вы делаете! Прошу вас... я не люблю вас... не люблю!

— Надо, надо! Люблю я вас... не могу я без вас... все отдам, Татьяна Андреевна! Жизнь отдам! Женой мне будете! Верной подругой будете, Татьяна Андреевна!

И он наконец победил и, сидя на ней, снял ремень с револьвером, бросил на пол, стянул с себя гимнастерку, расстегнул галифе. Татьяна лежала, словно в обмороке, и уже не сопротивлялась, только жалобно повторяла:

— Не надо... не надо... прошу вас...

...И два обнаженных тела сплелись в яростном единении. Ребров тяжело, с хрипом дышал, мял широкими руками ее плечи, груди, целовал полураскрытые губы...

Она очнулась от храпа. Открыла глаза и увидела себя голой и лежащего рядом голого Реброва, едва прикрытого краем одеяла. Гримаса отвращения исказила ее лицо. Она инстинктивно потянула на себя одеяло, закрываясь и по-прежнему глядя на спящего Реброва.

Потом вскочила с кровати и стала торопливо одеваться.

Ребров проснулся, спросил:

— Ты куда, Таня?

Оттого, что он так ее назвал, она вздрогнула, попятилась, опрокинув стул и толкнув стол. Керосиновая лампа, освещавшая комнату, закачалась, но устояла.

— Ты куда? — вновь спросил он, поднимаясь с кровати.

Татьяна метнулась к ремню, лежавшему на полу, выдернула из кобуры револьвер и навела на Реброва:

— Не подходи...

— Ты что, Татьяна? — улыбнулся Ребров, натягивая галифе. — Что с тобой?

— Не подходи... — бормотала Татьяна, и ствол револьвера ходил ходуном в ее руке. — Ненавижу... зверь... отвратительный зверюга... палач... Ненавижу... — Палец сам собой нажал на спусковой крючок, и грохнули выстрелы... два выстрела подряд... Одновременно с выстрелами Татьяна закричала.

Пули ударили Реброва в грудь. Он с изумлением посмотрел на Татьяну и грохнулся ничком, сжимая в руке гимнастерку, которую собирался надеть.

Татьяна заметалась по комнате, собирая свои вещи.

...Старуха проснулась от выстрелов и пронзительного женского крика и теперь лежала в постели в своей комнате, окаменев от страха и боясь шевельнуться.

— Спаси и защити, пресвятая Богородица... — шептала она, глядя на язычок пламени в лампадке, висевшей перед образами.

За стеной слышался неясный шум, шаги, потом громко хлопнула дверь, и наступила тишина.

Кутаясь от пронизывающего холодного ветра в короткую, подрезанную шинель, Татьяна шла по темной улице куда глаза глядят. Стояла глухая ночь, и вокруг не было ни души. Лишь изредка раздавался собачий лай. Татьяна шла быстро, глядя вперед сощуренными от ветра глазами. Слезы текли по ее щекам, а губы шептали единственное и родное имя...

Стучал телеграфный аппарат. Командующий фронтом Фрунзе просматривал ползущую тонкую телеграфную ленту с неровными буквами:

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ ЗАКОНЧЕНО. ВСЕ ПОЛКИ ДИВИЗИИ ВЫДВИНУЛИСЬ НА ЗАДАННЫЕ ПОЗИЦИИ. ПРОШУ ОПРЕДЕЛИТЬ ЗАДАЧИ НАСТУПЛЕНИЯ. БУДУЩИЕ ДЕЙСТВИЯ ДИВИЗИИ МНОЮ РАЗРАБОТАНЫ. ОТПРАВЛЯЮ ПАКЕТОМ С НАРОЧНЫМ. НАЧДИВ-25 ЧАПАЕВ.

Телеграф замолчал. Фрунзе оторвал ленту, скомкал ее, вышел и аппаратной и зашагал по коридору. У двери в его кабинет стоял часовой с револьверной кобурой на ремне, козырнул подошедшему Фрунзе.

В «предбаннике» кабинета сидел за столом секретарь — мужчина средних лет в полувоенном френче. Фрунзе посмотрел на телефонный аппарат, висевший на стене рядом со столом секретаря, спросил:

— Фурманов не приходил?

— Никак нет, товарищ командующий, — ответил секретарь.

— Когда придет — сразу ко мне. — И Фрунзе скрылся в кабинете.

Фурманов сидел у стола, раскуривал погасшую трубку, наконец пыхнул дымом и вопросительно посмотрел на Фрунзе.

— Кури-кури, что с тебя взять, — махнул рукой Фрунзе.

— Табак дрянной... а хорошего достать негде...

— Не надо заводить буржуйских привычек, — усмехнулся Михаил Васильевич. — Кури самосад.

— Придется...

— После Туркестана в Иванове жизнь небось раем казалась? Отоспался, отъелся?

— Да уже успел забыть... Неделю до вас добирались. Всякие приключения были.

— Ты с женой?

— Да. Займется там культполитпросветом.

— Когда выступаете?

— Нынче утром. Все готово. Имущество, барахло всякое, боезапас, пулеметы на подводах повезем, — отвечал Фурманов. — Телеграмму Чапаеву отбил?

— Сейчас вместе отобьем, — сказал Фрунзе. — Очень на тебя надеюсь, Дмитрий.

— Что, такая сложная обстановка в дивизии?

— Сейчас нормальная, но... Чапаев ее сформировал практически за неделю. С бору по сосенке. Есть части ненадежные, с анархическим душком...

— А сам Чапаев — что это такое?

— Трудно сказать в нескольких словах. Талантливая натура... самобытная... отсюда и все сложности... Комиссаров не очень жалует, точнее сказать — не любит.

— Не любит? — удивился Фурманов.

— Вообще, ничьей опеки не любит.

— Анархист в прошлом?

— Он всякий... и в прошлом, и в настоящем, — потер красные от недосыпа глаза командарм.

— Чем занимался раньше?

— В империалистическую воевал... Полный Георгиевский кавалер, фельдфебель.

— Ишь ты, полный Георгиевский... видно, мужик бесстрашный...

— Бесстрашный... — подтвердил Фрунзе.

— Вообще-то, бесстрашными только дураки бывают, — усмехнулся Фурманов. — Я-то думаю, эту поговорку трусы выдумали.

— Не только, Дмитрий, не только...

— Тебя когда царский суд к смертной казни приговорил, разве не страшно было? Когда в камере смерти ждал, не страшно?

— Как тебе сказать... — задумался Фрунзе.

— Так и скажи...

— Нет, не страшно... — ухмыльнулся командующий. — Не верил в смерть. Верил в удачу... Думал, обязательно сбегу. И сбежал...

— Думаешь, и Чапаев такой?

— Думаю, да... в смерть не верит...

— А до войны чем он занимался?

— Плотник был. Церкви с артелью строил.

— Церкви? — поразился Фурманов. — Поди, верующий?

— Не знаю... вполне может быть... Но член партии.

— Ты меня удивляешь, Михаил... Верующий — и член партии?

— Я сказал, вполне может быть... А там уж ты разбирайся.

— Нда-а... задачка... — Фурманов пососал трубку — она погасла.

— Ничего, приедешь на место со своими ткачами — разберешься. Я в тебя верю.

Затренькал телефонный аппарат на стене. Фрунзе снял трубку, со звоном крутнул ручку.

— Председатель Губчека, товарищ командующий, — раздался голос секретаря.

— Соединяй.

— Товарищ Фрунзе, ты? — спросил густой бас.

— Я. Что стряслось? Если ночью звонишь, значит, что-то экстраординарное?

— Именно так. Заместителя моего... Ивана Реброва убили...

— Когда? — нахмурился Фрунзе.

— Пару часов назад... Какая-то баба, мать ее... Нашли в доме полуголого. Две пули в сердце. Думаю, какая-то подосланная белячка. Заманила и... Удивляюсь, он никогда до баб охочим шибко не был. Преданный революции боец, на баб даже не смотрел... а тут... сказали, постель была разобрана... и Ребров раздетый...

— Завлекла, значит... Видно, тут было на что посмотреть, — ответил Фрунзе. — Проведи следствие, может, на след нападешь.

— Хозяйка дома показала, что квартировала у нее молодая женщина. Ее сам Ребров и привел. Барышня, по всей видимости, из господ.

— С чего она это взяла?

— У старухи глаз наметанный. А работала в городском госпитале, за ранеными ухаживала. И опять же ее Ребров туда привел, приказал трудоустроить. Вот пока все, что удалось узнать.

— Ладно, узнаешь что еще — обязательно сообщи.

— Сообщу конечно... — вздохнул председатель Губчека.

Связь прекратилась. Фрунзе повесил трубку, вновь крутнул ручку аппарата, сел за стол, сказал:

— Заместителя председателя Губчека убили. Какая-то молодая женщина. Судя по всему, засланная от беляков... Вот так, товарищ Фурманов, враг не дремлет. Поди знай, сколько еще в штабе армии, в войсках этих белых лазутчиков окопалось? Если уже и в Губчека пробрались... Так что там тоже будь начеку, Дмитрий.

— Само собой. — Фурманов встал. — Пора, Михаил Васильевич.

Фрунзе обошел стол, пожал руку Фурманову, ободряюще улыбнулся:

— В добрый путь, Дмитрий.

И вновь стучал телеграфный аппарат, и ползла узкая бумажная лента с неровными буквами. Чапаев медленно тянул ленту, читал и хмурился:

НАПРАВЛЯЕТСЯ В СОСТАВ 25-Й ДИВИЗИИ ОТРЯД ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ. 800 ШТЫКОВ. С НИМ КОМИССАР ДИВИЗИИ ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ. КАНДИДАТУРА УТВЕРЖДЕНА КОМАНДУЮЩИМ ФРОНТОМ. ФРУНЗЕ.

— Этого мне еще не хватало, — мрачно пробормотал Чапаев. — Когда я дивизию формировал, без комиссара обходился. Теперь нашли... Мне этот комиссар как собаке пятая нога... Эх, Фрунзе, Фрунзе, а я тебе поверил... — Чапаев оборвал ленту, сжал ее в кулаке.

Длинный обоз растянулся в степи. Впереди и по бокам обоза на расстоянии в полкилометра ехали десятка два всадников охранения. Стволы винтовок блестели за плечами, при всех шашки и револьверы в кобурах. Дмитрий Фурманов, о чем-то крепко задумавшись, ехал последним.

На некоторых телегах впереди и сзади были установлены пулеметы, смотревшие стволами в степь. И пулеметчики за щитками внимательно оглядывали бескрайний простор, тянущийся до горизонта. Над дорогой стоял седой пыльный туман, и шлейф пыли вился далеко позади телег.

Вдруг один из всадников охранения увидел впереди одиноко бредущую фигуру.

Он ударил плеткой коня и поскакал. Еще двое всадников устремились за ним.

Они подлетели к темной фигуре, осадили коней, о чем-то поговорили. Один из всадников, нагнувшись с седла, подхватил человека под руки, поднял и посадил перед собой. Потом пришпорил коня и поскакал к обозу.

...К Фурманову неожиданно подъехал всадник с женщиной, сидящей перед седлом.

— Товарищ комиссар, разрешите доложить! Вот — женщина... в степи шла... одна...

— Вы кто? — спросил Фурманов.

— Мальцева Татьяна Андреевна... — устало ответила девушка.

— Куда идете?

— В Уральск иду...

— Ого! — усмехнулся Фурманов. — Знаете, сколько верст еще идти?

— Знаю, что далеко... а сколько верст, не знаю... — так же устало и равнодушно отвечала Татьяна.

Фурманов окинул ее внимательным взглядом, отметив подрубленную пыльную шинель, стоптанные солдатские ботинки, надетые на босу ногу, осунувшееся лицо с безразличными глазами.

— Поехали, — сказал Фурманов. — На телегу девушку посадим. Видишь, устала она, еле на лошади сидит.

И Фурманов первым поехал к обозу. Красноармеец с Татьяной поскакал за ним. Татьяна едва держалась на шее у лошади и то и дело хваталась за руки красноармейца.

Они подъехали к одной из передних подвод, на которой сидели три красноармейца и молодая красивая женщина, белокурая, большеглазая, с волевым лицом.

— Аня! Тут у нас попутчица нашлась. Возьми под свою заботу. Девушка, видно, голодная... Как она столько верст прошла в таком виде, не представляю.

— Можно мне воды... — попросила Татьяна.

— Садитесь на телегу. Тут все есть — и вода, и еда! — улыбнулся Фурманов.

Красноармеец подхватил Татьяну под мышки и опустил на землю. Татьяна, шатаясь, подошла к телеге, неловко взобралась на нее и уселась на тугие, чем-то набитые мешки рядом с молодой женщиной, которую Фурманов назвал Аней. И эта Аня уже протягивала Татьяне фляжку с водой.

— Интересная у вас история получается, Татьяна Андреевна, — усмехаясь и покачивая головой, говорил Фурманов, сидя на телеге рядом с Татьяной и женой Анной. — Значит, вас взяли в плен в бою?

— Да... — глядя в степь долгим взглядом, отвечала Татьяна.

— Что же дальше?

— Сначала хотели расстрелять, но потом... потом мне поверили, и я осталась в бригаде.

— Кто поверил?

— Товарищ Чапаев... комбриг...

— Очень интересно! Прямо вот так взял и поверил? — вновь усмехнулся Фурманов.

— Не сразу... но поверил... А может, просто пожалел.

— И что вы делали в бригаде? — допытывался Фурманов.

— Занималась культпросветработой... обучала красноармейцев грамоте...

— Похвально. Что дальше?

— Но у комиссара бригады я по-прежнему вызывала недоверие. Он все время хотел меня расстрелять... или в Чека отправить...

— Почему же сразу не расстрелял... или не отправил?

— Чапаев не разрешал.

— Ишь ты, какой у вас заступник нашелся.

— Дмитрий! — предостерегающе произнесла Анна.

— А что такого ужасного я сказал? — деланно удивился Фурманов, взглянув на жену, и вновь спросил: — Но все-таки он вас в Чека отправил? Как же это ему удалось? Если комбриг не разрешал.

— А комбрига тогда не было... он в полки уехал. И Захаров меня отправил с конвоем в Самару, в Губчека. А там...

Какая-то мысль мелькнула в голове у Фурманова, он внимательно оглядел Татьяну:

— Стоп-стоп, а в Самаре вас допрашивал заместитель председателя Губчека Иван Ребров, так?

— Да... — Татьяна все так же смотрела в степь, хотя было видно, как нервно дрогнули ее губы.

— А потом?

— Не знаю почему, но он выпустил меня... нашел мне комнату в доме у одной старушки, устроил в госпитале работать сестрой милосердия...

— Влюбился он в вас, — усмехнулся Дмитрий Фурманов. — А вы говорите, не знаете...

— Может быть... Он стал домогаться меня. Я понимала, что так долго продолжаться не может. Я хотела убежать, но боялась, что меня поймают и расстреляют. А потом... он изнасиловал меня... — Татьяна пальцами смахнула выступившие на глазах слезы.

— И вы его убили, — закончил за девушку Фурманов.

— Ты-то откуда знаешь? — Анна подозрительно взглянула на мужа.

— Я был в кабинете у Фрунзе, когда позвонили из Чека и сообщили об убийстве Ивана Реброва. Значит, это были вы?

— Да... это была я... Не помню даже, как это произошло... я так его возненавидела... я хотела убежать, но он проснулся...

— И что я теперь должен с вами делать, Татьяна Андреевна? — спросил Фурманов, и лицо его было серьезным, даже строгим.

— Делайте что хотите... мне все равно...

И все надолго замолчали. Скрипели колеса телег, тяжело били копытами в землю кони, красноармейцы зорко поглядывали по сторонам.

Чуть позже Фурманов и Анна Стешенко шли пешком за скрипящими подводами.

— Да пойми ты, Анна, — горячился Фурманов. — Я обязан сообщить про нее, понимаешь, обязан. Ведь она заместителя председателя Чека убила.

— Ну, сообщишь, — кивала Анна. — Ее обратно под конвоем отправят. А в Чека в тот же день расстреляют... За что? За то, что насильника застрелила?

— Еще неизвестно, из-за чего она его застрелила, — резко возразил Дмитрий.

— Господи, Фурманов, ты в другом месте свою революционную бдительность проявляй! Она правду рассказала, неужели по ней этого не видно?

— Тебе ее жалко?

— Жалко. По-человечески жалко. Это плохо, да? Потеряла классовое чутье? Врага революции жалею, да? И оттого, что ее расстреляют, революция большую победу одержит? Мне стыдно за тебя, Дмитрий!

— А мне за тебя! Война идет! Гражданская! Тут никакого перемирия или мира быть не может! Тут или мы, или они! До полной беспощадной победы!

— Ну и что? Девушка здесь при чем? — не уступала Анна. — Несчастная девушка!

— А то, что мы не имеем права на буржуазную мягкотелость! Гражданская война этого не прощает!

— Ты же нормальный человек, Дмитрий, — попыталась урезонить его жена. — Добрый, разумный, сердобольный! А сейчас говоришь как кровожадный палач!

— Выбирай выражения, Аня! Не то я не посмотрю, что ты моя жена! — Фурманов зло глянул на нее. — Ну хорошо, придем в дивизию, Чапаев увидит ее, и что дальше? Сказать? Дальше он отправит ее обратно в самарскую Чека. Вот и сказке конец.

— Почему он должен ее увидеть? В дивизии тысячи бойцов — Чапаев каждого в глаза видит?

— Но я должен буду ему сказать.

— Почему ты должен ему говорить? Будет в отряде ивановских ткачей еще один боец, и никто ничего про нее не узнает. А со временем все забудется. Я прошу тебя, Дима, будь милосердным...

— Да ну тебя! — махнул рукой Фурманов и быстро пошел вперед.

Анна подошла к подводе, на которой ехала Татьяна, подпрыгнула и уселась рядом, проговорила после паузы:

— Будешь бойцом в отряде ивановских ткачей. И помалкивай о своих приключениях, поняла?

— Поняла... — поежившись, ответила Татьяна.

— И Чапаеву этому на глаза не попадайся... а то, не ровен час, он тебя обратно в Чека отправит. Он хоть красивый?

— Чапаев? — Татьяна подумала, чуть улыбнулась, задумчиво глядя в пространство. — Красивый...

— Любишь его? — бесцеремонно спросила Анна.

— Люблю...

— Угораздило тебя... В общем, любишь — не любишь, а держись от него подальше... — еще раз тоном приказа посоветовала Анна. — Если жизнь дорога.

Свадьба гремела на весь Уральск. Пелагея Макаровна выдавала дочь Елену за красноармейца Степана Лунькова, и посаженным отцом был комдив Василий Иванович Чапаев. Он сидел во главе стола, рядом с ним пристроилась мать невесты Пелагея Макаровна.

И поднимали рюмки за здравие молодых командиры полков, пеших и конных, и надрывалась гармошка, и посреди избы плясали и били каблуками в пол так, что трещали доски, и все окна были распахнуты, и вокруг дома тоже стояли столы, и за ними гуляли, пили и ели.

Свадебный стол был длинный, и командиры помещались за ним вперемежку с гражданскими гостями — мелкими купчишками, посадскими людьми и крестьянами. Все галдели так, что невозможно было что-либо разобрать.

Пелагея Макаровна посматривала на Чапаева жадно и вожделенно, не стесняясь насмешливых и колких взглядов командиров. Скоро послышались едкие реплики:

— Мне больше невесты теща ндравится!

— Для энтой тещи дочка — болячка, а зять — цельный чирий!

— Гля, как Чапая глазищами кушает. Ядрена баба, куды ни тронь — везде огонь!

— Берегись, Василь Иваныч! — крикнул Федор Игнатенко. — Третья Пелагея в атаку пошла — не отобьешься!

Василий Иванович услышал, усмехнулся и, подкрутив ус, посмотрел на Пелагею Макаровну.

— Нешто станцуем, товарищ комдив? — с придыханием пропела она. — Нешто мы с вами уж вовсе ни на что не способные?

— Нестор! — гаркнул Василий Иванович, выбираясь из-за стола. — А ну сыпани!

Гармонист Нестор на мгновение замер. Все танцующие остановились и попятились, освобождая середину комнаты, и тогда гармонист «сыпанул». Чапаев выбил первую дробь, потом рассыпал «горохом» мелкую, частую, которая перемежалась громкими отдельными

постукиваниями. Подняв над головой правую руку, Чапаев вызывал барыню на танец. Он выстукивал дробь так лихо и держался с таким изяществом и превосходством, что командиры и остальные гости тихо ахнули. Кто-то проговорил восхищенно:

— От дает Василь Иваныч!

— Лихой чертяка!

— Такому плясуну и пяти невест мало! — выкрикнул Игнатенко.

Оскорбленная Пелагея Макаровна обожгла его пылающим взглядом:

— А мне таких женихов дюжину подавай!

Все взорвались дружным смехом, а Пелагея Макаровна пошла кругами, выдернула из рукава платья платочек, и плыл за нею подол, и дробно выстукивали каблучки, и зовущая, жаждущая улыбка змеилась по алым губам, и влажно сверкали кипенно-белые зубы, и глаза полыхали томным огнем — и весь этот «арсенал смертельного оружия» был направлен на Чапаева.

Василий Иваныч тряхнул чубом, пробормотал едва слышно:

— Ведьма-баба... сущая ведьма...

Жених Луньков обнимал невесту Елену и, открыв рот, изумленно смотрел на пляшущих. Да и все так смотрели, улыбались, покачивали головами.

— Поняла, какой у нас комдив, дуреха? — сказал Луньков на ухо невесте. — Потому его беляки и боятся.

— Ничо, мамаша с им быстро управится... — усмехнулась Елена. — С моим папашей днем познакомились, а вечером она его уже на себя затащила, хи-хи...

— Ну, тады и мы давай пойдем... — оглянувшись по сторонам, шепнул Степка Луньков.

— Куды?

— На кудыкины горы чертей ловить. Где у вас тута сеновал?

— Что, уже забыл, где меня снасильничал? — ехидно улыбнулась Елена.

— Ладно, снасильничал... — протянул Степан. — Сама тоже не против была...

— Я? Не против? — вытаращила глаза Елена. — Бесстыжий ты! Жаль, не расстреляли — то-то бы посмотрела...

— Пошли-пошли, щас посмотрим, кто кого стрелять будет. — И он крепко взял ее за руку, притянул к себе и стал пробираться между гостями, смотревшими, как пляшут Чапаев и Пелагея Макаровна. Скоро они добрались до двери и выскользнули за нее, и никто не заметил исчезновения жениха и невесты.

Уже за полночь Петька Исаев и Чапаев ввалились в свою комнату в штабе дивизии.

Петька поддерживал вконец захмелевшего начдива, усадил его на кровать.

— Вот так, Василь Иваныч, погуляли на славу...

— М-м-м... а эта... Пелагея — ничего-о-о... — с трудом выговорил Чапаев.

— Сами ж сказали, Василий Иваныч, ведьма она...

— Ведьма... ничего-о-о... — протянул Чапаев и начал неуверенными пальцами расстегивать френч, стянул его с себя, стащил сапоги, сбросил портянки и повалился на кровать, повторил: — Ведьма-а ничего-о...

— Это потому, что многовато на грудь приняли, Василь Иваныч. — Петька сел на свою кровать и тоже разделся. — А вот скажи, Василий Иваныч, ты полведра самогону хорошего смог бы выпить?

— С-смог бы... — ответил Чапаев.

— Да? — Петька выпрямился, посмотрел в его сторону. — Верю, Василь Иваныч... Ну, а... три четверти ведра?

— С хор-р-рошей з-закуской и тр-ри ч-четвер-рти с-смогу, Петька...

— Верю, Василь Иваныч, — проникновенно сказал Петька. — Кто бы другой сказал — послал бы куда подальше, а тебе, Василь Иваныч, верю... А вот, скажем, цельное ведро, Василь Иваныч, как, совладаешь?

— Не-е, Петька... — протяжно вздохнул Чапаев. — Это... это только... Ленин может...

— Твоя правда, Василь Иваныч, такое только товарищу Ленину по плечу. На то он и вождь всех трудящихся и обездоленных... — согласился Петька, бухнулся головой в подушку и мгновенно захрапел.

— Поглядеть бы на него... живого... — проговорил нетвердо Чапаев. — В Москве вот был, и не довелось поглядеть... теперь уж и не увижу... А эта... Пелагея... ничего-о... огонь-баба... — Он закрыл глаза и тоже захрапел.

Ивановские ткачи расположились на площади перед штабом дивизии. Горели костры, играла гармошка, в больших котлах, подвешенных над огнем, варился ужин. Подходили красноармейцы из других частей дивизии, здоровались, знакомились.

Татьяна Мальцева сидела на чурбачке у костра, укрывшись шинелью, и задумчиво смотрела на пляшущие языки пламени.

Подошел комиссар Фурманов, присел рядом на корточки, бросил сухую ветку в огонь и сказал негромко:

— Ты вот что, Татьяна... ты пока побудь здесь, у ткачей в батальоне. И в штаб не вздумай соваться — мигом загребут и отправят обратно. Тут уж я ничем помочь

тебе не смогу. Ты слышишь, что я говорю? — Он сбоку посмотрел на ее отрешенное лицо.

— Слышу... — тихо отозвалась Татьяна, все так же глядя в огонь костра.

Дверь в кабинет комдива открылась, и вошел Фурманов, подтянутый, стройный, в гимнастерке с красными уголками воротника, в портупее, с револьверной кобурой на боку.

— Разрешите, товарищ комдив?

— Входи, входи...

Чапаев поднялся из-за стола. Он был в полувоенном френче с накладными карманами, тоже затянутый в портупею, чуб аккуратно уложен на лбу, усы подстрижены и закручены. Подошел к Фурманову, протянул ему руку:

— Ну, здорово, комиссар... Как тебя, Фурманов?

— Дмитрий Фурманов, Василий Иваныч.

Они крепко пожали друг другу руки, поглядели в глаза, и тут из-за спины Фурманова появилась белокурая молодая женщина, высокая, красивая, в гимнастерке, черной длинной юбке и коротких хромовых сапожках. Взгляды Чапаева и Анны встретились. Молодая женщина приветливо улыбнулась. Чапаев нахмурился.

— Разрешите представить, товарищ начдив. Моя жена Анна Стешенко.

— А жена чего здесь делать будет? — спросил Чапаев, бесцеремонно рассматривая Стешенко.

— Будет заведовать культполитпросветом.

— А, культуру, значит, садить будет...

— И культуру тоже, — сказала Анна Стешенко.

— В наступление пойдем, тут не до культуры будет, товарищ... как вас? — едко улыбнулся Чапаев.

— Анна Стешенко...

— Товарищ Анна Стешенко, — повторил Чапаев с ехидной улыбкой.

— Одна из первых задач революции — сделать безграмотный и темный народ культурным и просвещенным, — Анна Стешенко тоже улыбнулась. — Я была уверена, товарищ начдив, что вы об этом знаете, и очень удивилась, когда обнаружила, что культполитпросветработа в дивизии вообще не ведется.

— Ладно. Поглядим, как она будет вестись под вашим началом, товарищ Стешенко.

Ярко-красная машина с открытым верхом стояла перед штабом дивизии, и толпа красноармейцев окружила ее, разглядывала, негромко галдела:

— А быстро?

— Да быстрее коня галопом.

— А вонищи от нее как от паровоза...

— И по степу могет ехать?

— Так ить он на ней сюды и прикатил...

В машине за большой баранкой сидел весь в коже — даже кепка кожаная — тощий мужчина с короткими усиками и острым подбородком. Он ни на кого не обращал внимания и упорно смотрел вдаль.

Из дома вышли Чапаев, Петька Исаев, Фурманов и начштаба дивизии Иван Стрельцов.

— Ого! Вот это конь удалой! — сказал Чапаев и стал ходить вокруг машины, щупал колеса, стальные спицы, красную мягкую кожу на сиденьях. — Ишь ты! А на чем ездит-то? На керосине?

— На керосине, товарищ начдив. — Шофер в коже проворно вылез из машины, вытянулся по стойке смирно.

11 Зак. № 212

— Сам Фрунзе прислал? — с удовольствием, громко спросил Чапаев, чтобы слышали окружавшие их красноармейцы.

— Так точно, товарищ начдив. Прибыл по распоряжению товарища Фрунзе.

— Слыхал, комиссар? — Чапаев победно глянул на Фурманова. — Уважает Чапаева товарищ Фрунзе! Раз свой личный автомобиль прислал! — И вновь он говорил громко, чтобы слышали красноармейцы, и они одобрительно загудели.

— Ну, садись за баранку! Проедемся! — Чапаев сел вперед рядом с шофером. — Садись, комиссар! И ты садись, Иван, чего глаза вылупил? Петька, и ты давай!

Фурманов, Стрельцов и Петька уселись на заднем сиденье. Петька, затаив дыхание, щупал кожу, полированные ручки на дверце.

Шофер вставил в отверстие под радиатором стальную согнутую углом палку, крутанул раз, другой, и автомобиль ожил, затарахтел, зафыркал, вздрагивая всем корпусом.

Шофер сел за руль, поправил кожаную кепку, надел большие очки с резиновыми прокладками, кожаные перчатки, нажал на педаль, и автомобиль взревел, как обиженный бык, дернулся и медленно поехал. Сзади из трубы вылетали клубы сизого дыма.

— Ура-а!! — восторженно завопили красноармейцы.

...Машина неслась по степи, за ней стлался шлейф желтой пыли. Ветер хлестал в лицо, шофер надвинул кепку на самые глаза, чтобы ее не сорвало ветром. Истошно ревел мотор, автомобиль подкидывало на буграх. Пассажиры падали друг на друга, смеялись.

— На этой телеге мы сможем объезжать позиции дивизии за один день! — кричал Чапаев. — Это же чудеса на белом свете!

— Вот затем и прислал ее товарищ Фрунзе! — кричал в ответ Фурманов.

— Фрунзе — голова!

От горизонта до горизонта расстилалась бурая голая степь. Прямо из-под радиатора выпархивали красные каменные куропатки, прыскали в стороны суслики. И вдруг на горизонте показались всадники. С каждой секундой их становилось все больше, и вот уже более пятнадцати всадников, вытянувшись в шеренгу, наметом пылили навстречу автомобилю.

— Казаки! — закричал Петька Исаев. — Василь Иваныч, это казаки!

— Разворачивай! — заорал Чапаев. — Быстрей! Что ты копаешься!

— Разворачиваю! — оскалив большие зубы, заорал в ответ шофер. Лицо его было черно от пыли, стекла очков сверкали на солнце.

Автомобиль, сделав большой полукруг, повернул в обратную сторону, помчался, набирая скорость, подпрыгивая на ухабах. Желтая пыль медленно рассеивалась над степью.

Казаки нагоняли, нахлестывая коней...

— Итак, товарищи красноармейцы, прослушав эту короткую лекцию, вы все должны понять, что вера в Бога — это предрассудки, которые вам вдалбливала церковь и классы-эксплуататоры — помещики и заводчики! — резко и громко говорила Анна Стешенко, стоя на сколоченной из досок небольшой деревянной трибуне на клубной сцене.

Зал клуба был битком набит красноармейцами: сидели на низких лавках, поставив винтовки между ног,

лузгали семечки, дымили цигарками, кое-кто подремывал, уронив голову на грудь.

— Религия — опиум для народа, так сказал товарищ Ленин! С помощью религии правящие классы дурили головы крестьянам и рабочим, держали их в рабском повиновении, отвлекали их от борьбы за свои права, за лучшую жизнь. Вот вам и подсовывали Бога — молитесь и ждите манны небесной! А мы будем вас обирать, сдирать с вас по три шкуры! Глухая темнота народа, безграмотность — вот основа всякой религии! Грамотный, образованный человек никогда не будет верить в Бога! И теперь, когда свершилась революция и власть перешла к рабочим и крестьянам, товарищ Ленин сказал — нет никакого Бога! И надеяться голодным рабам не на что, кроме как на свои силы, на свою решимость бороться с контрреволюцией! — Последние слова Анна Стешенко исступленно выкрикивала в зал, вытянув руку вверх.

Но зал молчал, покашливал, скрипел, шаркал ногами, тихо переговаривался.

— Какие вопросы будут, товарищи? — спросила Анна. — Задавайте, не стесняйтесь!

Вновь повисло молчание.

— Ну что же вы, товарищи красноармейцы? Вам все ясно? Никаких вопросов не возникло?

И вдруг поднялся бородатый красноармеец лет сорока, с хитроватым морщинистым лицом, кашлянул в кулак, проговорил:

— Да вот спросить хочу, барышня. Сам сколько годов думаю, а ничего придумать не могу, почему такое деется.

— Что «деется»? Какой у вас вопрос, товарищ? — поторопила Анна.

— Да вот я и задаю вопрос. Вот, к примеру, корова срет большими такими лепехами. А лошадь, обратно, котяхами такими кручеными и толстыми ходит, а овца — мелкими шариками, такими махонькими, как горох... Почему такое деется, не знаешь?

— Ну откуда я могу про это знать, товарищ? Я же не ветеринар, с коровами и лошадьми никогда дела не имела, — Анна улыбнулась. — Я в этом не разбираюсь.

— Э-эх, милая моя, — вздохнул бородач. — Ты вот ишшо в говне не разобралась, а уже про Бога рассуждаешь... Оно дело понятное — молодая ишшо, глупая...

И зал разразился дружным издевательским смехом.

Растерянная Анна Стешенко смотрела в смеющийся зал, видела улыбающиеся нахальные рожи, бороды, оскаленные зубы, поблескивающие стволы винтовок.

...Расстояние между автомобилем и казаками неумолимо сокращалось. Петька Исаев и начштаба Стрельцов палили из наганов. Чапаев тоже стрелял с переднего сиденья, хотя ему было неудобно вести огонь — мешали спины товарищей. И прицелиться как следует не удавалось — машину то и дело подкидывало, мотало из стороны в сторону, и посланные пули летели мимо цели.

Казаки сильнее нахлестывали коней. Один сдернул с плеча винтовку, прицелился на скаку и выстрелил. Тоже не попал.

— Эх, черт! Из пулемета бы их щас, из пулемета! — кричал Чапаев. — Жми давай, шофер хренов!

— Жму! Больше она не может!

— Пропадем мы из-за этой тарахтелки чертовой! — орал Чапаев, стреляя из револьвера.

Фурманов согнулся на заднем сиденье, закрыв голову руками. Потом поднял голову и посмотрел на Чапаева.

— Стреляй, чего сидишь истуканом?! — закричал Чапаев. — От страха руки свело?!

Фурманов выпрямился, обернувшись назад, выставил перед собой руку с револьвером. Ствол ходил ходуном, а казаки были уже совсем близко. Один из них целился из винтовки прямо в Фурманова. Или ему так показалось — он вновь согнулся, спрятав голову за сиденье.

— Стреляй, твою мать, комиссар! — рявкнул Чапаев, набивая барабан револьвера патронами. Он защелкнул барабан, вскинул револьвер и стал раз за разом нажимать на спусковой крючок.

Петька и начштаба стреляли без остановки.

Фурманов, пересилив страх, вновь выглянул из машины, стал стрелять.

Все же одна пуля попала в казака — он кувыркнулся с коня, упал на землю и покатился. Конь без седока поскакал в сторону, высоко вскидывая задние ноги. Казаки ответили стрельбой уже из нескольких винтовок.

И тут впереди показались позиции красных. Там было заметно движение бойцов, потом защелкали первые выстрелы, застучал пулемет.

Казаки стали придерживать коней, разворачивались обратно.

Автомобиль, сильно пыля, проскочил между двумя окопами и затормозил. Медленно оседала пыль. К машине со всех сторон бежали красноармейцы.

Чапаев, Фурманов, Стрельцов и Петька хлопали себя по груди, бокам, бедрам, выколачивая пыль.

— Охранение надо было с собой брать, — говорил Чапаев откашливаясь. — Наука дуракам будет!

— Я ж говорил, за Черным логом направо поворачивать надо было! — отвечал Петька Исаев. — А он, черт очкастый, попер прямо в степь.

— Вы говорили — прямо ехай! — возмутился шофер, стаскивая очки.

— Кто говорил — прямо? — рассвирепел Петька Исаев. — Я тебя щас, контра на колесах, в расход пущу, понял?! — и Петька схватился за кобуру револьвера. — Я тебе сказал — направо поворачивай, гнида автомобильная!

— Охолонись, Петька! — прикрикнул Чапаев. — А комиссар наш, гля-ка, со страху в штаны наложил! — и начдив засмеялся.

И следом за ним засмеялись, глядя на Фурманова, Стрельцов и Петька. И набежавшие красноармейцы тоже стали смеяться, хотя и не понимали, почему так веселятся начдив и командиры.

Фурманов задохнулся от злости, шагнул почти вплотную к Чапаеву, буквально прорычал сквозь зубы:

— Немедленно прекратите этот балаган, товарищ начдив! Вы что себе позволяете?!

Чапаев перестал смеяться, затихли командиры, и красноармейцы один за другим замолчали, сообразив, что между начальниками происходит стычка.

— Ты, комиссар, на свою жену орать будешь. В дивизии я хозяин. А не нравится — скатертью дорога, задерживать не буду! Мне комиссары-трусы не шибко нужны! — громко закончил Чапаев и повернулся к красноармейцам: — Правильно я излагаю, товарищи бойцы?! Правильно?!

— Так точно, Василь Иваныч! Пр-р-равильна-а!

Петька Исаев ехидно улыбался, глядя на Фурманова, взгляд его красноречиво говорил: «Что, комиссар,

съел?» Начштаба Иван Стрельцов нахмурился для порядка, потом улыбнулся.

— Не думал, что знакомство будет таким, — глухо произнес Фурманов.

— Да и я не думал не гадал, што ты обидчивый, как девица нецелованная! — широко улыбнулся Чапаев и вдруг протянул Фурманову руку: — Брось, комиссар, не серчай! Я сам со страху до сих пор мокрый!

Фурманов секунду смотрел в глаза Чапаеву, пытаясь угадать, нет ли в его словах подвоха, но Чапаев смотрел открыто, по-доброму. И Фурманов пожал ему руку, пробормотал смущенно:

— Действительно, чего я в истерику ударился, как баба... Извини, начдив...

Расталкивая толпу, появился запыхавшийся комбат, за ним еще несколько бойцов начальственного вида. Комбат взял под козырек, хрипло отрапортовал:

— Комбат второго полка Сергуненко Лексей!

— Доложи обстановку, комбат, — приказал Чапаев.

— Покудова все спокойно, товарищ начдив.

— Спокойно? — повысил голос Чапаев. — А командира дивизии вместе с комиссаром и начальником штаба казара чуть было в плен не взяла под самым у тебя носом, это как понимать?

— Кабы знал, товарищ начдив... — перепуганно забормотал комбат Сергуненко. — Я бы охранение выслал...

— А почему дозоры не высылаешь? — спросил начштаба.

— Так в приказе прописано — в ночное время, товарищ начштаба! — таращил глаза комбат и то и дело прикладывал руку к козырьку фуражки.

— В ночное время! — передразнил его Стрельцов. — А ежели они в дневное время атакуют? А ты тут подштанники сушить будешь?!

— Никак нет, товарищ начштаба! Бойцы кажный момент начеку!

— Не будешь начеку — попадешь в Чеку, — пошутил Чапаев. — Ладно, покажь нам свое хозяйство. Чем бойцов кормишь? — Чапаев глянул на красноармейцев, повторил громко: — Как кормежка, товарищи бойцы?! Не жалуетесь?! С куревом как?

— Не жалуемся, Василь Иваныч... всего досыта... и кормежка, и курево... — нестройно загудели красноармейцы.

— А постираться негде! — раздались другие голоса.

— Бани второй месяц не видим!

— Ну, пошли, пошли! — Чапаев первым зашагал вперед. — Поглядим!

Командиры двинулись следом за начдивом, и за ними, громко галдя, затопали красноармейцы.

Уже вечером Чапаев уезжал из расположения полка. Рокотал автомобиль, и шофер сидел за рулем. Горели костры, над ними на рогатинах были подвешены большие черные котлы, в которых варился ужин. Вокруг костров плотно сидели в ожидании еды красноармейцы, курили, переговаривались.

Проскакали четыре всадника ночного дозора и скоро скрылись в ночной степи.

— Вы поезжайте, а я еще в полку на пару дней задержусь, — сказал Фурманов. — Хочу с бойцами поговорить, в другие батальоны съезжу... А вернусь верхами. Вот комбат сопровождение даст.

— Обязательно, товарищ комиссар, — поспешно заверил комбат Сергуненко.

— Ну, смотри, комиссар, — ответил Чапаев. — Агитацию проводить надо. Через пару дней жду в штабе дивизии. Гляди опять на казаков не напорись.

— Жене моей передайте, чтоб не волновалась, — понизил голос Фурманов.

— Чтоб не волновалась? — усмехнулся Чапаев. — Обязательно.

Попрощались, пожав друг другу руки.

— Скоро, комбат, в наступление пойдем, — тряхнул руку комбату Чапаев. — Будь готов, как штык!

— Будем готовы, товарищ начдив, — улыбнулся Сергуненко. — Нам хоть завтра наступать...

— Ишь ты, какой шустрый, — покачал головой Чапаев и первым сел в автомобиль на переднее сиденье, пощупал кожу обивки, посмотрел на табло приборов перед шофером, проговорил: — А хороша телега, ей-богу! И задницу, как в седле, не набивает! От голова человеческая — додумалась! — И он засмеялся.

За Чапаевым забрались в машину Петька и Стрельцов. Взревел мотор, вспыхнули фары, вспоров полумглу двумя мощными желтыми лучами, автомобиль тронулся с места и покатил в ночную степь.

Чапаев и Анна Стешенко сидели за небольшим столом в комнатке с одним окном, под которым стояла кровать, застланная розовым одеялом, с горкой пузатых подушек. На столе светила керосинка и расположился небольшой самовар и чашки с чаем. Сервировку довершали несколько больших кусков колотого сахара на глиняном блюдце и маленькие щипцы, чтобы откалывать от больших кусков кусочки поменьше.

— Смеялись, значит, над вами, Анна Никитишна? — весело выспрашивал Чапаев, помешивая ложкой чай.

— Они не смеялись, нет! — оскорбленно ответила Анна Стешенко. — Они откровенно ржали! Они издевались надо мной! Нет-нет, Василий Иваныч, не оправды-

вайте вы их! Разве это сознательные красноармейцы? Натуральные бандиты! Анархия! Я таких уже видела.

— Анархия... скажете тоже... — Чапаев отхлебнул чая. — Ежели они не согласные с вами, что Бога нет, — сразу анархия?

— Но я же им битых полтора часа объясняла, я им популярно излагала...

— Да нельзя этого объяснить, Анна Никитишна, — перебил Чапаев.

— Как это нельзя? Не понимаю вас, Василий Иваныч, — сверкнула глазами Анна Стешенко.

— Один — верит, другой — не верит. Что тут им объяснять? Ежели он в Бога верит, а вы ему талдычите, что его нет, думаете, он вам поверит?

— Во-первых, Василий Иваныч, я не талдычу! — вскинула голову Анна.

— Да, грубо сказал... извиняйте великодушно...

— Во-вторых, мне не первый раз приходится выступать перед солдатами, рабочими и крестьянами на антирелигиозную тему. И люди уходили просветленными...

— Неверующими? — весело спросил Чапаев.

— Не то чтобы совсем неверующими, но...

— Да обманывали они вас, дурака валяли, — усмехнулся Чапаев. — Вера в русском человеке ой как крепко сидит, ежели он по-настоящему верит... Он так легко с ней не расстанется...

— Не понимаю... — вдруг растерялась Анна. — Вы что, верите в Бога?

— Раньше верил... я ж до германской плотником работал, церквы строил...

— Церкви? — изумленно переспросила Анна.

— Ага! И когда храм освящали... на первой службе всегда бывал... — Чапаев мечтательно улыбнулся. — Красиво... торжественно...

— Красиво... торжественно... — шепотом повторила Анна и вдруг расхохоталась. — Ай да начдив двадцать пять! Ай да командир Красной революционной армии!

— Считаете, плохой командир, Анна Никитишна?

— Да что вы меня все по отчеству? — Она перестала смеяться, вдруг взглянула на него совсем другими глазами, с интересом и любопытством. — Зовите меня просто Анна...

— Считаете, я плохой командир, Анна? — Чапаев смотрел серьезно.

— Ну почему? — она чуть улыбнулась. — Я просто такого впервые встречаю... просто влюбиться можно...

— За чем же дело стало? — Чапаев поднялся из-за стола, огладил усы.

— Как города берем, так и женщин захватываем? — весело спросила Анна. — Лихой кавалерийской атакой?

Она тоже поднялась из-за стола, высокая, стройная, чистое и белое, без румянца лицо, ясные блестящие глаза, резко очерченные полуоткрытые губы, светлые, коротко, по-мальчишески подстриженные волосы... Чапаев шагнул к ней, хотел обнять, но Анна, словно защищаясь, выставила перед собой руки.

— Опомнитесь, Василий Иваныч... что с вами? — И лукавая улыбка проплыла по ее губам.

— А что вы меня все по отчеству величаете? — Он осторожно взял ее за руку. — Я ведь еще не старый... третий десяток только минул...

— Ой, что это у вас на губе? Шрам какой-то... — спросила Анна. — В бою получили? — Она пальцами дотронулась до шрама на верхней губе.

— Шрам? — хрипло переспросил Чапаев. — Ах, этот... С купола церкви упал, вот и шрам получился... мальчишкой еще был...

— Как упали? С церковного купола?!

— Крест на купол поднимал... — тоже улыбнулся Чапаев, продолжая держать ее руку в своей. — Поднял, закрепил, и такая радость меня закружила, прям сердце из груди рвалось... ветер хлещет... небо такое огромное... Я глянул и будто Божью Матерь узрел... руки вверх протянул... тут меня с купола и сдуло...

— Как же вы насмерть не разбились? — испуганно спросила Анна.

— Живой, как видите... только вот губу рассек сильно... Одни говорили, в рубашке родился, а другие...

— А другие? — Анна подалась ближе к Чапаеву, почти коснулась его высокой грудью.

— А другие говорили... будто сама Богородица меня на руках своих до земли опустила...

— Богородица... — Губы Анны были совсем близко от его губ. — Надо же... чудеса какие...

— Чудеса... — Он крепко прижал ее к себе и стал целовать.

И поцелуй получился долгим, потому что Анна ответила и обвила рукой его шею, пальцы ее взъерошили волосы на его затылке.

Потом она резко оттолкнула его, сказала, тяжело дыша:

— Только я в эти чудеса не верю... Лучше уходите, Василий... зачем вам все это?

— Не знаю... — развел руками Чапаев. — Я вот как собака... все понимаю, а объяснить не могу... Голова у меня закружилась, Анна... как тогда, на церковном куполе...

— И у меня голова закружилась... — слабо улыбнулась Анна, и Чапаев вновь шагнул к ней, обнял и стал жадно целовать.

Сперва она порывисто отвечала на его поцелуи, но потом усилием воли справилась с наваждением, оттолкнула Чапаева, оправила гимнастерку:

— Не надо, Василий Иваныч... прошу вас...

— Почему, Анна Никитишна... — Он хотел снова обнять ее, но она решительно выставила перед собой руки:

— Уходите... сейчас же... прошу вас, уходите... Не то я хозяйку позову!

Чапаев некоторое время смотрел на нее, желваки играли под скулами. Потом круто развернулся и вышел из комнаты.

Поздним вечером Татьяна подошла к дому, где размещался штаб дивизии, остановилась в отдалении и долго глядела на освещенные окна. На ступеньках крыльца сидели двое красноармейцев-часовых, курили, прислонив винтовки к перилам.

Рядом с домом у коновязи четыре лошади жевали овес в торбах. Подъезжали посыльные, привязывали лошадей к коновязи, взбегали на крыльцо дома и скрывались в дверях. Выходили другие, грохоча сапогами по ступенькам, отвязывали коней, вскакивали в седла и уносились в вечернюю мглу. В штабе дивизии шла обычная работа.

Тут же, невдалеке, тянулись длинные конюшни, и возле них в полумраке двигались фигуры красноармейцев. Горели костры, и вокруг них тоже сидели красноармейцы. Огонь выхватывал из темноты лица — бородатые и усатые, совсем молодые, без усов, в папахах, фуражках, гражданских картузах.

Татьяна, в застегнутой наглухо шинели, в солдатской папахе, надвинутой на глаза, неотрывно смотрела на окна. Иногда в них мелькали тени, останавливались, пропадали и возникали снова. Она будто ждала чего-то...

Проходивший мимо невысокий, похожий на подростка, с курносым лицом и большими торчащими ушами красноармеец заметил ее, спросил:

— Кого ждете, гражданка?

— Я? — испугалась Татьяна. — Никого...

— А чего тут стоите? — Красноармеец приглядывался к ней, и его маленькое круглое лицо с носом-пуговкой было настороженным. — Вы откель будете?

— Батальон ивановских ткачей... — проговорила Татьяна.

— Так ваши за мельницами стоят, у складов, — удивился красноармеец. Винтовка, которую он держал, казалась огромной в сравнении с его маленькой фигурой.

— Я знаю...

— Знаете, а тут стоите. Чего стоите? Здесь штаб дивизии, товарищ боец. Здесь без дела стоять не положено, — строго выговаривал красноармеец. — Стоит тут... высматривает... Чего высматриваешь, товарищ женщина? Здесь штаб дивизии находится. Тута высматривать неча!

— Да ничего я не высматриваю... — еще больше испугалась девушка.

— А может, ты шпиенка? — осенило солдатика. — А покажь документ!

— Какой документ?

— Как это какой? Кажный красноармеец, хоша и баба, должон документ иметь! Покажь документ, кому говорю! Или щас охрану кликну, и отведут тебя, куда следовает! Кажи документ, женщина!

Татьяна в ужасе оглянулась по сторонам и вдруг, решившись, с силой ударила солдатика кулаком в лицо. Он громко ойкнул и повалился на землю, выронив винтовку.

Девушка бросилась бежать в темноту.

— Сто-ой... — слабо крикнул солдатик и, дотянувшись до винтовки, нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, и сразу всполошилась охрана, сидевшая

на крыльце. Красноармейцы бросились на выстрел. От конюшен тоже побежали бойцы, передергивая затворы.

— Кто стрелял!

— Сто-ой, вражина! Стрелять буду!

Несколько винтовочных выстрелов прогремели наугад в темноту. И тут же часовые обнаружили копошащегося на земле маленького красноармейца. Подняли его, встряхнули.

— Ты стрелял, аника-воин?

— Я... я стрелял... Шпиенка сбегла... баба... Вот туточки стояла... высматривала... — сбивчиво бормотал солдатик.

— Ох ты-и, шпиенка! Баба! А ну, малый, дыхни!

Солдатик с готовностью дыхнул, хлюпая разбитым носом.

— Так и есть, самогоном прет! А говоришь — шпиенка...

— Вот вам крест — туточки была! Как даст мне в морду и — бежать! Когда я документ у ей потребовал... А самогонка... так я всего полстакашка с ребятами выпил.

— Хлипкий ты, малый, ежли тебе с полстакашка сразу шпиенки чудятся. — Часовой засмеялся, следом за ним загоготали другие.

— У бабы, видать, кулак как у мужика, — гля, как его разукрасила!

— Иди еще полстакашка допивай.

— Куды ему, такому богатырю! Полстакашка махнет и вовсе свалится...

— Не скажи, такие махонькие всех перепивают!

Солдаты вновь загоготали. Маленький красноармеец оскорбленно глянул на них, повесил винтовку на

плечо и побрел в темноту, едва слышно ругаясь. Вдруг обернулся, крикнул:

— Шпиенка была! Вы ишшо меня вспомните!

Татьяна прибежала в расположение батальона ивановских ткачей, села у костра, вокруг которого курили и переговаривались красноармейцы.

Она протянула озябшие руки к огню. Пожилой красноармеец покосился на нее, спросил:

— Озябла, дочка? Ступай в землянку, там тепло, выспишься хорошо. Ступай-ступай — ночи холодные, простынешь... Во-он там, правая с краю — там одни бабы обретаются. Ступай.

— Еще посижу... — с трудом улыбнулась пожилому красноармейцу Татьяна и снова стала задумчиво смотреть на мечущиеся из стороны в сторону рыжие хвосты пламени. — Еще не замерзла...

В ночи горели другие костры, в землянки входили и выходили солдаты. Проскакали несколько всадников. Где-то в темноте гармошка играла заунывную мелодию.

— Игнат! А, Игнат? — позвал хриплый голос.

— Чево-о тебе?

— Иди порты да портянки сушить — место ослобонилось!

— Да не... я уже пригрелся, сплю...

Фурманов спал на кровати поверх одеяла, без сапог и гимнастерки, но в галифе и белой нательной рубашке. Анна сидела рядом на стуле и смотрела на мужа. Он вдруг открыл глаза и сказал:

— Чего не спишь... ложись...

— Ты так развалился, что мне места нету, — усмехнулась Анна.

— М-м-м... извини... ложись, пожалуйста... ложись... — Он закрыл глаза и, засыпая, подвинулся к стене, освобождая место.

Но Анна не легла, а все сидела и смотрела на него.

За окном послышался топот копыт, потом раздался стук в дверь и мужской голос:

— Товарищ комиссар! Товарищ комиссар!

Анна привстала с кровати, Фурманов тут же проснулся, быстро поднялся и стал натягивать сапоги. Стук в дверь повторился.

— Аня, скажи, я сейчас!

Анна вышла из комнаты. Фурманов натянул гимнастерку, подпоясался ремнем с кобурой, перетянул тонкий ремень через плечо, потом взял со стола фуражку и поспешно вышел.

Анна поглядела ему вслед и уселась за стол. Она долго сидела неподвижно, подперев кулаком щеку, и смотрела в темное окно. Вдруг она выпрямилась, услышав за окном шаги, и оглянулась на дверь. Раздался тихий стук, потом в комнату вошла Татьяна, остановилась на пороге, спросила:

— Здравствуйте. Я не поздно?

— Нет-нет, заходи, — оживилась Анна. — Чаю хочешь? Немного остыл, но пить можно...

— Спасибо. Вы книжки обещали почитать... Раньше зайти у меня времени не было.

— Да ты садись, Таня, садись. Книжки сейчас вместе выберем. Выпей чаю. — Она поставила перед Татьяной чашку, налила чаю из чайника, подвинула сахарницу с кусками колотого сахара.

Татьяна отпила пару глотков:

— Благодарю.

Анна между тем вытащила из шкафа мешок, стала рыться в нем, спрашивая:

— А что бы ты хотела почитать?

— Даже не знаю... Толстого... Или Пушкина...

— Толстого? Пушкина? Нет, этого нету... — Анна достала томик. — Ты стихи любишь? Некрасов есть. Хочешь?

— Давайте. Спасибо. — Татьяна взяла томик, стала машинально перелистывать

— Чернышевский есть. Хочешь? А вот Горький есть, «Мать». Не читала?

— Нет... — Татьяна продолжала перелистывать томик Некрасова.

— Очень политически правильная книга, — сказала Анна. — Может, почитаешь?

— Нет, спасибо...

— Тебя в прачечную направили? — после паузы спросила Анна.

— Да, в прачечную...

— Тяжело, наверное?

— Не тяжелее, чем другим.

— Хочешь, я тебя к себе в помощницы возьму? Будешь помогать мне концерт готовить.

— Благодарю вас, я лучше в прачечной... — ответила Татьяна, взглянув на нее.

— Чапаева видела? — поинтересовалась Анна.

— Видела...

— И говорила с ним?

— Нет. Просто увидела, и все.

— А он тебя?

— Нет, не видел... Я издалека на него посмотрела, и все.

— И все? — чуть усмехнулась Анна.

— А вы подумали, я к нему на шею брошусь?

— Я подумала, как ты не боишься... В Чека второй раз попадешь — не выберешься. И я тебе помочь не смогу.

— Чему быть, того не миновать... — обезоруживающе улыбнулась девушка.

— Ты его до сих пор любишь?

— Люблю...

— Ох, глупая ты, Таня... — покачала головой Анна. — Думаешь, он тебя до сих пор тоже любит?

— Не знаю. Нет, наверное... Он мужчина взрослый. У него, я думаю, много женщин было... Я не первая и, наверное, не последняя...

— Ты, я вижу, философ, — усмехнулась Анна. — Я с ним познакомилась...

— Ну и как он вам? — Татьяна вдруг посмотрела Анне в глаза.

— Интересный мужчина... — не сразу ответила Анна. — В такого можно влюбиться.

— Вы уже влюбились? — вкрадчиво спросила Татьяна.

— Да нет... — несколько растерялась Анна и сама на себя обозлилась за эту растерянность. — А почему ты так решила?

— Я не решила... просто чувствую, и все.

— И все?

— Спасибо за книжку. Я пойду. — Татьяна поднялась.

— Спокойной ночи. Как прочитаешь, приходи — что-нибудь еще тебе подберем... Послушай, а ты стихи декламировать умеешь?

— В гимназии на торжественных вечерах декламировала.

— Может, в концерте выступишь? Мы потом с тобой поговорим подробно, хорошо?

— Хорошо. Спокойной ночи.

Анна села за стол и вновь глубоко задумалась, глядя на язычок пламени в керосиновой лампе.

Петька прискакал в расположение штаба бригады Андрея Жукова, привязал коня к коновязи у штабного крыльца и быстро поднялся по ступенькам. Оба часовых красноармейца сидели на верхней ступеньке крыльца и дремали, уронив головы на грудь. Винтовки лежали рядом.

— Эй, гвардейцы, не спать на посту! — громко сказал Петька.

Один из «гвардейцев» замычал, не открывая глаз, другой даже не шелохнулся. Петька, наклонившись, поднял голову одного, тряхнул за волосы.

— Че надо? — тот с трудом открыл мутные глаза.

— О-о, дела табак.... — покачал головой Петька и вошел в дом.

В первой комнате за столом выпивали несколько расхристанных бойцов — в расстегнутых гимнастерках, без сапог, с всклокоченными волосами. Увидев Петьку, один завопил:

— О-о, гля-ка, Петька Исаев заявился!

— Сидай, Петро! Горилки выпей!

— Ему не положено, хе-хе! Ему начдив враз башку отвинтит!

— Жуков-то где? — пропустив приглашение мимо ушей, спросил Петька.

— К комбригу нельзя-а... — один из красноармейцев поднялся, раскачиваясь. — Комбриг занятые нонче... Оне не в настроении...

— Не в настроении? Понятно... — пробормотал Петька и прошел в другую комнату.

Жуков спал, лежа на кровати. Из-под занавески торчали грязные босые ножищи и слышался богатырский храп.

За столом, уставленным пустыми и полупустыми бутылками, стаканами и заваленным объедками, сидел грузный мужик в расстегнутой нательной рубахе и тоже босой. Он мельком глянул на вошедшего Петьку, громко икнул и налил себе в стакан самогону. Выпил в несколько глотков, опять громко икнул и ладонью помахал у себя перед носом:

— Крепка, зараза...

Петька молча подошел к занавеске, отдернул ее и увидел комбрига Жукова во всем великолепии — богатырь дрых беспробудным сном и оглушительно храпел.

Петька схватил его за рубаху, с трудом поднял, встряхнул:

— Товарищ комбриг! Жуков! Андрюха!

— М-м-м! Скройсь... застрелю-у-у... — И комбриг снова повалился на кровать, так и не проснувшись.

Петька подошел к столу, сел, обреченно посмотрел на пьяного мужика, взял бутыль, налил в пустой стакан и махом выпил.

— Ты хто? — уставился на Петьку мужик. — Откель взялся?

— А ты хто? — в свою очередь спросил Петька. — И откудова взялся?

— Тимофей я... свояк Андрюхе... Из Самары повидаться приехал... — нетвердо выговорил Тимофей.

— Повидаться, говоришь? — Петька посмотрел на портупею с шашкой и револьвером в кобуре, валявшуюся на полу. — Добрый тебе совет, Тимофей, чеши отсюда поскорей... не то в этих краях навсегда останешься...

— Не-е, навсегда нельзя-а... Я только повидаться... Меня хозяйство ждет, семья у меня...

— Плакало твое хозяйство, и плакала твоя семья, Тимофей... — вздохнул Петька, налил себе еще и выпил.

Храп неожиданно прекратился, раздался скрип кровати, и Андрей Жуков тяжело поднялся, сделал несколько шагов к столу, рыкнул пьяным голосом:

— Эт-то хто тут б-без меня мою с-самогонку жрет? З-застрелю-у...

Петька обернулся, и Жуков оторопело посмотрел на него, потом расплылся в пьяной улыбке.

— Х-ха, Петро, ты?! Ну-у, чудеса-а божественные! — Жуков рывком поднял Петьку со стула и стал целовать взасос.

Петька едва вырвался из его медвежьих объятий, упал на стул. А Жуков уже наливал в стаканы, проливая водку на стол, гудел:

— Пей, Петро, тут — на том свете не дадут! — Он сунул Петьке в руку стакан, поднял свой, грозно посмотрел на него: — За што люблю тебя, Петро, шо ты... душевный человек! Василь Иваныч п-плохого человека в ординарцы не возьмет! Не-е, не возьмет! — и Жуков выпил.

Петька тоже выпил.

...Прошло совсем немного времени, и гульба разгорелась с новой силой, как затухший, но занявшийся снова костер, когда в него подложили дров. Бородатый свояк Тимофей играл на балалайке, а Петька и Жуков тяжело топали по избе, так что трещали и прогибались доски, и громко орали:

Ой, колечко мое злато!
Мне милёнка жальче брата!
Много звездов погасают,
Много любят, да бросают!

Давай, милый, гроб закажем,
Обоймемся — вместе ляжем!
Болит сердце, ой болит
От проклятой от любви!
От страданья от лихого
Нет лекарства никакого!

Жуков первым устал и с размаху рухнул на стул — тот затрещал и развалился, и Жуков с хохотом повалился на пол. А Петька все еще отплясывал и пьяным голосом вопил:

Ой, матаня, ты матаня,
Ты была буржуйка!
А теперь вот ты, матаня,
Корочку пожуй-ка!

В комнату заглянул ординарец Жукова, позвал осторожно:

— Андрей Платоныч! Товарищ комбриг...

Жуков перестал хохотать, выхватил из лежавшей на полу кобуры револьвер и пальнул не глядя.

Пуля угодила в притолоку. Ординарец поспешно захлопнул дверь.

Петька обессилел и тоже рухнул на стул. Налил себе, проговорил:

— Ох и догуляемся мы... ох и догуляемся... А и ладно, гулять так гулять, голову Чапай оторвет, без головы не выпьешь... — И он стал пить самогонку судорожными глотками.

ГЛАВА 8

— ...Второй, четвертый и седьмой полки выступают на рассвете, держа конечным пунктом Сухаревскую. Туркестанский полк и вторая конная бригада выступают в полдень направлением на Богучарово, — громко говорил начштаба дивизии Иван Стрельцов и огрызком карандаша водил по карте.

— Кто стоит под Богучаровом? — спросил Чапаев.

— По донесениям разведки — два полка первой Уральской казачьей дивизии и офицерский полк дивизии генерала Мансурова, — ответил Стрельцов.

— Отборные части... — сказал комполка Федор Гнедко. — За здорово живешь Богучарово не отдадут...

— Там же прямая дорога на Уфу открывается, — подал голос еще один командир, Петр Сенников.

— Про то я и толкую... Ежели Осинскую атаковать, можно их, гадов, в клещи взять, — проговорил еще один командир.

Бывший поручик Анатолий Новиков молчал, глядя больше не на карту, а на Чапаева, потом сказал:

— Может, послушаем товарища начдива? У него, я чувствую, есть свой план наступления.

Чапаев не ответил, только стрельнул глазом в Новикова, оторвавшись от карты, потом глянул на начштаба и сказал резко:

— Че замолчал? Говори давай, говори, чего вы тут напланировали... Ренненкампфы доморощенные...

— Извиняюсь, товарищ начдив... к-как вы сказали?

— Глухому две обедни не служат. Излагай давай.

В штабную комнату вошел Фурманов, и командиры, стоявшие вокруг большого стола, разом посмотрели на него. Чапаев, склонившийся над картой, тоже поднял голову:

— А-а, комиссар... заждались мы тебя, товарищ Фурманов...

— Так только что посыльный прискакал. Я сразу и собрался. — Фурманов прошел к столу.

Командиры посторонились, освобождая место.

— План наступления вот мусолим, третий час уже... — вздохнул Чапаев. — Ты в работе штаба участвовал?

— Конечно.

— Ну давай говори чего-нибудь... А то вот начальник штаба излагает, а я ничего понять не могу... — проговорил Чапаев.

— Да чего ж тут непонятного, товарищ начдив? — удивленно протянул Стрельцов.

— Мы с начальником штаба позавчера окончательно утвердили план наступления. И все члены штаба... Это означает, что начальник штаба докладывает не свой личный план...

— Не свой личный! Докладывает! — перебил Чапаев. — В общем, так... чего вы тут докладывали — наплевать и забыть! Теперь слушай, чего я буду командовать! — Он вновь склонился над картой. — Осинская есть самый важный узел ихней обороны. Потому тут Каппель и выставил лучшие свои части — первую казачью дивизию и два офицерских полка Соображаете? Да еще вот туточки, под Ивановкой, еще два офицерских полка квартируют. Его благородие генерал Мансуров понимает, что ежли мы выбьем их с Осинской, то пря-

миком через пару-тройку дней в Уфе будем. А вот вы, ренненкампфы мои задрипанные, этого не понимаете.

— Извиняюсь, Василь Иваныч, к-как вы сказали? — вновь испуганно спросил начштаба.

— Товарищ начдив имел в виду командующего первой русской армией генерала Ренненкампфа, воевавшего в германскую... — пояснил Фурманов.

— Во-во... — посмотрел на Фурманова Чапаев. — Его я и имел в виду. Он со всей своей армией в окружение к германцу попал и всю армию угробил... Я, между прочим, товарищ комиссар, в академии учился... недоучился малость. — Чапаев усмехнулся.

— Я знаю, — сказал Фурманов.

— А раз знаешь, так слухай и на ус мотай. Ежли Осинская есть главный оплот обороны белых, то переть на него в лоб не надо — накладут нам по шеям, догонят и еще добавят... А вот главный удар как раз и надо нанести: слева — на Сухаревскую и справа — на Богучарово. Значит, сюда, на Сухаревскую, двинется конная бригада Жукова... А где Жуков? Почему я его не вижу?

Командиры молчали, кто-то осторожно покашлял.

— Где Жуков, я спрашиваю? — Чапаев обвел глазами командиров.

— Да он, это... — заторопился с объяснением Николай Сизов. — Свояк к нему из Самары приехал, ну, это, загуляли они малость... Я к нему сам ездил... никакой он...

— Что значит — никакой? — нахмурился Чапаев. — Приказ был — всем явиться в штаб дивизии! Я для кого приказы делаю?

— Ну, в разобранном он виде, Василь Иваныч... к завтреву поправится... — оправдывался Николай Сизов.

— Жукова, подлеца, лично расстреляю! — отрубил Чапаев. — Для кого я приказы делаю? Он думает, ежли

командир бригады — все можно? Расстреляю пьянь сиволапую! — Чапаев ударил кулаком в стол. — Между прочим, всех касается!

Командиры молчали. Чапаев вздохнул, сказал спокойно:

— Ладно, слушай дальше. Ежели мы Сухаревскую и Богучарово возьмем, то получится, что... Что получится? — Чапаев взглянул на Ивана Стрельцова.

— Что получится? — не понял тот.

— Получится — мы эту Осинскую обнимем двумя руками и прижмем к жаркой груди, и зацалуем до смерти... или они начнут отступать, чтоб не попасть в наши жаркие обьятия... Ежли, конечно, генерал Мансуров дотумкает, что ему грозит... — Циркуль в руке Чапаева гулял по разложенной на столе карте. — А мы и на это согласны будем... Как говорится, на плечах отступающего противника ворвемся в город Уфу... Так вот и поступили германцы с армией Ренненкампфа, товарищ комиссар. Только Ренненкампфу выскочить из этих германских объятий не удалось... Ну что-о, товарищи командиры, как я вам прочитал лекцию о международном положении? — улыбаясь, Чапаев победоносно смотрел на командиров. — Как мы это дело обмозговали своим земляным плотницким умишком, ась?

— Хитро придумали, Василь Иваныч... — восхищенно проговорил начштаба Стрельцов, и командиры невольно заулыбались, глядя на хитро сощуренное лицо Чапаева. И Фурманов тоже не смог сдержать улыбки.

— А вот теперя давайте помозгуем вместях, куды и какие полки пойдут и какую задачу будут при себе иметь... Рассаживайтесь, товарищи командиры. Товарищ Исаев, организуй нам чайку... А где Исаев? Куды подевался? От черт! С утра не видел! — Чапаев завертел

головой по сторонам. — От паразит, и где шляется? Под арест посажу! Кто-нибудь чаю организуйте!

Николай Сизов молча вышел из комнаты.

Уже поздней ночью, когда командиры разошлись, Чапаев бросил циркуль на стол, почесал в затылке. Фурманов курил, сидя за столом.

— Ну что, комиссар, напланировали мы тут — смотреть любо-дорого! А как бой грянет — там уж как Бог рассудит...

— Сомневаешься? — спросил Фурманов.

— А как же, конечно... Ежели бы мы с генералом Мансуровым в шашки играли — одно дело, а живые люди — это... Испугайся один, подними панику второй, тут и другие за ними... вот и наступление сорвалось... — Чапаев задумчиво смотрел на карту. — И все наши планы — псу под хвост!

— Надо в частях политбеседы провести... — сказал комиссар.

— Ты — комиссар, вот ты и проводи.

— Да я уже по многим частям ездил, говорил с людьми... В Туркестанском полку двенадцать человек в партию приняли. В сто двадцать первом — семь человек, в Балаковском полку — девять... Слушай, Василь Иваныч, ты такую Татьяну Мальцеву помнишь?

— Мальцеву? Полковничью дочку? — Чапаев весь напрягся, впился глазами в комиссара. — А как же? А ты откель про нее знаешь?

— Да когда я из штаба армии уезжал, в кабинете у товарища Фрунзе сидел, позвонили, сказали — бежала Татьяна Мальцева из Чека. Заместителя председателя Чека Ивана Реброва убила и бежала...

Чапаев проглотил ком в горле — кадык дернулся на шее вверх-вниз. Спросил глухо:

— Бежала? Как же она его убить сумела?

— В одном доме... То ли они там тайком сожительствовали, то ли еще что... — пожал плечами Фурманов. — Труп полураздетый был... у кровати...

— Не поймали ее?

— Пока там был — нет. Теперь не знаю...

— А откуда знаешь, что я ее знаю? — Чапаев не спускал с комиссара взгляда.

— Да сказали, что ее в твоей бригаде арестовали... Будто ты ей... покровительствовал...

— Врешь ты, комиссар... говори правду... — потребовал Чапаев.

— Правду говорю. Больше ничего не знаю. — Фурманов отвел глаза в сторону, закурил.

— Ладно, не хочешь — не говори. Это к делу не относится...

Чапаев сел за стол, вновь уставился на карту, исчерченную большими и маленькими стрелками, исписанную номерами частей. Потянулось молчание.

— Был я у него... — нарушил тишину Чапаев.

— У кого? — не понял Фурманов.

— У этого чекиста Ивана Реброва, — поморщился Чапаев. — Он мне сказал, что расстреляли Мальцеву... А выходит, врал он мне... Выходит, он ее полюбовницей своей сделал... так-так, веселые дела...

— Чего ж тогда она его хлопнула, если полюбовницей стала? — недоверчиво произнес Дмитрий Фурманов.

— А поди знай, что там промеж них вышло...

— Ладно, давай о деле, Василь Иваныч.

— Твои ткачи ивановские небось поголовно партейные? — спросил Чапаев.

— Не поголовно, но процент высокий.

— Какой?

— Семьдесят четыре процента — члены партии, — отвечал Фурманов.

— Вот они на Богучарово и пойдут. Самый крепкий орешек будет Богучарово, — глядя на карту, заключил комдив. — За конной бригадой Жукова пойдут.

— Ты ж его расстрелять решил?

— А вот Богучарово возьмет, тогда и расстреляю.

— Если не возражаешь, с полком ивановских ткачей я пойду, — сказал Фурманов.

— Валяй, комиссар... не возражаю... Но смотри, ежли слабину дашь, не погляжу, что ты комиссар дивизии, — расстреляю перед строем.

— Ты сперва комбрига Жукова расстреляй, — усмехнулся Фурманов, поднялся, погасил окурок и пошел к двери.

Чапаев вылетел из штаба, почти бегом бросился к конюшням. Красноармейцы, сидевшие у костра перед воротами, вскочили, едва признав в подбежавшем человеке начдива.

— Отворяй! Звездочета седлай! Быстро!

Тут же рядом возник Николай Сизов:

— Куды собрался, Василь Иваныч? Я уж было спать ложиться хотел...

— Вот и ложись! Не ходи за мной хвостом! — рявкнул Чапаев.

— Да куды ж вы один-то?

— Провались от меня — не твое собачье дело!

— Как же это не мое? Самое мое дело... — проговорил Сизов. — Ты к Жукову собрался... ох, беда будет...

В это время красноармеец вывел из конюшни оседланного коня, светло-гнедого, с большим белым пят-

ном во лбу. Чапаев вырвал у бойца повод, прыгнул в седло и ошпарил коня нагайкой. Конь коротко оскорбленно заржал. Дробно застучали копыта, и всадник мгновенно скрылся в темноте.

Николай Сизов молча кинулся в конюшню. Красноармейцы стояли у костра, очумело смотрели на раскрытые ворота.

— Куда это Василь Иваныч помчался? Ай стряслось чего?

— Без охраны поехал — как бы беды не вышло...

В это время из ворот, пригнув голову, вылетел Николай Сизов на вороном коне, стегнул его нагайкой и тоже поскакал в темноту.

Комбриг Жуков сидел за столом в избе, в подштанниках и нижней белой рубахе, пьяный и уставший от пьянства.

На полу под стулом лежала портупея с шашкой и револьвером в кобуре. Рядом валялись смятая гимнастерка и галифе.

Напротив Жукова дремал на табурете его свояк Тимофей, босиком, в заношенных подштанниках и грязной нательной рубахе, на открытой груди посверкивал темным золотом большой крест. На столе — следы продолжительной пьянки: окурки, объедки, недопитый самогон в бутыли...

А на кровати за занавеской теперь храпел Петька Исаев, тоже босой. Сапоги и портупея с шашкой и наганом валялись на полу.

Дверь в комнату отворилась, и вошел комиссар бригады. Лицо у него было встревоженное:

— Товарищ комбриг...

— Ч-чего нада? — вызверился на него Жуков. — Не видишь, к-комбр-риг з-занятый...

— Приказ же был, Андрей Платоныч, выступать на рассвете... а бригада вся в загуле, на вас глядючи... И в штаб дивизии не поехали — Василь Иваныч осерчает! Кончай с пьянкой, Андрей Платоныч... Ты хоть понимаешь, что наступление назначено? Иль уже ничо не соображаешь?

— Хто не соображает? Я не соображаю? Да я тебя, канцелярская твоя душонка! — Жуков с неожиданным проворством подхватил с пола портупею, выдернул из кобуры револьвер и прицелился в комиссара. — Вон ординарец Василь Иваныча Петька Исаев дрыхнет! Какое ишшо совещание без Петьки Исаева?! Я тебя щас в р-расход пущу, комиссарское отродье!

Комиссар едва успел выскочить за дверь — пуля ударила в косяк, вырвала кусок щепы. Жуков пьяно захохотал, бросил револьвер на стол, хлопнул еще полстакана самогонки, фыркнул:

— По твоей милости, Тимоха, я на с-совещание к Чапаю не поехал... т-ты п-понимаешь ай нет? — пьяно выговорил Жуков. — Петька-то за тем, видать, и прискакал...

— К т-тебе свояк в гости приехал, Андрюха-а... — тоже пьяным голосом отвечал свояк. — Совещание и подождать может по такому случаю.

— Ч-чапаев п-приказал... к-как ш-штык быть, наступление г-готовим, п-понимаешь ты, п-пень волосатый? — Жуков покачал кудлатой золотой головой. — Ч-чапаев п-приказал, ты п-понимаешь?

— Да к-кто он такой, Андрюха-а, энтот Чапаев, штоб т-тебе п-приказывать? — громко икнул свояк и налил из бутыли в стаканы. — Ты — комбриг! Это ж такая

высоченная должность, Андрюха! Генерал! Ты — генерал, Андрюха! Х-хто генералу п-приказать может? Раньше царь мог, а теперича х-хто? Д-давай зови девок! И гармониста зови! Душа плясать жалает, Андрюха-а!

— Чапай выше всякого царя, ты п-понял, пень волосатый?!

— Нет, не выше! Выше царя никого нетути!

— А его расстреляли...

— Стало быть, выше никого и не будет, раз расстреляли... Постой, Андрюха. Хто расстрелял?

— М-мы-и, б-большевики... Мы всех постреляем, дай только с-срок!

— Гармониста зови, Андрюха! Душа просит!

Жуков ударил кулаком в стол, рыкнул громовым голосом:

— Эй, х-то там есть?!

В комнату влетел пьяный ординарец, покачнулся, с трудом остановился и отдал честь:

— З-здесь я, Андр-рей П-платоныч...

— Гармониста давай! Девки г-где? Давай сюды девок!

— Сей момент, Андрей П-платоныч. — Ординарец ринулся обратно, ударился плечом о косяк, выматерился и пропал в сенях.

По всей станице бродили пьяные бойцы кавалерийской бригады, многие с бутылями самогона, к которым прикладывались прямо на ходу. У большого костра пиликала гармошка и несколько пьяных красноармейцев неуклюже плясали — с посвистом, с криками, шашки мелькали в их руках — серебряными кругами над головами, вокруг туловища.

Ка-ак за Урал-рекой, за Урал-рекой
Пожары полыхаю-у-ут!
Потерял Колчак покой — эх, покой!
Красные гуляю-у-ут!

...Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть... —

надрывался гармонист, сидя на лавке у двери.

У пьяного свояка Тимофея на коленях сидела такая же пьяная полуголая девица, и свояк тискал ее большущими ручищами, лез целоваться, щекоча девицу бородой. Девица хохотала, отбиваясь:

— Ой, до смерти защекотал, ой, не могу-у! Бородищу сперва отрежь, а после целоваться будем!

— П-пошли в постелю-у... — мычал свояк.

— Да от тебя щас в постели-то пользы как от козла молока, — смеялась девица.

На коленях у комбрига Жукова тоже пристроилась девица с распущенными черными волосами, и они целовались. Жуков при этом утробно мычал, притопывал босой ногой в такт мелодии.

Петька тискал девицу за занавеской у кровати, шептал лихорадочно:

— Ну давай, милая, давай, голубушка... ну че ты кобенишься... ложись, милая, ложись...

— Да куды я лягу, очумел, што ли? — слабо сопротивлялась девица. — Люди кругом...

Чапаев распахнул дверь и ввалился в дом. В сенях на лавке спал ординарец. Чапаев схватил его за отворот гимнастерки, поднял, поставил на ноги. Но стоять ординарец не мог, заваливался на бок и таращил на Чапаева безумные глаза:

— С-сам Ч-чапаев... Г-гос-споди-и...

Чапаев влепил ему тяжеленный удар в скулу, и ординарец рухнул на пол, раскинув руки. Из-за двери в другую комнату слышались гармошка и голос гармониста:

Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблен...

Чапаев открыл дверь ударом ноги и вошел в комнату. Гармошка пискнула и замолкла, оборвался поющий голос. Комбриг Жуков не сразу увидел начдива — целовался с девицей. Чапаев стоял и смотрел. Девица оттолкнула Жукова:

— Да подожди ты! К тебе вон пришел кто-то...

Жуков увидел Чапаева, несколько секунд обалдело глядел на него, отвесив челюсть, потом спихнул с колен девицу и встал на нетвердые ноги, пошатнулся. Вдруг расплылся в пьяной улыбке:

— Василь Иваныч, любушка-а! П-пра-ашу к столу!

Петька за занавеской окаменел, оттолкнул от себя девицу, осторожно выглянул...

— Твоя бригада нынче поутру выступать должна, ты про то знаешь? — тихо спросил Чапаев. — А ты с блядями прохлаждаешься? Под гармошку? Под самогонку?! Ты-и, сучий хвост! Расстрелять мало подлеца!

— С-свояк п-приехал... от р-родных п-привет п-привез... — заплетающимся языком пытался отвечать Жуков.

И тут Чапаев хлестнул его нагайкой поперек лица. Жуков дернулся, опять пошатнулся, но устоял. Поперек лица вспухла багровая полоса. А Чапаев хлестнул нагайкой еще, еще и еще! Удары сыпались один за другим. Багровые полосы вспухали на лице, на шее. Лопнула нательная рубаха на плечах, брызнула кровь.

Девицы с визгом бросились из комнаты. Свояк Тимофей, прихватив со стола бутыль самогона, как был в исподнем, тоже ринулся к двери.

— Предатель! Пропойца! — выкрикивал Чапаев, продолжая полосовать нагайкой стоящего перед ним комбрига, лицо которого было уже все в крови.

Жуков ладонью провел по лицу, посмотрел на кровь на ладони, сказал нетвердо:

— П-пра-иль-на... Василь Иваныч... бей — не жалей! — и рухнул на пол как подрубленный.

— Ну, сволочь... — Чапаев опустил руку с нагайкой. — Расстреляю... перед строем расстреляю...

Из-за занавески вышел Петька Исаев. Чапаев некоторое время растерянно смотрел на него, выдохнул:

— Ты-и?

— Я, Василь Иваныч... — опустил голову Петька. — Стреляй и меня...

— ...Понимаешь, Анна, он действительно самородок! — возбужденно говорил Фурманов, расхаживая по комнате. — И у него талант полководца есть, да-да, я серьезно говорю. Я ведь немало повидал разных командиров — Чапаев выше их всех на голову!

— Он же малограмотный... плотник, — улыбнулась Анна Стешенко. — Церкви строил... на шарманке играл...

— На шарманке играл? — удивленно посмотрел на нее Фурманов. — Откуда ты знаешь?

— Рассказывают... я про него много наслушалась...

— Ну и что? Ну, малограмотный... У него природный ум, понимаешь? Народный... Мы вот любим говорить о народной мудрости, о природном уме — а вот он и

встретился. Хотя отрицательных черт я в нем тоже множество вижу. Но это все ерунда, Анна! Ты помнишь, у Наполеона был маршал Ней. Один из лучших, любимый маршал. Так вот он был сыном бочара! Крестьянский сын, которого выдвинула Французская революция!

— Я поняла, — вновь иронически улыбнулась Анна. — Чапаев — наш русский маршал Ней?

— Можно и так сказать, — Фурманов тоже улыбнулся. — И должен заметить, мне с ним нелегко приходится. Все время стычки на грани ссоры... и притом, без серьезного повода.

— А почему же?

— Не любит он комиссаров... С предыдущим на ножах были... и вообще... не любит. В нем партизанские замашки сильны. Степан Разин, видишь ли, новоявленный...

— Найдется повод — серьезно поссоришься... Ты есть будешь? — Анна посмотрела на стол, на котором стояла сковородка с остывшей яичницей.

— Да-да, забыл за разговорами. — Фурманов сел за стол, с жадностью набросился на еду.

— Ты с Чапаевым насчет полковничьей дочки еще не поговорил?

— Нет. Случая не выдавалось... Тут, знаешь, с подходом надо. Не ровен час, он взбеленится и сам прикажет ее арестовать... — Фурманов продолжал быстро есть.

— А ее ты видел? — после паузы спросила Анна.

— Видел... несчастная женщина... хотя какая она женщина? Девчонка еще... Насмерть влюбленная девчонка...

— Смотри, сам в нее не влюбись...

— Кто? Я? Да ты что, Аня? — вскинул голову Фурманов, улыбнулся. — Не доверяешь?

— Не доверяю... — тоже улыбнулась Анна.

Фурманов перестал есть, поднялся и шагнул к Анне, обнял ее, задышал в лицо:

— Мне? Не доверяешь? — Он попытался поцеловать ее, но Анна мягко отстранилась.

— Не надо, Дмитрий... ну, прошу тебя, не надо...

— Что с тобой, Аня? Что случилось?..

— Ничего... просто я хочу спать... Мы готовим спектакль в клубе — я две ночи не спала... — Она высвободилась из его объятий, вышла из комнаты.

Фурманов нахмурился, посмотрел на дверь. Потом взял со стола кисет, обрывок бумаги, долго сворачивал цигарку. Дверь отворилась неожиданно, и Фурманов вздрогнул и просыпал табак на пол, тут же нервно смял и отбросил бумажку.

— Что с тобой, Дима? Ты испугался меня? — улыбнулась Анна.

— Что за чушь! Почему я должен тебя пугаться? Меня просто приводит в недоумение твое поведение. Что случилось, Аня?

— Даже в рифму заговорил... — усмехнулась жена. — Не понимаю, о чем ты спрашиваешь?

— Брось, прекрасно понимаешь! Ты вдруг стала избегать меня, почему?

— Избегать? Тебя? Что за глупости, Дима? Мы почти все время вместе.

— Не юли! Ты понимаешь, о чем я! — Он крепко взял ее за руки, притянул к себе. — Ты избегаешь близости со мной... Почему?

— Я сказала уже — я очень устала... — Анна попыталась высвободить руки, но Дмитрий сжал их еще крепче.

— Чапаев, да? Новый роман? Я достаточно изучил тебя...

— Тебе кажется, что изучил, — усмехнулась она. — На самом деле ты прочитал только первые страницы...

— Аня!

— Пусти, Дима... не глупи... не становись смешным... Отелло. — Анна с силой рванула руки, но Фурманов не отпустил.

— Смотри, Аня... не доводи до беды...

— Господи, ну какой же ты смешной, Дима... — вдруг заулыбалась Анна и сама прижалась к нему, поцеловала в щеку, потом в губы, и он мгновенно растаял, отпустил ее руки. Она обняла его, взъерошила волосы на затылке, жадно прильнула губами к его губам, прошептала: — Господи, какой же ты смешно-ой...

Четыре длинные шеренги всадников выстроились на площади селения.

Андрея Жукова, босого, но в галифе и нательной рубахе, с исполосованным нагайкой лицом, двое бойцов вывели перед первой шеренгой. Остановились. Жуков стоял, опустив голову. Свесились вниз золотые кудри, перепачканные кровью.

Из дома вышел Чапаев, следом за ним Петька Исаев, комиссар бригады Семченко со сложенной пополам бумагой, еще трое военных во френчах и фуражках.

Тускло светило из-за туч осеннее солнце.

Все остановились неподалеку от Жукова. Комиссар Семченко развернул бумагу и стал громко читать:

— За невыполнение приказа о выступлении кавбригады, поставившее под угрозу наступление всей армии и положение всего фронта, за пьянство и развал дисциплины, учитывая угрожающее положение на фронте, по суровому закону революционного времени приказываю: командира кавалерийской бригады двадцать пятой дивизии Андрея Жукова от должности отстранить и расстрелять! Начдив двадцать пять Чапаев.

Комиссар Семченко закончил читать, воцарилась тишина. Красноармейцы на лошадях смотрели то на своего комбрига, то на Чапаева и, казалось, не верили своим ушам. Тихо гудел ветер.

— Я сам приведу приказ в исполнение! — выкрикнул Чапаев и прошел вперед, повернулся, встал шагах в десяти перед Жуковым, выдернул револьвер из кобуры.

— Прощай, Василь Иваныч... — подняв голову, проговорил Жуков.

— Прощай, Жуков... — выдохнул Чапаев и, медленно подняв револьвер, нажал на спусковой крючок.

Грохнул выстрел. Дернулись лошади в шеренге. Вздрогнули красноармейцы.

Пуля ударила Жукова точно в левую сторону груди, и рубаха окрасилась кровью. Жуков резко выпрямился, пошатнулся, сделал шаг вперед и плашмя рухнул на землю. Ветер шевелил золотые кудри...

Чапаев подошел ближе и долго стоял рядом, повесив голову и опустив руку с револьвером.

Всадники осторожно разворачивались и рысью уходили с площади. Некоторые оглядывались... смотрели на застывшего с опущенной головой Чапаева и комбрига Жукова, лежащего у его ног.

Чапаев вдруг присел на корточки, перевернул Жукова на спину, пальцами закрыл остекленевшие синие глаза, резко встал. В глазах у него стояли слезы. Он проглотил ком в горле, пальцем смахнул слезы и быстро пошел прочь.

— Похоронить по-хорошему, — на ходу велел Чапаев комиссару Семченко. — И принимай командование бригадой. Командуй выступление! К вечеру должны быть под Богучаровом. А не будете — тебя расстреляю. А ежли белых из Богучарова не выбьешь — я тебя

опять расстреляю... — Чапаев огляделся по сторонам, спросил: — Исаев где?

— Да там... — один из красноармейцев указал на большой сарай на краю площади.

Чапаев медленно пошел через площадь.

...Петька лежал ничком в зарослях лопуха, и спина его сотрясалась от рыданий.

Чапаев остановился над лежащим ординарцем, молчал и слушал. Потом сказал:

— Вставай...

Петька перестал рыдать, поднялся, одернул гимнастерку, застегнулся на все пуговицы и выпрямился:

— Я готов, товарищ начдив...

Чапаев некоторое время смотрел ему в глаза, проговорил глухо:

— На конь давай. Спешить надо... — и, повернувшись, быстро пошел обратно через площадь, там дожидался его с конем Николай Сизов и шестеро красноармейцев охраны.

Штаб генерала Мансурова располагался в Уфе, в бывшем доме генерал-губернатора, на главной улице города. Двухэтажное длинное здание с колоннами и пандусом для экипажей охраняли казаки. То и дело к подъезду с большими дубовыми дверями подлетали всадники. Спешивались, привязывали повод к бревну, положенному на два столба, торопились к резным дверям с бронзовыми ручками хорунжие, есаулы, сотники в казачьей форме, шароварах с голубыми лампасами и офицеры колчаковской армии, во френчах и черных гимнастерках с белым кантом и золотыми погонами. На рукавах гимнастерок виднелись серебряные череп и

скрещенные кости. Охрана у подъезда козыряла, и офицеры небрежно отвечали, на ходу вынимая из планшеток пакеты с донесениями.

И выбегали из штаба тоже с пакетами, торопились к коновязи, вскакивали в седла, пришпоривали коней, скакали, стуча по брусчатке подковами.

Прямо на пандусе с обеих сторон от подъезда стояли пулеметы и возле них по два солдата. Еще несколько солдат дымили цигарками у коновязи, провожая взглядами подъезжающих и отъезжающих посыльных.

Звеня подковами, мимо штаба проскакал десяток казаков — шашки на боку, винтовки за плечами.

...В кабинете генерала Мансурова шло совещание. На стене висела большая карта, и разноцветные стрелки, цифры и значки, нарисованные на ней, были заметны издали. Генерал Мансуров водил по карте указкой:

— Господа, красные начали движение своих частей почти по всему фронту, — указка прошлась по карте сверху вниз. — Двадцать пятая дивизия Чапаева на острие наступления. Цель наступления красных, — для того чтобы это понять, не нужно быть семи пядей во лбу — взятие Уфы и Екатеринбурга. Если эта цель будет ими достигнута — фронт рухнет. Нам придется отступать по всему фронту... до самого Омска...

Офицеры, в основном полковники и капитаны, плотной группой стояли у стола, смотрели на карту, напряженно слушали.

— Главные направления движения дивизии Чапаева — станица Осинская, Богучарово и Сухаревская. Я полагаю, основной удар они нанесут по Осинской — отсюда прямая дорога на Уфу. Для защиты Осинской я намерен дополнительно перебросить офицерский

батальон полковника Германова и пять сотен казаков из первой Уральской дивизии. Также — два артдивизиона, командир — ротмистр Сибирцев...

Колонна красноармейцев вышагивала по степной дороге. Пыль густым шлейфом тянулась за ними. В пыли поблескивали штыки. Грохотали снарядные повозки. Лошади шли бодрой рысью, за повозками тяжелые битюги тянули орудия.

Передние шеренги громко и дружно пели:

Так громче, музыка, играй победу!
Мы победили, и враг бежит-бежит-бежит!
Так за Совет народных комиссаров
Мы грянем громкое ура-ура-ура! —

выводил густой баритон. Это пел высокий красноармеец с густой рыжей бородой и усами.

И еще яростнее колонна подхватила припев:

Смело мы в бой пойдем за власть Советов!
И как один умрем в борьбе за это...

Комполка Николай Сизов вышагивал в голове колонны, окидывая взглядом строй, и покрикивал:

— Давай, бойцы! Припев еще разок!!

И по степи гремело:

Смело мы в бой пойдем за власть Советов!
И как один умрем в борьбе за это!

Впереди пешей колонны пылили всадники передового дозора, грохотали тачанки.

— Может, «вечную память» грянем, товарищ комполка? — спросил рыжий бородач.

— А ну, давай «вечную память», — улыбнулся Сизов.

Певец набрал в грудь побольше воздуха и начал на манер церковного дьякона:

— Благоденственное и мирное житие, здравие, спасение и во всем благое поспешание, на врага победу и одоление подаждь, Господи-и!

Строй затянул дружно:

— Го-о-осподи, по-ми-лу-уй!

А густой баритон взревел со старанием:

— Всероссийской социалистической Красной Армии с вождем товарищем Лениным и всей чапаевской дивизии, и всему нашему Стеньки Разина полку мно-о-огая-а лета-а-а!

И строй вновь с воодушевлением подхватил:

— Многая лета-а-а!

— Во блаженном успении пошли, Господи, вечный покой сибирскому верховному правителю и мучителю белому адмиралу Колчаку со всей его богопротивной паствой, всем контрреволюционерам, империалистам, капиталистам, помещикам и другой разной белой сволочи вечная-я-а-а памя-а-а-ать!

Бойцы, улыбаясь, затянули:

— Вечная-а-а памя-а-ать!

— Так-так, товарищи бойцы-и! Пр-ра-авильна-а! Мы им всем устроим вечную памя-а-ать! Золотопогонникам! Контре! Вечная память!

В другом направлении двигалась колонна ивановских ткачей. Так же впереди скакала полусотня дозора, скрипели телеги, нагруженные боеприпасами, пулеметами. Мерно раскачивался лес штыков, ползла пыль.

В этом строю вышагивала Татьяна Мальцева. Тяжелая винтовка давила на плечо, папаха норовила сползти на глаза.

Фурманов подошел ближе к строю, позвал громко:

— Красноармеец Мальцева! Подойдите ко мне!

Татьяна выбралась из строя, остановилась перед Фурмановым.

— Пойдите сядьте на телегу, — негромко приказал Фурманов.

— Нет-нет! — замотала головой Татьяна. — Я вместе со всеми. Я не устала, я могу!

— Идти еще десять верст. Вы свалитесь.

Мимо шагали красноармейцы, и в шеренгах можно было увидеть женщин в шинелях с винтовками на плечах.

— Другие же идут! И я пойду! Я смогу, товарищ комиссар, — не уступала Татьяна.

— Выполняйте приказ, красноармеец Мальцева! Сесть на телегу! — отчеканил Фурманов и, повернувшись, зашагал вперед.

Мальцева побрела вдоль строя, но в обратную сторону.

Вот строй кончился, и показались первая, за ней — вторая и третья телеги. Татьяна на ходу взобралась на телегу, уселась рядом с возницей — пожилой женщиной в теплой фуфайке и шерстяном платке. На повозке лежал на боку пулемет «максим», он уперся стволом прямо в бок девушке. Татьяна с трудом отодвинула ствол пулемета в сторону, положила рядом с собой винтовку, уставилась тоскливым взглядом в степь, и вдруг слезы помимо воли потекли из глаз. Она зашмыгала носом, ладонями закрыла лицо.

— За кого переживаешь? — спросила женщина-возница, покосившись на Татьяну. — Погиб кто? Брат аль отец?

— Не знаю... — отняв ладони от лица, ответила Татьяна. — Отец погиб... а брат... не знаю... Наверное, тоже погиб...

— Э-эх, горемычная ты моя, — покачала головой возница. — А у меня тоже... в прошлом бою и брата, и папашу положили. Пулеметчики были. Вон их пулемет-то... враз осиротела...

Татьяна посмотрела на пулемет, лежавший рядом с ней на телеге, потом вновь взглянула на женщину и увидела только чуть сутулую широкую спину да голову, повязанную платком. Женщина смотрела вперед.

— Война пошла... — сказала женщина и хлестнула вожжами лошадь. — Безо всякого милосердия... Теперь вот и бабы пошли заместо мужиков воевать, — она с улыбкой обернулась. — Так что не горюй, милая, ишшо повоюем за наше пролетарское дело! Ты пулемет-то знаешь?

— Н-нет...

— А я тебя научу — дело нехитрое! — и женщина засмеялась. — Будем с тобой боевым пулеметным расчетом!

Подводы скрипели и переваливались на разбитой дороге, впереди висела густая завеса пыли от шагавшей колонны бойцов. И вдруг послышались крики, частые выстрелы.

— Казаки-и!

— Да откель они взялись тута, мать честная?!

— Откель, откель?! Им степь што дом родной! Где хотят, там и шастают!

— Ах, пралич их разбей! — закричала женщина-возница, указывая рукой в степь. — Вон они-и!

В клубах пыли на обоз накатывалась орава казаков. Грохот копыт, свист и улюлюканье, тонкими полосами сверкали шашки.

— Ну-к, дай винтовку, — приказала возница, обернувшись. — Да не свою! Вон рядом лежит!

Татьяна вытащила другую винтовку, торчавшую из-под пулемета, подала женщине. Та бросила вожжи,

лязгнула затвором, вскинула винтовку и прицелилась. Выстрелила прямо в клубы пыли. И многие из обоза стали стрелять в толпу скачущих казаков.

Со стороны казаков тоже защелкали частые беспорядочные выстрелы.

— Стреляй, чего расселась?! — зло крикнула женщина.

Татьяна взяла свою винтовку, с усилием передернула затвор и вдруг увидела, как пуля ударила женщину прямо в лоб, она тихо вскрикнула, ее глаза были полны невиданного удивления. Женщина выронила винтовку и рухнула навзничь. Громко заржала лошадь. Гремели выстрелы, Татьяна с ужасом смотрела на запрокинутое лицо убитой...

— ...Я часто вспоминаю слова вашего отца, Евгений Андреич, — говорил генерал Мансуров, помешивая ложкой чай в стакане с тяжелым серебряным подстаканником. На подстаканнике были выгравированы двуглавые орлы. — Он любил повторять слова фельдмаршала Миниха, сказанные им почти двести лет назад. «Глядя на состояние дел государства Российского, приходится заключить, что управляется оно самим Господом Богом, иначе совершенно невозможно понять, каким образом оно управляется».

— Да-да... — улыбнулся Мальцев. — Он часто любил повторять эти слова...

— Так вот я прихожу к убеждению, что теперь Россия и Господом Богом не управляется... Она брошена им на произвол судьбы. И что будет с ней дальше — страшно даже подумать. — Генерал достал из золотого портсигара папиросу, закурил. — Великая смута времен

польской интервенции и Лжедмитриев кажется мне святочными играми по сравнению с тем, что происходит сейчас.

— Вы не верите в нашу победу? — после паузы спросил Евгений Мальцев.

— Простите великодушно, ротмистр, но... не верю... — с саркастической улыбкой Мансуров развел руками.

— Но как же вы...

— Интересно спросить вас, Евгений Андреич. Спрашиваю вас как старый друг вашего покойного отца. Вы-то сами верите в нашу победу?

— Верю. Я верю в адмирала Колчака и в нашу победу. Я верю в Россию! — тряхнул головой Мальцев.

— Ваши слова убеждают меня в другом, голубчик. Умом вы верите, а сердцем понимаете, что мы обречены... Подумайте, Евгений Андреич, в России сто миллионов мужиков, и все они — против нас... Каково, а? Сто миллионов мужиков...

— Право, не знаю, что вам возразить, ваше превосходительство...

— А не надо ничего возражать. — Мансуров затянулся папиросой, выпустил густую струю дыма. — Есть вещи, который понятны и без слов... О Татьяне ничего не известно?

— Кроме того, что она у красных... больше ничего, ваше превосходительство, — ответил Евгений Мальцев.

— Жива ли?

— Думаю, жива... если перешла к красным, то, наверное, жива...

— Перешла к красным? — Брови генерала поползли вверх.

— У меня были такие сведения, ваше превосходительство...

— Выходит, ваша сестра сделала свой выбор?

— Она мне более не сестра, ваше превосходительство, — вскинув голову, зло проговорил Мальцев. — Ежели встречу — убью.

— Что ж, Бог вам судья, ротмистр... Ладно, поезжайте на позиции, не смею более задерживать... — И добавил, помолчав: — Ваша вера в победу в скором времени очень понадобится.

Машина въехала на улицу городка, переваливаясь на ухабах и в воронках от снарядов, пропылила мимо горящих домов, объезжая тела мертвых красноармейцев и белогвардейских солдат. В некоторых местах они лежали особенно густо, валялись винтовки, папахи, и фуражки... По улице пробегали бойцы с винтовками наперевес. Навстречу машине брели раненые, с забинтованными руками и ногами. На бинтах засохшие пятна крови. Многие хромали, опираясь на винтовки, как на костыли. Впереди слышались частые пулеметные очереди, взрывы гранат и снарядов. И сквозь эту мешанину звуков время от времени прорывалось протяжное «Ура!».

Чапаев, стоявший в машине, постучал рукой шоферу по плечу, и тот притормозил рядом с одним из раненых. Голова и рука у него были перетянуты грязными окровавленными бинтами. Чапаев выскочил из машины, подошел к красноармейцу, спросил, разглядывая его:

— Как зовут, боец? Где ранило?

— Степан Кулыгин... Вон тама ранило... За церковью. У них там главные укрепления были. В штыки два раза ходили. Наломали мы им бока... отступают... — Красноармеец слабо улыбнулся.

— Из какого полка? — спросил Чапаев.

— Полк Стеньки Разина. Николай Сизов у нас командир.

Подошел еще один раненый. Одна нога без сапога, замотана окровавленным тряпьем, и на голове грязная повязка с засохшими пятнами крови. Признав Чапаева, красноармеец широко улыбнулся:

— Здравия желаю, товарищ начдив!

— И тебе здравия желаю! — тоже улыбнулся Чапаев. — Как звать?

— Гарифулин Муса, полк имени Стеньки Разина.

— Что скажешь, Муса? Драпают беляки?

— Не так чтобы драпают, врать не буду... но отступают, — сдержанно ответил раненный в ногу боец. — Злые гады... дерутся отчаянно.

— А вы?

— Я и говорю, нашла коса на камень... Хорошо, пушкари нам помогли! Все их укрепления и пулеметные гнезда в щепы разнесли... Тут они и побегли... Щас на них конные пошли. Много-о... эскадронов пять будет... Они, поди, уже в степу за городом с казаками рубятся.

— Убитых, раненых много?

— Побитых много, товарищ начдив, страсть как много... шел щас и думал, кто ж после войны землю пахать да детей делать будет — вовсе мужиков не останется.

Чапаев сунул руку в нагрудный карман, достал серебряные часы-луковицу на толстой серебряной же цепочке:

— Держи, боец! В благодарность! Ты как есть — натуральный герой революции!

— Благодарствуем... — Боец осторожно взял часы, осмотрел, спросил: — Серебряные?

— Серебряные, — улыбнулся Чапаев.

Красноармеец Кулыгин с завистью посмотрел на часы, даже вздохнул с сожалением, шмыгнул носом. От Чапаева не ускользнули эта простодушная зависть и сожаление на его лице.

— И цепка серебряная? — спросил Муса Гарифулин.

— И цепка...

— Дорогая вещь... — вздохнул Гарифулин и протянул часы обратно Чапаеву: — Не могу такой подарок принять, Василь Иваныч. Вам-то, поди, часы нужнее.

— Это не подарок, боец Гарифулин, это боевая награда! Отказываться не имеешь права. Благодарю за службу.

— Тогда спасибо, Василь Иваныч... уважил...

— Ты по форме отвечай, боец Гарифулин.

— А как по форме? — растерялся тот.

— Служу Республике Советов и Третьему Интернационалу, — четко выговорил Чапаев.

— Кому? — не понял Гарифулин.

— Республике Советов и Третьему Интернационалу.

— А это хто такой? Интер... как вы сказали, Василь Иваныч?

— Ну, тогда — Республике Советов просто!

— Служу Республике Советов просто! — громко проговорил Гарифулин и быстро спрятал часы во внутренний карман шинели.

А Чапаев вдруг отстегнул от пояса шашку в серебряных ножнах и протянул Степану Кулыгину:

— Награждаю тебя, боец Кулыгин, именным оружием за храбрость и верную службу.

Красноармеец Кулыгин не верил своим глазам, выдохнул:

— Мне? Да я же... эх, спасибо, товарищ начдив, вот уж какое большое спасибо!

— По форме отвечай.

— Служу Республике Советов и трудовому народу! — отчеканил Кулыгин, поднеся забинтованную руку к голове.

Между тем вокруг них остановились уже человек десять раненых. Чапаев не сразу увидел их, развел руками:

— На всех у меня, братцы, наград не хватит! Но наградим всех, обещаю, товарищи бойцы! Петька, дай-ка блокнот и карандаш! Фамилии запишу!

Петька, сидевший на заднем сиденье, выскочил из машины, достал из кожаной планшетки большой блокнот, карандаш и протянул Чапаеву.

— Спину подставь, — приказал Чапаев, и Петька встал перед ним, чуть согнувшись.

Чапаев пристроил блокнот Петьке на спину, скомандовал:

— Подходи по одному. Фамилия?

Батарея гаубиц расположилась между развалинами двух домов. Красноармейцы суетились вокруг них, поднося снаряды. Рослый командир в пыльных сапогах и грязном полувоенном френче кричал сорванным голосом:

— Заряжай! Пли!

Одна за другой рявкали, подпрыгивая на месте, тяжелые гаубицы, из коротких стволов вырывалось пламя с клубами дыма.

— Заряжа-а-ай! — вновь кричал командир.

И красноармейцы бегом подносили снаряды.

— Ого-о-онь! — разевал рот командир, и рявкали одна за другой гаубицы, изрыгая пламя и дым. И далеко впереди тяжело ухали взрывы. Вновь бойцы бегом тащили снаряды.

Мимо батареи пронеслись всадники, и передний держал древко красного знамени.

Полотнище упруго билось на ветру. Всадники вертели над головами обнаженными клинками шашек...

В разбитом окопе валялись трупы солдат и казаков. Снаряды рвались совсем рядом, осыпая и живых, и мертвых комьями земли.

Руки Евгения Мальцева словно прикипели к гашетке пулемета. И пулемет захлебывался очередями. Быстро ползла в затвор пулеметная лента.

Очереди хлестали по цепям наступающих красноармейцев, и цепи редели под огнем. Красноармейцы падали на бегу, роняя винтовки, кувыркались по земле, как тряпичные куклы.

Мальцев давил и давил на гашетку, скалил зубы, страшно ругаясь, хотя слов из-за грохота пулемета и снарядных разрывов слышно не было.

К окопу подлетели четверо казаков на конях, и один конь был без седока. Бородатый хорунжий спрыгнул с седла, скатился в окоп и кинулся к Мальцеву:

— Ваше благородие! Уходить надоть! Красные с флангов прорвались!

— Хотите — уходите! — Мальцев перестал стрелять, яростно посмотрел на хорунжего. — Я останусь! — И он снова надавил на гашетку — пулемет зарокотал длинной очередью.

— Ну ладно, после в героев играть будем, — пробормотал хорунжий и, обхватив сзади Мальцева сильными ручищами, поднял и понес к лошадям.

Мальцев вырывался:

— Пусти-и! Пусти меня, сволочь!

Хорунжий донес Мальцева до оседланной лошади, поставил на землю:

— Садись в седло, твое благородие! Красные тебя возьмут — с живого шкуру спустят.

Он подхватил Мальцева за пояс, толкнул, приподняв, к лошади. Мальцев взобрался в седло, взял повод. Оглянулся.

Цепи наступающих красных были совсем близко, и слышалось мощное многоголосое «Ура!».

Мальцев ударил коня каблуками сапог и поскакал. Казаки направили коней за ним.

К штабу колчаковских войск в Уфе подлетел нарочный казак в погонах хорунжего, спрыгнул на землю и бросился по пандусу к подъезду, охраняемому казаками.

Нарочный прогрохотал сапогами по навощенному паркету коридора, остановился перед дубовыми дверями с бронзовыми ручками — дорогу загородил молоденький прапорщик в черной с белым кантом гимнастерке, с Георгиевским крестом на груди.

— От его превосходительства генерала-майора Свиридова срочная депеша! — тяжело дыша, выговорил хорунжий.

Прапорщик скрылся за массивными дверями, тут же вышел и встал сбоку, оставив дверь открытой. Хорунжий вошел.

Генерал Мансуров встал из-за стола. Хорунжий подал белый пакет. Мансуров вскрыл пакет, быстро прочел короткие строчки, спросил:

— Когда сдали Богучарово? Сколько длился бой?

— Шесть часов. Два раза отбивали обратно... Потом его превосходительство отдал приказ об отходе...

...Через некоторое время перед генералом Мансуровым стоял другой нарочный с погонами прапорщика. Голова у него была забинтована свежим бинтом, сквозь который проступала кровь.

Мансуров прочел депешу, поднял глаза на прапорщика:

— Сколько длился бой? Когда сдали Сухаревскую?

— Восемь часов. Отбили три атаки красных. Большие потери в штыковом бою. Полковник Мордвинцев отдал приказ об отходе.

— Преследуют?

— Так точно. Эскадроны красных висят на плечах. Нет возможности закрепиться.

Мансуров подошел к карте на стене, долго смотрел, потом красным карандашом прочертил две стрелы от Богучарово и Сухаревской, провел их полукругом и соединил. В глубине, словно в кольце, осталась Осинская...

— Перехитрил, каналья... — пробормотал генерал и, вернувшись к столу, нажал на кнопку электрического звонка.

В кабинете бесшумно появился прапорщик в черной гимнастерке.

— Связь с Осинской работает?

— Никак нет, ваше превосходительство, связи с Осинской нет.

— Капитана Дружникова ко мне, срочно!

Прапорщик так же бесшумно исчез за дверью.

— Ступайте, прапорщик, в лазарет, — сказал генерал Мансуров нарочному и вновь повернулся к карте.

— Срочно в Осинскую, — говорил Мансуров капитану, держа в руке пакет. — На словах передайте — не-

медленно, не теряя ни минуты, отводить войска. Пока красные не замкнули окружение. Если им это удастся, мы потеряем лучшие части фронта. Возьмите с собой отряд сопровождения. Не меньше дюжины казаков. Это на случай, если в Осинскую вам придется уже прорываться. Очень надеюсь на вас, капитан. Удачи!

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Сделаю все, что смогу. — Капитан Дружников взял пакет, щелкнул каблуками и выбежал из кабинета.

А Мансуров вновь вызвал звонком адъютанта.

— Шифрограмму телеграфом срочно. Его превосходительству адмиралу Колчаку, — генерал протянул прапорщику лист бумаги.

ОМСК. ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ РОССИИ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ АДМИРАЛУ КОЛЧАКУ. ПОСЛЕ ОЖЕСТОЧЕННЫХ БОЕВ СДАНЫ БОГУЧАРОВО И СУХАРЕВСКАЯ. ПОД УГРОЗОЙ ОКРУЖЕНИЯ НАЧАЛ ОТВОД ВОЙСК ИЗ ОСИНСКОЙ. КРАСНЫЕ РАЗВИВАЮТ НАСТУПЛЕНИЕ В НАПРАВЛЕНИИ СТАНЦИИ ЧИШМА. ЗА ЧИШМОЙ — УФА. НА ОСТРИЕ НАСТУПЛЕНИЯ ГЛАВНАЯ УДАРНАЯ СИЛА КРАСНЫХ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ДИВИЗИЯ ЧАПАЕВА. ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ ПЕРЕБРОСИТЬ ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ ПОЛКИ УРАЛЬСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ. ГЕНЕРАЛ МАНСУРОВ.

А в это время стучал другой телеграф, и ползла лента с другим текстом:

САМАРА. КОМАНДУЮЩЕМУ ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ ТОВАРИЩУ ФРУНЗЕ. В РЕЗУЛЬТАТЕ НАСТУПЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОЖЕСТОЧЕННЫХ БОЕВ ВЗЯТЫ БОГУЧАРОВО, СУХАРЕВСКАЯ И ОСИНСКАЯ. ДОРОГА НА УФУ ПРЯМАЯ. ОСТРАЯ НЕХВАТКА БОЕПРИПАСОВ И ПРОВИАНТА. ТЫЛЫ ОПАЗДЫВАЮТ. ВЫНУЖДЕН ПРИОСТАНОВИТЬ НАСТУПЛЕНИЕ. НАЧДИВ-25 ЧАПАЕВ. КОМИССАР ФУРМАНОВ.

Телеграфист закончил стучать, опустил руку.

— Отбил? — спросил Чапаев.

— Так точно, товарищ начдив.

— Товарищ Фрунзе недоволен будет, — сказал Фурманов. — Надо продолжать наступление.

— Без патронов и снарядов? — усмехнулся Чапаев. — Не переживай, комиссар. Уфа от нас теперь никуда не денется.

— Почему ты так уверен?

— А потому что, ежли Уфу возьмем, Колчаку зацепиться больше не за что будет — как колобок, в Сибирь покатится.

— Ты вспомни, как под Самарой драпал, — усмехнулся в свою очередь Фурманов. — Однако все же зацепился за Балаково... А уж как драпал...

— Ты-то откуда знаешь? Тебя тогда не было, — весело сказал Чапаев.

— Рассказывали.

— Ну я-то зацепился. Потому что я — Чапаев! — Он огладил усы и подмигнул Фурманову. — А вот Колчак не зацепится! Это я тебе говорю, Чапаев! — Он повернулся и стремительно вышел из аппаратной. Тут же заглянул обратно: — А чего это жинки твоей не видать? Как там политпросветработа?

— А вот тут, прямо в Осинской, спектакль будет. На революционную тему. Приходи, поглядишь.

— Представление, что ли? Ну-ну, обязательно приду.

— Анна специально мне наказала — обязательно тебя позвать, — улыбнулся Фурманов.

— А как же! Без Чапаева никак нельзя. — И голова Чапаева скрылась.

— Слышал? — Фурманов весело посмотрел на телеграфиста. — Без него нигде и никак нельзя!

— Так точно! — дернулся и вскочил телеграфист.
— То-то...

Автомобиль миновал окраинные дома городка и выехала на обрывистый берег реки. Шофер остановился. Чапаев, комполка Николай Сизов и Петька Исаев выбрались из машины, прошли к самому краю. Вода была серо-стального цвета, и ветер гнал острые мелкие волны...

Неподалеку группа красноармейцев устанавливала орудия — сорокопятки. Вбивали упоры для лафетов, копали углубления. Рядом горели два костра, и красноармеец окровавленным ножом разделывал баранью тушу, за этим делом наблюдали еще несколько бойцов, дымили цигарками. В черных закопченных котлах, подвешенных над кострами, грелась вода. Еще несколько солдат рубили на дрова доски, которые притащили от стоявшего неподалеку сгоревшего дома...

— Как ее тут форсировать, хрен разберет... — пробормотал Чапаев, глядя на реку.

— На баржах... на лодках... плоты сколачивать будем, — сказал Сизов. — Уж коли до энтого берега дошли, стало быть, и на том берегу будем, Василь Иваныч.

...Вдалеке к берегу подогнали группу полураздетых казаков и офицеров — человек тридцать. Почти все были босиком, в кальсонах и нижних рубахах. Руки за спинами связаны.

Красноармейцы вели их под конвоем, держа винтовки наперевес. Старший, с револьвером в руке, дал команду, и пленных выстроили в шеренгу на косогоре. Красноармейцы встали напротив, метрах в семи.

Старший вновь громко скомандовал, и красноармейцы вскинули винтовки, прицелились. В тишине грянул залп.

Чапаев вздрогнул, обернулся и увидел, как медленно падают с косогора в воду полураздетые люди...

В разрушенной церкви кое-где еще догорали толстые стропила крыши и купола, дымились груды щебня и куски кирпичной кладки.

Машина Чапаева остановилась перед церковью. Чапаев перемахнул через дверцу и спрыгнул на землю. Петька Исаев последовал за ним.

Чапаев посмотрел на группу красноармейцев, сидевших на обломках кирпичной кладки. Один забинтовывал раненым руки и ноги. Горел небольшой костер.

Комдив через пролом в стене вошел в церковь. На обгоревших стенах висели задымленные, закопченные пожаром иконы, разбитый иконостас — снаряд угодил прямо в середину, пробив в стене дыру. У стены лежали двое убитых — красноармеец и казак. У красноармейца на шинели виднелось темное пятно крови, остекленевшие глаза смотрели в небо. Казак намертво сжал в пальцах рукоять шашки, всклокоченная борода была перепачкана золой. Неподалеку валялось большое распятие...

Чапаев шагнул вперед, споткнулся обо что-то. Посмотрел, наклонив голову, и увидел торчащий из золы и щебня угол иконы. Он поднял икону, рукавом френча стер грязь и пепел — на него взглянули печальные глаза Божьей Матери.

Чапаев задумался и не увидел, как из-за выступа стены вышел священник и остановился, глядя на него. Это был тот самый священник, отец Михаил, которого Чапаев знал еще в юности, тот самый, кто дал ему канифоль, чтобы натереть ладони, когда Василий подни-

мал крест на купол только что построенной церкви. Он постарел за эти годы, в бороде и волосах прибавилось седины, глубоко ввалились глаза на исхудавшем лице. Ряса на нем была во многих местах порвана, испачкана кирпичной пылью.

Чапаев увидел священника, присмотрелся и узнал. Подошел, загребая сапогами золу и щебень:

— Отец Михаил, ты? Ну, здравствуй, батюшка... Ты как здесь очутился-то?

— Храни тя Господь, Василий, — сказал священник. — А ты какой судьбой тут? Все воюешь?

— Да вот, батюшка... наступаем... воюем... — Чапаев по-прежнему держал обгоревшую икону в руках.

— С кем воюешь, Василий? — спросил отец Михаил и взял икону из рук Чапаева.

— С эксплататорами, отец Михаил, с помещиками, капиталистами и ихними прихвостнями, — ответил Чапаев и отобрал икону у священника. — Воюю за счастье трудового народа, отец Михаил...

— Никогда счастье кровью не добывали и не добудут, — возразил отец Михаил и вновь взял икону из рук Чапаева, прижал ее к груди. — Ненависть породит только бо́льшую ненависть, и пролитая кровь породит реки крови... того самого трудового народа, от имени которого ты сейчас говоришь. Вон они лежат... который из них помещик, а который капиталист? — И священник указал на мертвых красноармейца и казака.

— Ишь ты! — криво усмехнулся Чапаев. — Мастер ты мышеловки ставить. Только не для меня твои мышеловки. Вот один из них, — Чапаев указал на красноармейца, — жизнь свою за-ради трудового народа положил, аки Иисус Христос, а другой — за деньги своих хозяев загинул, аки Иуда, народ свой предавший. Кого тебе жальче?

— Обоих жалко... моя душа скорбит об их душах...

— Так один из них церкву твою пожег! Иконы святые порушил! — чуть не крикнул Чапаев.

— Господь и его простит... ибо не ведают, што творят...

— А ежли ведают? — Чапаев пытливо уставился на священника.

— Нет, не ведают... ибо обмануты посулами лживыми... обещаниями лукавыми... То есть обещаниями сатаны. И страшна будет расплата, — убежденно и совсем тихо говорил отец Михаил.

— То есть обещания товарища Ленина! — крикнул Чапаев. — Ишшо слово скажешь, батюшка, и порешу я тебя за твои слова контрреволюционные! Порешу как заклятого врага Советской власти! — Чапаев замолчал, подошел к отцу Михаилу поближе: — Должон я буду так поступить, неужто не понимаешь?

— Понимаю... потому и не скажу тебе больше ничего.

— Так-то вот, отец Михаил. — И Чапаев попытался было отобрать у священника икону Богоматери, но тот не дал, отшатнулся, отступил на шаг.

— Не да-ам! — громко и гневно проговорил он. — И Христа не трожь! У тебя теперича вон — жидовская звезда во лбу!

— Ай-яй-яй, отец Михаил, негоже так-то браниться... — Чапаев снял фуражку, рукавом протер запылившуюся красную звезду на тулье.

— Был ты, Василий, богоугодный вьюнош, а стал... исчадие ада! Ране ты церквы строил, а теперя разрушаешь! И ждет вас всех геенна огненная! И воинство ваше антихристово проклято будет во веки веков! — прокричал отец Михаил и широким шагом пошел к выходу из церкви, полы его темной рясы развевались.

Перед священником выросла фигура Петьки Исаева. Он положил руку на кобуру револьвера.

— А ну, стой, батюшка, — угрожающе произнес Петька.

— Не трожь его! — прикрикнул Чапаев. — Пропусти!

Петька посторонился, и священник решительно прошел мимо.

А Чапаев все стоял посреди разоренной церкви, опустив голову, глубоко задумавшись. И вдруг против воли сверкнуло в памяти...

...Как он стоял, молоденький кудрявый «вьюнош», на церковном куполе рядом с темным деревянным крестом, который только что укрепил, и смотрел жадными восторженными глазами на небо, и белая рубаха, свободно висевшая на нем, надувалась пузырем. Вот он протянул руки к небу, закричал протяжно:

— Настя-а-а! Настена-а-а!!

И вдруг порывом ветра Василия столкнуло с бревна, на котором он стоял, и он полетел вниз под «ахи» и крики людей внизу.

Он грохнулся на телегу с кулями пакли, и люди бросились к нему, стали ощупывать, трясти, и Василий увидел изумленные глаза плотников и отца Михаила. И услышал его голос:

— Бог тебя спас, Василий... ибо богоугодное дело совершил...

...Чапаев усилием воли прогнал воспоминание, еще раз огляделся и медленно побрел по пепелищу. Вышел через обгорелый вход в церковь. Неподалеку подле лошадей стоял Петька, вопросительно смотрел на комдива, ожидая приказаний.

Чапаев подошел к коню, взял повод, потрепал коня по холке, проговорил задумчиво, вновь глядя на сожженную церковь:

— Как же так выходит-то? Неужто нельзя новое дело сотворить, чтоб старое не порушить?

Петька услышал, ответил:

— А как же по-другому, Василь Иваныч? Старый мир — под корень! А это... — Петька оглянулся на церковь. — Чего уж там, Василь Иваныч, снявши голову — по волосам не плачут...

— Не плачут, говоришь? — зло глянул на него Чапаев. — Ох, Петька, боюсь, как бы опосля по этим волосам плакать не пришлось...

— Да ну, Василь Иваныч! Потом видней будет! Главное дело — старый мир порушить до основанья, а затем...

— И што затем?

— Ну, как в революционной песне поется? — растерялся Петька. — Мы наш, мы новый мир построим...

— Знаю я, как у нас строят... — Чапаев сплюнул и прыгнул в седло. — У нас ломальщиков — пруд пруди, а строителей днем с огнем искать будут, да еще таких найдут, што не приведи Господи... — И он пришпорил коня.

Петька, переваривая сказанное, опять с недоумением посмотрел на порушенную церковь, пробормотал:

— Да ладно... партия прикажет — все построим... — И Петька лихо взлетел на коня, дернул повод и поскакал, догоняя Чапаева.

Отец Михаил уже миновал окраинные домишки городка, дальше дорога, извиваясь, уползала в большое пустое поле. Он зашагал по дороге к горизонту. Полы рясы вились на ветру, как большие крылья.

Вдруг сзади послышался дробный перестук конских копыт. Отец Михаил обернулся и увидел двух всадников, галопом нагонявших его.

Он пошел дальше, но снова оглянулся и остановился. Первый всадник летел прямо на него, за его спиной

торчал ствол винтовки. Вдруг всадник резко осадил коня. Оскаленная конская морда захрипела прямо перед отцом Михаилом.

— Куда путь держишь, жеребячье племя? — хрипло спросил красноармеец.

— Иду куды глаза глядят... — ответил отец Михаил, глядя на него снизу вверх.

Подлетел второй всадник, тоже резко остановил коня:

— И куды он топает?

— Бает, куды глаза глядят...

— Брешет, сучий прихвостень! Нынче куды глаза глядят не ходят!

— Я и говорю — прямиком к белым топает, гнида! Шо у тебя за пазухой топорщится? А ну, покажь?!

Отец Михаил достал из-за пазухи обгорелую икону.

— Тьфу ты! — выругался красноармеец. — Я думал, добро какое, а он доску спрятал... Деньги есть?

— Откуда, добрые люди? — Отец Михаил развел руками.

— Кончай его к хренам собачьим! — разворачивая коня, сказал один красноармеец другому и поскакал.

Отец Михаил едва успел перекреститься, прижимая к груди обожженную икону, как второй красноармеец с лязгом выдернул шашку из ножен. Клинок сверкнул на солнце над головой отца Михаила, и он повалился на обочину дороги, все так же прижимая к груди икону. Широко раскрытые глаза смотрели в небо, и кровь текла из разрубленной шеи.

Всадник развернул коня, вытер клинок о лошадиную гриву, сунул шашку в ножны и поскакал догонять товарища.

Крестьяне шеренгой, растянувшейся чуть не до горизонта, шли по полю — у каждого на веревке у пояса висело большое лукошко. Рукой они черпали из лукошка горсть зерен и рассеивали их взмахом от плеча до плеча.

Зерна падали в черную только что вспаханную землю.

А впереди, вдалеке, несколько волов тянули плуги. Сверкающие лемехи выворачивали пласты жирной, поблескивающей на холодном осеннем солнце земли. На рукояти плуга налегали тяжелые крестьянские руки с набухшими венами, и медленно переступали крестьянские ноги в грубых портах, в портянках, заправленных в широкие лапти.

На краю поля появилась машина, протарахтела и встала. Из нее выбрались Чапаев и Петька Исаев.

— Ты чего, Василь Иваныч? По нужде, что ль, приспичило? Да и я тоже... — Петька отошел в сторону, повернулся к полю спиной.

— Озимые сеют... — пробормотал Чапаев.

— Чего-чего? — не расслышал Петька, подходя к Чапаеву.

Чапаев не ответил, молча смотрел, как величаво вышагивают по полю сеятели. Петька остановился рядом и тоже поглядел, потом сказал:

— Красиво идут... как на параде... Вот что значит освобожденный труд, а, Василь Иваныч? За то самое и воюем... Правильно говорю, Василь Иваныч?

Чапаев опять не ответил, задумчиво глядел на сеятелей. Спросил после паузы:

— Ты когда-нибудь сеял, Петька?

— Нет... — чуть растерялся Петька. — Я ж мастеровой... в Самаре на верфи работал.

— И я нет... ладно, поехали...

Спешившиеся красноармейцы сгрудились вокруг комполка Николая Сизова. Тот держал в руке запылившуюся планшетку с картой. Рядом стоял боец, дышавший, как загнанная лошадь, и тыкал пальцем в карту:

— Тута вот... аккурат за поселком в двух верстах пристань. Там и грузятся...

— И много народу? — спросил Сизов.

— Много... там и солдаты, и дамочки буржуйские, старики с чемоданами.... Видать, добра с ими много...

Вдали послышалось тарахтение мотора, и скоро появилась едущая по степи, ныряющая в ямы и подлетающая на ухабах машина.

Кони настороженно повернули головы. Толпа красноармейцев, окружавшая Сизова и бойца, заволновалась:

— Никак сам Чапай едет!

— Его автомобиль-то?

— Его, его!

— Вот же ушлый человек наш комдив — везде поспевает...

А Чапаев уже выскочил из машины:

— Комполка Сизов тута?!

— Тута я, Василь Иваныч, тута! — Из толпы красноармейцев вышел Сизов, держа планшетку.

— Ну что, упустили беляков, да? — подходя, зло спросил Чапаев. — Офицерский батальон упустили!

— Да вот они где, — показал на планшетке Сизов. — Тута вот пристань... у купцов тут ране перевалка была. Там они на пароход грузятся... с беженцами, буржуями... Вон боец прискакал — сам видел.

— Видел? — спросил Чапаев подошедшего бойца.

— Видел, товарищ начдив, — кивнул боец.

— Сколько верст до пристани?

— Верст двенадцать будет, — ответил Сизов.

— Успеем? — вновь спросил Чапаев.

— Должны поспеть... А ты чего, с нами?

— Коня мне дайте, — приказал Чапаев. — А то на этой тарахтелке растрясло совсем.

Белые грузились на пароход. Торопливо шли по шаткому трапу офицеры и солдаты. Многие были ранены и перевязаны окровавленными бинтами. Поднимались на пароход молодые женщины, старики и старухи с чемоданами, саквояжами, коробками и заплечными мешками.

Ротмистр Мальцев, командовавший погрузкой, нервничал, то и дело посматривал вдаль, на пологий берег:

— Побыстрее, господа! Прошу вас, быстрее!

Подскакал на запаренной лошади хорунжий:

— Ваше благородие! Красные в двенадцати верстах! Надо бы поторопиться!

— Куда? Старики и старухи едва ноги передвигают! — махнул рукой Мальцев.

Подъехал казачий полковник, не спеша слез с коня, отряхнул шаровары от пыли:

— Все мои сотни пойдут берегом на юг, ротмистр. За Михайловским сыртом есть большой брод — там и переправимся.

— Красные вас не настигнут? Хорунжий доложил — они в двенадцати верстах, — сказал Мальцев. — Конные через полчаса здесь могут быть...

— Поторопимся — не настигнут, — спокойно ответил полковник. — А настигнут — примем бой. Вы-то доберетесь?

— Доплывем, господин полковник, — усмехнулся ротмистр Мальцев. — Все в руце Божией.

— Желаю удачи... — Полковник вновь забрался в седло, мотнул головой. — А наш генерал Мансуров — дурак,

прости, Господи. Не так с Чапаевым воевать надобно, не та-а-ак! Прошляпили Урал, мать твою... — Полковник пришпорил лошадь и поскакал вдоль берега.

Хорунжий устремился за ним.

Толпа солдат, офицеров и гражданских на берегу сильно уменьшилась — большинство уже погрузилось на пароход.

— Быстрее, господа! Быстрее! Сейчас отплываем! — закричал Мальцев. — Поручик, пулеметы погрузили?

— Так точно, господин ротмистр!

— Пора заканчивать! Красные могут нагрянуть с минуты на минуту!

...И красные нагрянули. На горизонте показалась цепь всадников и шлейф черной пыли.

— Красные-е!! — пронесся над пристанью истошный крик.

— Быстрее грузитесь, господа, черт вас возьми совсем! Что вы как сонные мухи! Красные скачу-ут! Новожилов! Полухин! Редькин! К пулеметам!

Они залегли у пристани за мешками с песком. Мальцев пристроился за пулеметом, ствол которого торчал в амбразуре из мешков. Надавил на гашетку. Пулемет глухо зарокотал. Чуть поодаль застучал второй пулемет.

Цепь красных всадников стремительно приближалась, струйки пыли из-под копыт вились за лошадьми, быстро таяли. Чапаев намного опередил остальных, летел, выбросив вперед руку с шашкой...

Последние беженцы и белогвардейцы уже погрузились на пароход.

— Ротмистр! Давайте-е! Ротмистр! — кричал с палубы худенький поручик, сложив ладони рупором.

Мальцев обернулся, снова прильнул к пулемету, дал длинную очередь, потом пригляделся к всаднику, скакавшему впереди цепи... далеко впереди...

— Чапаев... — прошептал Мальцев. — Не может быть... Чапаев... — Мальцев прицелился, снова дал очередь и сморщился, как от зубной боли: — Ах, какая досада... — И он припал к пулемету, стал тщательно выцеливать.

Сзади подскочил капитан, схватил Мальцева за плечи, рванул:

— С ума сошли, ротмистр! Пароход отходит!

— Пустите, капитан... там Чапаев... Чапаев... — хрипел Мальцев сопротивляясь. — Пустите меня...

Но капитан был сильнее, он обхватил Мальцева поперек пояса, потащил на пристань и дальше — к трапу на пароход.

Цепь красных конников со свистом и гиканьем стремительно летела к берегу.

Капитан втащил Мальцева на палубу, солдаты тут же сбросили трап, и пароход стал отходить, шлепая по воде огромными колесами. Над водой разнесся длинный хриплый гудок.

Чапаев осадил коня перед пристанью. Конь простучал копытами по отсыревшим доскам и встал у самой воды.

— Опоздали... — Чапаев рукавом утер взмокшее лицо, сунул шашку в ножны.

Он подъехал к самому обрыву и замер, глядя на реку, на уходивший пароход...

Зал клуба был битком набит красноармейцами. Сцену убрали кумачевой материей, изображения серпа и молота развесили вверху и по бокам. Над сценой — большие буквы РСФСР. На стене висел большой плакат: «СМЕРТЬ ГИДРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ — КОЛЧАКУ», а на другой: «МЫ НА ГОРЕ ВСЕМ БУРЖУЯМ МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗДУЕМ!»

В зале в передних рядах сидели командиры, в том числе и Чапаев с Фурмановым, кричали и хлопали так же, как и рядовые красноармейцы.

— Ну как, доволен политпросветом моей жены? — сквозь крики и шум спросил Фурманов у Чапаева.

— Хорошо! За душу берет! Молодец Анна Никитишна! — отвечал тот, не уставая аплодировать.

За кулисами среди ящиков и сундуков с различными надписями, среди плакатов и раскрашенных в разные цвета фанерных щитов разговаривали Татьяна Мальцева и Анна Стешенко. Рядом с ними стоял щит, на котором были намалеваны буржуй, помещик и священник. И над каждым в виде нимба красовалась надпись: «ГРАБИТЕЛЬ И МУЧИТЕЛЬ». Мимо прошли три красноармейца в новеньких гимнастерках и один наряженный под буржуя, в клетчатых панталонах, сюртуке, громадном черном цилиндре и с сигарой во рту.

— Ну как, не боишься? — спросила Анна.

— Нет, теперь не боюсь...

— Чапаев в зале сидит...

— Я его не боюсь... — нахмурилась Татьяна. — Он для меня больше не существует.

— Ох, не верю я тебе, Танюша... — сказала Анна. — Не дай Бог признает... не боишься?

— Я устала бояться, Анна Никитична... что будет, то и будет... И не люблю я его больше...

— Не верю... — Анна с улыбкой покачала головой. — Когда женщина говорит «не люблю», тут впору подумать обратное.

— Не люблю, и все. Перегорело. Передумалось. Пережилось.

— Запомни. Если он потом подойдет, станет спрашивать — скажешь, что сама прибилась к нашему отряду. Ни я, ни Фурманов ничего не знали...

— Да не подойдет он ко мне, — улыбнулась Татьяна. — Не бойтесь...

— Это ты мне говоришь? — удивилась Анна. — Однако...

Слышно было, как шумел зал. Раздавались свист, аплодисменты.

— Ну ладно, иди, Таня... иди... все будет хорошо...

Наконец наступила тишина. И на сцену вышла... Татьяна Мальцева, в гимнастерке, длинной черной юбке, сапогах и красной косынке. Она смотрела в зал и молчала, ожидая, пока уляжется шум.

Чапаев узнал ее сразу. Лицо его окаменело, несколько секунд он смотрел на Татьяну... и Мальцева смотрела на него...

Многие красноармейцы поняли, на кого смотрит молодая женщина на сцене, стали оглядываться на Чапаева.

Петька Исаев, сидевший сзади, потянулся к Чапаеву, зашептал:

— Василь Иваныч, лопни мои глаза, это же она...

— Да цыц ты! — бешено цыкнул Чапаев, обернувшись.

Среди зрителей сидел и худенький красноармеец, который однажды у штаба признал Татьяну за шпионку и пытался ее задержать.

— Ух ты-и, шпиенка... — прошептал он и даже встал со своего места. — Красивая какая-а...

— Да сядь, прыщ на ровном месте, — зашипели ему в спину. — Чего встал?

— Начинай... — свистящим шепотом подсказала из-за кулис Анна.

Татьяна молчала, пальцами нервно теребила концы красной косынки.

Чапаев резко встал и стал пробираться по ряду сидящих красноармейцев и командиров к выходу, наступая на чьи-то сапоги, стукаясь о колени. Многие вскакивали, сторонились, чтобы Чапаеву было удобней пройти. Теперь уже весь зал с недоумением смотрел на него. По рядам пополз приглушенный шепоток...

...Чапаев выскочил из клуба, едва не столкнувшись с красноармейцем, стоявшим у входа на крыльце. На негнущихся ногах он спустился вниз и обессиленно присел на нижнюю ступеньку крыльца, обхватил голову руками и сдавленно застонал:

— М-м-м... что ж такое делается... ох, мать честная...

Красноармеец с винтовкой у двери испуганно уставился на начдива. Выбежал на крыльцо Петька, плюхнулся на ступеньку рядом с Чапаевым:

— Во дела-а, Василь Иваныч... а мы-то ее давно похоронили... Чего ж теперь делать-то, Василь Иваныч?

— А ничего... — ответил Чапаев. — Это не Татьяна Андреевна... похожа девица на Татьяну Андреевну, но не она... Татьяну Андреевну Мальцеву в самарской Чека расстреляли... Ты понял, чего я тебе толкую, Петька?

— Так ведь...

— Ты понял, чего я тебе толкую, Петька? — повторил Чапаев, глядя Петьке в глаза.

— Ну да, понял... понял... конечно понял, Василь Иваныч...

— И узнай по-тихому, где, в какой части этот боец состоит... — Чапаев резко встал и почти бегом взбежал по ступенькам и скрылся за дверью.

ГЛАВА 9

Он вошел в зал в тот момент, когда Татьяна звонко выкрикивала со сцены:

Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья!
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Она замолчала, и в зале повисла звенящая тишина. Татьяна неуверенно поклонилась, и зал взорвался криками и шквалом аплодисментов. И больше всех старался худенький шустрый красноармеец, и все подмигивал Татьяне, махал рукой, чтобы она обратила на него внимание.

Татьяна даже на шаг отступила в глубь сцены, словно шквал аплодисментов толкнул ее в грудь. Глаза ее смотрели на то место, где сидел Чапаев, но его там не было.

Чапаев стоял у двери в зал и глядел на Татьяну. Зал гремел аплодисментами.

— Даешь Омск! Даешь Колчака! — заорал, вскочив, красноармеец, и зал, вставая, ответил на едином дыхании:

— Дае-ешь!!

Вечером Чапаев подъехал на машине к длинному бревенчатому сараю, возле которого горели три костра и кружками сидели на поленьях, на кошмах, на охапках

сучьев красноармейцы. Из трех труб на крыше барака валил дым, длинный ряд окон был освещен.

— Надолго, Василь Иваныч? — спросил шофер.

— Твое какое дело? — зло спросил Чапаев.

— Да я тогда мотор выключу — кипеть начал, — растерялся шофер.

— Выключай! — Чапаев направился к ближнему костру, громко поприветствовал сидящих: — Здорово, товарищи бойцы!

Не все узнали начдива, но те, кто узнал, поспешно поднимались, неловко отдавали честь:

— Здравия желаю, товарищ начдив!

— Здравия желаю, Василь Иваныч!

— Отдыхаем?!

— Да так, товарищ начдив... курим... махорочку жгем...

— А там бабы стирают?

— Стирают, товарищ начдив. Раненых бельишко стирают.

— Ну ладно... — Чапаев прошел к бараку, резко открыл дверь и вошел внутрь.

— Че это он, на ночь глядя, проверять решил?

— Начальство когда пожелает, тады и проверяет...

— Хорошо, што проверяет...

— Василь Иваныч такой... за всеми делами сам доглядает...

В длинном бараке полыхали три печи-буржуйки, и на них стояли большие чаны, в которых грелась вода. В клубах пара полуголые бабы стирали в корытах белье, терли о ребристые доски окровавленные рубахи, кальсоны. И среди этих баб Чапаев увидел Татьяну. Она тоже была полураздета — лифчик и длинная черная

юбка, волосы повязаны красной косынкой, лицо и обнаженные плечи и руки блестели от пота.

— Мальцева Татьяна! — позвал Чапаев.

Бабы перестали стирать, уставились на человека у входа. Из-за клубов пара они не сразу смогли разглядеть, что это Чапаев. И Татьяна подняла голову от корыта с мыльной пеной, удивленно посмотрела на вошедшего.

— Батюшки-светы-и... — тонким голосом пропела одна. — Никак сам Василь Иваныч явился! Прям глазам своим не верю!

— Василь Иваныч, ай подштанники тебе постирать понадобилось? — ехидно спросила другая прачка. — Скидавай амуницию — щас все постираем!

— И самого попарим — надраим! Блестеть будешь как новенький!

— Уж так надраим — самим в удовольствие!

— Мы тебя, а ты нас надраишь!

— А то мы тута без мужика совсем заскучали!

И прачки дружно загоготали, сверкая глазами и зубами, — здоровые бабы, с сильными белыми плечами, руками, с пышными грудями, выпиравшими из-под нижних рубах.

— Вы тут до смерти меня застираете, а мне еще воевать надо, бабоньки! — перекрывая жизнерадостный гогот, громко ответил Чапаев.

И в это время к нему подошла Татьяна, вытирая полотенцем мокрые распаренные руки. Она смотрела на него и молчала.

— Пойдем, Татьяна... поговорить надо... — смутившись под десятком пар глаз, проговорил Чапаев.

— Мне работать надо, товарищ начдив, — ответила Татьяна. — Стирки очень много.

— Пойдем, я сказал, — нахмурился Чапаев. — Оденься, простынешь...

Он повернулся и вышел, захлопнув тяжелую отсыревшую дверь. Некоторое время Татьяна стояла неподвижно.

— Чего стала, дуреха? — зашипели из тумана прачки. — Бери полушубок да беги.

— Чапаев зря звать не будет — озолотит и приголубит... — и раздались сдавленные смешки.

— А может, он с ей политбеседу проводить будет... — нараспев протянула еще одна прачка, и все уже громко расхохотались. — Про равноправие мужчины и женщины!

Татьяна резко повернулась и пошла обратно к своему корыту, вынула из мыльной пены рубаху, поставила деревянную ребристую доску, уперев ее в живот, и стала ожесточенно тереть рубаху о ребра доски.

— Молодец, девка! — сказала пожилая прачка и мокрой ладонью утерла лицо. — Он хоть и Чапаев, а все одно — кобель!

— Поматросит и бросит! — добавила вторая прачка.

И бабы вновь дружно захохотали.

Чапаев расхаживал у машины и посматривал на освещенные запотевшие окна барака. Шофер дремал за рулем, уронив на грудь голову в шлеме и больших очках. Чапаев остановился, ударил кулаком по капоту.

Шофер мгновенно проснулся:

— Едем, Василий Иваныч?

— Дрыхни! — рыкнул Чапаев и решительно пошел к бараку, открыл дверь и вошел внутрь.

Он вновь появился в бараке, постоял на пороге в расстегнутом полушубке, в папахе, сдвинутой на заты-

лок. В клубах пара мелькали полуобнаженные женские фигуры, слышалось шлепанье мокрого белья, глухие звуки трущихся о стиральные доски мокрых рубах и подштанников, гудело пламя в буржуйках, и здоровенная баба подкладывала поленья то в одну, то в другую печь. В глубине барака Чапаев разглядел Татьяну Мальцеву. Хотел было позвать, даже рот открыл, но промолчал.

Татьяна словно почувствовала его взгляд, повернула голову и перестала тереть о доску белье, долго смотрела на него. Потом отвернулась и продолжила работу. Руки у нее были по локоть в мыльной пене, пряди волос прилипли к мокрому лбу. Эти полуобнаженные женские фигуры, мокрые лица, спутавшиеся растрепанные волосы, прилипшие к спинам и плечам, развешенные по бревенчатым стенам влажные простыни, рубахи и подштанники, освещаемые пламенем из печей-буржуек, создавали фантастическую, почти нереальную картину.

Прачки постреливали глазами в сторону Чапаева, быстро отворачивались, боясь встретиться с ним взглядом, — уж очень свирепым было выражение лица начдива.

Вдруг Татьяна вытерла мокрые руки и не торопясь пошла к двери. Прачки молча следили за ней.

Она прошла мимо Чапаева и скрылась в темноте. Чапаев повернулся и вышел вслед за девушкой...

На улице возле костров на шинелях, кошмах и охапках соломы спали солдаты. К бараку подъехал бородатый мужик на телеге, стал таскать один за другим пузатые тюки с грязным бельем и ставить их возле дверей.

...Они стояли у машины.

— Все знаю... — глухо сказал Чапаев. — Я когда узнал, что тебя Захаров арестовал и в Самару отправил, поскакал за вами... коня загнал... А потом сказали, что тебя и вовсе... в расход пустили... Видать, не судьба.

— Не судьба... — эхом отозвалась Татьяна.

— Вишь как — знал бы, где упасть, соломки постелил бы...

— Так не вы падали, Василь Иваныч, а я...

— Тоже верно... Натерпелась ты через мою голову. — Чапаев с болью смотрел на нее. — Вишь, время какое — жизни человеческие ломает, что твою яичную скорлупу.

— Не переживайте, Василь Иваныч, — вдруг улыбнулась Татьяна. — Меня не сломали. Я только стала взрослой.

— Поехали. Я тебя в штаб определю. При мне будешь. Писарем... или там еще чего, — сказал Чапаев.

— Вашей содержанкой? Побыла, больше не хочу... — Она качнула головой и посмотрела ему в глаза. — Вы лучше забудьте про меня, Василь Иваныч... навсегда забудьте...

— Почему? Ты что, Татьяна? Обиду на меня держишь? За что?

— Не держу я обиды... Я хочу свободной жить. Переболела я вами. Навсегда. И не трогайте меня больше... Прошу вас... — Она все смотрела ему в глаза, не боялась, смотрела твердо и независимо.

— А вот не верю! — вскинул голову Чапаев. — В бабьем сердце любовь не умирает. Пеплом присыплет, и вроде затухло. А повороши пепел-то, и вновь уголья разгорятся.

— Ну конечно, — вновь улыбнулась Татьяна, теперь уже уверенно и с чувством превосходства. — Как же

можно разлюбить такого... Чапая? Прямо рыцарь без страха и упрека... — Она насмешливо смотрела на него.

— Какой там рыцарь... — опустил голову Чапаев. — Тычусь, как кутенок, во все стороны... А все ж поехали со мной, Татьяна Андреевна? Все сделаю, только чтоб ты рядом... чтоб ты со мной была...

— Прошу вас... — мягко, но непреклонно перебила его Татьяна. — Оставьте меня... забудьте... вам же лучше будет.

— Гм-нда... — кашлянул Чапаев и отвернулся, проговорил глухо: — Ладно... живи как хочешь...

И Татьяна тихо ушла. Чапаев даже шагов не слышал. Стоял, опершись локтем о капот автомобиля, смотрел в пустоту. Потом выпрямился:

— Все, амба! Поехали! — и сел в машину, громко захлопнул дверцу.

Петька осторожно разливал в стаканы самогон из большой бутыли, поглядел на задумчиво сидевшего за столом Чапаева, спросил:

— Тебе сколько наливать-то, Василь Иваныч?

— Ты чего, краев не видишь?

— Вижу, вижу...

Петька налил ему самогону по самые края, себе полстакана, хотел было чокнуться с Чапаевым, но тот взял стакан и сразу выпил в несколько глотков. Пальцами зачерпнул горсть кислой капусты, стал жевать, все так же задумчиво глядя в темное окно.

Петька выпил, взял деревянной ложкой горячую картофелину, подул на нее, положил в рот, потом так же взял капусты, потом — кусок селедки. Поел, вздохнул с облегчением и спросил:

— Ну как, полегчало, Василь Иваныч?

— Нет, Петька... не полегчало... — спокойно ответил Чапаев.

— А мне полегчало! — беззаботно улыбнулся Петька.

— Вишь ты, как сказала: оставьте меня... вам же лучше будет... — проговорил Чапаев. — И тут она обо мне думает...

— Так ведь баба, Василь Иваныч. Она завсегда об мужике страдает... заботится. — Петька снова взялся за бутыль: — Может, еще примете, Василь Иваныч?

— Хватит, — отрубил Чапаев. — Убери самогон... Разбуди шофера.

— Зачем? — удивился Петька.

— Кататься поеду.

— И мне с вами, Василь Иваныч?

— Дрыхни. Давай быстро!

Автомобиль тарахтел по улочке городка, вспарывая темноту лучами света от больших круглых фар. Рядом с шофером, запахнувшись в бурку, сидел Чапаев и, насупившись, смотрел в темноту. По обе стороны улицы тянулись дома со светящимися подслеповатыми окнами, громко лаяли за заборами собаки.

Вдруг в свете фар мелькнула черная фигура, а когда автомобиль подъехал ближе, стало видно, что это женщина, в коротком полушубке, с непокрытой головой — темная шаль лежала на плечах. Чапаев узнал ее — это была Анна Стешенко.

— Останови!

Поравнявшись с Анной, автмобиль остановился. Женщина узнала машину, увидела Чапаева и тоже остановилась, улыбаясь.

— Полуночничаем? — спросил Чапаев.

— Да и вы тоже...

— Да вот... проветриться захотелось... Откуда идете?

— Из клуба — домой... — она снова улыбнулась. — Как вам представление? Понравилось? Может, какие замечания будут? Красноармейцы интересовались... волновались, как вы оценили?

Чапаев выбрался из машины, подошел к Анне:

— Хорошее представление. Никаких замечаний... Я в этом деле, Анна Никитишна, мало чего понимаю.

— А как, по-вашему, Мальцева выступила?

— Хорошо выступила... я ж говорю, я в этом деле не специалист.

— Откуда вдруг такая трезвость в оценке собственной персоны? — усмехнулась Анна. — Наверное, это вас Татьяна Мальцева отрезвила?

— Наверное, вы ей в этом деле помогли, — сухо ответил Чапаев, взявшись за дверцу автомобиля. — Это вы ее приютили?

— А вы считаете, ее в Чека надо было обратно отправить? Неужели вам ее не жалко?

— Вы считаете, есть за что отправить ее в Чека? — спросил в свою очередь Чапаев.

— Совершенно не за что! — решительно ответила Анна.

— Ну вот и я так считаю.

— И больше ничего? Мне казалось, у вас были такие отношения...

— Вас подвезти до дому, Анна Никитишна? — вместо ответа спросил Чапаев.

— Я надеялась, вы прокатиться предложите, Василий Иваныч... — вновь усмехнулась Анна. — Как раньше барышень офицеры катали... на тройках с бубенцами... с ветерком...

— Небось вдоволь раньше покатались с офицерами? — уколол ее Чапаев, но садиться в машину не стал, стоял у открытой дверцы.

— Когда в гимназии училась — на масленицу каталась. Не с офицерами, правда, с такими же гимназистами.

— Муж не заревнует? Не боитесь? — прищурился Чапаев.

— А вы не боитесь? Что муж заревнует?

— Я-то? Я страсть какой боязливый! Правда, характер такой дурной — чего боюсь, туда и нос сую... Э-эх, где наша не пропадала! Садитесь, Анна Никитишна! — вдруг улыбнулся Чапаев и, поправив папаху на голове, открыл дверцу на заднее сиденье. — Прокатимся с ветерком!

— Куда с ветерком? — забурчал шофер. — Темень — глаза выколи, влетим в какую-нибудь яму — автомобиль поломаем, как я его тута чинить буду?

— Починишь! А не починишь, вон в реке утоплю вместе с автомобилем! Заводи давай! — приказал Чапаев.

Шофер вздрогнул, выбрался из автомобиля, достал металлическую заводную ручку, воткнул ее в отверстие в радиаторе, принялся старательно крутить. Мотор фыркнул, чихнул пару раз, опять фыркнул и негромко заревел.

Анна забралась на заднее сиденье. Чапаев хотел было сесть впереди, но Анна вдруг сказала игриво:

— Рядышком садитесь! Ведь с барышней в обнимку кататься надо!

— В обнимку, говорите? Ну глядите! Повадился журавль по воду ходить, там ему и голову сломить! — Чапаев с размаху плюхнулся на сиденье рядом с Анной, и шофер тронул машину.

Мотор заревел громче, вспыхнули два луча света от фар, и машина бодро покатила в темноту.

...Автомобиль мчался по степи. Глухой мрак стоял вокруг, колеса то и дело попадали в ухабы и выбоины, подскакивали на буграх, и машину сильно встряхивало, подкидывало, она кренилась то вправо, то влево, и прямые, словно две длинные руки, лучи света от фар шарили по темноте, выхватывая пятна бурой пустой равнины. Гроздья ярких звезд мерцали высоко в черном небе. Ветер обжигал лица, трепал волосы на непокрытых головах. Шофер, не оглядываясь, окаменело смотрел вперед.

Они обнимались и целовались, и Чапаев видел прямо перед собой большие блестящие глаза Анны, припухшие от поцелуев губы.

— Ах, Василий... Василий, ну зачем ты? Откуда ты свалился на мою голову? Замучил ты меня... из головы не идешь... все время про тебя думаю... все время... Боже мой, что за беда такая? — тихо говорила Анна и целовала его губы, глаза, ерошила замерзшими пальцами его волосы.

— А я, думаешь, не замучился? — на ухо ей шептал Чапаев. — Глаза закрою и лицо твое вижу... все смеешься надо мной, издеваешься... ты прям как заноза в сердце... Анна... Аня... Анечка...

Фурманов в одиночестве сидел в комнате. Светила керосиновая лампа, на столе стоял небольшой самовар и две чашки. Фурманов курил и смотрел в ночное окно. Потом встал и начал ходить по маленькой комнатке от окна до двери и обратно. Дымил самокруткой... Вдруг схватил со стула полушубок и быстро вышел на улицу.

Он прискакал в штаб дивизии, накинул повод на забор у коновязи и пошел к двухэтажному деревянному дому. На крыльце стоял пулемет, возле него курили трое красноармейцев. Некоторые окна дома были освещены. Увидев Фурманова, красноармейцы похватали винтовки, прислоненные к перилам, вытянулись по стойке смирно.

Фурманов простучал сапогами по коридору первого этажа, заглянул в телеграфную комнату, поднялся на второй этаж. Открыл дверь в предбанник комнаты Чапаева. За столом с горящей керосиновой лампой дремал молодой человек в гимнастерке, уронив голову на грудь. Услышав скрип двери, он вскинул голову, вытаращил глаза на Фурманова.

— Начдив был?

— Днем приезжал.

Фурманов закрыл дверь, немного постоял в задумчивости и пошел прочь.

К бараку, где работали прачки, комиссар подъехал не спеша. Запотевшие окна были освещены, из труб валил дым — работа продолжалась и ночью. В стороне горели костры, спали на земле красноармейцы, в темноте расхаживали часовые.

Фурманов спрыгнул с коня и пошел в барак.

Он вошел и остановился, охваченный жаркими клубами пара, и первые секунды ничего не видел перед собой. Приглядевшись, стал различать фигуры прачек, согнувшихся над стиральными досками. Наконец он увидел в глубине барака Татьяну, склонившуюся над стиральной доской и методично работавшую руками.

— Мальцева! — громко позвал Фурманов.

Почти все прачки повернули головы, уставились на Фурманова.

— Ой, Мальцева, опять к тебе начальство пожаловало! — с ехидцей пропела одна. — Чем ты их так приворожила?!

— Молодец, девка! Никому не давайся — пущай возле юбки побегают!

— Начальство долго бегать не любит! — подхватила третья. — Раза два поцеловал, и — давай на сеновал!

И все рассмеялись. Прачки радовались, когда хоть на минуту можно было отвлечься от каторжного труда. Под смех прачек Татьяна подошла к комиссару. Тот смутился, окинув ее взглядом, спросил:

— Начдив здесь был?

— Был...

— Один?

— Один. — Татьяна спокойно смотрела на него.

— Я хотел сказать... не успел в клубе... Ты замечательно читала стихи. Молодец, — Фурманов отвел взгляд в сторону. — И Чапаев был. Слушал. Ему тоже очень понравилось, знаешь?

— Знаю...

— Мне показалось, Татьяна, что он... он по-прежнему к тебе... очень расположен. Да что там — любит он тебя, Татьяна. Мой тебе совет — не теряй момент.

— Спасибо... — Она все смотрела на него, словно ожидала другого вопроса, но Фурманов потоптался и толкнул дверь.

— Хоть бы один с подарком пришел! С конфетами да пряниками! — вновь ехидно заметила прачка. — Вот ко мне купец Фрол Пафнутьич хаживал — кажный раз столько всего принесет: и конфет, и пряников, и мармеладу! И шампанское приносил!

— Так то купец! Где у пролетария деньги на шампанское!

Прачки вновь радостно загоготали, и под этот смех Фурманов захлопнул тяжелую дверь.

Шофер ушел далеко в степь и курил, сидя на земле и глядя на звезды...

Чапаев и Анна лежали на заднем сиденье машины, обнявшись, прижавшись друг к другу, и продолжали ненасытно целоваться. Тихо гудел мотор. И вдруг Анна рванула на Чапаеве гимнастерку с такой силой, что полетели пуговицы, и Чапаев стал расстегивать ремень с портупеей. Анна начала раздеваться сама, с лихорадочной торопливостью сняла с себя гимнастерку, высоко задрала подол юбки.

— Простынешь, Аня... — пробормотал Чапаев, смущенный таким жадным нетерпением.

— Хочу тебя... хочу... хочу... — исступленно шептала Анна, обвивая руками его шею и привлекая к себе...

...Шофер докурил папиросу, поднялся и побрел к машине. Ярко светили звезды, из-за туч выкатилась полная бледно-зеленая луна. Шурша сапогами по пожухлой траве и мелкому кустарнику, шофер подошел к машине и вдруг остановился, словно натолкнулся на что-то.

По кожаному сиденью разметались волосы, в темноте смутно белели обнаженные тела, едва накрытые полушубком. Он вдруг пополз в сторону, и Чапаев торопливо поправил его. Слышалось невнятное бормотание, иногда женский голос становился громким. Анна почти кричала.

Шофер испуганно попятился и пошел обратно в темноту.

Машина тарахтела по темным улочкам городка. Анна и Чапаев, обнявшись, сидели на заднем сиденье.

— Скажи ему здесь остановиться, — тихо сказала Анна.

— Чего тут? До дому довезу, — отмахнулся Чапаев.

— Пусть здесь остановится!

— Тормози, — велел Чапаев, и шофер послушно остановился.

— До дома пешком дойду... — Анна обняла Чапаева, стала целовать. Поцелуй получился долгим. Наконец губы их разъединились, Анна мягко высвободилась из объятий Чапаева, еще раз поцеловала в губы, щеку, глаза, прошептала: — Прощай...

— Почему прощай? — спросил Чапаев.

— Потому что нам нельзя видеться... — Она открыла дверь и выбралась из машины.

— Да нет, Анна... такого не может быть. Мы все равно будем видеться...

— Прощай, Василий, прощай, мой Гарибальди...

— Нет! Погоди, Анна! — крикнул Чапаев и хотел было выйти из машины, но Анна остановила его:

— Прошу тебя... не надо...

Она быстро пошла по улочке, наклонив голову, и уже издалека, не оборачиваясь, помахала ему рукой.

Лишь под утро Татьяна Мальцева вошла в конюшню, где на одной половине на охапках соломы спали прачки. На другой в стойлах стояли лошади, фыркали, громко жевали сено, стукали копытами по дощатому настилу. Татьяна легла на солому у стены, подстелив шинель и вещевой мешок. Повалилась на спину. Еще три женщины спали неподалеку у стены. Одна гром-

ко храпела. В небольшое окно у самой крыши светила луна. Она уже начала таять — подкрадывался зыбкий рассвет.

Вдруг за воротами послышались негромкие голоса, потом одна створка тихо скрипнула, и в полумраке появилась темная фигура красноармейца с винтовкой. Это был тот самый шустрый маленький солдатик, который заподозрил в Татьяне шпионку. Он долго приглядывался в темноте, позвал приглушенно:

— Которая тут Мальцева будет?

— Я Мальцева... — тихо отозвалась Татьяна, чуть приподнявшись.

Солдатик почти на ощупь подошел к ней, хрустя соломой, присел рядом — глаза его возбужденно блестели.

— Насилу нашел тебя, шпиенка... — Он хихикнул. — Искал-искал...

— Зачем искал?

— А как же? Слушал, как ты в клубе стихи читала... можно сказать, все нутро перевернула... — Он протянул руку и погладил ее по щеке.

Татьяна не отстранилась, равнодушно смотрела на него.

— Не сплю... не ем... влюбился я в тебя, шпиенка... — горячо выговорил солдатик. — Тебя Татьяной звать? А меня Алешкой... Никонов Алешка я...

— Шел бы ты... я так устала — руки поднять не могу... — Татьяна вновь повалилась на спину, уставилась в потолок.

— Полежи, полежи конечно... — тихо проговорил солдатик и вдруг лег с ней рядом, зашептал горячо: — Я ж говорю, все нутро мне перевернула. Что же, думаю, за дива такая... голая приснилась...

— Водкой от тебя несет... — поморщилась Татьяна.

— Выпил, конечно, для храбрости... к тебе по-другому и не подступись... — И руки его вдруг зашарили по телу Татьяны, задирая юбку.

Она равнодушно продолжала смотреть в потолок, проговорила тихо, словно это не ее тела касались чужие руки:

— Шел бы ты... устала я...

— Устала, понимаю... ничего, ничего... — Он навалился на нее, задышал в лицо, и Татьяна поморщилась, отвернулась в сторону.

А шустрый солдатик продолжал свое дело, задвигался ритмично вверх-вниз и бормотал:

— Ты чего морщишься?.. Лицо воротишь... я ж говорю, все нутро ты мне перевернула... Плохо тебе, да? Плохо? — Он стал целовать ее, но по-прежнему ни один мускул не дрогнул на неподвижном лице девушки. — Ну че ты лежишь как покойница... Я ж люблю тебя, и ты меня полюби...

— Мне все равно... — глядя в сторону, ответила Татьяна и вновь поморщилась. — Любишь и люби... и молчи, пожалуйста...

И шустрый солдатик старательно пыхтел, лежа на Татьяне.

А совсем рядом громко храпела толстая прачка...

Чапаев осторожно вошел в дом. В первой комнате было темно. В лунном свете виднелась лавка и дверь в другую комнату. Чапаев подошел к столу, нашарил спички, чиркнул, потом зажег керосиновую лампу и, подняв ее, открыл дверь во вторую комнату. Неяркий свет лампы осветил сперва одну кровать — на ней спал

одетый Петька Исаев. Даже портупею не снял — шашка и револьвер в кобуре были при нем.

Чапаев повел лампой и увидел сидящего в углу, за столом Фурманова.

Комиссар курил и молча смотрел на него. Чапаев усмехнулся в усы, шагнул к столу, поставил лампу. Сел напротив, спросил:

— Ты чего? Что-то срочное?

— Да нет... — чуть улыбнулся Фурманов. — Из штаба ехал, решил заглянуть... Тебя нет, а Петька твой спит... Решил подождать...

— Чего подождать-то? — не понял Чапаев.

— Тебя, начдив... пока ты с моей женой... набалуешься... — спокойно ответил Фурманов, затягиваясь самокруткой.

— Зря ты так про свою жену, комиссар... — вздохнул Чапаев. — Она у тебя...

— Какая она — мне лучше знать, — оборвал его Фурманов и резко встал. — Не думал я, что ты...

Чапаев тоже встал, и Фурманов осекся, не договорив фразы. Проснулся Петька Исаев, очумело помотал головой, сел на кровати:

— Извиняйте, товарищи командиры... задремал, не услышал... — Петька встал, оправил гимнастерку, пригладил вихры. — Какие будут приказания, Василь Иваныч?

— Проводи товарища комиссара. До дому ему пора.

Фурманов наклонил голову и быстро вышел из комнаты.

— Чего его провожать-то? — с недоумением спросил Петька. — Сам, что ль, не дойдет? Он верхами приехал?

— Верхами-верхами... — пробормотал Чапаев. — Ты-то чего одетый дрыхнешь?

— Вас ожидал каждую минуту. Чтоб время на одевания не тратить... вот и сморило...

— Сморило... — усмехнулся Чапаев. — Дрыхнул так, что не слышал, как комиссар пришел...

— Он разве без вас пришел? — удивился Петька.

— Ладно, Петька, давай-ка поспим мало-мало, утро уже... — И Чапаев сбросил полушубок на пол, стал раздеваться.

Фурманов прискакал к дому, где жил с Анной, слетел с коня и, бухая сапогами, вошел внутрь. В полумраке он дрожащими руками нашарил спички на столе, зажег керосиновую лампу. Полумрак рассеялся, оставшись лишь в углах комнаты.

Анна лежала в кровати, натянув одеяло до подбородка, и смотрела на него испуганными глазами. Фурманов рванул с нее одеяло и с маху стеганул нагайкой по голым плечам, по домотканой нижней рубахе, задравшейся выше колен. Анна молча загораживала руками лицо, грудь, а Фурманов в слепой ярости хлестал и хлестал, цедя сквозь зубы:

— Сучка-а! Ненасытная сучка-а!! Спуталась! С ярмарочным шарманщиком! Жена комиссара!

И тут неведомая сила подбросила Анну с кровати — она вскочила, вцепилась в плеть, закричала яростно:

— Да, с шарманщиком! Интересней тебя, между прочим, шарманщик! А ты думал, безответной рабой твоей буду?! Революция всех уравняла!

— И блядство тоже уравняла?! — тяжело дыша и сжимая кулаки, выдохнул Фурманов.

— Тебе можно за каждой юбкой ухлестывать? Думаешь, я терпеть буду? Да плевать я на тебя хотела! Кого

хочу, того и люблю! Революция сделала женщину свободной! И если ты меня еще хоть раз тронешь... — Анна отшвырнула на пол нагайку. — Я на тебя в партком напишу, комиссар паршивый, в штаб фронта напишу! В Реввоенсовет! За избиение жены! Вылетишь из партии как миленький!

— И на Чапаева напишешь? — криво усмехнулся Фурманов.

— Чапаев и без партии — Чапаев! А ты без партии — ноль без палочки! Пошел вон отсюда к чертовой матери! — И Анна в ярости пнула нагайку к двери.

— Еще раз... с Чапаевым... я трогать тебя не буду, — цедил слово за словом Фурманов. — Я тебя застрелю, сучка! — И он вышел из комнаты.

Чапаев улегся в кровать, закинул руку за голову и уставился в потолок. Петька дунул в стекло лампы — язычок пламени погас.

Чапаев смотрел в смутно белеющий потолок... в памяти тяжело ворочались воспоминания... как он обнимал полуголую Анну на кожаном сиденье автомобиля, жадно целовал ее и она отвечала на поцелуи, стонала громко, вскрикивала, не стыдясь, что шофер слышит и, может быть, даже видит их любовные утехи...

Он засыпал, и вдруг привиделось ему другое... как он стоит на церковном куполе и ветер раздувает рубаху, и синее небо с кипенно-белыми кудрявыми облаками совсем близко, и он кричит в небо, протянув руки:

— Настя-а-а! Настена-а-а!!

Но вместо ответа лишь тонко посвистывает ветер...

...И вдруг чистое синее небо заволокло дымом, и все заполнил грохот боя. И Чапаев увидел лежащего на

земле смертельно раненного Петра Камышковцева и услышал его голос:

— Как друга прошу, Василий... об детях моих позаботься... пропадут дети, Василий, малые совсем, Пелагея одна их не прокормит...

А вокруг гремел бой, бежали и падали солдаты, рвались снаряды, вздымая фонтаны черной земли, и стучали, захлебываясь, пулеметы... Тут рядом с Чапаевым и Камышковцевым повалился на землю поручик Мальцев. Он был в грязной, обожженной во многих местах шинели, тяжело дышал:

— Чапаев, а я тебя ищу! Вон пулеметное гнездо, видишь? Он, сволочь, всю атаку останавливает! Подобраться к нему сможешь? Гранатами его закидать! Давай, Чапаев, голубчик, ты сможешь добросить, я знаю... давай постарайся!

На него смотрели умоляющие глаза поручика на исхудалом небритом лице.

— Там целых три ствола... — пригляделся Чапаев. — У меня гранат столько нету.

— Мои возьми... — Поручик стал снимать с пояса гранаты.

— И мои возьми... — прохрипел умирающий Камышковцев.

— Давай и я с тобой, Василий, — дернулся было Мальцев.

— Ваша голова царю-батюшке ишшо пригодится, — усмехнулся Чапаев.

Он пополз по изрытой земле, под свист пуль и взрывы снарядов, и руки утопали в земляной жиже...

...Чапаев вздрогнул и проснулся. Уже стояло утро, и Петьки на соседней кровати не было. Чапаев рукавом рубахи утер мокрое лицо, встряхнул головой:

— Фу ты, черт... дурь всякая в башку лезет... Петька?! Ты куда умотался, Петька?! Чаю хоть бы соорудил!

Никто не отозвался. Чапаев еще раз чертыхнулся, встал с кровати, начал одеваться.

В штабе совещались. Чапаев, склонившись над картой, водил по ней циркулем:

— Бригада Шмаринова пойдет по главному большому тракту. Слышишь, Шмаринов?

— Так точно, товарищ начдив.

— Сизов со своими полками двинется в обход Уфы на юг, на Усиху. Широким охватом пойдешь. Бригада Сереброва при мне будет. Мы тебя, Сизов, поддержим. Там офицерские части и казара отборная. Так что кровушки прольем много... Казака на испуг не возьмешь, и захваченной территорией с толку его не собьешь — его территория вся степь, и он, змей, будет гулять по этой степи, где захочет, и в тыл к тебе зайдет, и ускользнет меж пальцев. Казак с измальства — вояка. Измором его тоже не возьмешь, и на агитацию он не поддается. Одно слово — казак, опора царя и веры. Понятно излагаю?

— Так точно, товарищ начдив... — нестройно и негромко отвечали командиры, стоявшие вокруг стола.

— Значит, что нужно делать, командиры вы мои неразлучные. Надобно изничтожить его живую силу! Сокрушить его конные полки! Казак признает только силу и только силе покорится... Я понятно излагаю?

— Так точно, товарищ начдив... — вновь нестройно загалдели командиры.

В это время у себя в кабинете командующий фронтом Фрунзе, хмурясь, читал лист бумаги, исписанный нервным почерком. Резкий тон письма комиссара Фурманова не оставлял никаких сомнений в его намерениях:

«Хочу напомнить вам, Михаил Васильевич, что вы не знаете за мной такой слабой черты, как жаловаться на кого-нибудь, тем более жаловаться начальству. Я не из слабых, иначе не был бы комиссаром на самых трудных участках гражданской войны и в самых трудных воинских соединениях Красной Армии, но теперь я вынужден написать вам прямо — с начдивом Чапаевым я работать больше не могу. Открытое презрение ко мне он демонстрирует всем командирам при каждом удобном случае. Приказы о военных операциях он дает мне на подпись чисто формально, и если я пытаюсь возражать по тем или иным причинам, он высмеивает меня и на мои возражения никак не реагирует. Кроме этого, Чапаев постоянно обвиняет меня в трусости, хотя я ни разу не давал повода к подобным обвинениям и во время боевых действий постоянно находился вместе с бойцами. Чапаев постоянно заявляет, что комиссары ему в дивизии не нужны, в чем я усматриваю прямой подрыв авторитета партии в армии и прямую контрреволюцию. Я настаиваю, Михаил Васильевич, на присылке проверочной комиссии. Пусть она объективно рассмотрит состояние дел в дивизии. Военные успехи дивизии Чапаева зиждятся только на его личном авторитете, на партизанщине, на его самодурстве. И победы эти связаны с большими потерями личного состава, поголовья конницы и другой материальной части. Еще раз настоятельно прошу прислать комиссию или перевести меня в другое воинское соединение. Противосто-

ять Чапаеву я бессилен. Комиссар 25-й дивизии 4-й армии Дмитрий Фурманов».

Фрунзе положил письмо на стол, встал и медленно прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

Всадник выехал из поселка и припустил быстрой рысью. Таяли в ночном мраке огни домов и костров, шумы и голоса, темнота и тишина окутали его. Завернувшись в бурку, всадник скакал все дальше и дальше в степь...

Стих перестук копыт, растворился во тьме всадник, но вот из-за окраинных домов поселка появился второй. Он погонял коня, и бурка стлалась за его спиной — Чапаев не слишком старался остаться незамеченным. Он проскакал довольно долго, осадил коня и завертелся на месте, оглядываясь по сторонам. Большая зеленая луна вышла из-за низких рваных туч и залила землю зыбким светом. Чапаев еще раз огляделся и позвал громко и хрипло:

— Анна! Аня! Где ты?!

Из полумрака выехал другой всадник, плотно закутанный в бурку, виднелось лишь светлое пятно лица, медленно подъехал к Чапаеву. Анна насмешливо спросила:

— Кричишь? Не боишься, что услышат?

— Боюсь, что ты не услышишь... — хрипло проговорил Чапаев и, наклонившись в седле, обнял Анну, и губы их сомкнулись в долгом поцелуе.

Лошади стояли вплотную друг к другу, фыркали, терлись головами, их огромные фиолетовые глаза светились в полумраке...

...Потом Чапаев набрал хвороста, разжег небольшой костер, расстелил одну бурку на сухой траве, и они

сидели, накрывшись второй буркой, и смотрели на огонь.

— Жизнь моя, приснилась ты мне, что ли... — тихо проговорил Чапаев.

Анна посмотрела на него сбоку, поцеловала в щеку, прошептала:

— И мне так порой кажется... как подумаю про нас с тобой, кажется, что все это сон... проснусь, и ничего не будет...

— Смотри, смотри... — тихо перебил ее Чапаев.

Две лошади стояли неподвижно, облитые лунным светом, положив друг другу морды на длинные, точеные шеи, точно обнявшись...

Некоторое время Чапаев и Анна смотрели на лошадей, потом Анна глубоко вздохнула:

— Ох, Чапай, Чапай... — Ее пальцы перебирали его волосы, гладили его щеки, шею. — Горькая какая-то любовь у нас с тобой получается...

— Почему, Аня, ну почему? — совсем по-детски улыбнулся Чапаев.

— Вроде и не боимся никого... а все равно прячемся... я вот им завидую... — Анна посмотрела в сторону лошадей. — Эх, Чапай... жизнь наша короткая, а любовь еще короче...

— Бывает любовь и длиннее жизни...

— У тебя есть такая любовь? — Она впилась в него глазами, усмехнулась: — Небось эта... полковничья дочка?

— Вижу, покоя она тебе не дает...

— Да ты правду мне скажи, Чапай!

— Что говорить? Сама не видишь? — Он обнял ее и начал жадно целовать, повалил на бурку, и руки его шарили по ее телу, тискали его, и Анна застонала тихо:

— Милый ты мой... родной мой...

Вековая тишина царила в степи, и вдруг ее разорвал перестук копыт, и скоро показались очертания трех всадников. Они летели прямиком на свет костра.

Чапаев вскочил, принялся торопливо натягивать галифе, застегиваться. Анна приподнялась, оправляя юбку и гимнастерку:

— Господи, и здесь нашли...

— Кто такие?! — зазвенел голос, и передний всадник осадил коня. — Че в степу делаете?

— А второй-то, кажись, баба! — весело проговорил второй боец и повторил грозно: — Вы че тута делаете?!

— А вы че делаете? — передразнил Чапаев.

— Как это че? Мы в дозоре! Службу справляем!

Анна тихо рассмеялась и торопливо накрылась буркой. Чапаев застегнул последнюю пуговицу на френче, шагнул к всадникам, сказал глухо:

— Дуйте отсюда, ребята! Быстро!

— Никак сам Чапаев... — растерянно протянул первый всадник. — Здравия желаю, Василь Иваныч.

— Езжайте по-хорошему, черт вас побери... — скрипнул зубами комдив. — Чего нос суете куда не надо?

— Так мы ж в дозоре, товарищ комдив. Тута и казаки шастают... Не ровен час, наскочат — беда будет! — оправдывался первый всадник.

— Езжайте, я сказал! — не выдержав, крикнул Чапаев.

— Есть! — козырнул тот и, развернув коня, поскакал в темноту: — За мной!

Двое других тоже повернули своих коней и скоро пропали в темноте, лишь доносился, утихая, стук копыт.

— Вот черт! — Чапаев с досадой плюхнулся на бурку рядом с Анной. — Уж лучше бы казаки налетели...

Анна расхохоталась, обняла Чапаева, стала целовать, приговаривая:

— Дорогой мой... хороший мой... иди ко мне, пока казаки не налетели...

Несколько командиров и комиссар Фурманов с высокой площадки в куполе разрушенной церкви смотрели в бинокли на поле. Ближе к ним степь была изрезана линиями окопов, виднелись пулеметные точки, суетились фигурки бойцов. Позади окопов расположились три методично стреляющие батареи.

А на горизонте был виден поселок. Ползли над крышами черные дымы пожаров. Оттуда доносился гул артиллерийской стрельбы, и снаряды рвались позади цепи окопов, там, где стояли батареи красных. Вот взрывом опрокинуло одно орудие, и фигурки бойцов расшвыряло в стороны, словно тряпичные куклы.

— Они так все наши пушки раздолбают, комиссар! — выкрикнул комполка Сизов.

— Вот и принимай решение, — ответил Фурманов, тоже глядя в бинокль.

— Ну да, мы только агитировать умеем, а как решение принимать — так другие, — тихо пробормотал Сизов.

— Атаковать надо поселок и выбить их, — огрызнулся Фурманов. — Сбросить в реку.

— У нас патронов на полчаса хорошего боя осталось, — мрачно сказал другой командир.

— Люди три раза в атаку подымались — больше не подымутся, — прибавил Сизов.

— Как это не подымутся? Надо объяснить... сказать... люди поймут, — сбивчиво заговорил Фурманов.

— Вот пойди и объясни, а я посмотрю, как это у тебя получится, комиссар, — желчно ответил Сизов, едва сдерживая злость. — У меня в полку почти половина раненых! И патронов — кот наплакал!

— Но ведь план наступления утвержден начдивом... — возразил Фурманов. — Где Чапаев-то?

— Сами хотели бы знать... небось с бабой где-нибудь милуется... — не без ехидства проговорил еще один командир.

— А ты хотел бы, чтоб он за тобой, как нянька, бегал и сопли подтирал? — бешено глянул на него Сизов.

— С какой бабой? — спросил Фурманов.

— Да не слушай ты его, пустозвона, — отмахнулся Сизов. — Думайте лучше, что делать. Еще час, и они весь полк так измочалят, что мы обратно побегим...

— А у них есть силы атаковать?

— Найдутся... там офицерские части...

За поселком на оборудованных позициях стояли орудия белых. Солдаты сноровисто подносили снаряды, заряжали, и залпы «ахали» один за другим без остановки. Рослый капитан командовал:

— Заряжа-а-ай! Прицел тот же! Делай из чапаевцев окрошку-у! Пли-и! Шевелись, голубчики! Шевелись, соколики-и!

Ротмистр Мальцев выбрался из блиндажа, позвал вестового:

— Кулешов!

Подкатился бородатый солдат в гимнастерке, шароварах и коротком полушубке.

— Давай к артиллеристам! Передай капитану Северцеву. И на словах скажи — пусть долбают без остановки!

— Слухаю, вашбродь! — Казак схватил небольшой пакет, вскочил на коня и поскакал.

Мальцев вернулся в блиндаж, сел на свободный ящик у дощатого стола, на котором светила сплющенная гильза. Трое офицеров курили папиросы. Раскрытые консервные банки, бутыль самогона и граненые стаканы располагались прямо на карте военных действий. Мальцев тоже закурил, посмотрел на часы:

— Еще час канонады, и мы их голыми руками возьмем...

— Мы рвемся в бой, ротмистр, — насмешливым, слегка пьяным голосом сказал капитан.

— Боюсь, через час, капитан, вы в бой на карачках поползете, — ухмыльнулся поручик, и все засмеялись.

— Тушеночка хороша! — воскликнул капитан. — Американская! Под такую тушеночку грех не выпить!

— В Америке этой тушеночки обожретесь, капитан, — осклабился Мальцев.

— Почему в Америке? — удивился пьяный капитан.

— А куда ж нам еще? Деникин в Европу отчалит, а мы добежим до Владивостока и — в Америку, — продолжал издеваться Мальцев.

— До Америки, ротмистр, еще ого-го — целая Сибирь!

— Думаете, в Сибири мужик нас с хлебом-солью ждет?

— Прекратите, ротмистр! — отмахнулся поручик. — Кто сейчас думает о будущем? Прожили день, и — слава Богу! Запугали нас апокалипсисом! — Поручик потянулся к бутыли, разлил самогон по стаканам. — А вот я не боюсь! Чем больше красной сволочи прикончу — тем и лучше... и душа моя на том свете будет спокойна...

Над крышей блиндажа гремела артиллерийская канонада. Офицеры чокнулись, молча выпили.

По степи к разбитой церкви пылили всадники.

— Вон сам Василь Иваныч скачет, — посмотрев в бинокль, сообщил Сизов, и все оглянулись.

Шестеро всадников подлетели к церкви, спешились, и один начал быстро взбираться по деревянной лестнице. Это был Чапаев.

— Почему не атакуете?!

— Да мы... товарищ начдив... — растерянно забормотал Сизов.

— Я спрашиваю, почему не атакуете?! — закричал Чапаев и стал смотреть в бинокль.

— Три раза подымались, Василь Иваныч, — проговорили за его спиной. — Патронов на полчаса осталось.

— Где бригада Сереброва? Ты по связи с ним разговаривал?

— Да нет связи, Василь Иваныч! С самого утра нету!

— Сучья лапа! Ты должен был выбить их из Кожуховки! В реку скинуть! — рыкнул Чапаев на комполка. — Я Жукова расстрелял, думаешь, тебя пожалею?! А ну в окопы! Подымай людей!

Сизов кубарем покатился по шаткой лестнице, побежал к окопам.

— А ты чего стоишь, комиссар? — глянул Чапаев на Фурманова. — В окопы давай! Подымай людей в атаку!

— Под таким огнем полягут все, — ответил Фурманов.

— Ты за людей боишься али за себя?! В окопы давай, твою мать! Застрелю! — И рука Чапаева потянулась к кобуре револьвера. — И вы все! Быстро!

Командиры посыпались по лестнице. Последним спускался Фурманов.

— Петька! — сверху заорал Чапаев. — Дуй в конную бригаду Сереброва! Играй сбор! Чтоб через полчаса здесь были! Нет, постой, черт подери! Вместе поскачем!

Шестеро всадников вновь запылили по пустой степи в сторону от позиций красных и скоро скрылись из виду.

В это время в окопах засуетились, забегали красноармейцы, размахивали руками и что-то кричали командиры, снаряды белых рвались перед окопами, за окопами и в самих окопах, поднимая черные фонтаны земли и разбрасывая тела убитых и раненых бойцов.

Среди красноармейцев находилась Татьяна Мальцева, в короткой шинели, в разбитых сапогах, с красной косынкой на голове. Рядом ухали взрывы, Татьяна припадала к земле, и ее осыпало мелкими комьями. Она приподнималась, отряхивалась, со страхом оглядывалась по сторонам. Потом присела на землю, стиснув ладонями уши. На мгновение наступила тишина.

— Я не прощу ему... — внятно проговорила Татьяна. — Я его убью... я должна его убить...

Вдруг она увидела за окопами оседланную лошадь. Та, видно, потеряла седока и теперь скакала по степи совсем близко от окопов, шарахалась от взрывов в разные стороны.

Татьяна выбралась из окопа и бросилась к лошади, крича на бегу:

— Кось! Кось! Кося!

Лошадь остановилась, прядая ушами и глядя на бегущую к ней Татьяну.

— Косенька! Косенька! Кось! Кось! — Татьяна под-

бежала к лошади, схватилась за повод, прильнула к лошадиной морде.

Лошадь мелко вздрагивала, косилась на девушку огромным фиолетовым глазом. Татьяна взобралась в седло, дернула повод, и лошадь послушно пошла скорой рысью все дальше и дальше от окопов...

В окопах среди краснармейцев выделялась фигура Фурманова. Он что-то кричал и размахивал револьвером, потом первым вылез из окопа и побежал вперед...

За ним выбрался еще один боец, еще и еще... и скоро первая цепь бежала по степи под пулеметным огнем... За первой цепью покатилась вторая... третья... четвертая... И загремело над степью, зарокотало: «Ур-р-ра-а!» Страшный огонь косил людей — они падали, спотыкаясь на бегу, роняя винтовки, раскидывая руки в стороны... Рвались снаряды — белые перенесли огонь пушек на поле перед своими позициями...

И цепи залегли. Фурманов, весь забрызганный влажной землей, отыскал глазами лежащего за бугорком комполка Сизова, подполз к нему, прокричал хрипло:

— Поднимать людей надо!

— Не подымем! — мотнул головой Сизов.

— А чего делать? Люди лежат!! Чего делать?

— Подыхать!

Словно в подтверждение его слов, рядом рванул снаряд, и обоих густо обсыпало землей.

И вдруг позади них родился гул, нарастающий с каждой секундой, и в глубине степи появилась темная быстро приближающаяся полоска, и грохот конских копыт сделался сильнее. Конская лавина стала

вытягиваться клином, и на острие этого клина скакал Чапаев. Черная бурка развевалась за ним, рядом, отставая на корпус, скакал знаменосец, и тяжелое полотнище трепыхалось на ветру. Лицо знаменосца онемело от натуги — он с большим трудом удерживал древко знамени.

А фигура Чапаева в эти секунды напоминала хищную птицу, и шашка над его головой описывала круги.

Красноармейцы на поле поднимали головы, оглядывались, и на лицах появлялись неуверенные, а потом радостные улыбки, и пронесся первый крик:

— Чапа-а-аев!

Красноармейцы поднимались, может быть, в первую очередь потому, чтобы не быть затоптанными лошадьми. Лавина нахлынула на массу солдат, смешалась с ней и прошла как сквозь редколесье.

Огонь белых усилился, и уже вместе с пешими бойцами падали на землю конные, и много коней с пустыми седлами неслось по полю...

В сутолоку мчащихся всадников затесалась Татьяна Мальцева. Она умело сидела в седле, пригнувшись к лошадиной шее, подхлестывала коня нагайкой и подбиралась все ближе и ближе к Чапаеву. Девушка обгоняла бегущих солдат и всадников, и глаза ее были устремлены на фигуру Чапаева, маячившую впереди. Пулеметы белых захлебывались очередями, но остановить лавину они уже не могли.

Татьяна выдернула из кобуры револьвер, вытянула вперед руку и стала выцеливать черную бурку, расстилавшуюся за спиной Чапаева. Рука с револьвером плясала из стороны в сторону, но Татьяна упрямо целилась, взяла выше плеч — в папаху на голове Чапаева. И наконец нажала на курок. Выстрела не было слыш-

но — слишком много грохота и пулеметной пальбы вокруг.

Папаха слетела с головы Чапаева — он пригнулся и, бросив повод, невольно потрогал рукой голову.

Татьяна выстрелила еще раз, еще... но пули прошли мимо цели... Зато рухнул с коня знаменосец, скакавший рядом с Чапаевым.

— Зна-а-амя-а!! — закричал Чапаев, привстав в стременах. — Зна-а-амя-а!!

И теперь он был хорошо виден Татьяне. Она снова нажала на курок.

И попала! Девушка выронила револьвер и закрыла лицо руками. Лошадь, почувствовав, что повод брошен, сбавила ход, перешла на рысь и стала отставать от мчащейся лавины всадников...

Чапаев кувыркнулся через голову лошади, ударился о землю и покатился по ней, рискуя попасть под копыта скачущих лошадей. И понесся пронзительный крик, перекрывший грохот боя:

— Начдива-а-а ранило-а-а!!

Лавина всадников катилась вперед.

Белые выскакивали из окопов и, отстреливаясь, бежали к реке. Настигавшие их конники с размаху рубили шашками...

...Первым у лежащего на земле Чапаева оказался Петька Исаев. Через секунду их окружили уже с десяток красноармейцев. Петька приподнял залитую кровью голову Чапаева, со страхом заглянул в глаза.

— Живой ай нет? — робко спросил кто-то.

Петька прижался ухом к груди Чапаева.

— Живой вроде... Василий Иваныч, отзовись хоть... — попросил он.

Потом содрал с себя френч, разорвал нижнюю рубаху, принялся бинтовать Чапаеву голову.

Толпу красноармейцев растолкал запаренный, грязный комполка Сизов, гаркнул:

— Товарищ начдив!

Чапаев открыл глаза, приказал хрипло:

— Приподыми меня, Петька...

Петька приподнял его, и теперь начдив в упор смотрел на Сизова.

— Усиху взяли, Василь Иваныч. Мы их скинули в реку. В плен взяли больше сотни офицеров! Две батареи орудий. Большой боезапас взяли! — тяжело дыша, докладывал Сизов.

— Комиссар живой? — спросил Чапаев.

— Живой, слава Богу, — улыбнулся Сизов. — В атаку шел геройски, Василь Иваныч.

— Это хорошо... — вздохнул Чапаев. — Сереброву передай — наступление продолжать...

Красноармеец подогнал двух коней, запряженных в телегу. Четверо бойцов подняли Чапаева и понесли к телеге, уложили на охапки соломы. Петька плюхнулся рядом, спросил:

— Далеко?

— Да туточки! Три версты!

— Не гони шибко — растрясет его...

Возница дернул вожжи, и кони пошли широким шагом.

Сизов огляделся по сторонам, словно искал кого-то, и увидел группу всадников, скакавших к ним. Впереди был комиссар Фурманов.

— Что?! — закричал он издали. — Мне сказали, начдив убит!

— Ранен в голову, — ответил Сизов и, отвинтив крышку фляжки, стал жадно пить. Вода струйками тек-

ла по углам рта на небритую шею. — В госпиталь повезли. Сопроводить бы надо. А то мало ли чего... береженого Бог бережет...

— Я сопровожу. — Фурманов обернулся, махнул рукой всадникам, и они понеслись догонять телегу с раненым Чапаевым.

Они догнали телегу, окружили ее, и Фурманов поехал совсем рядом.

Чапаев услышал перестук копыт, открыл глаза и посмотрел на Фурманова. Комиссар спокойно встретил его взгляд. Так они ехали долго и молчали. Вдалеке доносились раскаты угасающего боя.

Госпиталь находился в большой избе. Вокруг горели костры, у них грелись легкораненые. Вход в госпиталь охраняли четверо красноармейцев. Было непривычно тихо — бойцы лишь негромко переговаривались.

— Выдюжит — Василь Иваныч двужильный, непременно выдюжит.

— А помрет — куды мы без него? Дивизия осиротеет... И Колчак зачнет трепать и в хвост и в гриву.

— Типун тебе на язык с лошадиную голову...

— Пуля-то в голове или как?

— Грят, в голове...

— Ну, тады дела — табак... ежели б в руку или ногу, ну на худой конец — в брюхо. А голова, братцы, самый главный орган у человека...

Фурманов ходил по маленькому коридорчику перед операционной. Сел на стул, достал кисет, клок бумаги и принялся сворачивать цигарку. Мимо прошла пожилая женщина с металлической коробкой для хирургических инструментов, сказала тихо:

— Не курил бы ты тута, сынок... Василию Иванычу шибко худо...

Фурманов резко встал и вышел в большие сени, трое раненых красноармейцев с перевязанными руками курили, сидя в углу на корточках. Фурманов присел рядом с ними, прикурил у одного, жадно затянулся, спросил:

— Откуда будете?

— С конной бригады Сереброва... — ответил один.

— Ничего, ребята, оклемаетесь... — утешил Фурманов.

— Мы-то оклемаемся, а вот Василь Иваныч... — ответил второй, но его тут же оборвали:

— Не каркай ты под руку, гадалка хренова!

Фурманов молча курил, хмурился...

Чапаев, укрытый, лежал на операционном столе, под окровавленную голову была подложена небольшая подушка. Широко раскрытыми глазами он смотрел в беленый потолок.

В углу пожилой врач с бородкой клинышком и седыми усами о чем-то шептался с двумя пожилыми сестрами милосердия.

— Че вы там шепчетесь, как старухи в церкви? — хрипло спросил Чапаев. — Ну-к, главный лекарь, доложи обстановку.

— Наркоза нет, — ответил пожилой доктор.

— Чего нету?

— Наркоза нету... пуля застряла в кости... в непосредственной близости от мозга... надо кость пилить, Василь Иваныч, а без наркоза нельзя... Я за это не возьмусь... не смогу... — Доктор нервно тер руку об руку.

— Возьмешься, — прохрипел Чапаев. — Или, пока я живой, расстрелять прикажу.

— Но поймите, Василий Иваныч...

— Петька! — из последних сил крикнул Чапаев, и в операционную тут же заглянул Исаев.

— Хорошо-хорошо, — поспешно сказал доктор. — Я буду оперировать...

...Фурманов курил цигарку в кругу красноармейцев. Дверь распахнулась, и в сени стремительно вошла Анна Стешенко. Шинель на ней была распахнута, волосы разметались по плечам. Фурманов вскочил, но Анна проскочила мимо него, даже не заметив.

Она вошла в операционную и остановилась, увидев Чапаева. Сделав страшное лицо, доктор кинулся к ней и зашипел:

— Вы с ума сошли! Сюда нельзя!

— Он жив? — спросила Анна.

— Кто там? — подал голос Чапаев.

Анна подошла к столу, положила руку на плечо Чапаеву.

— Как хорошо, что вы живы... — Она жадно смотрела на его осунувшееся лицо с засохшими подтеками крови.

— Слышь, доктор. Давай пили без этого... без наркоза, — сказал Чапаев.

— Как без наркоза?

— Как сказал. Только не тяни резину — пили давай. — Он посмотрел Анне в глаза, спросил тихо: — Ты не уйдешь?

— Нет-нет... конечно... я не уйду, не уйду...

— Давай за дело, доктор. Я потерплю...

— И водки не выпьете? — спросила пожилая сестра милосердия.

— Водку после пить будем... — И Чапаев закрыл глаза.

...У костра на земле сидел красноармеец и, закатив к небу глаза, что-то шептал. На коленях у него лежал истрепанный мятый блокнотик, и время от времени красноармеец, пожевав губами, писал туда огрызком карандаша.

Потом он потянулся к гармони, лежавшей рядом на охапке соломы, взял ее, водрузил на колено и медленно растянул меха, шаря пальцами по кнопкам и клавишам — подбирая мелодию:

Из-за волжских гор зеленых на Яицкий городок
Большевистские громады потянулись на восток...
Много есть у них снарядов, много пушек и мортир,
И ведет их, подбоченясь, сам Чапаев-командир...

Пароход погрузился в воду намного выше ватерлинии, настолько был заполнен казаками и офицерами. Волны перехлестывали через борта, ощетинившиеся пулеметами. Палуба была густо усеяна ранеными казаками и офицерами. Большинство лежало вповалку, мелькали окровавленные повязки на головах, руках и ногах. Кучка офицеров стояла возле рубки, нервно куря.

Пароход полз по реке так медленно, что отряд конных красноармейцев нагнал его по берегу, и лошади заплясали на обрыве. Тут же подкатила батарея. Комполка Сизов, возглавлявший конников, крикнул:

— Эй, золотопогонники! Давай к берегу! Али всех утопим!

Красноармейцы между тем разворачивали орудия, наводя их на цель.

На пароходе не отвечали. Офицеры вполголоса переговаривались:

— Не повезло... действительно сейчас утопят...

— Господа, из всех пулеметов... прицельно, — скомандовал ротмистр Мальцев и первым прошел к борту, поправил пулемет, стал заправлять патронную ленту. Еще несколько офицеров залегли у пулеметов.

— Не балуйте! — вновь закричал Сизов. — Давай к берегу, кому говорю! Сдавайтесь по-хорошему — живые останетесь!

С парохода хлестанули пулеметные очереди. Один из конных вывалился из седла. Повод был намотан на руку, и ошалевшая лошадь понесла и поволокла за собой красноармейца. Остальные конники бросились врассыпную от берега.

— Ах, сучьи выродки! — оскалился Сизов. — Жахни им, Петрухин! Всеми стволами жахни!

Артиллеристы уже зарядили три орудия, и грянул залп. Снаряды взорвались сбоку и перед пароходом, подняв фонтаны воды. Волна захлестнула пароходик с головой, окатив раненых на палубе и едва не смыв их в реку. Раздались панические голоса:

— Ваши благородия, надо бы причаливать!

— Потопят нас за милую душу — раненые мы, плыть не сможем!

— Право, господа, причаливайте! А там будь что будет!

Из рулевой будки выскочил капитан — старик с седыми вислыми усами в темно-синем кителе, замахал руками:

— Причаливаем! Причаливаем! Не стреляйте!

Ротмистр Мальцев обернулся, выдернул из кобуры револьвер и выстрелил в капитана. Тот рухнул на палубу, прямо на лежавших раненых. А Мальцев вновь приник к пулемету и надавил на гашетку. Пулемет ровно зарокотал. Следом за ним начали стрелять еще три пулемета.

В ответ бахнули орудия. И два снаряда угодили в борт парохода. Повалил дым, пароход стал заваливаться на бок, и раненые казаки и офицеры, словно горох, посыпались в воду, барахтались в ней, захлебываясь, шли ко дну. Но пулеметы продолжали огрызаться яростным огнем.

— Шрапнелью их, сволочей! Шрапнелью, Петрухин! — орал Сизов.

По берегу носились раненые лошади без седоков. Возле орудий суетились бойцы, заряжая казенники снарядами. Ударил еще один залп. Шрапнель сметала и косила все живое на палубе. Пароход стал тонуть. Пулеметы еще стреляли. Потом офицеры попрыгали в воду. Перекрестившись, прыгнул и Евгений Мальцев.

Четверо санитаров вынесли из операционной носилки с Чапаевым. Он был с головой накрыт простыней. Анна шла рядом с носилками и держала Чапаева за безжизненную руку.

Из избы-госпиталя вышел пожилой доктор, протирая платком круглые очки в железной оправе. Красноармейцы, толпившиеся вокруг дома, стали подходить к крыльцу, молча глядя на него. Скоро собралась внушительная толпа. И никто не решался задать вопрос.

Доктор спрятал платок в карман халата, заляпанного пятнами крови, надел очки, обвел долгим взглядом толпу и сказал отчетливо:

— Вы же знаете Василь Иваныча... без наркоза терпеть, как тебе кость пилят и пулю достают, это, знаете ли... Хотела его смерть забрать, да не смогла... Будет жить!

— Ур-р-а-а, братцы-и-и! Ур-р-ра-а Чапаеву-у-у!! — радостно загремела толпа красноармейцев.

А гармонист рванул меха и запел во все горло:

Из-за волжских гор зеленых на Яицкий городок
Большевистские громады потянулись на восток.
Много есть у них снарядов, много пушек и мортир,
И ведет их, подбоченясь, сам Чапаев-командир!

И вдруг двери госпиталя распахнулись, и на крыльцо нетвердой походкой, опираясь на палку, но во френче и в портупее, с шашкой и револьвером на боку, вышел сам Чапаев. Голова его была забинтована, лицо бело как мел, но он пытался улыбаться и смотрел на толпу. Потом поднял правую руку и помахал ею.

Толпа бойцов взревела пуще прежнего, в воздух полетели папахи и фуражки, загремели беспорядочные выстрелы из винтовок и револьверов.

Позади Чапаева стояли улыбающиеся Анна Стешенко, комиссар Фурманов и раненые солдаты с перевязанными головами и руками.

В орущей от радости, стреляющей толпе находилась и Татьяна Мальцева. Может быть, единственная из всех, она не кричала и не размахивала руками. Спокойно и даже как-то равнодушно смотрела на Чапаева с забинтованной головой, осунувшегося и состарившегося...

А Чапаев Татьяну не видел — перед глазами у него бесновалась восторженная толпа.

Он вдруг повернулся и в упор посмотрел Фурманову в глаза, сказал негромко:

— Живой, как видишь, комиссар.

— Я рад... — проглотив ком в горле, выговорил Фурманов.

— Правда? — Чапаев продолжал смотреть ему в глаза.

— И я рада, Василь Иваныч, — улыбнулась Анна. — Слово партийного большевика.

— И ты слово большевика даешь? — усмехнувшись, Чапаев вновь взглянул на Фурманова.

— Даю... очень рад... — едва шевельнул непослушными губами Фурманов, отводя взгляд.

— Вижу... — Чапаев попытался раздвинуть в улыбке белые губы, — по глазам вижу... что рад...

А толпа перед домом продолжала орать:

— Слава нашему победоносному командиру Чапаеву-у!!

Татьяна Мальцева, замерев, смотрела на Чапаева. Из широко раскрытых глаз медленно текли слезы. Татьяна утерла их ладонью и глядела, не отрываясь. А за ее спиной неотступно маячила фигурка худенького красноармейца Алешки Никонова.

Выплывавших из реки раненых казаков и офицеров расстреливали тут же, на прибрежном песке. Они выбирались из воды, обессилевшие и уже равнодушные ко всему. Но все же поднимали руки, показывая, что сдаются. В ответ гремели выстрелы...

...И только ротмистр Мальцев продолжал плыть по течению, все дальше и дальше уплывая от того места, где затонул пароход. В конце концов он выбился из сил и повернул к берегу, к зарослям камыша. Хромая, выбрался на берег и повалился на влажную землю.

Мерно стучал телеграфный аппарат, и ползла телеграфная лента:

НАЧДИВУ-25 ЧАПАЕВУ. ПРИКАЗЫВАЮ ЛЕВЫМ КРЫЛОМ ДИВИЗИИ АТАКОВАТЬ ЛБИЩЕНСК, ПРАВЫМ КРЫЛОМ ДИВИЗИИ ПРОДОЛЖАТЬ ДВИЖЕНИЕ НА МЕРГЕНЕВСКУЮ. АТАКУ НА ЛБИЩЕНСК НАЧАТЬ ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ. ДЕЙСТВИЯ ВАШЕЙ ДИВИЗИИ ИМЕЮТ ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛОЖЕНИЯ ВСЕГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА. ФРУНЗЕ.

Чапаев смял в кулаке телеграфную ленту, взглянул на Фурманова, Сизова и Шмаринова, проговорил глухо:

— Если б не подпись Фрунзе, не поверил бы...

— Чего не поверил бы, Василь Иваныч? — спросил Сизов.

— Как я могу наступать всей дивизией? А боеприпасы? А фураж для лошадей? Провиант для людей? — спрашивал Чапаев. Голова его по-прежнему была забинтована.

— Боеприпасы будем добывать у противника, провиант для красноармейцев и фураж для лошадей — у крестьян в попутных селах, — предложил Шмаринов.

— Опять крестьян грабить? — обозлился Чапаев.

— Почему грабить? — пожал плечами Фурманов. — Реквизировать на нужды революции. Под расписку. Кончится война — все вернем.

— Кто это вернет? Ты, что ли?

— Советская власть вернет. Эти реквизиции необходимы, неужели не понимаешь?

— То-то я и смотрю, после этих реквизиций у Колчака солдат прибавляется! Грабим крестьянина и грабим, сколько можно? И как можно атаковать Лбищенск через три дня? Они там в штабе фронта совсем сдурели?!

Это ж вторая столица уральского казачества! Они за Лбищенск зубами драться будут! Да тут неделю готовиться надо!

— Это приказ Фрунзе, — напомнил комиссар.

— Знаю, что не царя-батюшки, — огрызнулся комдив. — Только мы этот приказ выполнить не сможем. — Чапаев швырнул ком телеграфной ленты и вышел из аппаратной.

— Как это не сможем? — растерянно проговорил Сизов. — Это ж приказ Фрунзе.

— Не сможем — пойдем под суд революционного трибунала, — ответил Фурманов.

Командиры невесело молчали.

В кабинет командующего вошел адъютант с папкой в руке.

— Товарищ Фрунзе, телефонограмма от начдива двадцать пять Чапаева. — Он подошел к столу и положил донесение перед Фрунзе.

Рядом со столом командующего в потертом кожаном кресле расположился новый комиссар фронта Сергей Захаров. Через его лоб и щеку тянулся свежий шрам от сабельного удара. Он с интересом поглядел на папку.

Нахмурившись, Фрунзе вынул телефонограмму. Узкая телеграфная лента была полосами наклеена на бумаге:

ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ НА ЛБИЩЕНСК БЕЗ ПОДГОТОВКИ ПРИВЕДЕТ К ГИБЕЛИ ПОЛОВИНЫ ДИВИЗИИ. ВЫПОЛНИТЬ НЕ МОГУ. ТРЕБУЕТСЯ НЕ МЕНЕЕ ДВУХ НЕДЕЛЬ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ. ОТСУТСТВУЮТ БОЕПРИПАСЫ И ПРОВИАНТ. НАЧДИВ-25 ЧАПАЕВ.

— Подписи комиссара не было? — уточнил командующий.

— Не было, товарищ Фрунзе.

— Хорошо. Свободны.

Адъютант вышел.

— Было письмо от комиссара Фурманова, — подал голос Захаров.

— На чье имя?

— На имя председателя Чека Восточного фронта Круминьша Яна Христофоровича.

— Почему именно ему? — спросил Фрунзе.

— Точно не могу сказать, Михаил Васильевич. Может, потому что все знают, что вы... — Комиссар Захаров замялся.

— Договаривай, договаривай.

— Что вы явно... ну, симпатизируете Чапаеву, если можно так выразиться...

— Можно так выразиться, — резко перебил Фрунзе.

— Разрешите спросить, товарищ командующий, по какой причине?

— По причине... Он яркий, самобытный... народный полководец — вот и вся причина, — развел руками Фрунзе. — Да и человек... очень даже неплохой... — Фрунзе усмехнулся. — Веселый человек! А ты говоришь...

— Это не я говорю, товарищ командующий. Это Фурманов сообщает председателю Чека Круминьшу, что убийца заместителя председателя Чека Ивана Реброва на данный момент находится в дивизии Чапаева. Дочь колчаковского полковника Мальцева Татьяна... была любовницей Чапаева. А после убийства Реброва снова оказалась в дивизии... — Рассказывая, комиссар Захаров слегка улыбался.

— Сейчас она снова с Чапаевым?

— Не знаю... вполне возможно... То, что Татьяна Мальцева в дивизии, — это мне известно точно... Фурманов сообщил.

— Нда-а... — Фрунзе потер виски, шумно вздохнул, снял телефонную трубку с аппарата, сказал: — Соедини меня с Чека... Ян Христофорович? Фрунзе говорит.

— Здравствуйте, Михаил Васильевич, — с заметным прибалтийским акцентом ответил председатель ЧК.

— Дело об убийстве твоего заместителя Реброва у тебя?

— У меня, Михаил Васильевич. Не могу сообщить ничего конкретного. Убийца сбежала, и найти ее не удалось, — спокойно и обстоятельно ответил Круминьш.

— Кто она такая, тебе известно?

— Конечно. Дочь полковника царской службы Мальцева Татьяна Андреевна.

— Что думаешь предпринять, Ян Христофорович?

— Думаю арестовать. Вот с делами разгребусь немного и сам поеду в дивизию Чапаева.

— Может, не стоит тебе туда ехать? Шум будет на всю дивизию... а им наступать скоро.

— Что ты посоветуешь, Михаил Васильевич?

— Да послать конвой чекистов, арестуют ее без шума и привезут. А там уже тебе и карты в руки, — предложил Фрунзе.

— Хорошо, Михаил Васильевич, я так и сделаю, — отчеканил латыш. — Но тут еще много сигналов, которые касаются самого Чапаева.

— От кого сигналы?

— От разных людей. Но в основном от комиссара Фурманова... от комиссаров бригад и полков... Я должен предпринять меры.

— С этим не торопись. Назначим комиссию, и комиссия будет разбираться, — нахмурился Фрунзе. — Не горячись, Ян Христофорович. Я с тобой еще свяжусь. — Фрунзе положил трубку на аппарат, посмотрел на комиссара фронта Захарова: — Ты ведь был комиссаром у Чапаева.

— Был. Когда он еще бригадой командовал, — насупился Захаров.

— Характерами не сошлись?

— Нет. Я и тогда не принимал его антипартийности и партизанщины, и теперь не принимаю.

— Ладно, с этой... антипартийностью Чапаева потом разберемся... сейчас есть дела поважнее.

Чапаев выехал на пологий берег реки и увидел вдалеке, во тьме, огонь костра. Он направил лошадь к костру, ехал задумавшись, опустив голову. Подковы коня звонко ударяли о прибрежную гальку.

Уже подъезжая, он увидел недалеко от костра большую крытую арбу, стреноженных коней, пасшихся на лугу, и фигуры людей у костра. Это были цыгане.

Над костром висел закопченный котел, и старая цыганка помешивала варево большим черпаком. Потом разливала дымящуюся еду в миски взрослым и детям, выстроившимся в очередь. Она наливала, они отходили к костру, где была расстелена большая бархатная цветастая скатерть и на ней стояла всякая закуска — ломти хлеба, помидоры и огурцы, вареные яйца, лук, горка укропа и черемши. Цыган было немного: два старика, трое молодых мужчин, четверо детишек.

У арбы возились три молодые цыганки.

Детишки первыми увидели приближающегося всадника, побросали миски и кинулись к нему.

— Дяденька! Дай копеечку! Дай копеечку! — Окружив коня, они хватали Чапаева за сапоги, за уздечку. Конь испуганно всхрапывал, вскидывал голову.

Старуха перестала помешивать черпаком в котле, выпрямилась и пронзительно посмотрела на Чапаева. Она узнала его.

Чапаев спешился, подошел к костру, оставив коня.

— Здравия желаю, люди добрые...

— Похлебки отведай, добрый человек, — ответила старая цыганка и, наполнив миску, протянула ее Чапаеву, потом — ложку, вытерев ее белым рушником, висевшим на плече.

— Спасибо, хозяйка. — Чапаев взял миску и ложку, посмотрел на мужчин и стариков. — Доброго здоровья, граждане.

— И тебе доброго... — прошелестели старики.

Чапаев принялся стоя есть похлебку. Детишки окружили его, смотрели, задрав головки, улыбались. В свете пламени ярко посверкивали большие глазенки.

— Помню, вас тогда много было... — сказал вдруг Чапаев, — целый табор... детишек орава.

— Плохие годы пошли. Умирали много. Солдаты много убили... — ответил старик, куривший трубку.

— Да, времена лихие, — вздохнул Чапаев.

— Похоронил свою невесту, человек? — громко спросила старуха.

Чапаев вздрогнул и едва не выронил миску:

— Похоронил...

— Теперь один идешь по дороге?

— Да считай, один...

— Твои солдаты в станице стоят?

— Мои...

— Большим человеком стал, — вздохнула цыганка. — Все воюешь... и про детей забыл... Хоть бы повидал их, пока живой...

— Что, думаешь, недолго мне осталось, старая? — усмехнулся Чапаев.

— Я не думаю, я вижу, — коротко ответила цыганка.

— Я тоже так думаю... — улыбнулся Чапаев и вернул цыганке миску и ложку. — Благодарствую за угощение. Бывайте, люди-человеки. Дай вам Бог всего хорошего.

Он коротко свистнул, и из темноты выступил конь. Чапаев поправил подпругу, взял повод и легко вспрыгнул в седло. Оглядел всех, опять улыбнулся и сказал громко:

— А ты ведь врешь, старая! Еще поживем! Бывайте!

Он развернул коня и поскакал в темноту. Глухой перестук копыт быстро растворился в ночи.

ГЛАВА 10

Почти все окна штаба дивизии были освещены. Топталась у входа на большом крыльце охрана, лошади у коновязи, помахивая хвостами, жевали овес. Подъезжали и отъезжали всадники. Толпились у костров красноармейцы.

Вдали от освещенных мест, у штакетника старого дома стояла Татьяна Мальцева и смотрела на окна штаба. Мимо нее скакали нарочные с донесениями, оживленно переговариваясь, группками по три-четыре шли красноармейцы.

Потом за спиной Татьяны неслышно возник Алешка Никонов. Постоял, сказал грустно:

— Ты опять тут торчишь? Ну че торчать-то? Че глазеть? Ну поди тады в штаб, кинься ему в ноги — люблю тебя, товарищ комдив, жить без тебя не могу! А он об тебя сапоги вытрет...

— Нет... не пойду... — покачала головой Татьяна. — Не любит он меня больше...

— Да на што тебе любовь его? Поматросил да бросил... У него теперя, ребята говорят, другая любовь... — криво усмехнулся Никонов.

Татьяна молчала, даже не пошевелилась. Алешка Никонов вздохнул:

— А ты меня не любишь. Хорошо хоть, понимаешь, каково это человеку... Неужто я такой поганый, что меня ничуточки полюбить нельзя?

Татьяна молчала.

— Понятное дело... ты — дворянка, я — крестьянского сословия, вроде кошки с собакой, какая промеж нас любовь быть может? — тихо говорил Алешка Никонов и вдруг посмотрел на нее с глухой яростью. — Только я от тебя все одно не отступлюсь... Моя не будешь — никому не достанешься, порешу.

В лазарете ротмистра Мальцева навестил генерал Мансуров. В просторной комнате лежали еще трое раненых офицеров. Мальцев, увидев генерала в наброшенном на плечи поверх мундира белом халате, попытался встать с кровати, но Мансуров остановил его:

— Лежите, Евгений Андреич, лежите... Вижу, на поправку пошли. Замечательно, голубчик, весьма рад за вас. — Генерал посмотрел на остальных раненых: — И вас, господа, прошу не беспокоиться. Лежите, лежите...

Мансуров присел на край табуретки, которую услужливо поставил у кровати адъютант, улыбнулся:

— Свечку пред образом Божьей Матери поставьте за свое чудесное спасение.

— Непременно... — нахмурился Мальцев. — Хотя... все время снится, ваше превосходительство. Они расстреливали нас, как диких зверей... женщин и детей... какая-то средневековая жестокость.

— В каждом веке, Евгений Андреич, есть свое средневековье, — вздохнул генерал Мансуров.

— Ненавижу... — скрипнул зубами Мальцев, глядя в потолок. — Боже мой, как же я ненавижу эти хамские рожи...

— Помнится, было время — вы восхищались русским народом, даже гордились...

— А я не о русском народе говорю, — взглянул на Мансурова Евгений Мальцев. — Я о быдле... о хаме, поднявшем голову. У которого во лбу жидовская звезда горит!

— Вы полагаете, и у Чапаева во лбу эта звезда горит?

— Отравленные большевистским ядом люди, которые поверили в рай на земле и в то, что рай этот можно добыть кровью и железом. Такие страшнее всего. Вы помните Французскую революцию? Что стало потом со всеми этими санкюлотами, Маратами и Робеспьерами? Чьи головы летели в корзину от ножа гильотины? Так вот, я думаю, ваше превосходительство, что Французская революция покажется жалкой репетицией перед тем кровавым спектаклем, который разыгрывается в России...

— Помнится, ротмистр, еще совсем недавно вы были уверены в нашей победе, — вновь слабо усмехнулся Мансуров.

Мальцев рывком сел на кровати, спустив на пол босые, в белых кальсонах ноги, и с яростью посмотрел в глаза генералу:

— Теперь этой уверенности у меня нет, ваше превосходительство. Но я буду драться насмерть.

— У нас другого выхода нет, голубчик Евгений Андреич. — Генерал встал, поправил сползавший с плеч халат. — Желаю скорейшего выздоровления, ротмистр.

— Я здоров. Намеревался завтра выйти отсюда.

— Тем лучше... Затишье на фронте кончилось. Думаю, красные начнут наступление в ближайшие недели...

— А мы?

— Ждем подкрепления от его превосходительства генерала Колчака. Неделю назад я отправил ему подробный доклад о положении наших дел. Надеюсь, от-

вет не заставит себя ждать. Да что ответ? Мне подкрепление нужно, а не отписки... Да, чуть не забыл. Вчера начальник разведки полковник Саранцев сообщил мне, что ваша сестра находится в дивизии Чапаева. В полку ивановских ткачей. Есть у них такой, оказывается.

— Таня жива? Мне говорили, ее в Чека увезли... давно... еще зимой...

— Не знаю, не знаю... — качнул головой генерал. — Полковник Саранцев уверенно доложил: Татьяна Мальцева жива и находится в дивизии. Кстати, этот полк ивановских ткачей у красных самый политически надежный... самый красный... краснее некуда.

Генерал язвительно улыбнулся, коротко кивнул, глянув на других раненых, еще раз кивнул, прощаясь, и вышел из палаты.

— ...У меня в полку больше половины бойцов босиком и в лаптях ходют! — говорил Сизов, наклоняясь через стол к Чапаеву. — Да ладно — в лаптях, не привыкать, проходим! Жрать нечего! Бурду привозят — крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой! С такими бойцами я много навоюю? Думаешь, один я такой недотепа? Вон у Тужилина спроси! У других командиров! Да сам-то што, неужто не видел? По позициям кажный день разъезжаешь! Голодные и разутые! И на это наплевать! А вот с боеприпасом чего делать прикажешь?

Чапаев слушал, опустив забинтованную голову. И вид у него был нездоровый. Потом сказал глухо:

— Ну-к, Петька, покличь нашего начальника интендантской службы...

— Королькова, что ли? — поднялся со стула Петька Исаев.

— Его-его! — рыкнул Чапаев, и Петька пулей выскочил из кабинета.

— Оно верно, Василий Иваныч, — проговорил комбриг Тужилин. — На бойца по десять патронов осталось. На пулеметах — по пол-ящика патронов, на орудиях — по шесть снарядов... Тут впору не наступать, а драпать от беляка без оглядки.

— Не канючь! — зло глянул на него Чапаев и потрогал повязку на голове. — Любите казанскими сиротами прикидываться!

— Казанскими сиротами? — возмущенно переспросил Тужилин. — Ну ты скажешь тоже, Василь Иваныч, ну ты прям как кулаком по морде, ей-богу!

Первым в кабинет влетел Петька, за ним осторожно вошел начальник интендантской службы Корольков.

Чапаев долго разглядывал начальника интендантской службы и вертел в руках циркуль. Комполка Сизов, комбриги Тужилин и Серебров сидели на стульях у стены и тоже смотрели на Королькова.

— Ну, скажи мне... герой войны... почему бойцы голодные... почему разутые... почему без патронов?

Корольков переминался перед столом, старался не смотреть в глаза Чапаеву. На нем были начищенные до яркого блеска хромовые сапоги, военный френч тонкой шерсти с накладными карманами, темные галифе тоже тонкого сукна, портупея, револьвер в кобуре, шашка в обтянутых кожей, с серебряной отделкой ножнах — вид он имел бравый и щегольской.

— Ты чего, Корольков, в молчанку со мной играть собрался? — Чапаев огладил усы. — Не слышу ответа на поставленный вопрос. Почему в дивизии почти половина бойцов разута и раздета? В лаптях ходят, понимаешь, в рванье! Заплата на заплате, понимаешь!

— Так ведь я докладал, Василь Иваныч... — прогудел Корольков. — Пропал поезд, шо ж я могу поделать-то?

— Пропал, говоришь? — переспросил Чапаев.

— Так я ж докладал... Вышел из Уральска, и нету...

— А заместители твои есть? Сколько у тебя их, забыл?

— Хто? А, заместители... Пятеро их у меня, Василь Иваныч.

— Пятеро? — выкатил на него глаза Чапаев. — Ты глянь на него, Тужилин. У тебя сколько заместителей в бригаде?

— Один, — усмехнулся комбриг.

— И у меня один. А у него пятеро... Где они?

— Туточки, Василь Иваныч... за дверью стоят.

— Зови, — приказал Чапаев.

— Шо? — не понял главный интендант.

— Зови, говорю, кавалерист хренов!

Корольков выскочил из кабинета, открыл дверь, и в кабинет вошли пятеро молодцев, одетых так же, как и их начальник, щегольски и геройски — во френчах, хромовых сапогах, при шашках и револьверах. И все с усами и аккуратными прилизанными чубами «под Чапаева».

— Ты гляди на них... какие герои... — процедил Чапаев. — Пропал поезд, говорите?

— Так я ж докладал, товарищ начдив... — вновь заговорил Корольков, утирая испарину со лба. — Четыре вагона — сапоги, шинели, гимнастерки, штаны... Видать, беляки ограбили... Бойцы с Разинского полка на Камышовской сгоревшие вагоны нашли... Я ж подробно об сем докладал, Василь Ива... товарищ начдив...

— Докладал, докладал... — повторил Чапаев и вдруг перешел на крик: — А ты искал?

— Че? — не понял Корольков.

— Свинью в харчо! — рявкнул Чапаев, он был уже не на шутку взбешен. — Кто вагоны сжег! Куда обмундирование и провиант подевались! Или жопу от стула оторвать не можешь?! Харю наел — щеки со спины видать!

— Так я ж... где ж искать-то? Я ж в этом деле ни ухом ни рылом...

— А в каком ты деле ухом и рылом? Жрать да самогонку глушить! Расстрелять подлеца мало! И заместителей твоих дармоедов заодно! Ну-ка, разувайтесь... и раздевайтесь!

Корольков и его заместители окаменели, захлопали глазами.

— Раздевайтесь, ну!! — грохнул кулаком по столу Чапаев.

Сизов, Тужилин и Серебров разом усмехнулись...

Корольков и его заместители начали медленно раздеваться: сняли портупеи с шашками и револьверами, стянули френчи, расстегивая пуговицы трясущимися пальцами.

— Василь Иваныч... — плачущим голосом начал было Корольков.

— Разговорчики! — вновь грохнул кулаком по столу Чапаев.

Наконец все разделись и стояли в одних кальсонах и белых нижних рубахах, переминались босыми ногами на холодном полу.

— Оружие можете надеть, — сказал Чапаев, и командиры при этих словах вновь ядовито усмехнулись. — И шагом марш! Будете так ходить, пока всех красноармейцев дивизии не обуете и не оденете!

— И не накормите, — добавил комбриг Тужилин.

— И не накормите! — повторил Чапаев. — Лапти сами себе сплетете! Чай, не забыли?

— Василь Иваныч... — вновь всхлипнул Корольков.

— Кру-гом! Шагом марш!

Все шестеро интендантов развернулись и строевым шагом двинулись из кабинета. Ремни с шашками и револьверами висели у них на кальсонах...

Когда дверь закрылась, командиры громко расхохотались. Усмехнулся и Чапаев, огладил усы, посмотрел на Петьку, потом бросил циркуль на стол и вдруг нахмурился:

— Смех смехом, товарищи командиры, а самый главный вопрос остается. Чем воевать будем? Фрунзе требует наступать, а как мы будем наступать без боеприпасов?

И смех резко оборвался, командиры посерьезнели. Молчали.

Когда Корольков и его заместители вышли из штаба, часовые красноармейцы шарахнулись в стороны, будто увидели привидения. Потом кто-то негромко присвистнул:

— Фью-у-ить! От это картина, прости меня, Господи!

— Пьяные, что ли? Нет, вроде трезвые.

— Куды ж они френчи свои подевали?

— Може, в картишки продули?

— Скажешь тоже. Корольков не курит и в карты не играет...

— Значит, пропил...

— Да небось Василь Иваныч их разоблачил. Вона сколько бойцов босы ходют, от теперь нехай и начальство спробует... Василь Иваныч не поглядит, што начальник...

На невиданное зрелище со всех сторон сбегались красноармейцы, и получилось, что до коновязи Король-

ков и его заместители шли, как по живому коридору. В глазах у несчастного главного снабженца дивизии стояли слезы, кончики усов подрагивали. Интендантов сопровождали насмешливые взгляды. Действительно, многие из них были в рваной, изношенной одежде — шинелях, гражданских пиджаках, линялых гимнастерках, многие были обуты в лапти, разбитые сапоги и ботинки, грязные обмотки.

— Теперя промеж нас полное равенство, — ехидно проговорил солдат в лаптях и рваной шинели.

— Не, — издевательски осклабился другой красноармеец. — Ты в штанах и лаптях, а он в кальсонах и босый, выходит, ты главнее...

И несколько голосов зло рассмеялись.

Корольков и его заместители подошли к длинному бревну, укрепленному на двух опорах. К этому бревну были привязаны шесть лошадей. Корольков отвязал повод своей лошади, хотел было забраться в седло, но вдруг зажмурился, ткнулся лбом в лошадиную шею и глухо застонал. Заместители растерянно смотрели на него.

Распахнулась дверь, и в комнату стремительно вошел Фурманов, спросил с порога:

— Кто приказал главному снабженцу дивизии и его заместителям ходить в исподнем?

— Ну я приказал... — после паузы ответил Чапаев.

— Ты... ты понимаешь, что делаешь? Ты авторитет командира позоришь! Членов партии! Да это просто издевательство над людьми! Кто тебе дал право?! Кто ты такой?!

— Я — Чапаев. — Чапаев встал, одернул полу френча, шагнул из-за стола вплотную к Фурманову. — Ты пони-

маешь, что я — Чапаев? Выйди на улицу и любого бойца спроси, кто такой Чапаев? Лучше скажи, кто ты такой? Все к чужой славе норовишь примазаться? Давай, комиссар, я не жадный, могу поделиться!

— Ты видишь, как я спокоен? — едва сдерживаясь, спросил Фурманов. — А знаешь почему? Потому что я презираю тебя как человека — ничтожного самодура... И еще потому, что я знаю — ты скоро ответишь за все...

И вдруг за окнами прогремел выстрел. Все обернулись к окну.

Петька Исаев бросился к двери, выскочил из комнаты.

Он подбежал к коновязи, растолкал сгрудившихся красноармейцев и остановился в растерянности. Рядом с лошадью лежал, раскинув руки, главный интендант дивизии Корольков. В правой руке был зажат револьвер, из виска сочилась кровь. Полураздетые заместители стояли возле своего начальника, опустив головы.

— Че это? — испуганно спросил Петька. — Сам, что ли?

— Сам... — кивнул один из заместителей.

Толпа красноармейцев молчала.

— Сбесился, что ли? — недоуменно пробормотал Исаев. — Моча ему в голову ударила?

— Почему моча? — проговорил кто-то из красноармейцев. — Не вынесла душа позора... Тут как начали все подсмеивать!

— Да ты первый и подсмеивал... — сказал другой голос.

— А ты молчал, да? Как цыган, зубы скалил, — огрызнулся первый.

Раздвигая красноармейцев, к коновязи подошел Чапаев, следом за ним — Фурманов и командиры. И все

остановились — у их ног лежал застрелившийся Корольков, в исподнем белье, босой, со всклокоченными волосами.

Пятеро заместителей Королькова в страхе смотрели на начдива, переминались босыми ногами в изрытой конскими копытами земляной жиже.

— Черт... — едва слышно выругался Чапаев.

— За это тоже придется отвечать, товарищ начдив, — так же негромко произнес Фурманов.

Чапаев обжег его яростным взглядом, развернулся и быстро пошел вдоль коридора расступавшихся красноармейцев. Шел, опустив голову, и едва не налетел на Анну Стешенко, стоявшую у него на пути. Посмотрел на женщину усталыми глазами, в которых застыла горечь, прохрипел:

— Разрешите пройти, Анна Никитишна...

Стешенко посторонилась, и Чапаев направился к штабу дивизии. За ним, тоже понурившись, шагали командиры.

Чапаев перебирал телеграфную ленту, змеей выползавшую из аппарата, читал про себя, шевеля губами. Пожилой седоусый телеграфист испуганно смотрел на комдива.

КОМИССИЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ И ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ПРИБЫВАЕТ ЗАВТРА В 11.00 УТРА. ФРУНЗЕ.

— Комиссия, говоришь... ну хрен с ей, давай комиссию... не первая и не последняя... — глухо проговорил Чапаев.

Пыхнув последний раз белым облаком пара и пронзительно свистнув, поезд остановился перед станционным строением — длинным деревянным домом с окнами, смотрящими на железнодорожный путь. На перроне выстроилась шеренга красноармейцев. Отдельной группой стояли Чапаев, Фурманов и другие командиры дивизии. Поодаль разместился духовой оркестр: барабанщик, два трубача, два валторниста — все, что удалось собрать.

В первом вагоне открылись двери, и на перрон выскочил высокий красноармеец в длиннополой шинели с красными углами и «разговорами», в суконном шлеме с шишаком. За ним высыпали еще дюжины две красноармейцев в таких же длиннополых шинелях и островерхих шлемах, рассредоточились вдоль вагона. Высокий замер, поднеся выпрямленную ладонь к виску, остальные вытянулись, держа винтовки у ног.

Из вагона вышел Фрунзе, за ним — комиссар фронта, старый недруг Чапаева — Захаров, член Реввоенсовета республики Вацетис, председатель самарской Губчека Круминьш, другие облеченные властью лица помельче рангом.

Чапаев строевым шагом подошел к ним, отдал честь, доложил, обращаясь к Фрунзе:

— Товарищ командующий, двадцать пятая дивизия рабоче-крестьянской Красной Армии приветствует вас и прибывших с вами товарищей.

Отдав честь, Чапаев подходил к каждому члену комиссии, отдельно отдавал честь, затем пожимал протянутую руку. Из-под папахи выглядывал свежий бинт.

Оркестр не очень ладно заиграл «Интернационал».

— Подарок твоим бойцам привезли, — негромко сказал Фрунзе. — Пойдем покажу... — И он взял Чапа-

ева под руку, повел к следующему вагону. За ними потянулись члены комиссии, подошли Фурманов и командиры.

Красноармеец откатил дверь вагона, и все увидели, что он доверху набит сапогами.

— Вот это да... подарок так подарок, — заулыбался Чапаев. — Спасибо превеликое, Михал Васильич...

— Это тебе награда за то, что сорвал сроки наступления, — сухо ответил Фрунзе.

Командиры радостно улыбались, глядя на штабеля сапог. А члены комиссии смотрели серьезно и даже хмуро.

А красноармеец откатил дверь другого вагона, и оказалось, что он полон суконных свертков — это были шинели.

Следующий вагон был до потолка забит деревянными ящиками.

— Боеприпас... — выдохнул Чапаев и только покачал головой, глянул на Фрунзе. — В других вагонах тоже, Михал Васильевич?

— Да, патроны и гранаты, — кивнул Фрунзе. — Постарался тебе пилюлю подсластить, — с этими словами Фрунзе оглянулся на членов комиссии.

— ...Таким образом, товарищи, перечисленные мною факты говорят о том, что дивизия не смогла наступать в указанные командующим сроки не потому, что ощущалась нехватка в боеприпасах, а из-за целого ряда упущений и недоработок, в которых в первую очередь повинен начдив Чапаев... — спокойно и твердо выговорил Фурманов.

Члены комиссии во главе с Вацетисом сидели за длинным столом в кабинете Чапаева, а сам Чапаев си-

дел в стороне на стуле, закинув ногу на ногу, и не сводил взгляда с Фурманова. Вацетис вертел в толстых пальцах карандаш, время от времени хмурился и громко вздыхал. Фрунзе сидел, наклонив голову, и карандашом рисовал на листе бумаги чертиков. Потом нарисовал профиль Чапаева... усмехнулся...

— Я уже говорил о дочери белогвардейского полковника Мальцева, с которой наш начдив... крутил любовь... — продолжал Фурманов. — Она была арестована и препровождена в Самару, где умудрилась убить заместителя председателя Чека, и спустя некоторое время вновь оказалась в расположении дивизии... И начдив знал о том, что она находится в дивизии, но в Чека не сообщил...

— Я уже приказал разыскать и арестовать гражданку Мальцеву, — с явным прибалтийским акцентом сообщил Круминьш. — Ее пока не могут найти. Может быть, вы знаете, где находится гражданка Мальцева, товарищ начдив?

— Не знаю... и не видел... — глухо ответил Чапаев.

— Мальцева находится в расположении ивановского полка, — сказал Фурманов. — Это в десяти верстах от города.

— Хорошо. После заседания сам поеду туда, — кивнул Круминьш.

Чапаев издал горлом рычащий звук, дернулся на стуле, словно хотел вскочить, но остался сидеть и сверлил вглядом Фурманова.

— Я уже говорил вам о том, что произошло позавчера. Самоубийство начальника интендантской службы дивизии Королькова есть прямой результат самодурства начдива, дошедшего до прямого издевательства над людьми в духе офицеров царской армии. Должен доба-

вить, что действия Чапаева в отношении начальника интендантской службы возмутили большинство красноармейцев, — продолжал Фурманов. — Это не первый случай подобного самодурства начдива Чапаева. Его анархические замашки, его неприязнь к партийным работникам отмечались еще комиссаром Захаровым, когда Чапаев командовал бригадой...

— Совершенно верно, — громко подтвердил Захаров.

И все члены комиссии, кроме Фрунзе, согласно закивали.

Чапаев вдруг встал и пошел к двери.

— Товарищ Чапаев, куда вы? — удивился Вацетис. — Товарищ начдив!

— Василий Иваныч... — позвал Фрунзе. — Вернись, пожалуйста.

Чапаев, не оглядываясь, вышел из кабинета, прикрыл за собой дверь.

— Вот яркое подтверждение моим словам, — проговорил Фурманов.

— Ну зачем же было так сгущать краски, товарищ Фурманов, — примирительно произнес Фрунзе. — Это не разбирательство фактов, это скорее похоже на суд трибунала...

— Это и есть суд трибунала, — сухо заметил Вацетис.

— Но трибунал сначала нужно назначить, — возразил Фрунзе.

— Вот выслушаем до конца товарища Фурманова и назначим трибунал. Я, как представитель Реввоенсовета республики, уполномочен на такое решение.

— А я, как член Реввоенсовета республики, буду категорически возражать!

— Продолжайте, товарищ Фурманов, — невозмутимо сказал Вацетис.

Чапаев стремительно вышел из штаба, побежал за угол к конюшням, возле которых красноармейцы кололи дрова и сгружали с телег мешки с овсом. Ворота конюшен были распахнуты.

— Оседланная есть? — спросил Чапаев.

— Так точно, товарищ начдив! Звездочка, в третьем стойле!

Чапаев вбежал в конюшню, огляделся — увидел в третьем от ворот стойле оседланную светло-гнедую кобылу, ухватился за уздечку и потянул лошадь за собой.

Он вывел Звездочку из ворот, вскочил в седло и ударил лошадь сапогами в бока. Лошадь с места рванула в галоп и понеслась по узким улочкам городка. Взлаивали собаки за штакетниками, шарахались в стороны прохожие. Наконец Звездочка вылетела на окраину. Потянулась, петляя, осенняя раскисшая дорога. Лошадь громко всхрапывала, из-под копыт летели комья грязи.

— ...После всех изложенных фактов оставлять Чапаева командиром дивизии — это есть преступление. — Вацетис злился, и оттого его акцент усиливался.

— Преступлением будет снять Чапаева с дивизии! — резко возразил Фрунзе. — Перед наступлением! От которого зависит судьба Восточного фронта! Снять прославленного боевого командира! Вы полагаете, это поднимет боевой дух дивизии?

— Вы считаете, в Красной Армии Чапаев один такой? — спросил Захаров.

— Здесь, на Южном Урале, — один! — Фрунзе хлопнул ладонью по столу. — И сейчас от двадцать пятой дивизии зависит, прорвемся ли мы на оперативный про-

стор в Западную Сибирь и продолжим наступление на Омск или Колчак опрокинет нас и погонит обратно к Волге! А вы хотите обезглавить самую боеспособную дивизию фронта? Колчак вам только спасибо скажет!

...Показались черные домишки небольшой деревеньки. Из перелеска выскочил верховой дозор. Ехавший впереди красноармеец вскинул винтовку:

— А ну стой! Стрелять буду!

Чапаев резко осадил лошадь. Всадники съехались.

— Василь Иваныч! Извиняйте, не признал издалека.

— Ткачев на месте? — спросил Чапаев.

— Так точно, товарищ начдив. Комполка в дому. Посты проверял — сейчас, поди, спит...

— Добро. — Чапаев дернул повод.

— Я понимаю обоснованность обвинений, которые выдвигает комиссар дивизии Дмитрий Фурманов, но... отстранить сейчас Чапаева — это... головотяпство какое-то, честное слово... — В голосе Фрунзе послышалась растерянность. — Это преступление перед революцией!

— Я вижу, вы не скупитесь на обвинения, товарищ Фрунзе, — холодно произнес Вацетис.

— Так же, как и вы, товарищ Вацетис, — парировал Фрунзе. — Во всех обвинениях Фурманова я слышу больше личной неприязни к Чапаеву, нежели обвинений по существу.

— У других членов комиссии вы тоже слышите личную неприязнь, товарищ Фрунзе?

— И у других тоже! — резко ответил Фрунзе и пристально посмотрел на Фурманова, затем перевел взгляд

на Захарова, потом — на Круминьша, повторил: — И у других тоже...

...Чапаев влетел в деревеньку — покосившиеся черные избы, поваленные дырявые плетни. В маленьких окнах светили огни. Чапаев догнал трех красноармейцев, месивших грязь посередине улицы:

— Красноармейца Мальцеву Татьяну знаете?

— Товарищ начдив! — ахнул один красноармеец и заморгал, открыв рот.

— Здравия желаем, товарищ начдив, — рявкнули двое других.

— Так знаете или нет?

— А как же! Полковничья дочка! Вона в третьем доме по левой руке.

— Вон тот? — указал Чапаев на избу, в которой светились два подслеповатых окна.

— Так точно!

— Дома она, не знаете?

— Вроде как дома, товарищ начдив. Они с позиций утром вернулись. Вместях с мужиком ейным.

— С мужиком? — удивился Чапаев.

— Да ходит при ней один малахольный, — повеселев, ответил один из красноармейцев, — вроде как муж...

— Ишь ты! — тоже усмехнулся Чапаев. — Вроде как муж...

— Точно так, товарищ начдив. Ходит за ней как хвост за собакой.

— Через полчаса оседланную лошадь к тому дому доставьте. Поняли?

— Так точно, товарищ начдив, — хором ответили красноармейцы.

Чапаев потянул повод, и лошадь рысцой пошла по улице, выбрасывая из-под копыт осеннюю грязь. Он подскакал к дому, спрыгнул, набросил повод на плетень и постучал в окно. Скрипнула старая покосившаяся дверь, и на крыльцо вышла Татьяна в расстегнутой шинели, под которой белела нательная рубашка.

— Здравствуй, Татьяна Андреевна, — сказал Чапаев.

— Здравствуйте, товарищ начдив, — тихо отозвалась Татьяна.

— Уезжать тебе срочно надо, Татьяна Андреевна. Тут председатель самарской Чека приехал. Приказал тебя арестовать. Ищут тебя... Найдут — расстреляют, это как пить дать.

— Куда же я поеду? — растерянно спросила девушка.

— К своим езжай...

— К каким своим?

— К брату езжай, — нахмурился Чапаев. — Там простят... пожалеют... Тут не пожалеют. И я тебя не спасу. Меня самого, того и гляди, под расстрел подведут...

Татьяна молча смотрела на него. За ее спиной мелькнула тень, и появился худенький солдатик Алешка Никонов с винтовкой в руках. Он обалдело уставился на Чапаева.

— Как фамилия, боец? — спросил Чапаев.

— Никонов... Алексей Никонов...

— Уйди, Алеша... — тихо сказала Татьяна, и Алешка вздрогнул, оглянулся на женщину и молча отступил в глубь сеней.

— Времени в обрез, Татьяна Андреевна, — поторопил Чапаев, — надо уезжать...

— Вы... вы меня совсем... не любите? — шепотом выдохнула Татьяна.

— Да что теперь об этом... — мотнул головой Чапаев. — Все было — теперь перегорело... столько всего накрутилось... одно слово — война...

— А раньше... вы...

— Раньше любил, Татьяна Андреевна. Очень любил... только стал понимать — чужие мы и вместе никак не сможем... Вы меня полюбили как диковинку какую-то... Эдакая романтика на вас накатила. И революцию вы так же полюбили — слова красивые... пламенные. Женщина с красным знаменем! А с ней рядом народный герой. И народ ликует! А на деле-то революция — это кровь и грязь... и братоубийство... Революция мне всю душу выжгла... Не держите зла, Татьяна Андреевна, я тогда жил, как сердце велело, а теперь, думается мне, уж никого боле не смогу полюбить... Уезжайте с Богом...

В полумраке послышался перестук копыт, показался всадник. В поводу он вел еще одну оседланную лошадь. Остановился возле дома, сказал громко:

— Готово, товарищ начдив! Свеженькую выбрал! Какие еще приказания будут?

— Свободен... — обернулся Чапаев.

— Есть! — Боец хлестнул нагайкой коня и ускакал.

— Езжайте, Татьяна Андреевна, — повторил Чапаев. — Поедете вдоль оврага. Там дорога до степи, и на большаке направо свернете и до реки поскачете... Там казачьи разъезды непременно встренете...

Из-за спины вновь появился Алешка Никонов:

— Я с вами поеду, Татьяна Андреевна.

— Ты что, очумел? — удивился Чапаев. — Ты боец Красной Армии! За дезертирство я тебя под трибунал определю!

— Определяйте, товарищ начдив. Только я с ней поеду, — стоял на своем Никонов.

— Революцию предаешь... ради бабы, — посуровел Чапаев.

— За-ради этой бабы я все революции предам... — дрожащим голосом ответил Никонов. — Я люблю ее... я за нее всю кровь по капельке отдам...

— Алеша... — тихо сказала Татьяна.

— Что Алеша?! Что Алеша?! — Он вдруг решительно схватил ее за руку и повел от дома, закинув за плечо винтовку.

Чапаев покачал головой, двинулся за ними.

Никонов помог Татьяне взобраться на коня.

— Сам-то как же? — спросил Чапаев, подходя.

— Побегу рядом. За стремя буду держаться.

— Сдохнешь через две версты.

— Не сдохну.

— Ладно, боец Никонов, бери мою лошадь. — Чапаев снял с плетня повод, сунул его в руку растерявшемуся Никонову, добавил быстро: — Все, простились. Ежайте! Гляди нашему разъезду не попадись. Расстреляют... А потом и меня шлепнут. За то, что дезертирам способствовал...

— Спасибо, товарищ начдив, век не забуду. — Никонов проворно взобрался в седло чапаевской лошади.

Татьяна оглянулась на Чапаева:

— Прощайте, Чапаев... храни вас Господь... — Голос ее задрожал. — Я... тогда в бою... ведь это я... в вас стреляла... я так вас люблю... я хотела... я ненавидела вас...

— Вы уж простите меня, Татьяна Андреевна... виноват... разлюбил... бывает...

— Я... я... — Татьяна замотала головой, прикусила губу.

— Прощайте, Татьяна Андреевна. — Чапаев вынул из кобуры револьвер, протянул ей. — Возьмите... на всякий случай...

Татьяна сунула револьвер в карман коротенькой шинели.

— Прощайте, товарищ начдив, — сказал Алешка. — Не поминайте лихом.

— И ты меня...

Два всадника медленно тронулись вдоль заборов, потом лошади перешли на рысь.

Широко расставив ноги и заложив руки за спину, Чапаев смотрел им вслед, даже тогда, когда темнота уже поглотила всадников.

— Кто за то, чтобы отстранить Чапаева Василия Иваныча от должности начальника дивизии и передать дело в трибунал Реввоенсовета республики, прошу поднять руки! — отчеканил каждое слово Вацетис и первым поднял руку.

Следом за ним подняли руки Захаров и Круминьш.

— Кто против?

Фрунзе поднял руку и сразу заговорил:

— Как командующий фронтом, я не позволю снять Чапаева с должности начальника дивизии. Ваше решение я считаю контрреволюционным. Я сейчас же отправлю телеграфом сообщение председателю Реввоенсовета Троцкому и товарищу Ленину. Кроме того, я считаю необходимым сегодня же отстранить комиссара дивизии Фурманова от должности. И еще. Чем быстрее мы покинем расположение дивизии, тем будет лучше для морального состояния бойцов и командиров...

— Ну что ж... — проговорил после паузы Вацетис. — Товарищ Фрунзе высказался более чем определенно.

— Могу повторить, — сухо сказал Фрунзе.

— Я хотел бы знать, где сейчас начальник дивизии? — спросил Круминьш.

— А он плевать хотел на нашу комиссию, — усмехнулся Вацетис. — Его вызывающее поведение лишнее тому доказательство.

— Немудрено при таком могущественном защитнике, — добавил Захаров. — Только прошу заметить, Михаил Васильевич, вопрос об отстранении комиссара Фурманова может решить только ЦК партии.

— Хорошо, будем добиваться такого решения в ЦК партии. Но временно отстранить Фурманова я могу как командующий фронтом. Думаю, комиссар фронта не будет возражать? — И Фрунзе вонзился взглядом в Захарова.

Тот даже заерзал под этим взглядом. Опустил глаза и молчал.

— Я не слышу вашего мнения, товарищ комиссар фронта? — тяжело выговорил Фрунзе.

— Что ж... если вы так считаете...

— Именно так я считаю.

— Если речь идет о временном отстранении, я... не возражаю... Кто же тогда будет временно исполнять обязанности комиссара дивизии?

— Временно — вы. Пока не решится вопрос с Фурмановым.

— Я должен отбыть из дивизии сегодня же, Михаил Васильевич? — дрогнувшим голосом спросил Фурманов. — Я хотел бы попрощаться с ивановскими ткачами... вообще, собраться...

— Хорошо. Уедете сами послезавтра. Времени на сборы и прощания хватит?

— Вполне.

— У вас есть возражения, товарищ Вацетис? — спросил Фрунзе, посмотрев на остальных членов комиссии.

— Нет, у меня возражений нет. Хотя свое особое мнение относительно начдива Чапаева я доложу на Реввоенсовете республики.

— Тогда, может, хватит заседать, товарищи? Мы еще собирались осмотреть позиции дивизии и поговорить с красноармейцами. Или у вас уже охота пропала?

...Они остались в комнате одни — Фрунзе и Фурманов.

— Что молчишь? Обиделся? — спросил Фрунзе.

— Обиделся... — усмехнулся Фурманов. — Слово какое-то... несолидное...

— Тогда скажи свое слово... солидное.

— Чем я заслужил такую оценку моей службы с твоей стороны?

— Тем, что не нашел общего языка с начдивом Чапаевым.

— Может, он не захотел иметь со мной общий язык?

— Может, он и не захотел. А ты, как комиссар, обязан был найти с ним общий язык. Найти подход к этому человеку, — твердо выговорил Фрунзе.

— А к нему можно было найти подход?

— Нужно. На то ты и комиссаром был поставлен... Впрочем, я тебя не виню, Дмитрий. Думаю, я с ним тоже не справился бы... И то, что я тебя отстранил, — твое спасение.

— Оказывается, ты меня еще и выручил? — криво усмехнулся Фурманов. — Я должен тебя еще и поблагодарить?

— Благодарить не нужно. Друзья — сочтемся. Пошли, а то нас заждались. — И Фрунзе первым направился к двери.

Генерал Мансуров планировал наступление, стоя с указкой у карты.

— Господа, здесь внесены изменения по последним данным разведки. Как видите, штаб двадцать пятой дивизии Чапаева удалился от основных сил дивизии на значительное расстояние. Сейчас он находится в станице Лбищенск. До ближайшей конной бригады Сереброва почти пятнадцать верст... — Указка медленно двигалась по карте. — До пехотной бригады Сизова — восемнадцать верст. До кавбригады Артамонова целых двадцать верст. Было бы непростительно не воспользоваться сложившейся ситуацией. Петр Фомич!

— Слушаю, ваше превосходительство. — Из-за стола, за которым сидели казачьи и армейские генералы и полковники, встал грузный казачий генерал Ермаков, с седыми вислыми усами и коротко подстриженной бородой. Зеленый суконный китель с золотыми погонами украшали многочисленные ордена и три Георгиевских креста.

— Вашей первой казачьей дивизии следует обогнуть расположение красных справа и степью, эскадрон за эскадроном, скрытно пройти до хутора Покровского. Штаб Чапаева — в Лбищенске. Там не более трехсот штыков. Если ваши казаки скрытно пройдут в эту дыру, подойдут к станице — деваться Чапаеву некуда. Внезапно атаковав его, вы легко сможете уничтожить весь штаб. Да просто утопить всех в Урале. Ваши казаки справятся с такой задачей, Петр Фомич? — Мансуров с улыбкой поглядел на генерала.

— Конечно справимся, ваше превосходительство, — глуховатым голосом ответил Ермаков. — Уральские казаки горят желанием посчитаться с Чапаевым.

— Доблесть уральских казаков, Петр Фомич, известна всей России, но хочу еще раз напомнить, главное — это скрытное передвижение. Чтобы ни один разъезд красных не заметил ваших эскадронов.

— По степи скрытно ходить еще не разучились, ваше превосходительство, — с достоинством ответил казачий генерал. — За четыре ночи пройдем, не извольте сомневаться.

— Его превосходительство адмирал Колчак просил передать, что за поимку Чапаева, живого или мертвого, назначена награда — пятьдесят тысяч золотом.

— Прошу передать его превосходительству Александру Васильевичу — я, как атаман войска Уральского, глубоко оскорблен. Мы воюем за святую Русь, за веру, за землю, а не за подачки от господина адмирала! А Чапаев — мой личный враг, я его... — Ермаков внезапно побагровел и судорожно закашлялся, взмахивая огромным кулаком.

...Совещание закончилось, и генерал Мансуров остался в кабинете один. Он подошел к столу, глотнул чая из стакана в серебрянном подстаканнике с орлами, закурил папиросу с длинным мундштуком и вновь вернулся к карте.

Дверь отворилась, и на пороге возник адъютант:

— Ротмистр Мальцев, ваше превосходительство.

— Пусть войдет, — ответил Мансуров, по-прежнему глядя на карту.

В кабинет вошел Евгений Мальцев, отдал честь, вытянулся.

— Выздоровел, Евгений Андреич? — обернулся к нему генерал. — Смею предположить, зачем ты ко мне явился. Хочешь оправиться в рейд с казаками Ермакова?

— Так точно, ваше превосходительство. Прошу не отказать в просьбе.

Они неслись по ночной степи, и стук сердца вторил глухому стуку копыт. В темном облачном небе, не отставая, бежала круглая зеленая луна, словно торопилась осветить им путь. И вдруг в ночи грохнул выстрел, и в стороне послышался дробный перестук копыт и крик:

— А ну сто-ой! Стой, говорю!

— Скачи вперед! — сказал Алешка Никонов, сдергивая с плеча винтовку. — Быстрей!

Один за другим полыхнули еще два выстрела. Конь под Никоновым заржал и рухнул на бок, Алешка едва успел выскочить из-под него. Животное дергало ногами, и черная кровь ручьями текла у него из головы.

Татьяна осадила лошадь, повернула назад и подъехала к Никонову, который, укрывшись за конем, передернул затвор винтовки. Он обернулся, закричал, оскалившись:

— Скачите, Татьяна Андреевна, кому сказано?! Я их задержу! — Никонов прицелился в лунный сумрак, где мелькали черные тени, и выстрелил.

В ответ прогремели подряд два выстрела. Татьяна спрыгнула с коня, улеглась рядом с Никоновым, достала револьвер.

— Татьяна Андреевна, родненькая, миленькая, любимая моя, уезжайте скорее, Христом Богом вас прошу! — умоляюще запричитал Алешка. — Убьют вас! Скачите — там ваши!

— Все равно убьют... те наши убьют... и эти наши убьют. — Татьяна выстрелила из револьвера в тень, метнувшуюся перед ними.

Раздалось громкое конское ржание. Никонов и Татьяна выстрелили почти одновременно. И снова в ответ загремели выстрелы — один, другой, третий...

И вдруг из темноты выросли сразу три громадные черные фигуры — всадники, летевшие прямиком на Татьяну и Алешку. Никонов выстрелил, Татьяна — тоже. Один всадник круто взял в сторону и на скаку бросился из седла на Никонова. Другой всадник сделал подобный маневр и, пролетая мимо Татьяны, бросился из седла прямо на нее, в руке у него блеснуло лезвие кинжала.

Некоторое время они барахтались в темноте. Третий всадник, проскакавший мимо, вернулся. В поводу он вел лошадь Татьяны.

Никонова и Татьяну скрутили, подняли на ноги. Два бородатых казака в коротких полушубках, перетянутых ремнями, крепко держали обоих.

— Палец прокусил, сукоедина красная! — выругался казак и с маху ударил Никонова кулаком в лицо. Тот обмяк и упал бы, если бы казак не держал его за шиворот.

— А мне баба попалась, — удивленно воскликнул другой казак, заглядывая Татьяне в лицо.

— Да ну?! — не поверил третий и, спрыгнув с коня, подошел к Татьяне, присмотрелся. — Верно, баба! Сука комиссарская!

— Не трогайте ее! — закричал Алешка Никонов. — Она к вам скакала! Она дочка полковника Мальцева! Она от красных сбегла!

— А ты? По всему видать, генеральский сынок? — ехидно спросил казак.

— А я с нею! Меня стреляйте — хрен со мной! А ее не трожьте!

— Ты-то кто будешь, красный огрызок?

— Я мужик ейный! Муж!

Два казака захохотали, а третий проговорил озабоченно:

— Ладно, кончайте обоих! Времени нету тута валандаться! Сотник велел к утру обратно быть, а уже, вишь, светать стало.

И верно, на востоке небо побледнело, появились розовые всполохи, и тьма медленно таяла, открывая степь все дальше и дальше.

— Можа, девку с собой возьмем, слышь, хорунжий? — неуверенно спросил один казак помоложе.

— Тебе баб мало, кобель драный! — взмахнул нагайкой хорунжий. — Я сказал, поспешать надо!

— Да скажи ты им, Татьяна Андреевна! — закричал Алешка. — Скажи им, кто ты есть! — От удара кулаком лицо у него было в крови, глаза сверкали.

— Скажет, скажет... — успокоил его казак и вдруг приставил ствол короткого австрийского карабина к голове Никонова и выстрелил.

Выстрелом Алешку отбросило в сторону шага на два. Он упал, раскинув руки. Страшно закричав, Татьяна рванулась к нему. И пока она бежала, хорунжий вскинул карабин и выстрелил ей в спину. И она упала на Алешку Никонова и обняла его навеки, ткнувшись лицом ему в грудь.

В последние мгновения короткой жизни Татьяна ярко увидела свою смертную любовь — Василия Чапаева...

...Как она обнимала и целовала его... как Чапаев что-то говорил ей, лукаво улыбаясь, и даже грозил пальцем... как они мчались по степи... как он нес ее на руках и целовал... а кругом цвела всеми красками весенняя степь...

Красный автомобиль начдива колесил по степным дорогам, поднимая густую пыль. Рядом с шофером сидел Фрунзе, на заднем сиденье теснились Чапаев, Вацетис, Круминьш и Захаров. Серая пыль густо покрывала их лица, скрипела на зубах, Вацетис то и дело отплевывался.

Остановились у подножия холма. Выбрались из машины, долго отряхивали френчи, кашляли. Впереди, на вершине холма до самого его подножия и дальше вправо, тянулись линии укреплений. На самом верху стояла артиллерийская батарея, здесь и там были видны оборудованные пулеметные точки. Вились дымки костров, мелькали фигуры красноармейцев.

— Это линия обороны первой пехотной бригады имени Степана Разина, — объяснил Чапаев, — идет она на три версты вправо... Дальше — линия обороны полка ивановских ткачей. За ними... ну, там перерыв небольшой с полверсты — линия обороны пролетарской бригады...

— Дальше что? — спросил Фрунзе.

— Дальше ничего аж до Батаевска... Там стоят кавбригада Сереброва и полк Новикова.

— Это же у тебя дыра получается верст на тридцать. И дальше до Лбищенска ничего нету? — почти с испугом проговорил Фрунзе. — Да здесь целая дивизия может скрытно просочиться.

— Не сунутся... побоятся. Да и что я в моем положении поделать могу? Мне самое малое — двух бригад штыков не хватает.

Фрунзе озабоченно вгляделся в степь.

— Так как, товарищи, с личным составом разговаривать будем? — спросил Чапаев. — Тогда поехали в штаб полка.

— Я думаю, достаточно, — сказал Вацетис, все еще отряхивая свой щегольской френч. — Пора возвращаться!

— Вобщем, мне все ясно... — заключил Фрунзе. — И потом есть вопросы.

— Задавайте, — сказал Чапаев. — Отвечу.

— Знаю, что ответишь, — нахмурился Фрунзе. — А вопросы останутся.

— Тогда поехали. Там уже небось стол накрыли — поужинаем! — усмехнулся Чапаев и первым пошел к машине...

Ночью по той же степи в полном молчании, почти бесшумно двигались сотни казаков. Покачивались в седлах люди, за спинами поблескивали в лунном свете вороненые стволы винтовок и карабинов, глухим топотом копыт отзывалась земля.

Сотня за сотней... сотня за сотней шли казаки в обход позиций двадцать пятой дивизии Чапаева.

Казачий генерал Петр Фомич Ермаков ехал в окружении нескольких сотников, армейских офицеров и ординарцев. Среди офицеров находился ротмистр Мальцев. Генерал Ермаков дремал в седле, уронив голову на грудь. Подлетел сотник, резко осадил коня:

— Богуславскую прошли, атаман!

— Где она осталась? — встрепенулся Ермаков.

— Во-он там... в восьми верстах... — указал рукой в темноту сотник. — До Лбищенска двадцать верст осталось.

— Хорошо. Двигаемся, казаки, двигаемся с Богом... и тихо, чтобы... тихо... — пробурчал генерал Ермаков и вновь уронил голову на грудь.

Прощались с комиссией на перроне. Чапаев, комбриги Сизов, Новиков, Сенников, начштаба Стрельцов и Фурманов жали руки членам комиссии Реввоенсовета. Чапаев ни разу не улыбнулся, молчал и сразу отходил. Только Фрунзе он тихо сказал:

— Спасибо, Михаил Васильич.

— Ты держись, Василий Иваныч. Наступать скоро. Ты мне твердо скажи — сможешь наступать?

— Смогу, Михаил Васильич. Дивизия выполнит поставленные задачи.

— Очень на тебя надеюсь. — Фрунзе еще раз пожал руку Чапаеву. — Держись...

К ним подошел Фурманов. Чапаев отступил, давая комиссару возможность попрощаться. Фрунзе повернулся к Фурманову, протянул руку:

— Жду в Саранске. У меня есть для тебя новое назначение.

— Послезавтра выезжаю. Какое назначение, товарищ Фрунзе?

— На Туркестанский фронт.

— Готов, — кивнул Фурманов. — Куда партия прикажет, туда и поеду.

— Жену с собой возьмешь? — спросил Фрунзе.

— Да, конечно. Уверен, ей там тоже работы хватит.

— И хорошо. И правильно. — Фрунзе еще раз тряхнул руку Фурманова, внимательно посмотрел ему в глаза. — Не переживай, Дмитрий. Ты с работой справился — я тебе честно говорю. А в Туркенстане будет посерьезнее... потруднее...

— Так это хорошо... — улыбнулся Фурманов.

— Конечно, хорошо, — кивнул Фрунзе.

Чапаев молча смотрел на Фурманова, мгновенная усмешка промелькнула под усами. В это время оркестр

грянул «Интернационал». Здоровенный красноармеец с силой бил в литавры. Звуки партийного гимна заглушили последние слова Фрунзе. Он взял под козырек и быстро пошел к вагону.

Паровоз выдохнул белое облако пара и тонко просвистел, с лязгом провернулись колеса — поезд тронулся. Фрунзе стоял на вагонной площадке у открытой двери, держал ладонь у козырька фуражки и улыбался.

...А ночью в глубокой степи скрытно шли казачьи сотни... глухо гудела земля, в лунном свете поблескивали стволы винтовок, белели лица казаков в надвинутых на самые брови мохнатых папахах... плотно шли сотня за сотней...

На позициях красных в землянках и окопах вповалку спали красноармейцы. Горели редкие костры, возле которых грелись те, кто бодрствовал. Курили, задумчиво глядя в огонь...

Посты, выставленные далеко в степи, почти все спали, накрывшись шинелями. Одинокий боец подремывал, сидя и потягивая цигарку. Вдруг он встрепенулся, заслышав во тьме отдаленные глухие звуки. Затянулся цигаркой, стал напряженно вслушиваться. Потом растолкал спящего товарища:

— Мишка, хватит дрыхнуть... Ну, послухай... вроде кони скачут или чудится?

Товарищ, красноармеец средних лет, стал слушать, судорожно позевывая.

— Слышишь? Вроде гул стоит, а? Вроде кони скачут...

— Вроде-вроде... Вроде у Володи... — недовольно пробурчал старший

— Да ты послухай, послухай... земля гудит...

— Дай поспать, а? Я третью ночь не сплю... — Старший повалился на бок, натянул на голову ворот шинели и через минуту уже спал.

В просторной комнате с большой беленой печью на полу была расстелена карта Восточного фронта, и Чапаев, в галифе и нательной рубахе, лежал на этой карте, вымерял циркулем, чертил карандашом кружки и стрелки. По углам карты стояли две горящие керосиновые лампы. Напротив Чапаева, опершись на локоть, пристроился начштаба Стрельцов и смотрел, как комдив водит по карте циркулем и делает пометки. Чапаев негромко напевал:

Что ж ты вьешься, черный ворон,
Над моею головой...
А ты не вейся надо мною,
Черный ворон, я не твой...

— Ты прямо как на панихиде затянул, Василий Иваныч, — усмехнулся Стрельцов.

— Почему на панихиде? Хорошая песня... А ты какие любишь, Иван?

— Веселые люблю.

— Какие ж такие веселые? Ну спой... — Чапаев нарисовал кружок и стал что-то писать. — Чего молчишь?

Окрасился месяц багрянцем,
И волны бушуют у скал,
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал... —

неуверенно затянул Иван Стрельцов.

— Дурная какая-то песня... — усмехнулся Чапаев и покрутил головой.

— А у тебя тоска смертная, Василь Иваныч.

— Потосковать человеку не вредно, Ваня. Ежели он все время собой доволен — на поросенка смахивать начинает, — вздохнул Чапаев. — А меня так и вовсе тоска заела...

— Небось Жукова Андрюху все поминаешь?

— И Жукова тоже... Расстрелял человека, а теперь душа плачет...

— Ты правильно поступил, Василь Иваныч, — серьезно сказал Стрельцов. — В такое время живем...

— Какое такое? — прищурился Чапаев.

— Революционное... Тут слабину нигде давать нельзя.

— Какой ты у меня, начальник штаба, правильный, — усмехнулся Чапаев. — Аж скулы сводит...

Отворилась дверь, и вошел Петька Исаев с охапкой дров. Свалил их у печи, подбросил несколько поленьев, поворошил кочергой — пламя загудело сильнее. Петька вытащил из-за ремня свернутую в рулончик цветную материю.

— Гляди, Василь Иваныч, чего ребята раздобыли... — Он развернул материю — это оказалось трехцветное знамя. — В степи с казаками пострелялись, и вот — трофей... Знамя ихнее...

Чапаев и Стрельцов некоторое время смотрели на знамя.

— Чего оно означает-то, Василь Иваныч? — спросил Петька.

— Чего-чего... — недовольно поморщился Чапаев. — Знамя и есть знамя. Всегда у тебя дурацкие вопросы, Петька!

— А-а, не знаешь...

— Да один дурак столько вопросов задаст, что десяток умных не ответют! — все больше раздражался Чапаев. — Чего тут знать-то? Тьфу да и только, эка тайна за семью печатями!

— Скажи тогда... — Петька незаметно подмигнул Стрельцову.

— И скажу... — Чапаев уставился на триколор. — Ну, перво-наперво, синяя полоса — это нашу реку Урал означает. Понял-нет?

— Понял конечно.

— Белая полоса — это беляки, а красная полоса — это мы, красные, понял-нет?

— Ну?

— Вот и получается по этому знамени: мы победим — оно с обеих сторон красное будет, а они победят — оно с обеих сторон белое будет. Вот и вся загадка.

— А Урал останется? — спросил Иван Стрельцов.

— Урал останется...

— Это хорошо, — поскреб в затылке Стрельцов. — С обеих сторон красное, а посередке синее.

— Ох и врешь ты все, Василь Иваныч, — захохотал Петька, сворачивая знамя. — Это ты щас все придумал!

— Ну придумал, ну и что? — не смутился Чапаев. — Че ты пристал, болячка чертова! Думать мешаешь! — И он снова уставился на карту.

В комнату, дохнув холодом, вошел комбриг Сизов. Он был в шинели, в руке держал папаху.

— Здравия желаю, товарищи.

— Здравия желаю, товарищ комбриг, — весело отозвался Чапаев. — Уезжаешь?

— Да. К утру в бригаде должен быть. Как прибуду, сразу начну выдвигать бригаду ближе к тебе, Василь Иваныч, — улыбнулся Сизов. — А то верно — далеко-

вато ты со штабом от дивизии оторвался. Как бы беды не случилось.

— Ты еще будешь каркать, Николай! — Чапаев поднялся с пола, одернул расстегнутый френч. — Ну кто ко мне сунется? С Гурьева на меня казара попрет? Отобьемся. Да и ты подоспеешь. И кавбригада Сереброва рядом.

— Так-то оно так, Василь Иваныч... — вздохнул Сизов. — Только... неспокойно чего-то на душе.

— Брось, комбриг, ты прям как гимназист! — Чапаев обнял Сизова. — Езжай с Богом. Доброго пути.

Они расцеловались, и Сизов, пожав руку Стрельцову и Петьке, вышел из комнаты. На пороге оглянулся и долгим взглядом посмотрел на Чапаева, потоптался и закрыл дверь.

Фурманов перевязал бечевкой стопку книг, потом положил ее в зеленый вещевой мешок. Сложил две нижние рубахи, тоже сунул в мешок.

Анна сидела за столом, подперев кулаком щеку, задумчиво смотрела на огонек керосиновой лампы, стоявшей на столе. Сумерки еще не наступили, но лампу зажгли.

— Чего сидишь? — спросил Фурманов. — Скоро машина придет... собирайся... Ты слышишь, Анна?

— Слышу...

— Ну так чего сидишь? — Фурманов сложил гимнастерку, стал аккуратно укладывать в мешок, стараясь не сильно измять.

— Не хочу никуда уезжать, — тихо проговорила Анна и взглянула на него. — У меня какие-то предчувствия дурные...

— Какие еще предчувствия? — Он остановился перед ней. — Ну не дури, Аня. Первый раз новое назначение получаем? Ты член партии и сама собой распоряжаться не можешь...

— Ой, да не об этом я, как ты не понимаешь? — поморщилась Анна и вдруг спросила: — А куда Мальцева подевалась, не знаешь?

— Не знаю... — Фурманов смотрел ей прямо в глаза. — Судя по всему, сбежала. Кто-то ее предупредил и проводил...

— Ты считаешь, это Чапаев?

— Я это просто знаю. Я был в расположении ивановского полка, и мне сказали, что Чапаев прискакал туда... и виделся с Мальцевой. И отдал ей свою лошадь...

— А тебе, конечно, очень жалко, что Чапаев спас эту несчастную девушку? Жалко, да? По-твоему, лучше было бы отдать ее в руки чекистов?

— Как ты думаешь, куда она сбежала? К своим, конечно. Она здесь много видела, много знает. Бесценный лазутчик...

— Ох, Дмитрий, Дмитрий... — с сожалением покачала головой Анна. — Что она знать может? Кроме страданий и унижений, что она тут у нас видела?..

— Ну вот, не хватало, чтобы мы еще с тобой поссорились из-за этой полковничьей дочки. — Фурманов попытался обнять Анну, но она резко высвободилась, встала.

— Да не из-за нее мы ссоримся, Дмитрий! И ты прекрасно знаешь из-за кого! — Она вдруг прижалась к нему, потянулась к его уху и прошептала: — Ведь это она в него стреляла...

— Ты с ума сошла? — отстраняясь, прошептал Фурманов.

— Мне сказали...

— Кто сказал? — напрягся Фурманов, и щека его нервно дернулась.

— Петька Исаев... — Анна опять наклонилась к его уху. — Он сзади нее скакал и все видел...

— Потому, значит, и сбежала? И Чапаев ей еще и помог убежать... — озадаченно покрутил головой Фурманов.

— Если б ты меня так любил, Дмитрий... — улыбнулась Анна.

— Если б ты меня так любила, Анна... — в тон ей отозвался Фурманов и тут же оборвал: — Хватит душераздирающих разговоров! Собирайся! Сейчас придет машина! Мы уедем, и не будет больше никакого Чапаева!

— К сожалению, будет, Дима... Он всегда будет стоять между нами...

За окном послышался рокот мотора, потом хриплый гудок клаксона. Анна вздохнула и отвернулась. Через некоторое время в дверь постучали, и на пороге появился шофер Чапаева, козырнул рукой в кожаной перчатке:

— Машина за вами, товарищ комиссар.

Автомобиль проехал по узкой улочке поселка и остановился у двухэтажного бревенчатого дома штаба дивизии. Шофер не заглушил мотор, лишь слегка сбавил обороты. У крыльца вместе с красноармейцами охраны стояли Чапаев, комбриг Новиков, начштаба Стрельцов и другие командиры рангом пониже. Временный комиссар Захаров держался чуть поодаль.

Фурманов и Анна выбрались из машины, пошли прощаться. Первым Фурманов приблизился к Чапаеву. Они посмотрели друг другу в глаза, помолчали.

— Ну вот, уезжаю...

— Вижу. Доброго пути...

— Не сладилось у нас с тобой, Василий...

— Дело прошлое, забыли про то... — чуть улыбнулся Чапаев. — Дай Бог, чтоб у тебя дальше все ладилось.

Опять помолчали. За спиной Чапаева переминались командиры, за спиной Фурманова стояла Анна. Чапаев протянул Фурманову руку. Тот крепко пожал ее, задержал в своей, а потом вдруг порывисто обнял Чапаева, прижал к себе, прошептал в ухо:

— Ты прости меня, Василий... не держи зла...

— И ты прости, Дмитрий... часто бывал неправ... такая уж дурная натура у меня. Прости. Прощай... — Чапаев отстранился от Фурманова, ткнул его кулаком в плечо и отвернулся.

Фурманов пожал руку Стрельцову, потом Новикову, другим командирам, прощаясь, желал им удачи...

А к Чапаеву шагнула Анна:

— Что ж, прощайте, Василий Иваныч.

— И вы прощайте, Анна Никитишна, — улыбнулся Чапаев. — Бог даст, свидимся.

— Да где же? Когда? — Она растерянно смотрела на него, вдруг закинула руку на плечо, поцеловала в губы: — Прощай, дорогой мой... прощай... — и быстро пошла к машине.

Подошел Фурманов, и они уселись на заднее сиденье. Мотор зарокотал громче, и автомобиль покатил по утоптанной дороге. Сгущались сумерки. Командиры и Чапаев долго смотрели на дорогу, пока автомобиль совсем не скрылся из виду.

В ночной тьме в степи перед станицей собирались казачьи сотни. К генералу Ермакову подъехал сотник, козырнул, доложил:

— Станица окружена, атаман. Сотни готовы к бою.

— Хорошо, сотник, благодарствую... Подождем маленько... Пока дозоры не снимут.

Десятки всадников окружали генерала. Двое держали горящие факелы, освещая карту в планшетке, которую тот раскрыл перед собой.

— Здесь и здесь оставить прикрытия — по две сотни, — атаман тыкал пальцем в планшетку. — Штоб ни одна сволочь не ускользнула...

...Ко славе страстию дыша,
В стране суровой угрюмой
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой... —

слаженно и сильно пел хор мужских голосов.

В большую избу набились красные командиры. Большинство сидели и полулежали на полу, на лавках вдоль стен. В полумраке белели лица, нательные рубахи (многие были без гимнастерок), ярко светились рубиновые точки раскуриваемых цигарок. Пели старательно, глядя остановившимися глазами в пространство. Две керосиновые лампы на столе у окна освещали громадную избу.

Чапаев, Иван Стрельцов и комбриг Новиков расположились за столом. Они тоже пели, серьезно и старательно:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния сверкала.
Вдали чуть слышно гром гремел,
Но Ермака уже не стало.

На бревенчатых стенах горбатились, ломались и двигались тени.

———

Далеко за станицей, в степи подремывали дозорные посты. Тянули цигарки, сонно переговаривались. Двое в одном месте... двое в другом... в третьем...

— Степан, а Степан!

— Аюшки...

— Письмо из дому получил, а молчишь... Чего пишут-то?

— Да ничего не пишут... жрать хочут, вот и пишут...

— Нда-а, куды ни кинь — всюду клин. Щас пожрать и я бы не отказался.

— А ты покури — охоту отбивает.

— Накурился... — Боец задремал, закрыв глаза.

— Спишь, Степан?

— Сплю...

— А я вот не могу — сразу еда снится... щи с мясом...

В темноте совсем близко мелькнули тени — два казака-пластуна выглядывали из-за пологого бугра. Они некоторое время выжидали, потом бесшумно поползли к дозорным красноармейцам.

В последние мгновения своей жизни дозорные увидели блеснувшие в лунном свете широкие лезвия кинжалов...

— ...Так вот эти проверяющие и приехали по душу Василь Иваныча, — с жаром говорил молоденький боец, отложив винтовку в сторону и размахивая руками. — То у тебя в дивизии не так, то не эдак!

— Да ну? — ужасался красноармеец постарше.

— Ага! Партизанщина, говорят! Анархия, говорят!

— Да ну?!

— Ага! А Василь Иваныч им и говорит: «А пошли вы все отсюдова к такой-то матери, проверяльщики хреновы!»

— Да ну?! Так и сказал?

— Ага! Как воевать, говорит, так вас с огнем не сыскать, а как проверять, как вороны слетаетесь!

...Метрах в пятнадцати от дозорных лежали два бородатых казака со скуластыми обветренными лицами.

— Не спят, сукоедины... — пробормотал один. — Ишь руками размахивает — рассказывает чего-то...

— Ждать боле нельзя, — сказал второй. — Ты кинжал когда метал?

— А как же... Зимой на медведя ходили, так я с пяти саженей прям в сердце по рукоять всадил, — усмехнулся первый. — У нас в станице все казаки справные метальщики.

— Тады давай... — сказал второй и потянул из серебряных ножен широкое лезвие кинжала. — И я спробую... только подползем поближе.

И они поползли, зажав кинжалы в зубах...

— ...Так вот он им напрямки и врезал. А не уедете, говорит, щас красноармейцев кликну — они вас с почестями... — Договорить первый красноармеец не успел, вдруг остановился, открыв рот, и стал медленно падать ничком. Из спины у него торчал широкий кавказский кинжал.

— Николай, ты чего это?.. — ахнул второй и схватился за винтовку, но выстрелить не успел — другой кинжал просвистел в воздухе и почти по рукоятку вонзился ему в грудь.

Уже никто не пел в огромной избе — все спали вповалку, укрывшись шинелями и бурками. Только Чапаев и Петька сидели за столом. Петька курил, Чапаев задумчиво смотрел на огонек лампы:

— Так-то вот получается, Петька. Вроде и жили как кошка с собакой, а уехал, и вот... на сердце пусто...

— Понятное дело... — мрачно ответил Петька. — Только я вот как невзлюбил его сразу, так и до сих пор не люблю... казенный человек... у него душа, ну как это... как устав партии...

Чапаев вскинул голову, с улыбкой посмотрел на Петьку:

— Как устав партии, говоришь?

— Ага... — кивнул Петька. — Уж такой правильный, что... тошнит, ей-богу, Василь Иваныч. Вот он говорит чего-то, а я ему загодя не верю...

Чапаев рассмеялся, покрутил головой. А Петька затянулся цигаркой и вдруг снова заговорил:

— Я Татьяне этой... полковничьей дочке, тоже не верил. Ить это она в вас стреляла...

— Кто? Татьяна? — Чапаев припомнил что-то, вздохнул: — Да откуда она там взялась? Будя молоть-то, Петька.

— Ей-богу — она, вот те крест, Василь Иваныч, — и Петька широко перекрестился. — Я ж видел! Сперва не понял, в кого она стрельнула, а потом, когда сообразил, — ты уж с лошади-то кувырком оземь грянулся... Я к тебе кинулся... Ну и... — Петька махнул рукой, выпустил струю дыма.

— Чего ж потом не сказал?

— Для чего? Она потом пропала куда-то... Я ее с тех пор и не видел. И боялся я — ты из-за огненности сво-во карахтера мог бы ее порешить... Тогда бы уж точно под суд угодил...

— Это она из ревности... — усмехнулся Чапаев, и не было на его лице ни злобы, ни страха. — Да, из ревности... Видать, до сих пор любит...

— А ты, Василь Иваныч?

— Да перегорело все... один пепел и остался, Петька. С этой войной все в душе перегорает... А у нее, получается, нет... Выходит, она лучше меня, Петька... любит... ревнует... как в старинных романах... Так что я на нее зла не держу. Жаль, не увижу больше никогда... А может, и сведет судьба, а, Петька? Чем черт не шутит, когда Бог спит... — Чапаев улыбнулся.

— И зла не держишь? — Петька покачал головой. — Великодушный ты человек, Василь Иваныч. Вот гляжу на тебя — и от гордости «Интернационал» петь хочется.

— Ну тя к чертям, балаболка! Ты лучше запомни — чем злобы на сердце меньше, тем и жить легше... и воевать тоже...

— И на беляков зла не держать? — ужаснулся Петька Исаев. — Ну ты и сказанешь тоже, Василь Иваныч, как кувалдой по башке, ей-богу...

— То не злоба, Петька... — Чапаев сжал кулак и медленно поводил им перед носом ординарца. — То справедливый революционный гнев!

— А-а... — с облегчением проговорил Петька. — Так бы сразу и говорил...

Михаилу Васильевичу Фрунзе тоже не спалось. Дымя папиросой, он расхаживал по кабинету, потом подошел к большой карте Восточного фронта, освещенной двумя керосинками, долго, пристально изучал ее, как будто видел впервые. Пальцами измерил расстояние от Лбищенска до расположения основных сил дивизии Чапаева, покачал головой, пробормотал едва слышно:

— Опасно... смертельно опасно...

Командующий подошел к столу, взял телефонную трубку:

— Пилюгин, не спишь? Вот что, попытайся соединиться со штабом Чапаева. Да, Лбищенск. Давай. Жду... — Фрунзе положил трубку и вернулся к карте.

К атаману Ермакову подскакал сотник, остановил коня. Несколько казаков держали вокруг Ермакова горящие факелы, освещавшие генерала и сотников, топтавшихся вокруг него на конях, и сплошную шеренгу всадников, такую длинную, что фланги ее тонули в темноте. Некоторые казаки тоже держали в руках горящие факелы, огни метались под ветром, выхватывая из мрака сумрачные бородатые и усатые лица, надвинутые на глаза папахи, перекрестья ремней, лошадиные морды...

— Дозоры убраны, атаман! Прикажешь в атаку?

— Давай, сотник! Командуй атаку. С Богом... — Атаман широко перекрестился.

К Ермакову подъехал ротмистр Евгений Мальцев, козырнул:

— Ваше превосходителство, разрешите пойти с первой сотней?

— Генерал Мансуров велел поберечь вас, ротмистр, — ответил Ермаков. — Только на войне не убережешься... Ступайте, ротмистр, с первой сотней...

Сотник со звоном вытянул из ножен шашку, закричал:

— Братцы-казаки! На станицу аллюром ма-а-арш! Рубить красну сволочь до последнего!! — Он рванул повод, и конь сиганул вперед во тьму.

Первая шеренга всадников, и вместе с ней Мальцев, тронулась вперед, пошла, все убыстряя ход. За первой двинулась вторая, третья, и под конскими копытами сотрясалась земля...

Первые казачьи сотни ворвались в станицу, голубыми сполохами мелькали над головами шашки, от смоляных факелов летели во все стороны искры. На скаку казаки совали факелы под крыши домов, кидали их прямо в окна. Следом бросали гранаты. Полыхнули взрывы, черно-белое пламя вырвалось из окон под звон стекла. Скоро почти все дома станицы были охвачены пламенем. Огненные вихри вздымались к небу, и на улицах станицы сделалось светло, как днем. Все чаще и чаще гремели выстрелы, рвались гранаты и слышались казачьи крики и улюлюканье.

Красноармейцы просыпались, не понимая, что происходит. Хвосты пламени лизали стены, бушевали над крышами, в окна, разбивая стекла, влетали гранаты и взрывались в гуще спящих бойцов. Крики и стоны раненых заполнили дома. Те, кому удавалось выскочить, падали под ударами казачьих шашек. Скоро вся главная улица была усеяна телами убитых. Вокруг полыхал пожар.

Полураздетые, в кальсонах и нательных рубашках, выскакивали из штаба красноармейцы, тут же падали на землю, пытались отстреливаться. Из окон штаба тоже часто и беспорядочно стреляли. Потом застучал первый пулемет, ему в ответ отозвался второй...

...Чапаев проснулся и мгновенно вскочил с кровати. Петька, уже одетый, выгребал из деревянного ящика и рассовывал по карманам револьверные патроны:

— Казаки, Василь Иваныч! То ли от Гурьева, то ли из Батайска — хрен разберешь!

— Где пулеметы? — Чапаев лихорадочно одевался.

— Внизу у окон четыре стоят, на чердаке еще два... Там в слуховое окно всю улицу видать!

В комнату влетели Стрельцов и Новиков.

— Уходить надо, Василь Иваныч! — крикнул Стрельцов. — К конюшням прорываться!

— Так уж сразу и уходить? — зло сощурился Чапаев. — Много их?

— Да не меньше двух полков. Казаки! — ответил Новиков. — Я с чердака смотрел — станица окружена. Дома горят!

— Подловили, гады... — пробормотал Чапаев. — Фрунзе как в воду глядел...

— Одна только дорога, Василий Иваныч, к реке. Там можно прорваться, — сказал Новиков. — Бойцы будут держаться сколько смогут.

— Айда! — Чапаев первым бросился из комнаты.

С чердака действительно хорошо просматривалась улица. Полураздетые красноармейцы залегли вокруг бревенчатого дома-штаба, дружно отстреливались. Спешившиеся казаки пытались бежать в атаку — их встречал пулеметный огонь из окон.

Чапаев, Новиков, Стрельцов и Петька в окружении полураздетых красноармейцев прорвались к конюшням. Пока седлали коней, заняли круговую оборону.

За пулеметами лежали Чапаев, Стрельцов и Новиков. Били прицельно длинными очередями. Рядом стреляли из винтовок красноармейцы.

Казаки раз за разом поднимались в атаку, бежали, спотыкаясь, стреляя на бегу из карабинов и револьверов. Швыряли гранаты. Взрывы вскидывались в цепи красноармейцев, за пулеметами и рядом с ними.

— Вр-решь... не возьмешь... — цедил Чапаев и, прищурившись, давил на гашетку.

Рядом били пулеметы Стрельцова и Новикова.

Лошади под выстрелами вздрагивали, вставали на дыбы, рвали уздечки. Слышалось тонкое испуганное ржание. Красноармейцы с трудом выводили их из ворот конюшни...

Конец патронной ленты застрял в казеннике, и пулемет замолчал. Чапаев вскинулся, крикнул:

— Патроны! Коробку давай, Петька!

Петька оказался у холщовой сумки. Он с ходу швырнул гранату. Вынул из сумки вторую и швырнул в бегущую цепь казаков. За второй полетела третья. Взрывы раскидывали казаков в стороны. Рванул четвертый взрыв... пятый... и казаки залегли. Били пулеметы Новикова и Стрельцова, щелкали винтовки в цепи красноармейцев.

— Уходите! — крикнул Новиков. — Мы продержимся!

— Чапаев ни от кого не бегал! — прорычал Чапаев и рванул из кобуры револьвер. В это мгновение одна пуля обожгла ему руку, другая ударила в плечо. На френче проступили сразу два темных пятна.

Петька обхватил Чапаева сзади и потащил в глубь двора, к конюшням.

Казаки снова поднялись в атаку, и вновь затарахтели винтовки и застучали пулеметы...

Десятка два всадников галопом летели к реке. За их спинами полыхала станица, слышался горячечный грохот боя.

За ними, нахлестывая коней, мчались казаки. Частые выстрелы, конский топот, сверкание шашек, свист...

Вот и обрыв. Побросав лошадей, бойцы кинулись вниз, держа в руках винтовки. Кувыркались в песке, падали, ползли...

Наверху завертелись на лошадях казаки, стали спешиваться. Человек десять улеглись на обрыве, стреляли по белым фигуркам внизу. Тщательно выцеливали и снова стреляли.

Чапаевцы тоже залегли за валунами у самой воды, отстреливались. Чапаев был без френча, с перевязанной окровавленной рукой, стрелял из револьвера. Вот неподалеку ткнулся лицом в песок красноармеец — пуля ударила ему в голову. Вот замер второй, выронив винтовку. Чапаев схватил его винтовку, передернул затвор, морщась от боли.

Рядом появился Петька:

— Плыви, Василь Иваныч, сможешь?

— Все поплывем! — Чапаев выстрелил, передернул затвор, опять выстрелил.

— Всем не получится. Плыви, Василь Иваныч. Мы еще тут постреляем... — И Петька решительно сгреб Чапаева в охапку, потащил к воде...

К обрыву подкатили тачанку с пулеметом. Лошадью правил ротмистр Мальцев. Под его руководством пулемет установили у самой кромки обрыва, и усатый казак пристроился было за щитком, но Мальцев оттолкнул его:

— Я сам!

Он улегся за пулемет, взялся за гашетку и долго смотрел на реку, прицеливался и примеривался. Наконец

увидел голову Чапаева, мелькавшую в волнах, и надавил на гашетку. Прокатилась длинная очередь... Перестав стрелять, Мальцев выглянул из-за щитка, вновь пристально разглядывая воду, потом надавил на гашетку — теперь он бил короткими прицельными очередями. Рядом казаки часто и беспорядочно палили из винтовок.

Чапаев плыл, неловко загребая одной рукой, отплевываясь и бормоча сквозь зубы:

— Н-е-ет, вре-ешь... не возьме-е-ешь... вре-е-ешь...

У воды отстреливались красноармейцы во главе с Петькой. Петька стрелял и постоянно оглядывался на реку: плывет Чапаев или не плывет. Наступал рассвет. И когда Петька оглянулся в следующий раз, пуля ударила ему в затылок — он рухнул лицом вниз и замер.

...Пули, словно плети, хлестали по воде. И все ближе и ближе к Чапаеву... И вот цепь водяных солдатиков прошлась по чапаевской голове. Она на секунду скрылась, вынырнула из воды и тут же исчезла снова...

Ротмистр Мальцев перестал стрелять, высунулся из-за щитка и долго смотрел на реку, прошептал:

— Слава Тебе, Господи... — и широко перекрестился.

...Он уходил все глубже и глубже под воду, и в эти последние секунды бытия Чапаев до смертной боли ясно, огненно-ясно увидел свою любимую Настю... Он увидел могучую Волгу... пароходы и баржи со светящимися огнями... и серебристую лунную дорожку на чер-

ной воде... Он увидел лодку и себя, молодого и веселого, обнимавшего Настю... увидел ее радостные смеющиеся глаза... распущенные волосы, нежные голые плечи... И услышал свой протяжный торжествующий крик:

— Настена-а-а... я люблю тебя, Настенька-а-а... Боженька, родимый мой, как же я тебя люблю, Настюша-а-а...

Июль 2006 года

Литературно-художественное издание

**Володарский
Эдуард Яковлевич**

СТРАСТИ ПО ЧАПАЮ

Ответственный редактор *Наталья Хаметшина*
Литературный редактор *Светлана Наумова*
Художественный редактор *Юлия Двоеглазова*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Ольги Пугачевой*

Подписано в печать 23.03.2007.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 7000 экз.
Изд. № 70119. Заказ № 212.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Лениздат».
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Когда речь заходит о Чапаеве, отделить правду от вымысла невозможно. Человек стихийного начала, командир-бунтарь, в чьем характере легко обнаружить черты сходства с Разиным и Пугачевым, он стал поистине национальным героем. Подробности жизни и гибели Василия Ивановича обсуждают до сих пор. Отношение к гражданской войне поменялось, и других ее героев, о которых тоже снимали фильмы, писали песни и сочиняли анекдоты, ветром истории смело с постаментов. Чапаев же и в новом тысячелетии остался столь же любим народом, и в этом его главная загадка.

издательство
амфора
www.amphora.ru

Смотрим фильм
Читаем книгу

ISBN 978-5-367-05424-2